

КАЙЛИ ФИЦПАТРИК

ДЕВЯТЫЙ КАМЕНЬ

КНИГА-ЗАГАДКА КНИГА-БЕСТSELLER

КНИГА-ЗАГАДКА КНИГА-БЕСТСЕЛЛЕР

КАЙЛИ ФИЦПАТРИК

ДЕВЯТЫЙ КАМЕНЬ

ЭКСМО

Москва
«ДОМИНО»
Санкт-Петербург
2009

УДК 82(1-87)
ББК 84(4Вел)
Ф 66

Kylie Fitzpatrick
THE NINTH STONE

Copyright © 2007 by Kylie Fitzpatrick

Составитель *Александр Жикаренцев*

Оформление *Сергея Шикина*

Оригинал-макет подготовлен Издательским домом «Домино»

Фицпатрик К.

Ф 66 Девятый камень : роман / Кайли Фицпатрик ; [пер. с англ. В. Гольдича, И. Оганесовой]. — М. : Эксмо ; СПб. : Домино, 2009. — 432 с. — (Книга-загадка, книга-бестселлер).

ISBN 978-5-699-37745-9

Лондон, 1864 год. Из Индии возвращается леди Герберт, муж которой был задушен в Индии при весьма загадочных обстоятельствах. Среди драгоценностей леди Герберт есть девять особых камней, принадлежавших махарадже Бенареса, в том числе огромный огненно-красный бриллиант, оказывающий роковое воздействие на каждого, кто до него дотронется. Вскоре в Лондоне происходят два ужасных убийства, причем оба убитых так или иначе были связаны с этим бриллиантом. Сама леди Герберт внезапно умирает, а девять камней исчезают. Следы похищенных драгоценностей ведут в Индию, к последователям зловещего культа богини-разрушительницы Кали...

УДК 82(1-87)
ББК 84(4Вел)

ISBN 978-5-699-37745-9

© В. Гольдич, И. Оганесова,
перевод с английского, 2009
© Оформление. ООО «ИД «Домино», 2009
© ООО «Издательство «Эксмо»,
издание на русском языке, 2009

*Посвящается Нику и Сирше.
Мы втроем встретились, когда эта книга
только задумывалась, и с того времени
с нами приключилось немало интересного*

*В небесах подвешена сеть, сотканная из нитей света.
Она реет высоко над дворцом Индры, царя богов. Там,
где нити сети пересекаются, их украшает драгоцен-
ный камень, и каждый сияет не только своим соб-
ственным светом, но и светом, отражающимся от
других самоцветов, и отражениями отражений, обни-
мая всю бесконечную Вселенную. Я один из таких дра-
гоценных камней; я один, но отражаю все другие. Меня
часто принимают за планету Венеру, потому что на
ночном небе я самая яркая из звезд. Римляне называли
меня Аманте де Дио, Любовь Бога. В Индии мне дали
имя Варга, и я делаю его с раскатами грома, потому что
наша сила равна. По-английски я зовусь Бриллиант.
Если вы внимательнее посмотрите на сеть Индры,
у вас возникнет ощущение, что вертикальные нити
пронизывают пространство, а горизонтальные — вре-
мя. Измерять время придумали люди, и тут нечего до-
бавить, поэтому простоты ради скажем, что я нахо-
жуясь на пересечении двух нитей; я соединяю время и
пространство. Я — точка, в которой они встречают-
ся, их голос...*

Уттар-Прадеш, Северная Индия, 1863 год

Как правило, лорд Герберт с удовольствием позволял жене управлять в каждодневных делах. Он чувствовал, что она постоянно должна быть занята, а кроме того, он уже давно понял, что нет никакого смысла с ней спорить. Когда леди Синтия хотела отправиться на слонах или верблюдах за сотню миль из одного священного города Индии в другой, она так и делала — с супругом или без него. Если бы не присутствие их поразительного компаньона, который по настоянию махараджи должен был сопровождать их до самого Лондона, Чарльз Герберт сошел бы с ума от скуки. Долгую, однообразную, пыльную дорогу оживляли поразительные рассказы их спутника об истории и мифах. Особенно хорошо он знал легенды, связанные с драгоценными камнями. Драгоценности и мистика невероятно интересовали леди Синтию, она была увлечена, лорд Герберт развлекался, и дни проходили с приятностью для путешественников.

Они узнали, что в провинции Уттар-Прадеш находится больше священных городов, чем во всей остальной Индии. Кроме того, сюда совершают паломничества странствующие монахи саньяси, потому что именно здесь Будда произнес свою первую проповедь. Провинция тянулась от равнины Ганга до подножия Тибетских гор, и на пути между городами Бенарес и Айдохья они встретили несколько измученных, одетых в лохмотья пилигримов.

Непостижимое расстояние отделяло Уттар-Прадеш от Пикадилли и любимой курительной комнаты лор-

да Герберта, но он старался не вспоминать о подобных вещах. Так же точно он пытался не думать о разбойниках и о тиграх, обитающих в высокогорьях, по которым они путешествовали. Он убеждал себя, что ни один даже самый свирепый зверь не рискнет приблизиться к каравану из двадцати четырех верблюдов, шести слонов, сопровождаемому погонщиками — выдающимися охотниками, а также по меньшей мере тремя дюжинами носильщиков (некоторые из них несли на головах кровати и столы) и вооруженных сипаев. Хотя, впрочем, хищников могло привлечь небольшое стадо коров, телят и овец, предназначенных на убой ради свежего мяса. Чтобы отряд не чувствовал лишний во время путешествия, которое должно было продолжаться несколько недель, в лагере Герберта имелось множество больших полотняных палаток с турецкими коврами для полов и постельным бельем, серебряными приборами и фарфоровой посудой, подсвечниками и прочими мелочами, поскольку леди Синтия настаивала на том, что стол следует накрывать по всем правилам даже во время путешествия по дикой местности. Они взяли с собой портвейн и бренди, на десерт, как правило, подавали сливовый пирог и всегда рисовый пудинг с медом, который леди Герберт научила кухарку готовить из риса басмати, хотя и с молоком яков.

Сейчас, по словам их эрудированного проводника, они находились в одном дне пути от Айдохьи, легендарного города, построенного, как считалось, богами. Путники постепенно поднимались все выше, покинув речную долину, и, когда солнце поспешило занять место в Южном полушарии за далекими Гималаями, наконец приблизились к месту, где собирались разбить лагерь. Леди Герберт внимательно слушала очередную индийскую сказку, которую рассказывал их спутник. На сей раз она была про глупого демона по имени Бала, который отправился на небеса с намерением убить царя богов Индра, но

тот убедил демона вместо этого пожертвовать собой. Боги расчленили несчастного Балу и превратили его тело в драгоценные камни. Его зубы стали жемчужинами, кровь — рубинами, желчь — изумрудами, кости — алмазами, глаза — сапфирами, плоть — кораллами, кожа — топазами, ногти — лунным камнем, а жидкости тела — бериллами.

Девять из самых великих индуистских богов затем потребовали себе по одному камню, и с тех пор они представляли божество и планету, которой оно правило, словно бог и планета есть единое целое. Девять божеств известны под названием «наваратна»*. Чарльз Герберт уже слышал это слово прежде, когда они гостили у махараджи в Бенаресе, но не обратил на него особого внимания. Он знал, что наваратна — это нечто внушающее благоговение его жене, махарадже и их спутнику, сродни благоговению перед Крестом Господним, и потому относился к их разговорам весьма скептически. Мысль о том, что девять кусков цветного камня могут обладать магическими свойствами, казалась ему нечестивой и непристойной. Однако истории Балы хватило как раз на весь остаток пути до места, где они собирались разбить лагерь, и там началась обычная суэта, постепенно превращавшая дикую местность и выжженную траву во времененную кухню, столовую, спальню, гостиную и конюшню.

Синтии помогли спуститься с верблюда, вставшего на колени, и ее пышные юбки выглядели весьма необычно в призрачном сумеречном свете. Лорд Герберт подождал, когда погонщик заставит его верблюда опу-

* Ведические астрологи используют талисман наваратна уже более пяти тысяч лет, чтобы помочь людям обрести счастье и удачу, хорошее здоровье и освободиться от негативных влияний. Талисман объединяет в себе силу и энергию девяти планет, представленных чистыми драгоценными камнями. (Здесь и далее примеч. перев.)

ститься, и пару мгновений медлил, собираясь с силами и пытаясь немного успокоиться. Он ни в коей мере не являлся неустршимым путешественником, каким желала видеть его жена, и мечтал только о том, чтобы найти подходящее дерево, под которым можно будет облегчиться. После чего он позволит слуге снять с себя сапоги и наполнит стакан, чтобы приступить к процессу затуманивания сознания.

Оставив позади звон колокольчиков на шеях верблюдов и стук котелков, Чарльз Герберт почувствовал, что за ним кто-то наблюдает. Впрочем, в этом не было ничего нового — он уже привык к собственным страхам и знал, что место для лагеря выбирали исходя из соображений безопасности, а не только красоты. Кроме того, небольшой отряд сипаев и носильщиков всегда шел впереди, чтобы развести костры, расчистить землю и разогнать прячущихся в кустах зверей, которые не хотят, чтобы их головы украшали стену дворца ма-хараджи. Успокоенный сознанием этого, лорд Герберт встретил свою смерть. Когда воздух в его легких взорвался — вынужденный оставаться там из-за шелкового шнурка, наброшенного ему на шею, — он увидел, как умирающие лучи индийского солнца сверкнули на длинном ноже, блестящем и искривленном, точно молодой месяц. Он подумал о демоне Бала, чьи оторванные от тела конечности отправились к богам, чья плоть стала кораллами, а кровь — рубинами...

ЧАСТЬ I

*Я никогда не забуду тебя, никогда.
Память о тебе вплетена в самое прекрасное, что
есть в жизни.
Внезапная мысль о твоем лице невыносимо ранит,
Когда незваными приходят воспоминания,
Рожденные запахом жасмина, лилий или туберозы,
Любых сладких, белых, благоухающих цветов,
Цветов, которыми я любил украшать твои волосы.*

Адела Флоренс Кори

ГЛАВА 1

Если ее как следует смочить, преобразить в однородную массу, смешать со смолой и поварить в ковшике, ничто не сравнится с газетой «Таймс» по способности затыкать дыры или трещины в каноэ, что, как сказал бы мистер Пепис, является великолепной художественной газетой.*

Мэри Кингсли

Амен-Корнер, Лондон, 1864 год

В чайной комнате на третьем этаже лондонского здания, где размещалась редакция газеты «Меркьюри», Сара О’Рейли свернула тоненькую сигаретку из табака «Сент-Бруно» и посмотрела в пыльное окно вниз, на улицу. Это было ее самое любимое время, особенно в такие дни, когда ей приходилось выполнять бесконечные поручения Септимуса Хардинга. Конечно, выходило, что ее перерыв на перекур начинался позже, чем у остальных наборщиков, зато маленькая комната оказывалась в ее единоличном распоряжении. Совершенно пустая, если не считать медного ведра, куда наборщики складывали свои чайные кружки, расшатанного стола и несколь-

* Пепис Сэмюэль (1633–1703) — английский чиновник и писатель.

ких табуреток. Стены украшали картинки из популярных дешевых журналов: иллюстрации, пожелтевшие от солнца и табачного дыма, изображавшие полуодетых женщин на рекламе кружевных корсетов и чулок.

С третьего этажа открывался прекрасный вид на Патерностер-роу и — когда рассеивался туман — на западный конец Флит-стрит. В это ясное весеннее утро Патерностер-роу представляла собой спиральное движение цилиндров и зонтов, напоминавших Саре черные колеса паровых прессов, стоявших в подвале, и она в очередной раз порадовалась своему везению.

Мысль о том, чтобы найти работу в помещении, пришла ей суворой зимой в прошлом году, когда она, ежась от холода, стояла за прилавком на Патерностер-роу. Внезапу, прямо у нее под ногами, горячие машины газетного пресса шумели, точно паровозы, и неожиданно Сара подумала, как хорошо и уютно было бы проводить зимние месяцы в тепле, вместо того чтобы продавать на улице яблоки и сущеные стебли лаванды. Она занималась этим, чтобы им с Эллен не пришлось воровать. Если бы она начала зарабатывать побольше, тогда Эллен вообще могла бы не выходить на улицы. Она даже могла бы пойти в школу.

Сара уже начала одеваться по-мальчишески, когда бывший постоялец «Белого оленя», таверны, где они с Эллен жили в подвальной комнате, оставил кое-какую свою одежду. Руби, домовладелица, сказала, что мальчишка-трубочист умер прямо на работе. Он застрял в трубе, но никто не знал, что он там, поэтому, когда разожгли огонь, бедняга задохнулся в дыму, поднявшемся снизу. Штаны слегка обгорели, но ботинки Саре почти подошли, а кепка оказалась такой большой, что скрывала половину ее маленького лица.

Она называлась Сэмом и уговорила Септимуса Хардинга, издателя «Лондон меркьюри», взять ее на работу,

которая заключалась в том, что она бегала по самым разным поручениям, доставляла документы и рукописи, завернутые в коричневую бумагу и перевязанные бечевкой. Как-то раз она чуть не лишилась своего места, и все из-за любопытства. Папа частенько повторял, что его у нее даже слишком много. Но разве дело не в ее ирландских корнях? Это папа тоже повторял, когда надирался и принимался горевать по поводу своего происхождения.

Папа надеялся, что его ждет легкая жизнь, когда они сошли с корабля, приплывшего из графства Уиклоу. Он говорил, что Лондон — громадный старый город, где солнце светит каждый день, и их встретят с распостертыми объятиями буквально все его жители. Но в Девилс-Эйкре* узнать, светит ли солнце, не представлялось возможным, потому что все улицы прятались в тени, а насчет того, что лондонцы будут рады их видеть... ну, если не считать Руби, никому не было никакого дела до новых обитателей города. Папа рассчитывал без особого труда сколотить себе состояние, но даже не пытался это сделать, когда понял, как обстоят дела. Маме пришлось трудиться из последних сил, в то время как он считал ниже своего достоинства выходить в море на лодке в рядах добытчиков сельди.

Любопытство победило Сару, когда однажды вечером она исследовала третий этаж после того, как наборщики разошлись по домам. Она остановилась около лотка со шрифтами, сложила одно слово, скопировав его с листка, оставшегося прикрепленным к доске. Потом слово подлиннее, затем целое предложение. К тому времени, когда ее обнаружил ночной сторож, она была так околовата процессом, что не услышала звона ключей,озвещавшего о его приближении. Если бы не доброе серд-

* Devil's Acre (*англ.*) — дьявольская делянка.

це Септимуса Хардинга, она бы снова оказалась на зимней улице. Вместо этого он устроил так, что она стала получать на два с половиной пенса больше, и сказал, что, возможно, из нее получится ученик наборщика.

Септимусу Хардингу потребовалось совсем немного времени, чтобы раскусить ее обман (как, впрочем, и остальным наборщикам, которые все до одного были мужчинами), но ему нравилось, как Сара работает, и он говорил, что не хочет, чтобы ее прекрасные мозги пропадали зря. И тем не менее мистер Хардинг время от времени повторял, что девушке не место в редакции газеты, поэтому Сара продолжала носить брюки, а вскоре на нее перестали обращать внимание.

Она сидела, обхватив перепачканными чернилами тонкими пальцами горячую оловянную кружку, раздумывала над тем, как ей повезло, и смотрела вниз, на улицу. Владелец книжного лотка на противоположной стороне раскрыл полосатый тент, чтобы защитить свой товар от сырости, и стоял в дверях без пиджака, несмотря на снег, который черными пятнами таял на мостовой. У лоточника раскраснелись щеки от пары стаканов рома, которые он заедал пирогом со свининой. Сара множество раз заставала его за этим занятием в мясной лавке Долли, расположенной по соседству.

Два светловолосых малыша остановились у тележки с жареными каштанами около заведения Долли. Женщина, сопровождавшая их, в строгом синем платье из саржи, видимо, была их гувернанткой. Она пыталась увести их от тележки, но дети грели руки над тлеющими углями небольшого костерка, а старший — славный, живой паренек — упрашивал ее купить им лакомство. Его сестра с надеждой в глазах наблюдала за не слишком приличным поведением брата, но сохраняла скромность, как и пристало девочке ее происхожде-

ния. Вот уже в который раз Сара поблагодарила судьбу за свою свободу. С тех пор как они поселились в Лондоне, она успела заметить, что девушки, родившиеся в аристократических и состоятельных семьях, живут в золотых клетках и могут только мечтать о независимости. У девочки на улице было лицо как у фарфоровой куколки, окутанное тугими завитками волос, и Сара решила, что точно так же выглядела бы Эллен, если смыть с младшей сестрички угольную пыль и грязь, распутать ее роскошные светлые волосы и одеть ее в красивое плащье.

В тот момент, когда гувернантка наконец сдалась и открыла сумочку, на улице резко остановился ярко раскрашенный омнибус, запряженный четырьмя ломовыми лошадьми. Когда он снова с грохотом покатил по своему маршруту, Сара увидела миссис Коречную, которая переходила дорогу. Она направлялась к мистеру Хардингу, как делала раз в неделю. Этой зимой они не слишком часто видели ее, потому что мистер Коречный умер.

Лили Коречная вызывала у Сары невероятный интерес, поскольку не была похожа ни на одну даму из тех, кого она знала,— впрочем, по правде говоря, она знала не так много настоящих дам, если не считать жену пастора в Христианском женском приюте, но та не принималась в расчет, потому что у нее на подбородке росли волосы. Начать с того, что миссис Коречная никогда не носила шляпок и накидок. Сара не слишком любила зимние шляпки. Сверху большинство из них напоминали сорочье гнездо, с перьями, блестящими побрякушками и цветными лентами, так что какой-нибудь рослый господин мог принять их за корзинку для шитья и не стал бы делать их обладательницам предложение руки и сердца. А ведь именно ради таких предложений женщины в роскошных шляпках прогуливались по Стрэнду и Оксфорд-

стрит — это Сара знала. Она считала, что миссис Ко-речная надевала капюшон как раз затем, чтобы не привлекать внимания мужчин. Ее платье под плащом было узким и скромным, а вовсе не громоздким и уродливым, как дурацкие кринолины, являвшиеся, вне всякого сомнения, ужасно модными. Сару занимала мода, хотя сейчас у нее было гораздо меньше возможностей за ней следить, чем в ту пору, когда она продавала яблоки у Церковного Угла.

Впрочем, уже пора было приниматься за работу. Сара допила остатки жидкого чая, который кипел в большом железном чайнике с самого утра, положила свою кружку в ведро и вернулась в комнату наборщиков, чтобы собрать там лотки, готовые к спуску вниз.

Большая комната на третьем этаже тихонько вибрировала в ответ на деловую активность здания. Здесь были высокие сводчатые потолки и голые деревянные полы. И хотя в комнате не стояло новейших американских станков для набора печатного текста, в ней обитали собственные звуки: скрип табуреток, шорох бумаги, скрежет металла о металл — работали стереографы. Около двух дюжин наборщиков и стереографов стояли в четыре ряда, пиджаки нависали над оригиналодержателями. Никто не обратил на нее внимания — ее никогда не замечали, так же как черную крысу с гладкой шкуркой, которую онаглядела, когда та вынюхивала что-то в чайной комнате. Наборщики погрузились в свои узкие колонки шрифтов: Имперский парламент* и деловая активность на Мальборо-стрит, новости судоходства, объявления, некрологи, обзоры и отчеты о преступлениях. Саре по-прежнему нравилось смотреть на плоские

* Имперский парламент — название парламента Соединенного Королевства в период существования Британской империи.

лотки со шрифтами, стоящие на длинных скамейках, вертикальные держатели с прикрепленными к ним рукописями. Она любила запах бумаги и чернил. И гордилась, что является частью этого процесса.

Когда-то тут был цех, где «поклонялись другому ордену», как любил говорить Септимус Хардинг, потому что здесь работали мастера, делавшие четки для собора Святого Павла, до того как великий пожар уничтожил здание. Мистер Хардинг твердил, что именно по этой причине маленький треугольник улиц стали называть Церковным Углом. Теперь же Патерностер-роу приютил многочисленных издателей, торговцев канцелярскими товарами и переплетчиков книг с Флит-стрит.

Сара целый день трудилась над набором рекламы «Бальзама из сирийского корнеплодника мистера Перри». Это была самая длинная реклама из всех, что ей до сих пор доводилось набирать, и она твердо решила, что не сделает ни одной ошибки. Когда она медленно перечитывала текст, ее снова озадачило слово «сперматорея». Чем бы ни являлась эта болезнь, она явно требовала срочного лечения, ведь с ней сражалось множество новейших снаффов. Небольшое количество бальзама Перри «позволит мужчине мгновенно исполнить самый священный долг супружеской жизни, гарантируя ему здоровье, мужественность и бодрость». Сара решила, что за двенадцать шиллингов за упаковку это должен быть священный эликсир, возможно имеющий какое-то отношение к самому Господу Богу, ведь он помогал исполнять священные обязанности...

Когда все лотки со шрифтами были аккуратно сложены друг на друга, противный Джек Тислуайт дал ей записку, чтобы она отнесла ее Септимусу Хардингу. Он обожал находить ошибки в наборе, потому что это позволяло ему чувствовать себя очень умным. Сара по при-

вычке натянула на голову кепку и начала спускаться по черной лестнице. Она предпочитала ее центральной, потому что ею редко пользовались, если не считать служанку Нелли, и Сара частенько выходила туда покурить в тишине, когда разговоры в чайной комнате становились слишком непристойными. Иногда наборщики забывали, что она девушка, или им было все равно.

Кабинет Септимуса Хардинга находился на втором этаже. Первый занимали клерки и корректоры, там также располагались кабинеты настоящих писателей и конторка привратника, за которой сидел жуткий мистер Парсиммонс. Мистер Парсиммонс, сторож, на самом деле был совершенно безобидным и казался страшным только из-за своей внешности и сурового настроения, которое находило на него время от времени. Невероятно худой, с крючковатым носом, обтягивающей лицо и череп кожей и оставшимися от осьмы отметинами, он носил черный шейный платок почти целый год, и Сара решила, что он скорбит о кончине кого-то очень близкого.

Ирландцы понимали скорбь совсем не так, как все остальные люди. Сара видела множество мертвецов; в домах бедняков они населяли те же комнаты, что и живые, как правило, их укладывали на два поставленных рядом стула, потому что стол был нужен для других целей. Папа после своей смерти пролежал в доме почти целую неделю, и Эллен даже умудрилась спрятать у него дохлую мышь, с которой не хотела расставаться. Получалось, что они привыкли к тому, что он умер, до того, как его похоронили, что было достаточно разумно. То же самое произошло и с мамой, и они даже были рады, что она оставалась с ними в комнате. За целый год, прошедший с тех пор, не было и дня, чтобы Сара не скучала по ней. Особенно когда Эллен начинала грустить. Смерть матери отзывалась в ней болью, схожей с болью от све-

жей раны. Ей казалось диким, что можно ощущать отсутствие кого-то сильнее, чем его присутствие. Малыш умер раньше мамы, но она не хотела, чтобы он оставался в комнате, поэтому Руби его унесла.

В конце концов именно она позаботилась о телах. Их похоронили около Роупмейкерс-Филдс на кладбище, где не было ни роскошных надгробий, ни красивых каменных ангелов, только ряды деревянных крестов, по большей части с ирландскими именами, вырезанными на них. В одном из рядов появилось три новых креста — все с одним именем: О'Рейли. Сара и Эллен прихватили с собой букетики фиалок, но цветы завяли прежде, чем девочки добрались до Роупмейкерс-Филдс, потому что дорога до кладбища от Девилс-Эйкра занимала полдня.

Завернув за последний угол на темной лестнице, Сара уже смогла разглядеть коридор, который вел к двери в кабинет Септимуса Хардинга. Именно здесь она курила в полном одиночестве и тишине, потому что тут никто не бывал, а еще потому, что отсюда было удобно следить за посетителями. «Любопытство до добра не доведет», — сказала бы ей Руби. Она частенько ловила Сару, когда та подслушивала в «Белом олене». В данный конкретный момент в кабинет собирался войти инспектор Ларк с Мальборо-стрит, а миссис Коречная оттуда выходила. Она оставила свой плащ внизу, поэтому Саре удалось рассмотреть ее платье, бархатное, цвета портвейна, отделанное воздушными темно-красными кружевами на манжетах и воротнике. Корсет украшала великолепная вышивка розовато-лиловым и серебристо-зеленым шелком с крошечными жемчужинками, напоминавшая цветущий весенний сад. Сара никогда не видела платьев, похожих на те, что носила Лили Коречная, но слышала, что на борщики называли ее «богемой». Она знала, что мистер Коречный родился в Праге, поскольку все, что касалось его жены, подробно обсуждалось в чайной комнате —

она являлась одним из немногочисленных писателей, поднимавшихся на третий этаж, и единственной женской кроме Сары и служанки Нелли. А еще Саре было известно, что миссис Коречная дружит со знаменитой Барбарой Бодишон*, которая писала письма в газету «Гардиан»** о необходимости изменить законы для замужних женщин и проституток. Черные волосы миссис Коречной были собраны на белой щее серебряной заколкой, украшенной филигранью, с маленькими драгоценными камнями по краям. А еще от нее всегда пахло розовой водой. Сара заметила, что Лили Коречная не носит траур, хотя ее муж умер меньше года назад.

Инспектор Ларк проводил взглядом миссис Коречную, прежде чем повернуться и постучать в дверь кабинета Септимуса Хардинга. Сара еще немного постояла на лестнице, затем тихонько стукнула в дверь и вошла вслед за ним. Кабинет состоял из двух комнат, соединенных большой деревянной аркой, но только одна из них была чистой и без пыли, потому что Нелли не рисковала заходить дальше. Именно здесь Септимус Хардинг встречался с редакторами отделов. Они сидели за низким столом на стульях, обтянутых зеленой кожей, говорили о тиражах, обсуждали размеры продаж и то, что выпускают другие издательства. Кабинет Септимуса Хардинга был от пола до потолка забит полками, заполненными книгами и папками с газетами. Сара никогда в жизни не видела столько книг в одном месте, даже в книжных лавках на Флит-стрит или Чаринг-Кросс-роуд.

— Хм, Сара, — пробормотал Септимус Хардинг, когда она вошла.

* Барбара Ли Смит Бодишон (1827–1891) — английский экономист и феминистка.

** «Гардиан» — ежедневная газета либерального направления, основана в 1821 г.

Он смотрел на нее поверх очков в форме полумесяца, а его когда-то белый шейный платок, обернутый вокруг шеи как у священника, был перепачкан пеплом из его трубы, на рукавах рубашки красовались чернильные пятна. Сара заметила, что пуговица на сюртуке, которая уже несколько недель болтась на нитке, наконец оторвалась. Главный редактор всегда выглядел растрепанным и неприбранным, совсем как его кабинет и рабочий стол, но в голове у него царил идеальный порядок. Сара считала, что он разговаривает так, словно чиркает красивым цветом строчки плохой копии. Он терпеть не мог нескладного письма и речей, и если ему удавалось обойтись одним словом вместо целого предложения, каким-нибудь звуком вместо слова, он так и поступал.

Инспектор Ларк стоял — он никогда не садился, — грея спину около печки. Он одевался как джентльмен, но в нем не было ничего щегольского. Несмотря на темные волосы, глаза и кожу, он не был красавчиком, а временами и вовсе казался настоящим уродом. Его сюртук, хоть и не по последней моде, был хорошо скроен, а бакенбарды аккуратно подстрижены. Но больше всего Сару поражали его идеально начищенные сапоги, хотяходить ему зачастую приходилось по грязи. Он закурил манильскую сигару, пока Сара ставила на стол редактора лотки со шрифтами. Комната пропиталась дымом от горящего угля и трубочного табака, но здесь было теплее, чем на третьем этаже.

— Очень хорошо, очень хорошо, — пробормотал Сентимус Хардинг, пожевывая конец своей трубы и разглядывая лотки. — Что-нибудь еще, Сара?

Ей пришлось повернуться, чтобы уйти, и она сняла кепку.

— Послание сверху, так? — В его голубых глазах загорелись веселые огоньки, когда он взглянул на нее из-под черных нависших бровей.

— Да, сэр. Мистер Тислуйт говорит, что копия от судового клерка — дермо.

Она услышала, как фыркнул инспектор Ларк.

— Правда? А ты что думаешь?

Она пожала плечами:

— Не знаю, сэр. Корабли и все такое меня не интересуют.

— А что тебя интересует, Сара? — спросил Ларк.

— Меня? Когда мистер Мелвилл пишет, что Девилс-Эйкр — это настоящая помойка, где водятся самые разные ночные паразиты, это меня интересует. Вот это настоящее дермо!

— Значит, ты знакома с этим районом?

— Я там живу, сэр, и знаю значение всех слов.

Она очень гордилась своим знанием и, поскольку инспектор был полисменом, ни за что не сказала бы ему ничего, кроме правды.

— Я слышал, что ты умеешь читать, и очень высоко тебя ценю: ты настоящая леди прессы.

«Ну, не настолько высоко, как он ценит миссис Коречную», — подумала Сара.

— Большое вам спасибо, сэр. — Она поколебалась одно мгновение, затем снова повернулась к редактору. — А что такое сперматорея, мистер Хардинг?

Сентимус Хардинг подавился дымом, а инспектор Ларк громко расхохотался.

— Проклятье, — возмутился редактор. — Кто дал тебе набирать рекламу Перри?

— Вы, сэр.

— Черт подери! Иногда я совершенно забываю, что ты девушка. Давай, катись отсюда. Мне нужно обсудить с мистером Ларком очень важное дело.

— Хорошо, сэр. Это убийство?

Ларк выглядел так, словно он расследовал убийство; она видела такое же выражение у него на лице, когда двум проститутками перерезали горло в Сент-Джайлсе.

— Именно.

Сара неохотно натянула на голову кепку и, решив, что сейчас не совсем подходящий момент продолжать расспросы касательно священной природы сперматопреи, повернулась, чтобы уйти. О ней тут же забыли, все внимание Септимуса Хардинга было отдано тому, что собирался рассказать ему инспектор Ларк. Сара не до конца прикрыла за собой дверь и остановилась в коридоре, прислушиваясь к разговору.

— Они маленькие девочки, Септимус, и они расхаживают по Бетти-стрит с полуночи до самого рассвета. Их заставляют это делать собственные матери — тех, у кого они есть...

— Я знаю, знаю, Джон. Это грязный, проклятый бизнес. Ее изнасиловали?

Ларк кивнул и зажег еще одну сигару.

— Скажи Мелвиллу, чтобы он использовал поменьше мелодраматических эффектов, хорошо? Я не хочу, чтобы ваши читатели думали, будто мы вместо того, чтобы их защищать, устраиваем для них цирк. Защита? Ха! Сама идея абсурдна. Но люди должны думать, что мы, по крайней мере, делаем все, что в наших силах.

Инспектор Ларк выбросил окурок в огонь, надел шляпу и попрощался с редактором. Он вышел так быстро, что Сара едва успела метнуться к лестнице и спрятаться в тени.

— Пока, Сара, — добавил он и быстро зашагал по коридору.

По дороге домой в конце дня Сара думала о детских борделях на Бетти-стрит и на Док-стрит, расположенной ближе к Девилс-Эйкру. И о том, что сама чудом не стала участницей парада, еженочно проходящего между площадью Пикадилли и дворцом на Ватерлоо; она совершенно точно знала, сколько стоит девственница,

услышала как-то раз в баре «Белого оленя». Когда холера унесла ее мать и маленького брата, они с Эллен остались предоставленными самим себе, и перспективы были мрачными. Она видела девушки со спичечной фабрики с изъеденными серой подбородками. Некоторые от этого умирали. Мама всегда говорила, что скорее умрет, чем пойдет в работный дом, а когда поняла, что серьезно больна, заставила Сару пообещать, что она не допустит, чтобы туда забрали Эллен.

Мама знала, что Сара в состоянии позаботиться о себе, но всегда волновалась за Эллен, поскольку та всем доверяла и была довольно странной. Мама стала брать больше заказов на шитье, когда виски окончательно победило папу. В модный сезон, между апрелем и июлем, она сидела за столом с шести утра до полуночи; пришивала бархатный воротник к полосатому платью из тафты или крошечные шелковые пуговочки к хлопчатобумажным перчаткам. Мама не была портнихой, но могла сделать из старого платья новое и модное, пришив к нему розетку или кружева или сделав пару складок. Иногда она надевала платье на Сару, чтобы посмотреть, что получается, и Эллен начинала потешаться над сестрой, ставшей вдруг такой нарядной.

Когда Сара думала о матери, перед глазами у нее возникала всегда одна и та же картинка: она сидит за столом, окруженная со всех сторон кусками материи, и поглядывает время от времени на сальную свечу, опасаясь, что ее не хватит для завершения работы. В подвалной комнате всегда было темно, если не считать тонкого луча света, который падал из крошечного окошка, выходившего в переулок у них над головами. Вьющиеся медные волосы окутывали мамину лицо мелкими локонами и прилипали ко лбу летом или когда она себя плохо чувствовала. Она болела большую часть прошлого года. К четырнадцати летию Сары мама собиралась накопить

двадцать фунтов, чтобы отправить дочь жить к портному в Чипсайде, который сделал бы из нее настоящую портниху. Она не получала бы никаких денег за свою работу, только жилье и еду, и должна была бы трудиться день и ночь, а мать навещала бы ее в воскресенье один раз в месяц. Так бы и случилось, но это все осталось в прошлом, четырнадцатый день рождения Сары уже прошел. К тому времени, когда мама умерла, ей удалось собрать только семь фунтов и шесть пенсов, и на них Сара и Эллен жили, пока Септимус Хардинг не дал ей работу в издательстве.

Эти мысли занимали Сару до Паддл-Дока, оттуда дорога домой шла вдоль реки. От Церковного Угла можно было самыми разными путями добраться до пользующихся дурной славой Вестминстерских трущоб, известных под названием Девилс-Эйкр. Когда ее посыпали с поручениями, Сара шла по Флит-стрит и Стрэнду, потому что любила шумное движение и то, как фонари освещали улицы по ночам. А еще ей нравилось смотреть в витрины магазинов одежды, галантерейных лавок, на сверкающий хрусталь из Богемии и тонкий китайский фарфор. И особенно на засахаренные сливы в квадратной витрине кондитерского магазина, она даже собиралась когда-нибудь купить одну штучку для Эллен. Сара наблюдала за тем, как лавочники выбегали на улицу прямо в передниках, чтобы открыть дверь экипажа со слугами в ливреях, и принимались суетиться вокруг приехавшей в нем дамы, поспешно расстилали на грязной мостовой кусок мешковины, чтобы леди не запачкала своих шелковых ботиночек. Здесь, как писал в своих статьях Мелвилл, «хитрые и ловкие получают прибыли всеми возможными способами». Сара считала, что «хитрые и ловкие» — это про друга Эллен Холи-Джо и босоногих уличных мальчишек с болячками на ногах, которые болтались

в доках. Она не считала Джо хитрым, но он, несомненно, был ловким вором.

Дорога, идущая вдоль реки к Девилс-Эйкру, была самой короткой. Когда вода стояла низко, от нее отвратительно воняло, к тому же всегда существовала опасность нарваться на грабителей между Паддл-Доком и Темпллейн, даже средь бела дня. Ближе к Уэст-Энду и Вестминстеру в тавернах, ютившихся на боковых улочках, встречались преступники, считавшие себя рангом выше неквалифицированных воришек Ист-Энда: взломщики сейфов, фальшивомонетчики, мастера по подделке бумаг, а также самые ловкие карманники, которым не требуется тебя разглядывать, чтобы понять, что ты в новых ботинках.

Она только на прошлой неделе купила Эллен новые ботинки, но шайка уличных мальчишек из Уэст-Энда сняла их с ее маленьких ножек. Впрочем, Эллен не любила носить обувь, даже зимой. Без нее она могла войти в воду и достать оттуда что-нибудь, что привлекло ее внимание, бутылку или бумажный цветок, оторванный со шляпы какой-нибудь дамы ветром. Она обычно была покрыта грязью до самых коленок, и папа называл ее своей маленькой Русалочкой. Сара думала, что именно по этой причине Эллен старалась держаться как можно ближе к реке; она любила наблюдать за папой, когда он отплывал от берега в лодке. Эллен была слишком маленькой, чтобы злиться на папу, который отчаянно пил, и расстраиваться из-за того, что маме приходилось так много работать. Эллен и папа были неразлучны, и она до сих пор скучала по нему и плакала во сне.

А вот и они — Эллен и Холи-Джо, сидят на ступеньках лестницы Уайтхолла вместе с маленькой бандой оборванных детей и тонконогим мальчишкой-индусом, с которым Эллен совсем недавно подружилась. Сара не могла вспомнить, как его зовут; у него было какое-то

смешное иностранное имя. Они по очереди обстреливали проходящий мимо пароход из рогатки Холи-Джо. Со стороны они представлялись довольно странной парочкой: маленькая светловолосая девочка восьми лет и нескладный Холи-Джо с глазами ребенка и силой ломовой лошади. Ему было больше тридцати, но меньше сорока, так говорила Руби, но он не помнил точно, сколько ему лет, да и никто другой тоже.

Когда Сара подошла к ним, Эллен прицелилась, и маленький камешек сбил с головы джентльмена шляпу. Холи-Джо принялся так хохотать, что чуть не свалился с лестницы. Джентльмен, которому не повезло, мог только наблюдать за своей шляпой, завертившейся в коричневом водовороте.

Когда Холи-Джо увидел Сару, то захлопал в ладоши. Он был дурачком и едва умел разговаривать, хотя и не родился слабоумным. Когда-то он был священником, здравомыслящим и вполне разумным, но однажды ему в голову угодил ночной горшок. Судя по всему, у того, кто выливал его содержимое за окно, руки были скользкими, вот он и не сумел удержать в них ночной сосуд, тот свалился прямо на голову бедняжки Холи-Джо и насильно лишил его способности соображать.

Эллен с виноватым видом посмотрела на Сару, она не знала, что сестра успела увидеть. Сара же сделала вид, что ничего не заметила; ее гораздо больше поразила меткость Эллен, чем все остальное. Рогатка была главным сокровищем Холи-Джо — он сделал ее сам и даже вырезал на ней свое имя. Нет ничего страшного в том, чтобы стрелять по голубям, потому что их можно съесть, а вот от важных господ могут быть самые разные неприятности. Сара протянула Эллен руку.

— Идем, Горе Мое, пошли пить чай. Фу! Как от тебя воняет, Элли, где ты была?

Эллен пожала плечами и ничего не ответила. Она чмокнула Холи-Джо в щеку, поколебалась мгновение

и поцеловала мальчишку-индуса, а затем взялась своей грязной ладошкой за перепачканную чернилами руку Сары.

Они некоторое время шагали молча вдоль набережной, мимо причалов, куда приставали лодки добывчиков сельди, и мимо стайки тощих котят, копавшихся куче рыбных костей. Эллен тихонько замяукала и потянула Сару за руку, но та держала ее крепко и быстро протащила мимо них. В их соломенной постели и без того хватало блох.

— Как его зовут, этого чернявого мальчишку? — как бы между прочим спросила Сара, потому что, если бы Эллен уловила неодобрение в ее голосе, она ни за что не стала бы отвечать на вопрос.

В последнее время она становилась все более и более молчаливой, хотя, возможно, из-за того, что проводила много времени с Холи-Джо. Сара не возражала против того, чтобы Элли водилась с темнокожими, но ей не нравилось, что девочка собирала вокруг себя странных людей или, точнее, они сами к ней тянулись. Сару часто поражало количество прохожих на улице, здоровавшихся с ее сестрой: бродяги и моряки, проститутки и вполне приличные господа, а однажды на мосту Ватерлоо косоглазая старуха цыганка назвала ее по имени.

— Виктор его зовут, — сказала Эллен.

— Виктор! Необычное имя для темнокожего, ты не считаешь?

Эллен пожала плечами и пнула ногой камешек.

— А ты неплохо управляешься с рогаткой, Горе Мое.

— Холи-Джо научил.

— А еще чему-нибудь Холи-Джо тебя учит?

Эллен не ответила и влетела впереди нее в дверь «Белого оленя». Сара вздохнула. К концу лета у них будет достаточно денег, чтобы купить новые ботинки, шерстяное платье, мелки и доску; и тогда Эллен пойдет в школу, где станет проводить каждый день.

Таверна «Белый олень» была одним из самых чистых заведений в Девилс-Эйкре, но здание, в котором она находилась, относилось ко временам королевы Анны, поэтому здесь стояла сырость и пахло перегаром и телами, немытыми с самого лета. Наверху имелись комнаты для постояльцев, стоявшие три пенса, с настоящей кроватью и стулом. Как обычно в это время, в таверне собирались докеры, сидевшие за длинным столом; они работали на угольных баржах, и потому их кожа приобрела цвет сажи. Они грели свои усталые руки и ноги кувшинами с крепким портером. В двух углах уже играли в карты, и вокруг игроков собирались уличные девки в надежде подцепить клиента. Руби украсила свою веснушчатую шею черной лентой и облачилась в розовое платье с довольно грязным воланом на груди. По представлениям Сары, ей было лет сорок или даже больше, во всяком случае, зубов у нее во рту осталось не очень много. Хозяйка стояла за стойкой в окружении поклонников. Охотник на кроликов снова заявился в заведение, а когда Сара и Эллен проходили мимо, пнул ногой собаку, обнюхавшую розовые тушки, лежащие на каменном полу. «Вот так же он обнюхивает Руби», — подумала Сара.

— Приветик, девочки! — крикнула Руби и послала Эллен воздушный поцелуй.

Эллен ответила ей тем же, и парни у стойки разразились громким хохотом. Эллен показала им язык и скрылась на лестнице, ведущей в подвал.

— Ну-ка, скажи им что-нибудь, детка, — крикнула ей вслед Руби. И, обращаясь к Саре, добавила: — Получше за ней присматривай, она слишком смелая.

— Уж я-то это знаю, Руби. Но ничего, скоро она пойдет в школу.

В подвале стояла медная лохань, в которой Руби стирала белье, две громадные бочки с медными кранами, где Руби держала эль, а также бочонки и ведра для при-

готовления джина. Комната О'Рейли выходила на главную улицу. За «Белым оленем» находился совсем узкий переулок и ряд покосившихся хибар, сооруженных без известкового раствора из старых ящиков и камней. Большинство уличек и переулков Девилс-Эйкра выглядели именно так.

Когда Сара закрыла за ними дверь, Эллен принялась вынимать свою добычу из кармана передника. Здесь было совсем не так холодно, как могло бы быть, из-за спиртных паров, витающих в воздухе, — так говорил папа. Он сам не пил джин, потому что в нем недостаточно огня, как он любил повторять.

— Нашла какие-нибудь сокровища, Элли? Где ты сегодня была?

— Везде.

Она встала на колени на пол и начала старательно раскладывать добычу: кусочки цветного стекла, две красивые раковины, мертвого жука и блестящую гагатовую пуговицу.

— А что нашел Холи-Джо?

— Книгу.

— Книгу? Какую?

— С картинками, — пожав плечами, ответила Эллен.

— Где?

— На Флит-стрит.

— Холи-Джо теперь ворует на Флит-стрит?

— Он ее не украл, Сара, а нашел. Он не ворует, когда я с ним, ты ему сказала, чтобы он этого не делал, вот он и не делает. Честное-пречестное слово.

Эллен поднесла кусочек бристольского стекла* к свече, и тут же на столе и на газете, которую читала Сара, заплясала голубая звездочка. Это был номер «Меркью-

* Бристольское стекло — ценное непрозрачное стекло под фарфор; производилось в Бристоле в XVIII веке.

ДЕВЯТЫЙ КАМЕНЬ

ри» за прошлую субботу — мистер Парсиммонс отдавал ей свои старые экземпляры. Сара искала колонку миссис Коречной, где та выступала под именем Мистер Эванс. Наборщики говорили, что миссис Коречная выбирала это имя, потому что писательница Мари Энн Эванс взяла себе псевдоним Джордж Элиот. Сара не могла этого понять; когда она напишет роман, то обязательно поставит под ним свое собственное имя, а не имя какого-то мужчины.

Ее тонкий грязный палец остановился у колонки: «Мистер Эванс. Выдающиеся женщины. Очерк, посвященный Жорж Санд». Жорж, о которой писал мистер Эванс (миссис Коречная), была необычной француженкой, носившей бриджи для верховой езды, курившей сигары и писавшей стихи и любовные письма мужчине, который был на тридцать лет ее моложе. Откуда миссис Коречная знает о таких вещах?

Саре стало интересно, знает ли миссис Коречная что-нибудь про Ирландию: о том, что трава там зеленее зеленого, и о том, какие там поля, и каменные стены, и старые, старые деревья. Возможно, решила Сара, она когда-нибудь туда вернется. Но сейчас она ирландка, живущая в Лондоне, и ей это уже начало нравиться.

ГЛАВА 2

«Ватерлоо, Лондон, 27 апреля 1864 года

Дорогая Барбара!

Я сижу в своей гостиной с чашечкой кофе в руках и, к стыду своему, должна признаться, что я все еще в халате. В последнее время я стала именно так начинать свой трудовой день, и все меньше и меньше мне хочется тратить силы на то, чтобы одеваться, если, конечно, я не иду на рынок или в редакцию газеты.

Город по-прежнему окутан густым туманом, и фигуры уличных торговцев на Ватерлоо кажутся призрачными тенями. В последние несколько недель я часто сижу у окна, разглядывая утреннюю улицу, и она представляется мне театром: я уже знаю, что мальчишка, продающий заливное из угрей, с интересом поглядывает на одну девчонку-молочницу. Она проходит всегда в одно и то же время, возвращаясь домой, на ферму, после того как разнесет молоко. Пустые деревянные ведра висят на коромысле на плечах, а широкие бедра покачиваются в такт шагам. Мне кажется, что мальчишка-продавец уже взял себе в привычку каждое утро стоять около лотка под моим окном именно в это время.

Теперь, когда построили вокзал Ватерлоо, мое место жительства стало уже не таким респектабельным, Барбара, но именно за это оно мне еще больше нравится. Ты слышала, что Ватерлоо-стрит стали называть “Новый

Хеймаркет"? И в самом деле, неподалеку от меня находится несколько лучших публичных домов Лондона; они открывают свои гостиные, чтобы куртизанки из Сент-Джонс-Вуд могли без лишних свидетелей пить шампанское и есть устриц со своими покровителями. Если бы я писала об Имперском парламенте, я бы рассказала, что после полуночи на Ватерлоо-стрит происходят гораздо более интригующие парламентские дела, чем днем на Уайтхолле.

Если верить цифрам, приведенным недавно в "Ланцете"*, в Лондоне сейчас около восьмидесяти тысяч проституток, а это означает, что одна из шестнадцати женщин зарабатывает себе на жизнь на улицах города. Одна из шестнадцати! И эти данные не включают детей. У меня постоянно возникают мысли о том, что нравоучительные статьи в газетах и проповеди в церквях рождены скорее ужасом перед эмансинацией, а не заботой о наших бессмертных душах. Не пойми меня неправильно, я прекрасно знаю, что женщины становятся проститутками по необходимости, это занятие опасно для здоровья и многим доставляет страдания. Но здесь есть и нечто положительное — работа позволяет женщинам улучшить свою жизнь, получить образование, а затем выбрать более приличное занятие. Тебя приводит в ужас мой либерализм?

Моя дорогая матушка, которая навестила меня на прошлой неделе, пришла в ужас, когда увидела мужчин без пиджаков, курящих прямо на улице. Я не могла предотвратить ее визит, хотя и очень старалась. Не волнуйся, я была одета, хотя одобрения с ее стороны не дождалась. Она живет в христианском страхе, что

* «Ланцет» — еженедельный журнал для медицинских работников; издается в Лондоне. Основан в 1823 г.

я проявляю неуважение к мертвым, потому что не хожу в трауре. Впрочем, ты же знаешь, она постоянно приходит в ужас от моего возмутительного поведения. Я сознательно не ношу черный цвет, потому что Франц любил яркие цвета. И еще свет. Про туман он говорил: “Освещение не годится для того, чтобы рисовать”, но оставался в своей студии, рисовал солнце на своих полотнах при помощи красок и порошков. Вижу его как наяву: костюм в разноцветных пятнах, светлые волосы падают на глаза...

Я готовлю себя к посещению студии Франца в Кенсингтоне; я уже достаточно долго это откладывала, а платить ренту за нее довольно глупо. Я должна ее освободить и прихожу в отчаяние от необходимости это сделать.

Я благодарю тебя за слова соболезнования, дорогая моя; твои письма для меня точно сияющие фонари, помогающие найти дорогу во мраке моего горя. А еще я признательна тебе за то, что ты не стала предлагать мне решения этой проблемы. Моя мать заявила, что опий облегчит боль моего сердца, поскольку сама она регулярно его употребляет, чтобы справиться с меланхолией и беспокойством. Я не стану его принимать, потому что видела, как он притупляет ум и ослабляет конечности. Кроме того, она не понимает, почему я избегаю общества моего отца, в то время как именно он дает ей этот яд, считая, как большинство уважаемых врачей, что женщина больна, если она непокорна, и в случае необходимости ее нужно накачивать успокоительными средствами. У меня в медальоне лежит локон волос Франца — и это облегчает мою боль.

Не думай, что я чувствую себя совсем одиноко в простом доме, где компанию мне составляет только миссис Веспер. Моя экономка молчалива, как ты помнишь, но меня устраивают ее манеры, хотя мои посетители по-

рой находят ее довольно странной. По правде говоря, у меня побывало не так много гостей, кроме моей матери, сейчас меня не особенно интересуют салоны, которые мы с Францем прежде так любили. Мне кажется, что их веселье и живость относятся к другой жизни, хотя и не такой далекой. Мне говорят, что печаль постепенно, со временем, отступит.

Впрочем, я обмакиваю перо в чернила вовсе не за тем, чтобы рассказать о моей грусти, поэтому поведаю тебе о своей недавней встрече с мисс Герберт, золовкой леди Синтии Герберт, которая должна скоро вернуться из Индии. Ты наверняка слышала о ней, ведь она интересовалась художницами из Челси и Хэмпстеда. Одно время она собирала творческих дам, точно бабочек, прикрепляя их за яркие крыльшки к стенам своей гостиной. Она невероятно богата и была патронессой Лиззи Сиддал* и фотографа Джуллии Маргарет Камерон**. Но вернемся к моей встрече. Возможно, ты знаешь или нет, что у Синтии Герберт имеется знаменитая коллекция драгоценностей. У нее великолепный вкус, а к нему еще и толстый кошелек, и ее прекрасно знают в “Компании золотых и серебряных дел мастеров” на Риджент-стрит. Мне сообщили, что она ужасно беспокоится за свою коллекцию, потому что горе затуманило ей рассудок и она очень изменилась после смерти мужа, лорда Герберта. Они провели в Индии два года, а потом он неожиданно умер. Между нами, когда я говорила с сестрой лорда Герберта, у меня сложилось впечатление, что в его смерти было нечто странное, но она постаралась это скрыть — как мне показалось, слишком тщательно. Она не сообщила никаких подробностей, но я поняла, что она не в

* Сиддал Элизабет (1829–1862) — ученица, модель и жена Данто Габриэля Россетти.

** Камерон Джуллия Маргарет (1815–1879) — английская фото-портретистка.

состоянии заставить себя вспоминать об этом ужасном событии.

Похоже, после смерти лорда Герберта Синтия Герберт написала сестре своего мужа из Индии и спросила, знает ли она даму, которая могла бы сделать для нее особую канцелярскую работу, касающуюся ее драгоценностей. Как нам с тобой известно, дамы вроде Синтии Герберт склонны накапливать собственность именно в таком виде, так как все остальное переходит во владение их мужей в день свадьбы, но не кажется ли тебе необычным, что она беспокоится о таких вещах практически сразу после его смерти?

И тем не менее мисс Герберт оказалась настолько добра, что подумала обо мне, зная о моей недавней потере и полагая, что мне потребуется работа. На самом деле, Барбара, семья Франца очень щедро меня обеспечила, поскольку я, разумеется, отказалась вернуться в дом моего отца, как полагается уважающей себя вдове!

Леди Герберт прибывает в Лондон на следующей неделе, и мисс Герберт предложила нам встретиться за чаем, когда она немного придет в себя после своего путешествия. Она также сказала, что мы, возможно, найдем утешение в обществе друг друга, ведь мы обе пережили одинаковую потерю. Я не собиралась браться за какую-нибудь еще работу, кроме моего регулярного сотрудничества с “Меркьюри” и статей в женском журнале, но даже миссис Веспер считает, что я слишком много времени провожу в своей гостиной. Более того, она предложила помочь мне одеться, что совсем не в ее стиле, потому что, когда я нанимала ее в качестве экономки, она дала мне понять, что не намерена становиться горничной. Я, в свою очередь, заверила ее, что мне горничная не нужна. По правде говоря, миссис Веспер была и есть для меня гораздо больше, чем просто экономка, в особенности ког-

 ДЕВЯТЫЙ КАМЕНЬ

да я болела, и я начала полагаться на ее компанию и разумные советы.

Септимус Хардинг хочет, чтобы я продолжала писать статьи о необычных женщинах, несмотря на мое недавнее отсутствие на страницах "Меркьюри". Он говорит, что "Гардиан" печатает такие обзоры и мы тоже должны. Поэтому я ищу темы и интересных женщин и решила связаться с Джулией Маргарет Камерон. Может быть, написать о тебе? Знаменитая Барбара Бодишон, не только художница и патронесса образования и искусства, а еще и защитница нашего пола?

Я надеюсь, дорогая, что все твои многочисленные начинания успешны, и скоро напишу тебе снова.

Твой верный друг

Лили».

ГЛАВА 3

Мы не можем вырвать из нашей жизни ни одной страницы, но можем бросить в огонь всю книгу.

Жорж Санд, 1837 г.

На пристани Темпл в конце Стрэнд-лейн набережная Темзы была почти безлюдной. Здесь находились доки для небольших грузовых судов и несколько жалких портовых офисов. Весенним вечером вроде этого, когда запахи реки, нефтеперегонного и кирпичного заводов не липли к холодному туману, рабочие доков и судовые клерки после захода солнца разбрелись по своим излюбленным тавернам, чтобы пропустить пару стаканчиков спиртного.

Херберт Пейси, младший судовой клерк, еще не отправился в «Якорь», потому что не успел покончить с бумажной работой. Он устал проверять ящики с чаем, мешки с зерном и темными, маслянистыми кофейными зернами коричневого цвета и уже начал задыхаться от поднятой пыли. Оглядывая склад, он вздрогнул, вспомнив, что произошло здесь на прошлой неделе. Маленькое судно «Лакшми» подошло к пристани, когда он собирался на обед, возникла обычная суматоха, как и всякий раз, когда прибывает корабль из Бомбея. «Лакшми» официально считался пассажирским судном, но брал на борт небольшое количество «избранных» пассажиров,

таких, кто готов платить за апартаменты, а не обычную каюту на одном из больших лайнеров. Таким образом, на «Лакшми» всегда имелось свободное место в трюмных отсеках для исключительных грузов.

На борту была контрабанда; Херберт уже научился узнавать ее признаки. Большинство маленьких торговых кораблей из Индии перевозили товары тайно, а это означало, что в команде насчитывалось несколько лишних членов — темнокожие и опасные на вид туземцы, которые работой оплачивали проезд до Лондона. Они выходили в город со своими вещами, свернутыми в узлы, и в них могло быть спрятано все, что угодно: драгоценные камни, украшения из сандалового дерева и, конечно же, опиум. Некоторые курьеры были совсем мальчишками, но выглядели так, что Херберт никогда их не задерживал. В тот день на «Лакшми» тоже прибыл курьер, в этом Херберт не сомневался, — невысокий кривоногий мужчина, отличавшийся от всех остальных.

«Лакшми» наконец вошел в док, началась разгрузка, и возникла суматоха, но, как всегда, женщина усложнила жизнь Херберта больше, чем следовало. По тому, как она была одета и держалась, он понял, что дама занимает высокое положение, к тому же она была в трауре. Она осталась ждать в доке — обычное поведение для человека ее положения — в состоянии невероятного возбуждения, потому что, судя по всему, капитан отказывался отдать ей часть ее вещей. Когда Херберт неохотно к ней подошел, она обмахивалась восточным веером с такой скоростью, что ее шляпка довольно смешно подскакивала на кудряшках.

Он понял, расспросив женщину, что ее слуга и капитан исчезли в одном из складских помещений вместе с ее драгоценностями. Они лежали в сейфе корабля, но, когда она послала своего человека их забрать, капитан повел себя просто возмутительно и стал настаивать на

более высокой плате за проезд, чем та, о которой они договорились заранее. Она умоляла Херберта догнать их, а поскольку он не мог ей отказать, чтобы не выглядеть в ее глазах трусом, то принялся молиться о том, чтобы проблема разрешилась до того, как он их найдет.

Он решил, что они выбрали склад, потому что там темно и потому что там легко услышать шаги постороннего, так громко стучат сапоги по гниющим доскам. Однако они не услышали Херберта, потому что дородный капитан в тюрбане громко кричал на другого индуся, более высокого и более светлокожего, который стоял молча и совершенно неподвижно. На ящике лежал кусок шелка, и даже тусклого, падающего из маленького грязного оконца света хватило, чтобы разложенные на нем драгоценности засияли всеми цветами радуги. Херберт с благоговением смотрел на них не в силах отвести глаз, он видел много самых разных камней, но таких — никогда. Судя по тому, как они переливались и сверкали, это могли быть только бриллианты, но ему не доводилось встречать бриллиантов таких потрясающих цветов.

Из криков капитана он понял, что тот требовал астрономическую сумму за безопасный провоз драгоценностей, а когда Херберт с опаской вышел из тени, капитан положил свою мясистую руку на широкий кожаный ремень. На самом деле он положил ее на рукоять невероятно большого клинка, судя по размерам великолепно отделанных ножен. Херберт Пейси никогда не отличался особой храбростью и не смог бы объяснить, что заставило его сделать шаг вперед. Скорее всего, бриллианты, потому что он, к собственному изумлению, вдруг почувствовал, что они подчинили его себе. Он исключительно вежливо представился обоим мужчинам, сообщив им, что он агент Корабельной и Таможенной службы ее королевского величества, и спросил, не может ли он им помочь. Он подобрался к драгоценностям насколь-

ко мог близко. Оказалось, что они еще прекраснее, чем он себе представлял, хотя они были размером чуть больше сапожной пуговицы. И среди них — совершенно невероятно! — лежал бриллиант цвета крови.

Пейси уже много раз видел индийские бриллианты, которые, по словам продавцов с Хаттон-Гарден*, можно определить по огранке «розой», как они называли способ шлифовки, когда на камне имеются широкие плоскости в отличие от множества мелких, сверкающих граней так называемой «алмазной» огранки, столь любимой лондонскими дамами. Против собственной воли Херберт подошел поближе и краем сознания отметил, что его рука потянулась к красному бриллианту. Он не смог бы объяснить, как такое могло случиться, но у него возникло ощущение, будто алый камень зовет его и если он к нему прикоснется, то перестанет быть жалким клерком и превратится в состоятельного человека.

То, что произошло затем, случилось так быстро, что Херберт все пропустил бы, если бы на мгновение закрыл глаза. Капитан вытащил свое оружие, но был тут же разоружен, и его громадный нож со стуком упал на пол. А его самого схватил молчаливый индус. С того места, где стоял Херберт, казалось, что он набросил на шею капитана длинный шелковый платок и затянул его, оставив тому лишь возможность взмолиться о пощаде. В конце концов он отпустил капитана, и тот, потирая шею, ругаясь и спотыкаясь, побрел прочь. Видимо, в этот момент Херберт издал какой-то звук, потому что индус сделал шаг в его сторону. Херберт пробормотал извинения, хотя не был ни в чем виноват, и так быстро бросился к выходу, что налетел на несколько ящиков с фарфором и свалился. Индус завернул камни и не спеша

* Хаттон-Гарден — улица в северо-восточной части Лондона; центр торговли алмазами и бриллиантами.

последовал за капитаном. Только когда оба скрылись из вида, Херберт осторожно выбрался наружу, стараясь не сдвигать с места ящики, на которые опирался, чтобы сохранить равновесие. И тут он увидел, как маленький кривоногий индус, замеченный им раньше, поспешно выскочил в дверь склада. Неужели он тоже был свидетелем этой сцены? Или рассчитывал украсть горсть риса, как делали многие матросы, когда сходили на берег?

Когда Херберт снова вышел на дневной свет, капитан уже куда-то исчез — видимо, спустился в трюм «Лакшми», — а молчаливый индус присоединился к dame в черном. В следующее мгновение они скрылись в экипаже, который их уже ждал. От ощущения, что глаза индуза по-прежнему на него смотрят, заглядывая в самые глубины его души и, возможно, посылая проклятия, Херберта до самого вечера била дрожь.

Херберт проработал здесь уже два года и собирался отправиться в море, по его подсчетам, еще через два года. Английские моряки, появлявшиеся в доках, были грубее его, а кроме того, Херберт не слишком любил физический труд, он собирался стать путешествующим по морю купцом и составить себе состояние на Востоке. Он видел множество таких счастливчиков, самых разных, а не только тех, кому повезло в жизни.

Стрэнд находился совсем недалеко от доков и его маленького сырого офиса, где вонючий газовый фонарь горел над столом, за которым он сидел почти целый день. Закрывая двери по вечерам, Херберт представлял себя успешным купцом, шагающим со своего корабля по улице в сторону Стрэнда. У него будет несколько модных лавок, торгующих украшениями, привезенными из разных стран. А потом его девушка наденет брошь с бриллиантами вроде тех, что он видел на Риджент-стрит.

Он нашел довольно хитрый способ вести свои книги, хотя, по правде, это была идея Джорджины. Кроме того, его совесть не так страдала, когда он убеждал себя, что именно она придумала их план. Однажды ранним вечером она наблюдала за тем, как он работает, охваченная нетерпением, потому что решила, что они должны сходить на танцы. Она его тогда спросила, что будет, если он не станет переписывать все товары, а когда он объяснил, что тогда и налогов на груз не будет, она заявила: «Ну, им это понравится, верно, важным морякам, которые считают себя джентльменами. Могу побиться об заклад, что они с удовольствием станут платить тебе за твои хлопоты. Ведь получится меньше, чем законные налоги».

Он согласился, что такое возможно, но напомнил ей, что работает на министерство и какой-нибудь тип на Уайтхолле сдерет с него шкуру, если он сделает что-нибудь не так, как требуется. «А как они это узнают?» — спросила Джорджи и наградила его такой дерзкой улыбкой, от которой ему всегда хотелось тут же забраться к ней под юбки. После танцев они пили джин и строили планы.

Сегодня вечером Херберт Пейси задержался дольше, чем обычно. Он решил, как всегда, выпить кружечку эля в «Якоре», а затем отправиться домой к Джорджине. Все шло хорошо, и время от времени он брал себе немного дополнительных вознаграждений: горсть зерен кофе, или ярд шелка, или какую-нибудь безделушку для Джорджины. Он даже делал вид, что не видит грузов, которые не должны были прибывать в док, где он работал; он решил, что это то же самое, что «не замечать» курьеров-индусов с их тряпичными узлами. Таким образом, он не стал регистрировать несколько ящиков с сандаловым деревом, слоновой костью и некоторым количеством полудрагоценных камней. Он знал, что начал опус-

каться, но теперь уже эти маленькие шалости казались ему совершенно нормальными, и он становился все менее осмотрительным. Почему он не имеет права по-заботиться о себе? Разве не тем же самым занимаются служащие на Уайтхолле?

Улица, ведущая к Стрэнду, где находился «Якорь», всегда была погружена в полумрак, а когда садилось солнце, там становилось совсем темно. По обеим сторонам располагались старые каменные склады, частично разрушенные пожаром и так и не восстановленные. В развалинах поселилось несколько больных бродяг и местных воров. Довольно пустынное место, но не опасное для докеров и моряков, имевших полное право там ходить из-за своих размеров и опыта уличных драк. Клерки вроде Херберта в эту категорию не попадали, но его до сих пор еще ни разу не ограбили, жизнь здесь начиналась после того, как он проходил. Однако сегодня, несмотря на поздний час, здесь было пусто и темно, и Херберт пожалел, что не взял с собой фонарь. Ночной мрак, подбиравшийся к воде, заставил его нервничать; почему-то он казался ему сегодня еще более густым и непроглядным. Только бледный свет луны позволял разглядеть погруженные в сумрак стены и пару крыс, бросившихся бежать при его приближении. В складских помещениях на пристани крысы представляли серьезную проблему, потому что прогрызали мешки с зерном и специями. Сейчас же, когда Пейси не видел даже уличных мальчишек, он был рад хоть каким-то живым существам.

Когда Херберта Пейси ударили так, что он практически потерял сознание, его первой мыслью было, что он налетел на ствол дерева. Но поблизости не было ни одного дерева; на самом деле ближайшие деревья росли в миле отсюда в Уотергейт-Гарденс. Он понял, что лежит на земле и глаза у него, судя по всему, закрыты,

ДЕВЯТЫЙ КАМЕНЬ

потому что вокруг непроглядная тьма. А еще он уловил запах: мускусный аромат, который уже встречал раньше, хотя ему не удалось вспомнить, где и когда. На мгновение аромат показался ему приятным и успокаивающим, и Херберт мог думать только о куске баранины к чаю и о роскошных, потрясающих ногах Джорджины.

Вскоре к запаху прибавилось присутствие. Хотя он никого не видел, его лица коснулся ветерок, такой легкий, словно кто-то, стоящий рядом, распахнул плащ. Спокойствие покинуло Херберта, потому что глаза у него были приоткрыты, а над ним передвигалась темная тень. Он не мог сказать, сколько их, этих теней, потому что ему мешали смотреть грохочущие в ушах барабаны. По крайней мере, ему казалось, что это барабаны. Затем одна из теней возникла прямо над ним, приблизилась, и Херберт снова уловил знакомый аромат. Что же это такое... Барабаны загрохотали еще громче, и давление крови у него в голове заставило его пожалеть, что он мухлевал с налогами, потому что, судя по всему, за ним явился Князь тьмы.

Херберт больше не мог дышать, словно горло само собой сжалось, а сердце так отчаянно билось в груди, что его удары совпадали с гулом барабанов. Кажется, кто-то стоит над ним? Или сидит на нем? Он не знал наверняка. Возможно, за ним пришел ангел, чтобы проводить его на небеса; может быть, его простили за все прегрешения. В конце, перед тем как он умер, Херберт Пейси представил себя на корабле, плывущем на Восток, в лицо ему светит солнце, ветер развевает волосы, а рядом стоит прекрасная дама по имени Джорджина. Вместо волн, бьющихся о борт его корабля, перед ним возник океан разноцветных бриллиантов, которые отбрасывали в небо сияющие радуги света и подмигивали ему, словно знали его тайну.

ГЛАВА 4

Я совершенно уверена и смирилась с тем, что никогда не выйду замуж. Здравый смысл твердит мне это, а я не являюсь всецело рабыней чувств и могу временами его слышать.

Шарлотта Бронте. Из письма к Элизабет Гаскелл, 1840 г.

Детектив-инспектор Ларк показался Саре особенно уродливым, когда она забирала посылку из кабинета редактора. Ни он, ни Септимус Хардинг, похоже, не заметили, что она еще не ушла (она наклонилась, чтобы завязать шнурок, прежде чем направиться к двери), потому что заговорили так, словно остались наедине.

— Причину смерти пока не удалось установить. Дело очень необычное, как я уже говорил, так что лучше написать короткую заметку, без сенсационных заявлений. Я бы хотел, если возможно, сам поговорить с Мелвиллом.

— Разумеется.— Септимус Хардинг хихикнул, но тут же снова стал серьезным.— Но у тебя должны быть какие-то предположения касательно причин смерти, дружище! Это же твоя работа, не так ли? Смерть?

— Я не гробовщик, Септимус. И пока у меня нет никаких идей касательно причины смерти. До сих пор мне не приходилось видеть ничего подобного.

«Мистер Хардинг прав», — подумала Сара. Ларк по-лисмен, он должен разбираться в таких вещах. Иначе как он сможет защитить Эллен и девочек вроде нее на Бетти-стрит?

Инспектор повернулся к огню и уставился на него, а Сара начала медленно пятиться к двери.

— Он не был задушен, на шее мы не обнаружили никаких следов, но трахея полностью раздавлена. И еще огромный синяк между глаз.

— А мотив?

— Сколько угодно — жертва работала на пристани Темпл.

Сара добралась до двери в коридор и уже поворачивала ручку, медленно и очень тихо, когда раздался резкий стук с другой стороны, дверь распахнулась и сбила ее с ног. Грегори Мелвилл перешагнул через нее и подошел к столу главного редактора. Она поняла, что это он, по запаху — от него воняло, как от пивоварни.

— Сара, что, черт подери, ты делаешь на полу? Мне казалось, я дал тебе поручение?

— Да, сэр, дали. Я тут кое-что ищу, уронила буковку. Никак не могу найти, так что лучше пойду, отнесу вашу посыпочку, сэр.

Сара быстро закрыла за собой дверь. Обязательно нужно было вмешаться мерзкому Мелвиллу. Он был отвратительным типом, и она так думала еще до того, как он написал свою дерзковую статью про Девилс-Эйкр. Она бы многое отдала за то, чтобы услышать, что ему собирается сказать Ларк; ей нравилось, когда инспектор злился, но с нее неприятностей на один день уже достаточно.

Адрес, по которому следовало доставить посылку, нужно было взять у Парсиммонса, который ковырял в зубах, сидя за своей конторкой. Он всегда называл ее Сэм; Сара даже сомневалась, знает ли он, что она девочка, но

его это не волновало; главное, чтобы выполняла свою работу.

На карточке были написаны имя и адрес Лили Коречной, печатными буквами с завитушками. Сара отправилась через доки к мосту Ватерлоо, потому что дорога вдоль реки была короче, чем по Флит-стрит и Стрэнду, где слишком многое ее отвлекало. Она не смогла бы удержаться и остановилась бы поглазеть на дешевые книжки, разложенные на лотке, забыла бы обо всем на свете, а потом пришлось бы сказать мистеру Парсиммонсу, что она заблудилась. Он ни за что не поверит: она знает в городе все улицы, переулки и тупики, потому что ей приходилось разыскивать по ночам пьяного папу. Да и задерживаться сегодня Саре совсем не хотелось ни по какой причине, потому что она несла посылку Лили Коречной. До сих пор ей еще ни разу не доводилось разговаривать с миссис Коречной, разве что здороваться с ней.

Пристани вдоль набережной представляли собой шумное скопление птиц, уличных мальчишек и торговцев рыбой, да еще группа моряков с «Королевы Мэри» с громким хохотом направлялась в сторону ближайшей таверны. Подойдя к пристани Темпл, Сара вспомнила, что здесь совершено убийство, и решила сказать Эллен, чтобы та не ходила по берегу мимо моста Ватерлоо. Может, убийца сумасшедший — судя по тому, что говорил Мелвилл, таких тут великое множество. С другой стороны, ей всегда казалось, что безумец должен совершить гораздо более кровавое убийство, чем то, о котором рассказал инспектор. Вполне возможно, что это вовсе не убийство, а несчастный случай. Интересно, пришла ли такая идея инспектору в голову? Скорее всего, да, он же полисмен, но при случае спросить не помешает.

Обычный непрерывный поток движения на мосту Ватерлоо замер, проезжая часть была забита лошадь-

ми и экипажами. Смирившиеся с ситуацией возницы сидели на своих местах, глазели на реку или успокаивали возмущающихя пассажиров. Цыганята носились между повозками, выпрашивая медные монетки, уличные торговцы размахивали каштанами в маленьких кульках перед окнами омнибуса. Сара, перепрыгивая через кучи навоза, легко пробиралась между всеми препятствиями. Стоял замечательный весенний день, и она радовалась, что оказалась на свежем воздухе. Справа от нее находился Парламент и виднелся шпиль Вестминстерского собора, который словно парил над зеленым дымом из сотен труб. Слева до самого Лондонского моста река была забита пароходами, лодками и баржами.

Когда Сара оказалась на другой стороне моста Ватерлоо, она поняла, почему стоят все экипажи. Мимо двигалась похоронная процессия: по меньшей мере дюжины экипажей цвета черного дерева, запряженные четверками гагатовых лошадей, чьи гривы украшали чернильно-черные плюмажи. Сара остановилась, чтобы посмотреть на них, немного удивившись тому, что в такой наполненный жизнью день пробралась смерть. Впрочем, она знала, что смерть всегда рядом, и даже когда ей удавалось на время забыть про маму и папу, ей напоминала об этом похоронная процессия, встречаенная на улице, или лицо прохожего. И тем не менее жалеть себя не имело никакого смысла, да и, кроме того, смерть часто приходила за бедными.

Лили Коречная жила совсем не в изысканном районе Лондона, и это удивило Сару. Она представляла ее в Челси или Хэмпстеде, в доме с садом и множеством слуг — а не в этом неотличимом от других зданий, стоящем прямо на шумной улице. Точильщик ножей и мебельщик старались перекричать друг друга — «Точим ножи, пени — четыре штуки» и «Стулья чиним», — а еще мальчишка с ведром, наполненным бычьей печенью и требу-

хой, сражался с ними за покупателей, хотя в состязании с мужчинами у него не было никаких шансов. Его товар предназначался собакам, но Сара знала, что в конце концов сегодня вечером он появится на столе какого-нибудь нищего, сваренный или тушеный.

Дверь в дом миссис Коречной была выкрашена в изумрудно-зеленый цвет, и на ней имелся блестящий молоток, но, прежде чем Сара прикоснулась к холодному металлу, дверь распахнулась, и на пороге появилась женщина, которая вполне могла быть сестрой мистера Парсиммонса.

— Добрый день, мисс. У вас что-то для госпожи? Насколько я понимаю, из газеты?

Сару еще ни разу в жизни не называли «мисс», и она удивилась этому, поскольку привыкла считать, что для всех окружающих она мальчик на побегушках и ученик наборщика. Она не думала о том, что будет, когда она уже больше не сможет скрывать правду. Она знала, что рано или поздно тело ее выдаст. Но пока у нее еще не начались месячные, и она была худой и маленькой даже для своего возраста, совсем как Эллен. Папа часто повторял, что из них получились бы роскошные девушки, если бы они росли на особом воздухе Ирландии, но, разумеется, это было до голода. Впрочем, она не верила в его рассказы, а кроме того, заметила, что Ирландия становилась тем прекраснее, чем меньше виски оставалось в бутылке.

— Я возьму посылку, мисс. Можете не сомневаться, госпожа получит ее, как только вернется домой.

Сара чуть приподняла подбородок, чтобы рассмотреть женщину из-под кепки, глубоко натянутой на голову. Она ее озадачила, потому что, хотя и выглядела угловатой и резкой, да и одета была в простое коричневое плаТЬЕ без оборок и воланов, все-таки казалась доброй.

— Вы горничная?

ДЕВЯТЫЙ КАМЕНЬ

— Боже праведный! Я не горничная, детка. У миссис Коречной нет горничной, потому что она в состоянии сама за собой ухаживать.

Женщина протянула руку, чтобы взять посылку, но Сара не хотела ее отдавать. Она ужасно расстроилась, что ей не удастся встретиться с самой миссис Коречной.

— Я должна отдать посылку миссис Коречной в руки, — пробормотала она первое, что пришло ей в голову.

Но вместо того, чтобы сказать ей, чтобы не говорила глупостей и отдала посылку, мистер Парсиммонс в женском обличье улыбнулся.

— Хорошо, ты найдешь миссис Коречную в Кенсингтоне. Зайди в дом, я дам тебе адрес.

Прихожая показалась Саре огромной для комнаты, единственная цель которой служить входом в дом, большее подвала, где размещалась вся их семья, когда их было пятнадцать. На полу лежал линолеум с рисунком, а на стенах висела громадная картина. Девочка шагнула к ней, пока встретившая ее женщина отошла к красивому столу из красного дерева.

— Это работа хозяина.

Женщина подошла обратно к ней так тихо, что Сара даже вздрогнула, услышав ее голос, и невольно посмотрела ей на ноги, чтобы проверить, не босиком ли она. Нет, на ногах были прочные ботинки со шнурковкой.

На картине была изображена женщина в платье из ткани, какой Сара никогда в жизни не видела, серебристой, точно паутина, освещенная солнцем. Венок из белых цветов контрастировал с волосами цвета воронова крыла, ниспадавшими на плечи. У женщины были темные миндалевидные глаза, сливочно-белая кожа и очень красиво очерченный рот. Сара решила, что она похожа на миссис Коречную.

— Даму зовут Венера, — сообщили ей Бесшумные Ботинки. — Картина называется «Венера Ватерлоо».

— Художник ведь умер, не так ли?
— Его сразила легочная лихорадка зимой. Разумеется, только его тело. До Кенсингтона далеко, а тебе, думаю, нужно поскорее вернуться на работу. Так что придется найти тебе экипаж.

— Экипаж? Мне? Нет, что вы!

Сара стало смешно — она ни разу в жизни не ездила ни в каком экипаже: и ей представлялось, что это невиданная роскошь. Но женщина уже вышла на улицу и заговорила с темнокожим возницей потрепанного двухколесного экипажа. Она достала из кармана пару монет и отдала ему, а затем позвала Сару, улыбнулась и попростила ее плащ. Сара забралась в повозку, а Бесшумные Ботинки скрылись в доме, закрыв за собой изумрудную дверь.

Экипаж, который доставил Сару из Ватерлоо в Кенсингтон, пах маслом для волос и кожей, а через щели в деревянном полу внутрь пробирался сырой воздух. Сверху Стрэнд казался карнавальной картинкой, расцвеченной яркими, сменяющими друг друга кринолинами и зонтиками, хотя был только май и солнце совсем не еще не палило. Шарманщик со своей взъерошенной обезьянкой донимал группу священников, солнечные лучи отражались от витрин магазинов. Просто чудесный день, решила Сара, да еще если ехать в экипаже по Стрэнду. Вот будет здорово рассказать об этом Эллен и Холи-Джо. Когда они проезжали мимо ворот Букингемского дворца, Сара села поудобнее и стала размышлять о том, что имели в виду Бесшумные Ботинки, когда сказали, что мистер Коречный умер лишь «телом». Умер — это умер, если только ты не веришь в рай, а она не была уверена, что верит в него, хотя ей нравилось думать, что мама, папа и малыш попали именно туда.

Наконец они приехали на место, где было меньше ворот и стен, а расстилались поля и виднелись рощи-

цы фруктовых деревьев. Дом, на который показал возница, зарос шиповником и вьюнками, а у ворот стояли обшарпанные статуи зверей. Сара показалось, что большими передними дверями никто не пользуется, поэтому она прошла под усыпанными цветами ветками к двум высоким стеклянным дверям, выходящим, точно окна, в сад.

Она увидела миссис Коречную, сидевшую за столом в пустой большой комнате, если не считать какого-то предмета, похожего на кровать, но со спинкой только в изголовье. Лили, казалось, была погружена в письмо, которое писала, и Сара не стала стучать, чтобы ей не мешать. Миссис Коречная не слышала ее и не оторвалась от своего занятия, и у Сары появилось несколько мгновений, чтобы ее хорошенъко рассмотреть. Она была в зеленом платье из индийского хлопка. Мама говорила, что это очень хорошая ткань, и любила с ней работать. Узкие рукава украшала изящная, точно лебединое крыло, вышивка — белые цветы, похожие на те, что Сара видела в волосах Венеры на картине. Письмо, видимо, ужасно расстроило миссис Коречную; она не плакала, но то и дело вздыхала и проводила левой рукой по лбу. У стен стояло такое количество картин без рам, что их было не сосчитать, а на полу у стола Сара заметила большую шляпную коробку голубого цвета. Когда девочка снова взглянула на Лили, она обнаружила, что та с улыбкой смотрит на нее.

— Добрый день, Сара.

Лили Коречная промокнула написанный текст, аккуратно сложила тонкую бумагу и убрала в шляпную коробку.

Вечером Сара рассказала Эллен и Холи-Джо про то, как побывала в «студии Франца», как ее называла Лили. Миссис Коречная говорила о вещах, о которых никто

до сих пор не разговаривал с Сарой: об образовании, живописи, о греках, поклонявшимся некоторым богам, причем некоторые из них были женщинами. Сара ей сказала, что и с одним-то богом хватает проблем, и Лили весело рассмеялась. Еще Сара узнала, что Венера как раз и является одной из греческих богинь, Бесшумные Ботинки зовут миссис Веспер, а мистер Веспер умер от брюшного тифа.

Холи-Джо и Эллен целый день собирали тряпье, а потом продавали обрывки кружев для манжет и серебряные пуговицы старьевщику у лестницы Уайтхолла. Они заработали всего несколько медяков, но Эллен радовалась, что может хоть немножко помочь сестре. Теперь приятели играли в камешки и цветные стекла на полу. Джо был таким же доверчивым, как и Эллен, и это беспокоило Сару, но он нюхом чуял опасность и был сильным, хотя драться не умел. Сару снова передернуло, когда она вспомнила рассказ инспектора Ларка об убийстве, совершенном у пристани Темпл. Возможно, завтра ей удастся узнать больше.

— А где книжка, которую ты нашел на Флит-стрит, Джо?

Холи-Джо расплылся в улыбке и засунул свою большую руку в карман куртки.

— Это книга с картинками,— сказал он, и на его лице расцвела такая широкая улыбка, что Сара не могла на него сердиться, хотя и не знала, как книга к нему попала.

Он не делал ничего плохого, просто брал то, что ему нравилось; и у него это прекрасно получалось. Порой Сара спрашивала себя, владел ли он своими умениями, еще когда был проповедником, до того как ему на голову упал ночной горшок. Холи-Джо протянул ей книгу; она оказалась маленькой, в твердой обложке и такой же грязной и желтой, как зубы мистера Парсиммонса.

ДЕВЯТЫЙ КАМЕНЬ

— Что там написано? Ты можешь ее прочитать?

У Эллен глаза сияли не меньше, чем у самого Холи-Джо.

Сара открыла книгу и увидела ломкий титульный лист с пятнами в тех местах, где на него попали капли дождя.

— «Русалочка. Ханс Кристиан Андерсен», — прочитала она.

Эллен захлопала в ладоши.

— Это я! Я русалочка, правда, Джо?

Холи-Джо тоже захлопал в ладоши, они подобрались поближе к Саре, их лица одинаково светились ожиданием. Сара выпрямилась и открыла книгу двумя руками. В животе у нее возникло диковинное ощущение, как в тот раз, когда она в поисках папы неожиданно оказалась ночью в незнакомой части города. Она сделала глубокий вдох и откашлялась, совсем как делал Септимус Хардинг, собираясь прочитать что-нибудь очень важное.

ГЛАВА 5

«Ватерлоо, 12 мая 1864 года

Дорогая Барбара!

Я должна рассказать тебе о своей вчерашней встрече с леди Синтией Герберт в “Кофеине Чаптера” на Патерностер-роу. Как тебе известно, я не хожу в подобные заведения, потому что там можно встретить редакторов и прочих господ газетчиков, не допускающих даже мысли о том, что в мире могут существовать умные женщины. Помещение было пропитано запахом мужчин, сигарного дыма и свежемолотого кофе. Я испытала настояще облегчение, когда заметила леди Герберт, которая сидела за столиком в углу, вдалеке от желтых газовых огней, пляшущих в своих симпатичных фонариках. Она встала мне навстречу — черный силуэт на фоне ярко-розовых обоев.

Как я и опасалась, за круглым столиком у окна сидела группа жутко важных редакторов из Ривингтона, издателей теологической литературы. Их столик был завален листами бумаги, а по центру лежал толстый, ужасного вида манускрипт, перевязанный веревкой. Я постаралась не думать о том, что может содержаться в такой громадной теологической книге. Поскольку была вынуждена пройти мимо их стола, я вежливо кивнула Седым Бакенбардам и Очкам Без Оправы, более молодому из ривингтонцев, ушедшему на покой

врачу и бывшему коллеге моего отца. Он явно удивился, увидев меня, и был еще больше потрясен, когда рядом со мной возникла леди Герберт и просунула мою руку под свой рукав из черный тафты. Она потащила меня к столу, уставленному таким количеством пирожных, которого хватило бы на целую чайную вечеринку, и я чувствовала, что ривингтонцы не сводят с нас глаз, пытаясь понять, зачем дочь доктора Холла встречается с известной бунтаркой.

“Я вас спасла,— сказала она мне шепотом.— Страшно подумать, не правда ли, что господа вроде этих занимаются тем, что плетут моральные сети для среднего класса. Чайо?”

Я ответила, что предпочла бы кофе, и она наморщила свой сильно напудренный нос, заявив, что это слишком резкий напиток для ее деликатной конституции. Она была вся в черном, от кружевного платка на завитой голове до чернильного цвета ботинок, и выглядела усталой, как будто заботы и проблемы измучили ее и лишили сил. Прошли те дни, когда леди Синтия Герберт окружала себя толпами людей, обладающих острым умом и тонкой душой. Она стала замкнутой, и мне кажется, высшее общество ее раздражает, вне всякого сомнения, причиной тому ее недавнее горе. Но драгоценный камень, украшавший ее темный корсет, сиял ослепительными красками жизни, покинувшей эту когда-то великолепную женщину, у ног которой еще совсем недавно толпились все юные представители лондонской богемы. На золотой цепочке висел, окутанный восхитительным отраженным светом, камень размером с сову. Когда леди Герберт заметила, что я не могу отвести от него глаз (по правде говоря, он меня заворожил, и на мгновение мне даже показалось, что он мне загадочно подмигивает), у нее сделался очень довольный вид.

“Это бриллиант, миссис Коречная, камень, которого в разные времена боялись и которому поклонялись. Его нужно носить рядом с сердцем, и тогда он сделает человека неуязвимым. Я рада, что вы тоже его оценили, и с нетерпением жду возможности показать вам мою коллекцию. Но, дорогая моя, вы просто обязаны побывать в Королевской академии, потому что мне выпала честь привезти с собой из Индии очень необычные бриллианты, собственность махараджи Бенареса. Они были заново огранены Вурсанглером, не сомневаюсь, что вы о нем уже слышали”.

Я честно призналась, что мне это имя незнакомо. Я узнала, что Вурсанглер — мастер — огранщик бриллиантов, приехавший из Амстердама, — прославился тем, что заново оганил Кохинор*. Даже я слышала об огромном голубом бриллианте, подаренном королеве Виктории Ост-Индской компанией и наделавшем столько шума. У меня такое впечатление, что необычные бриллианты, мастерски обработанные Вурсанглером, являются собой восхитительное зрелище, поэтому их даже выставили в Королевской академии. Я не нашла в себе сил признаться леди Герберт в том, что не являюсь поклонницей бриллиантов и вообще драгоценных камней и из украшений ношу только медальон. Однако я пообещала взглянуть на камни — в не меньшей степени еще и потому, что начала понимать, что одиночество является для меня надежным убежищем и если я не начну выходить в свет в самое ближайшее время, то могу окончательно потерять к нему интерес. Знаешь, я познакомилась с необычной ирландской девушкой, точнее девчонкой с манерами мальчишки, которая, как это ни удивительно, работает учеником наборщика в “Лондон меркьюри”. Я бы

* Кохинор — «Гора света», один из наиболее знаменитых бриллиантов. Его история прослеживается с 1300 г.

очень хотела ее поддержать, потому что, как мне кажется, она отличается поразительным умом и могла бы стать идеальной спутницей для подобного предприятия.

Леди Герберт рассказала мне, что махараджа Бенареса культурный человек и проявляет огромный интерес к европейским художникам. И, вне всякого сомнения, придет в восторг от картин Франца Коречного. Меня удивило, что она слышала о работах моего мужа, а еще мне удалось узнать, что она побывала в Праге до революции, вынудившей Франца и его купеческую семью уехать в Лондон. Она сказала, что обратила внимание на его талант, когда он только закончил обучение, и сообщила мне, что Прага, как и Бенарес, очень необычный город — Город Света. Она дала мне понять, что эти города входят в число мест, почитаемых мистиками как священные: икобы это пограничные земли между мирами живых и мертвых. Она добавила, что если я захочу, то могу войти в ее круг. Мне не следовало удивляться тому, что моя собеседница является поклонницей спиритуализма, потому что я увидела в ней все признаки человека, которого горе сделало невероятно уязвимым. Я отклонила ее предложение, постаравшись не обидеть своим отказом.

Когда я сообщила ей, что у меня осталось много картин Франца, ее очень заинтересовали мои слова. А еще она сказала, что для нас является позором тот факт, что ого как еврея не приняли в Королевскую академию. “Дворянство ошибается, считая, что талантливый художник непременно должен быть христианином,— заявила она.— Или иметь светлую кожу. Мой слуга-индус владеет карандашом гораздо профессиональнее, чем некоторые художники, восхваляемые академией”. Я пообещала отобрать несколько картин, чтобы она могла на них взглянуть, потому что твердо решила добиться для Франца признания хотя бы после смерти, раз уж ему было отказано в этом при жизни.

Мы договорились снова встретиться у нее дома через несколько дней, потому что я заметила, что ее охватили возбуждение и необычное беспокойство. «Я решила первый раз встретиться с вами в общественном месте, — заметила она, — но теперь, когда вас увидела, я успокоилась». Подозреваю, что леди Герберт использует опий в качестве успокоительного, поскольку видела те же признаки у собственной матери. Чтобы еще больше убедить меня в моей правоте, два джентльмена, сидевшие неподалеку от нас, начали обсуждать достоинства травы эспарто и экономические выгоды, которые дает ее использование в производстве бумаги вместо древесной массы. Они были увлечены и не обращали никакого внимания на разговор за нашим столиком, однако леди Герберт несколько раз нервно на них оглядывалась и даже опасливо косилась на официанта, стоявшего в стороне. Я заметила, что она взволнованно теребит пальцами в черных перчатках большой белый бриллиант у себя на груди. Попытавшись скрыть свое беспокойство, она рассказала мне, что как-то раз обедала вместе с Чарльзом Тиффани из «Тиффани и компания» в Нью-Йорке и тот поведал ей о средневековых предрассудках, кающихся бриллиантов. Кажется, раньше считалось, что они защищают от духов. «Какая чушь, — сказала ему леди Герберт. — Лично я обнаружила, что все как раз наоборот. На самом деле они привлекают духов!»

Меня еще больше, чем когда-либо, занимает загадочная личность леди Синтии Герберт, и я с нетерпением жду нашей следующей встречи, о которой непременно расскажу тебе в подробностях.

Твоя верная подруга

Лили».

ГЛАВА 6

*Он, слава богу, неподкупен, честен,
чист.
О да, таков британский журналист.
Но лишь посмотришь на его
действия —
И подкупать исчезнет всякое
желание.*

Гумберт Вольф
Перевод Б. Жужунавы

Увидев, что Грегори Мелвилл вошел в дверь, ведущую на заднюю лестницу, Сара мгновенно оторвалась от рекламы печеночного масла ньюфаундлендской трески, производимого «Китингс пейл»: выдающийся продукт в том, что касается чистоты, отличающийся от остальных масел, столь часто расхваливаемых в рекламах. Она находилась в идеальном положении, чтобы наблюдать за посетителями третьего этажа, так как работала в самом конце комнаты, рядом с дверью. Ей совсем не понравилось, что Мелвилл пользуется этой лестницей, поскольку она считала ее территорией исключительно своей и Нелли, а Грегори Мелвилл просто обожал незаметно подкрадываться к людям.

Он напоминал ей кота, охотящегося на голубей в переулке.

Мистер Мелвилл был всегда безупречно одет, хотя Сара считала, что так должен выглядеть разряженный щеголь, а не джентльмен, работающий в газете. Его можно было бы назвать красивым, если бы не жирное лицо и восковая бледность, характерные для людей его профессии, которые не прочь пропустить рюмку-другую и всю свою жизнь проводят в помещении. Мелвилл держал в руке листок с таким довольным видом, словно только что поймал своего голубя и собирался сожрать его на месте.

Сара поглубже натянула кепку, но так, чтобы иметь возможность за ним наблюдать, одновременно делая вид, что она занимается своим объявлением. По правде говоря, тресковое масло очень много рекламировали и она уже устала читать одни и те же небылицы о том, как эликсир жизни доктора Рикорда восстанавливает мужскую силу и каким эффективным лекарством является астматический бальзам Ламберта. Папа часто повторял, что в дешевых газетенках печатают всякую чушь, и она не раз себя спрашивала, что бы он подумал, если бы узнал, что его собственная дочь работает в газете. Он и книги тоже не любил; именно мама позаботилась о том, чтобы Сара научилась читать по «Кулинарии на каждый день миссис Битон», которую Руби держала на кухне, поскольку считала, что в каждом уважающем себя доме должен быть ее экземпляр, даже несмотря на то, что сама она не могла его прочитать. У мамы была только одна своя книга, которую она привезла с собой из Ирландии: истории из Библии и про святых в потрепанной обложке из зеленой ткани. Они читали ее каждую ночь, пока папа не обменял ее на стакан спиртного. Именно тогда Сара поняла, что он конченый человек, потому что он знал, как много эта книга значила для мамы. Они уже давно продали свои обручальные коль-

ца, чтобы купить муку и чай и ботинки на зиму, и Сара не могла забыть, как они оба переживали. Эллен очень хотела навестить папу и маму, и Сара обещала ей, что они скоро это сделают, хотя маленькое поле, заполненное деревянными крестами и заросшее сорняками, на-водило на нее тоску.

Мелвилл мельком взглянул на нее, проходя мимо, и тут же отвернулся, словно она не представляла для него никакого интереса. Он никогда не обращал на нее внимания, и она этому радовалась. Он остановился около Джека Тислуйта, и они принялись обсуждать очередное безобразие, задуманное мистером Мелвиллом. Сара не понимала, почему мистер Хардинг спускает ему с рук мерзости, которые он пишет в своей колонке, посвященной преступлениям, — иногда редактор даже не хотел читать его писанину, — и не сомневалась, что Септимус Хардинг переживал из-за того, что на страницах его газеты появляются статьи, где смакуются скандалы и сплетни. Но она слышала, как он сказал инспектору Ларку, что ему приходится «закрывать глаза» на некоторые репортажи, так как благодаря им газета лучше продается, а «Меркьюри» не мог себе позволить не учитывать это.

Мелвилл прекрасно умел раздувать проблемы и успешно заставлял людей требовать «справедливости» после особенно жестоких преступлений. Всем было известно, что, если кто-то изобьет проститутку или гомосексуалиста до полусмерти, виновник получит месяц или два в Вестминстерском исправительном доме, но если совершена кража или испорчено имущество, преступника ждет виселица. Сара знала, где Мелвилл добывал свои истории, как он обходил таверны вокруг Сент-Джайлса или в Чипсайде, встречаясь там с главарями шаек, мелкими воришками и фальшивомонетчиками, покупая у них грязные новости, которые ему требова-

лись. Мелвилл никогда не заходил в таверну «Белый олень», когда писал свои мерзости про Девилс-Эйкр, потому что Руби не допускала типов вроде него в свое заведение. Вместо этого он болтался по пользующимсяней самой лучшей репутацией пивным и тавернам вокруг Вестминстера, выискивая своих информаторов, чтобы иметь возможность представить читателям то, что он называл «честным отчетом» о каком-то определенном преступлении. Джек Тислуйт, как правило, набирал колонку Мелвилла, и Сара часто слышала его рассказы об этом за чаем, когда начиналась игра в карты, подогретая парой глотков из чьей-нибудь фляжки. А потом наборщики начинали хвастаться тем, как много всего знают, и это на основании историй, которые им приходилось набирать.

Судя по всему, последняя сенсация Мелвилла касалась убийства Херберта Пейси, несчастного клерка с пристани Темпл, совершенного две недели назад. Джек говорил, что он подделывал записи в книгах и закрывал глаза на определенные — выборочные — вещи. «Грегори,— говорил он, поскольку любил называть своих начальников по имени в присутствии других наборщиков, хотя еще не дошел до того, чтобы звать мистера Хардинга Септимусом,— обязательно доберется до сути происшедшего и состряпает большую историю». История всегда должна быть большой; все, к чему прикасался Джек, не могло быть другим, и он был ничем не лучше мистера Мелвилла. Они оба просто обожали ворошить осинные гнезда, а по тому, что Мелвилл носил плотно обтягивающие штаны и обильно смазывал маслом волосы, было ясно, что он рассчитывает завоевать внимание женщин своей храбростью и упорством в преследовании злодеев, пока их не запрут в исправительном доме или в Нью-гейте. Больше всего на свете наборщики любили смот-

и честь, как вешают преступников; они отправлялись к тюрьме Ньюгейт вместе с остальными зеваками и даже гордились этим, потому что именно газетчики вроде них помогали восторжествовать справедливости.

Сара не любила смотреть на то, как вешают людей, и старалась держаться подальше от Центрального уголовного суда по понедельникам, когда совершались казни. Толпа начинала собираться уже в воскресенье, стоило длинному фургону с виселицами выехать из-за каменных стен тюрьмы. Он останавливался около черной двери, из которой на следующее утро появлялся приговоренный преступник в кандалах, плетущийся с опущенной головой. Казнь была таким же развлечением и праздником, как хорошие петушиные или собачьи бои. Мистер Хардинг говорил, что повешение отличается от них только тем, что никто не делает ставок, ведь исход известен.

Джек рассуждал об убийстве Пейси весь день, нарушая обычную тишину в комнате наборщиков. Сара даже пожалела, что она не мужчина и не может сказать ему, чтобы он заткнулся. Он повторял, что Грегори пишет грандиозную статью об огромных прибылях лондонских купцов, получающих ценные грузы с Востока: сандаловое дерево, опий и камни, записи о которых не появляются в официальных документах портовых властей. Он сказал, что мистер Мелвилл озабочен вопросами справедливости, выступает против нарушения моральных принципов, коим считает подобное накопление прибылей. Сара в это не слишком верила, но ее мнением никто не интересовался. Когда на третий этаж явился второй посетитель за этот день, Джек начал хвалиться еще пуще.

Миссис Коречную редко видели в комнате наборщиков. После смерти мужа и публикации ее статьи «Выдаю-

шиеся женщины» она всю зиму не печаталась в «Меркьюри». Сара считала, что Лили Коречная гораздо более выдающаяся женщина, чем те, о ком она прочитала в колонке Мистера Эванса, что ее даже сравнивать нельзя с тошнотворной поэтессой Элизабет Браунинг*, Кристиной Россетти** или художницей по имени Лиззи какая-то.

Лили вошла в главную дверь, платье на миссис Коречной было роскошное — из мериноской шерсти цвета слоновой кости, с украшенным вышитыми цветами корсетом, — и все наборщики принялись исподтишка на нее пялиться. Сара решила, что у Лили Коречной восхитительная походка, словно она королева, которая твердо знает, чего хочет, даже когда бывает печальна, как, наверное, была печальна Мария Магдалина, увидевшая распятого Христа. Историю о ней Сара узнала из маминой книжки; впрочем, Мария Магдалина вовсе не являлась святой. На самом деле Саре казалось, что она была уличной девкой, потому что мама называла ее «падшей».

Миссис Коречная не могла не слышать, как Джек болтает про грандиозную историю Мелвилла, и потому остановилась посреди комнаты, чтобы его послушать. Он тут же принял смузено приглаживать волосы, Сара не сомневалась, что миссис Коречная это тоже заметила, потому что она мимолетно улыбнулась, как будто знала, что победа будет за ней. Когда он закончил бахвалиться, она сказала самым добрым и нежным голосом:

— Все именно так, как вы говорите, мистер Тислайт, Лондон полнится ворами и прочими преступниками, но подумайте о стране, из которой прибывают кон-

* Браунинг Элизабет Барретт (1806–1861) — английская поэтесса. Дочь вест-индского плантатора, жена поэта Р. Браунинга.

** Россетти Кристина Джорджина (1830–1894) — английская поэтесса, сестра художника и поэта Данте Габриэля Россетти.

трабандные грузы. Детей отправляют в самые недра земли, где они надрываются на тяжелой работе, чтобы какая-нибудь аристократка в Лондоне могла носить красивые побрякушки. А вам известно, мистер Тислуайт, что в Индии, находящейся под владычеством Британии, за один день от голода умирает столько же детей, сколько в Ист-Энде за целый год?

Это заставило Джека заткнуться. И не в том дело, что его беспокоила судьба детей, просто ему не понравилось, что миссис Коречная гораздо лучше него владеет словами, и Сара видела, что он почувствовал себя дураком. А он был о себе даже слишком высокого мнения.

Затем, к несказанному изумлению Сары, Лили подошла к ней и посмотрела на то, что она делает. Миссис Коречная стояла так близко, что Сара видела позолоченные серебряные пуговки на корсете, подчеркивавшие ее узкую талию. Сара опустила голову и принялась перебирать шрифты на лотке, неожиданно почувствовав себя неуклюжей и смущившись, хотя и не могла бы сказать почему, потому что миссис Коречная всегда была к ней добра. Она даже уловила, что от ее густых черных волос пахнет розовой водой.

Миссис Коречная взглянула на рекламу Китингса, и Сара видела, что гостью продолжает удивлять глупость Джека, потому что на ее красивых губах застыл намек на улыбку. Сара чуть сдвинула кепку испачканным чернилами пальцем. Она не ошиблась — теперь Лили смотрела на нее. Какого же поразительного цвета у нее глаза — зелено-голубые, словно залитое солнцем море на этикетке бутылки виски, которые продавала Руби.

— Как дела у твоей сестрички Эллен?

С тех пор как Сара поделилась с ней своими планами насчет того, чтобы отдать Эллен в школу, она почувствовала себя смелее.

— Я хорошо пишу, правда же?

— Конечно. Думаю, нам стоит поговорить с мистером Хардингом, чтобы он давал тебе более полезные задания, чем помочь в продаже масла из тресковой печени! Кроме того, это отвратительное лекарство — меня тошнит даже от его запаха. Интересно... — Она замолчала и вопросительно взглянула на Сару. — Ты не хочешьходить со мной в субботу в Королевскую академию? Там выставка бриллиантов, которые я хотела бы посмотреть, и я была бы рада, если бы ты составила мне компанию.

Сердце замерло у Сары в груди, а глаза широко раскрылись от удивления. Она не могла понять, с какой стати Лили Коречной потребовалось проводить время в обществе жалкой ирландской девчонки в мальчишеской одежде, но все равно пришла в восторг от ее предложения.

— О да, я с удовольствием с вами пойду. С огромным удовольствием. — Она заговорила тише: — Не обращайтесь на Джека внимания, миссис Коречная, он слишком важничает. Он и мистер Мелвилл думают, что им предстоит посмотреть еще на одну казнь, вот он и раскаркался.

Глаза Лили Коречной перестали лучиться весельем, и она тоже заговорила тише:

— Высокомерие мистера Тислуайта беспокоит меня гораздо меньше, чем его взгляды, Сара. Я не сторонница публичных казней через повешение, я вообще против казней.

— Я тоже, — сказала Сара, гордая тем, что она разделяет мнение с таким умным человеком, как миссис Коречная.

— Ну хорошо, Сара. Жду тебя у себя дома в субботу. Скажем, в одиннадцать. Подходит?

Сара кивнула и радостно улыбнулась Лили. Со временем смерти мамы никто, кроме Руби, не обращал на

ДЕВЯТЫЙ КАМЕНЬ

нее никакого внимания, и она уже не помнила, когда у нее был выходной. Она ничего не знала о бриллиантах, но уже заволновалась в предвкушении нового приключения. Сара даже надеяться не могла на то, чтобы подружиться с Лили Коречной, но, по крайней мере, она сможет рассказать Эллен и Холи-Джо про роскошные места, где бывают богатеи.

ГЛАВА 7

«Ватерлоо, 29 мая 1864 года

Дорогая Барбара!

Может показаться, что я в последнее время только и делаю, что пишу о бриллиантах. И тем не менее я должна рассказать тебе о своей недавней экскурсии в Королевскую академию. Это был мой первый выход из дома, если не считать рынка Ватерлоо и Патерностер-роу, с тех пор как умер Франц, и вынуждена признаться, что причина заключалась в том, что я не хотела, чтобы мир оказался таким же, каким он был с ним. Сама мысль об этом походе заставила меня нервничать, хотя главным образом не из-за того, как я буду обходиться, когда рядом нет мужа. Больше всего беспокоило меня то, что не с кем будет разделить это событие, поскольку ты, моя дорогая, уехала на лето в Гастингс*.

Я сделала прекрасный выбор, потому что моей спутницей была юная Сара О'Рейли, ученица наборщика в лондонском «Меркьюри». Эта молодая особа потеряла большую часть своей семьи, но ее живость наполняет меня надеждой. Мне кажется, эта идея оказалась прекрасной для нас обеих, потому что в обычных обстоятельствах Сара могла бы попасть в здание Королевской

* Гастингс — город-курорт в Великобритании, графство Восточный Суссекс.

академии с той же вероятностью, с какой по собственному желанию захотела бы надеть юбку вместо брюк. Осуждающие взгляды, которые на нас бросали другие посетители, глядя на наплевавшую на моду женщину без шляпки и компаньонки, пришедшую с уличной девчонкой, доставили мне удовольствие, в то время как Сара вообще не обращала на них внимания. Она была так зачарована херувимами и обнаженными фигурами на потолке, великолепием мраморной лестницы и картинами в золоченых рамках, что, как мне показалось, была разочарована, когда мы наконец добрались до места нашего назначения: маленькой стеклянной горки, стоящей на псевдокоринфском пьедестале.

Должна признаться, что я была зачарована сиянием бриллиантов — всего их девять, разного цвета — не меньше остальных посетителей, собравшихся вокруг них. Сара не произнесла ни одного слова до тех пор, пока мы не вышли на улицу, а потом заявила, что камни показались ей странными и что ей было не по себе рядом с ними, потому что, в конце концов, это ведь всего лишь камни, но ощущение возникало, будто они живые. И она не ошиблась. Мне почудилось, будто внутри каждого пылает огонь, чей ослепительный свет и мощь проникают в самое сердце смотрящего на них. Каждый камень лежал отдельно, на черной бархатной подушечке, и самым потрясающим и поразительным был красный бриллиант. Ты можешь подумать, что я не в себе, но этот камень обладает какими-то неземными свойствами, мне даже представилось, будто он бросал мне вызов, предлагая испытать желание им обладать. На табличке под горкой сообщалось, что это очень редкие камни, собранные на протяжении многих лет махараджей Бенареса из индийской провинции Уттар-Прадеш. Мне стало невероятно интересно, почему индийский принц доверил такое сокровище леди Синтии Герберт.

Должна тебе сказать, что только вчера мы с ней встретились за чаем у нее дома. В три часа за мной заехало великолепное ландо с монограммой Гербертов на дверце — золото на белом фоне, — с возницей в темно-красной куртке и зеленом жилете. Несмотря на то что леди Герберт носит черный цвет, ее слуги, похоже, радуют ее глаз всей палитрой красок. Я очень тщательно выбирала свой наряд и остановилась на платье цвета темного мха в готическом стиле, которое воскресила миссис Уильям Моррис; на рукавах вышиты лилии, и меня очень привлекает этот мотив, потому что Франц любил их рисовать. Он говорил мне, что лилия — это самый священный из всех цветов: для римлян он являлся символом надежды, для христиан — цветком Марии и материнства и одновременно цветком смерти и звездой возрождения. Кристина Россетти утверждает, что на языке поэтов стебель лилии обозначает возвращение счастья, так что я буду носить своего тезку до тех пор, пока не вернется мое счастье. Я стала сентиментальной, Барbara, и тебе придется меня за это простить, потому что теперь, когда Франц меня покинул, символы, напоминающие о нашей любви, стали мне особенно дороги.

Путешествие в Хэмпстед в ландо леди Герберт получилось просто роскошным, подушки были обтянуты бархатом с монограммами, что, по моим представлениям, немного слишком. Леди Герберт представляет собой диковинное сочетание величия и мятежного духа, и ее характер меня озадачивает. В Хэмпстеде было тихо и чисто, над заново вымощенной дорогой нависали ветви хвойных деревьев (хотя я люблю покой, тем не менее предпочитаю суматоху Ватерлоо-стрит — особенно сейчас, когда стараюсь избегать молчания и тишины). У ворот особняка нас встретил молодой человек, одетый в те же цвета, что и возница, а когда он снял с ворот железные засовы и распахнул их, я увидела владения, каких

мне не доводилось встречать нигде в Лондоне. И я сразу поняла, что этот райский уголок устроен наподобие восточного сада, потому что там росли блестящие растения с цветами, которых я не знаю, стояли статуи, изображающие экзотические божества с множеством рук, а еще был пруд с водяными лилиями. Дом поразил меня своими громадными размерами и элегантной симметрией: ослепительно-белый, с четырьмя римскими колоннами из бледного мрамора, украшающими блестящую черную дверь.

Древний дворецкий проводил меня в роскошную гостиную леди Герберт, в которой, как тебе известно, совсем мало мебели и невероятное количество картин. По правде говоря, я не увидела на стенах ни одного свободного места. Эта галерея привела меня в восторг: обнаженная натура и демоны, индуистские богини и работы голландских мастеров. А еще в гостиной находился индус, он не был одет в ливрею Гербертов и стоял неподвижно и настороженно около двери, точно статуя, вырезанная из дерева.

Леди Герберт поднялась с белого дивана, когда я вошла, и сиамский кот, сидевший у нее на коленях, грациозно спрыгнул на пол. “Царственное существо,— подумала я,— его возмутило мое присутствие”. Шею леди Герберт украшало ожерелье из больших розовых камней, так восхитительно отражавших свет, что я спросила, не бриллианты ли это. Она была довольна, что я сразу заметила ее украшения, затем кивнула и довольно загадочно ответила: “Дурной глаз не сможет причинить зла тому, кто носит бриллиант для защиты, — монарх не пойдет против его воли, и даже боги выполняют его желание”. Она сказала, что это слова неизвестного поэта, римлянина, жившего во втором веке. У меня возникло подозрение, не основывается ли интерес леди Герберт к камням исключительно на суевериях, и я реши-

ла, что сейчас самый подходящий момент спросить, в чем же будут заключаться мои обязанности. Леди Герберт сказала мне, что она хотела бы иметь каталог своих украшений и драгоценных камней. Она твердо заявила, что в ее планы не входит привлекать своего поверенного, страховщика или ювелира, потому что она мало кому доверяет, как я уже заметила. Более того, она добавила, что желает, чтобы этим занялась женщина, поскольку не только женщины неравнодушны к камням, но и камни предпочитают прекрасный пол.

Она позвонила в маленький хрустальный колокольчик, и тут же появился дворецкий, который принес чай. Сервиз был из серебра и хрусталя, нам подали маленькие ароматные пирожки и экзотические конфеты в розовом сиропе, а чай был приправлен корицей и гвоздикой. Индус, которого она называла Говинда, составил нам компанию, и я подумала, что он больше чем слуга, но, возможно, это всего лишь мои фантазии. У него более светлая кожа, чем у его соплеменников, а еще он выше и держится довольно необычно, но мне трудно объяснить тебе, в чем тут дело: он вежлив и одновременно насторожен, безобидный на вид, но глаза говорят о том, что он хранит не одну тайну.

Леди Герберт начала расспрашивать меня о творчестве Франца, и я согласилась привезти к ней несколько его картин, чтобы она на них посмотрела. Она намекнула, что, возможно, ей удастся заинтересовать ее друга махараджу Бенареса в их покупке, поскольку, как она уже упомянула раньше, несмотря на то что он дилетант в данном вопросе, ему нравятся работы европейских художников. Она сообщила мне, что собирается отправиться к нему весной, хотя таким тоном, что у меня сложилось впечатление, будто она пытается убедить в этом скорее себя, а не меня. Из нашего разговора я поняла, что именно тогда она и должна будет вернуть бриллианты,

выставленные в Королевской академии. Меня обрадовали слова леди Герберт о том, что махараджа может стать патроном искусства Франца, потому что больше всего на свете я хочу, чтобы его помнили как талантливого представителя романтической школы живописи. Среди его картин есть такие, которые, как я совершенно точно знаю, более чем мастерски выполнены, например “Венера”, висящая у меня в доме, для которой я пошировала.

Когда мы покончили с чаем, меня повели вверх по широкой центральной лестнице из мрамора, и пока мы поднимались, я увидела пейзажи Тернера и Констебля, висящие на стенах. Говинда безмолвно следовал за нами, и меня это несколько нервировало, хотя леди Герберт не обращала ни малейшего внимания на его присутствие. Мы продолжали идти вверх по лестнице, пока не оказались на самом верхнем этаже дома. Там Говинда достал из кармана сюртука медный ключ и открыл одну из дверей на площадке. Комната оказалась маленькой, с голыми стенами, выкрашенными в аметистовый цвет марокканских двориков, — я еще никогда не видела ничего подобного во внутреннем убранстве лондонских домов. Около стен стояли высокие индийские комоды с огромным количеством маленьких ящиков с замочными скважинами.

Леди Герберт принялась доставать из них самые изумительные вещи, одну за другой, а Говинда, такой же непроницаемый, как и прежде, стоял на посту у двери. Моим глазам предстали букеты из бирюзы и мелкого жемчуга; розы, вырезанные из поразительной красоты коралла и окруженные листочками из нефрита; ожерелья из желтых бриллиантов и браслеты из рубинов и изумрудов, оправленных в золото; сережки из сапфиров цвета морской волны, золотые и обсидиановые броши и нитки огромных серых жемчужин. Я была так

потрясена, что вскоре уже перестала воспринимать мир вокруг. И тут она показала мне камни, некоторые были не обработаны; леди Герберт рассказала мне, что правители Индии и Персии предпочитают нешлифованные драгоценные камни и на Востоке не принято гранить бриллианты, чтобы они отражали и рассыпали свет, как это делают у нас.

Я была так ослеплена всем этим великолепием, что уже даже восклицать больше не могла, потому что каждая новая вещь оказывалась прекраснее предыдущей. Разумеется, я восхищаюсь красотой драгоценных камней, как и многие представительницы нашего пола, но никогда не ощущала столь могучей страсти, какой явно подвержена леди Герберт, и никогда не испытывала сильного желания обвешивать себя сверкающими побрякушками. Более того, меня бы это очень отвлекало от нормальной жизни.

Когда леди Герберт открыла все до одного ящички и показала мне их содержимое, она потянулась ко мне и взяла в руки мой медальон.

— Это он вам его подарил? — тихо спросила она, и я смогла лишь кивнуть в ответ.

Я раскрыла медальон, чтобы показать ей локон седых волос, который храню внутри, и она принялась долго и внимательно его разглядывать, словно тщательно что-то обдумывала.

— А почему бы вам не сделать из волос настоящий траурный амулет, моя дорогая? Нехорошо хранить дух умершего человека взаперти.

— Это всего лишь волосы моего мужа, а не его дух, — ответила я.

— Вы ошибаетесь, миссис Коречная, потому как сама сущность жизни находится в наших волосах, а также в костях. Позвольте мне на короткое время перейти на довольно неэлегантный язык науки. Волосы содержат

углерод, неизменное и неразрушимое вещество, имеющееся во всей органической материи. Бриллианты, как вы наверняка знаете, представляют собой углерод в чистом виде и благодаря этому поглощают и накапливают энергию. Все драгоценные камни рождаются глубоко под землей, взлелеянные, точно семена земли и звезд, воплощают в себе безупречные небесные силы и обладают множеством таинственных качеств.

Меня не удивило, что леди Герберт на едином дыхании сумела связать науку и метафизику. Я знакома с духовным миром, потому что живу в одном доме с миссис Веспер, а Франц часто рассказывал мне о колдовских ритуалах, проводимых в Праге до революции. У самого короля Вацлава имелись придворный маг и астролог, которые его наставляли, а имя города означает “врата между мирами”. Как и леди Синтия, Франц верил, что такие места существуют, и мы с ним как-то договорились, что, если нам случится расстаться, мы встретимся у таких ворот. Это очень романтично, но, Барbara, я тогда даже представить себе не могла, как сильно буду мечтать о такой встрече.

“Могущество, заключенное в драгоценных камнях,— настаивала на своем леди Герберт,— зависит от намерений, силы воли и характера человека, который носит камень. В Индии бриллиант и его божество правят планетой Венера, чьим царством являются сердце и его желания”.

Затем она рассказала мне, что тот, кто носит бриллианты, может обрести высшее знание — если у него чистое сердце. В соответствии с этой философией бриллиант потенциально является сущностью, дающей человеку мудрость, ясный ум и прекрасное здоровье. Однако, если его владелец падет жертвой аморальных желаний, например жажды власти, бриллиант его покинет и на его голову свалятся самые страшные несчастья.

Однако мне не показалось, что мистические свойства бриллиантов принесли самой леди Герберт какую-то пользу, потому что она вдруг стала сонной, и у меня сложилось впечатление, что силы ее на исходе. Она начала задыхаться, а порой ей даже было трудно говорить. А еще я заметила, что Говинда внимательно поглядывает в ее сторону. Несколько раз я видела, как она делала глоток из маленького флакона из цветного стекла: опиум, обожаемое врачами средство, панацея от всех нервных болезней женщин. Я склонна думать, что причиной огромного количества нервных расстройств, которые мой отец и его коллеги приписывают женщинам, на самом деле является ум, не имеющий выхода, и неверие в свои силы.

Но я, как обычно, отвлеклась. Достаточно сказать, что мне было грустно видеть, как когда-то энергичная женщина, такая как леди Синтия, стала вялой и апатичной, и у меня возникло подозрение, что какая-то еще сила, кроме горя, отнимает у нее желание жить. Мне осталось рассказать тебе еще кое-что про мой визит к леди Герберт, и это касается загадочного мистера Говинды. За все время он произнес лишь пару слов, но, когда я поднялась, собираясь уходить, спросил меня, что я думаю о бриллиантах махараджи. Я ответила, что считаю их очень красивыми, но не принадлежу к числу тех, кто поклоняется этому камню. Он приподнял бровь, и на мгновение мне показалось, что он отнесся с недоверием к моим словам.

“Значит, вы не стремитесь обладать бриллиантами, миссис Коречная?” — спросил он меня с мягким акцентом, а когда я ответила, что не имею ни малейшего желания, он задумчиво кивнул и встретился глазами с леди Герберт.

Ну вот, я посылаю тебе очередное описание моих внутренних переживаний и событий, которые со мной про-

 ДЕВЯТЫЙ КАМЕНЬ

исходили, и была бы рада, если бы ты поделилась со мной своими планами, касающимися твоей новой школы для детей бедняков в Вестминстере. Я уже говорила тебе, как это будет замечательно? Кстати, по случайности у Сары О'Рейли, той, что я упомянула раньше, есть младшая сестра и она пойдет в эту школу, когда в ней начнутся занятия. Так что у меня будет возможность лично сообщать тебе, как твои щедрость и тяжелый труд сказываются на нашей жизни.

Любящая тебя подруга

Лили».

ГЛАВА 8

*Когда я умру, мой милый,
Не мучайся лишней виной,
Не плачь над моей могилой
И песен печальных не пой...
Взойди травой надо мною,
Сосною высокую будь.
Меня, если вспомнюсь я, вспомни.
А нет — и не надо, забудь.*

Кристина Россетти
Перевод М. Лукашкиной

Прошло больше недели, прежде чем Сара сумела выбрать время, чтобы отвести Эллен на Роупмейкерс-Филдс, и это был понедельник. Лучшим временем для посещения кладбища для бедняков всегда было утро; благодаря сиянию света оно не казалось таким печальным. Мистер Хардинг сказал, что дает ей выходной, потому что она работала в воскресенье, когда набирали специальный выпуск газеты.

Сара забыла про понедельники в Ньюгейте, и они уже почти подошли к Олд-Бейли*, когда она поняла, почему на улицах так много народа. Сначала она подумала, что еще довольно рано для странствующего балаганщика или кукольника с его представлением про Панчча и Джуди. Впрочем, ей понадобилось совсем немного времени, чтобы сообразить, что суeta на улицах, прони-

* Центральный уголовный суд Лондона.

занная мрачным ожиданием, возникла из-за предстоящей казни. По мере приближения к зданию тюрьмы и установленной возле нее виселице пробираться сквозь толпу становилось все труднее. И вдруг ряды людей сомкнулись, и уже больше никто не мог пошевелиться, потому что черная дверь в высокой каменной стене открылась.

Сара не видела приговоренного к смерти, да и вообще ей удавалось рассмотреть только перекладину над виселицей и веревку, сплетенную из висельной травы. Так папа называл специальную пеньку, из которой получались очень прочные веревки, какие не порвутся под весом повешенного преступника. Рыбаки пользовались на своих лодках такими же веревками. Сара посмотрела вниз, чтобы проверить, как там Эллен, и обнаружила, что сестра, крепко держа ее за руку, смотрит широко раскрытыми глазами куда-то в пространство. Эллен доставала только до ребер Сары, она не могла видеть ничего, кроме брюк и юбок зевак. Однако младшая сестра ощущала возбуждение и ожидание, охватившие толпу, и погрузилась в свое странное состояние.

Мама говорила, что Эллен наделена особым даром. Их бабушка — которая умерла от голода и не смогла уехать с ними в Лондон — тоже им обладала и умела видеть тебя насквозь, так говорила мама. Но Сара считала, что этот дар совсем не помогает Эллен, он только заставляет ее замирать и смотреть в угол комнаты так, будто она находится совсем в другом месте. Иногда ночью Сара просыпалась и обнаруживала, что ее маленькая сестра сидит в темноте, просто сидит и смотрит в пустоту. Это началось, когда умерла мама, а еще Эллен без конца разговаривала с папой, как будто он по-прежнему находился с ними в комнате и веселил их своими шутками. А через некоторое время Эллен перестала с ним беседовать, и Са-

ра решила, что именно тогда папа по-настоящему их покинул.

Сара не любила, когда Эллен замолкала и становилась далекой и отстраненной, отчасти потому, что в такие мгновения на нее вдруг накатывало одиночество, а еще она боялась, что наступит день, когда ее сестренка уйдет в неизвестные края и больше к ней не вернется. Иногда, если не могла заснуть, Эллен ночью поднималась наверх и сидела у огня в кухне Руби. Сара множество раз отправлялась ее искать, но теперь перестала волноваться, потому что ночью кухня Руби была самым теплым местом во всем «Белом олене». Руби тоже говорила, что Эллен только отчасти обычный ребенок, но что представляет собой другая ее часть, она не знала.

Именно это и происходило сейчас с Эллен, она смотрела прямо перед собой, когда толпа замолчала и замерла в ожидании. Если бы ей удалось пошевелиться, Сара утащила бы Эллен как можно дальше от места казни. Но они не могли сдвинуться ни на дюйм, потому что их поглотила толпа, дышавшая точно громадный кровожадный зверь. Все закончилось очень быстро, и зрители это поняли, потому что в следующее мгновение издали громкий рев, а потом уличные торговцы и лоточники завопили, предлагая горячие пироги и лимонад.

Сара слегка дернула Эллен за руку.

— Идем, Горе Мое, нам сегодня здесь делать нечего, пошли на поле.

— Он мертвый, да?

— Конечно. Как та крыса, которую ты нашла на кухне у Руби. Идем.

— Мы должны встретиться с Холи-Джо, мы обещали, Сара.

— Мы с ним встретимся. Не волнуйся. Он зашел выпить в «Холостяка». Я никуда не пойду без него, глупышка.

«Холостяк» — так называлась пивная, которую Сара терпеть не могла. На самом деле вдоль улицы Обжигальщиков Извести расположилось множество жалких приトンов и борделей. Мама постоянно твердила, что люди, бывающие в этой части города, отдали свои души Люциферу. Холи-Джо, как правило, сюда не ходил, но время от времени встречался здесь со своими приятелями-ворами, имевшими «связи», позволявшие им продать все, что попадало в руки Джо. Холи-Джо ее иногда озадачивал, потому что для доверчивого великана-простака он умел слишком ловко заключать выгодные сделки в области «передачи собственности», как называл подобные операции Септимус Хардинг.

Холи-Джо ждал их перед дверьми «Холостяка», и Сара испытала облегчение, потому что ей совсем не хотелось заходить внутрь. Она знала, что ее там ждет: застывший запах пота, старой одежды и хмеля и нескольких жирных свечей, догорающих на липких столах. Джо был не один; рядом с ним болтался индус с необычным именем. Эллен выпустила руку Сары, как только их увидала, бросилась к Джо и обняла его за колени. Он погладил ее по голове, но продолжал слушать мальчика-индуса, что-то ему говорившего. Когда они подошли поближе и Сара смогла внимательнее его рассмотреть, она услышала, как Джо произнес его имя. Его звали вовсе не Виктор, а как-то похоже на «Викрам». А еще она поняла, что это вовсе не мальчик, а худой юноша с жидкими усиками. Она не разобрала, что он рассказывал, но у нее сложилось впечатление, что он думает, будто Холи-Джо прекрасно соображает и между ними происходит настоящий, серьезный разговор. Впрочем, Холи-Джо тут же потерял к нему интерес, потому что Эллен принялась рыться у него в карманах в поисках новых сокровищ, и его лицо приобрело открытое, детское выражение. Индус отошел в сторону, но лишь после того, как Эллен на-

градила его одной из своих самых ласковых улыбок, из тех, что берегла только для своих любимых друзей. Сара с трудом сдержала тяжелый вздох. Эллен действительно водилась с очень странными людьми.

— Идемте, вы двое, мы отправляемся на кладбище. Думаю, нам придется идти мимо Ладгейт-Хилл, потому что после казни у Олд-Бейли будет настояще гулянье.

Чтобы попасть на Роупмейкерс-Филдс, нужно было пройти несколько миль, до самого конца Чипсайда, там царила тишина, потому что все отправились на казнь, а потом через Коммершиал-стрит, где ночная торговля уступила место закрытым ставням и им встретилась только парочка сонных подметальщиков улиц. Затем они дошли почти до Уайтчепели, миновав Спитлфилдс*, оказались у маленького, никому не нужного клочка земли, служившего кладбищем для бедняков.

На поле буйно разрослись дикие цветы, а сорняки стали такими высокими с тех пор, как они побывали здесь в прошлый раз, что были почти не видны простые кресты, отмечавшие место, где больше половины семейства О’Рейли нашли свой последний приют. Элли вырвала руку у Холи-Джо в тот момент, как они открыли ворота. И Сара вдруг подумала, что сестра выросла, хотя и оставалась невероятно худой. Шерстяное платье, которое она носила, к концу зимы так истрепалось, что чудом не падало с нее, а красное хлопчатобумажное пальто, надетое поверх платья, досталось им от «Христианок». Сара не любила туда ходить, потому что там ей приходилось следить за своим языком, а глупые матроны постоянно молились и просили Бога простить детей вроде нее и Эллен, словно девочки О’Рейли просто не могли прожить в этом мире, не совершая грехов. Однако в вестибю-

* Спитлфилдс — лондонский оптовый рынок фруктов, овощей и цветов.

ле церкви всегда давали кружку чая и булочку, к тому же им требовалась одежда. Жена пастора все время пыталась заставить Сару надеть платье, но до сих пор ей удавалось выбирать для себя брюки. Светлые волосы Эллен, остановившейся, чтобы сорвать несколько маргариток, а потом положить их на могилы, сияли на утреннем солнце. Она ни за что не надела бы ботинки, даже если бы они у нее были, потому что стояло лето, и ее маленькие ножки были грязны и поцарапаны. Скоро придется снова отмывать ее хозяйственным мылом Руби, которым тастирает белье.

Когда они вырвали все сорняки, Эллен положила на землю у основания каждой могилы по несколько маргариток. Потом они немного посидели, только Сара и Эллен, потому что Холи-Джо отправился со своей рогаткой охотиться на кролика.

— Расскажи мне про того чернявого, Горе Мое. Ты часто с ним видишься?

Эллен пожала плечами и молчала так долго, что Сара уже перестала рассчитывать на ответ. Когда она заговорила, то сказала какую-то чушь, и Сара пожалела, что задала вопрос.

— Он живет в замке за морем, совсем как принц маленькой Русалочки, а сюда его отправила индийская принцесса!

— А он делает какую-нибудь честную работу, Элли? Или живет тем же, чем Джо?

— О нет, Сара, он работает. Он разносит маленькие посылочки разным богатым господам.

Ответ Эллен заинтриговал Сару.

— А что в тех посылочках?

— Лекарства,— с важным видом ответила Эллен.

Их разговор прервал Холи-Джо, явившийся со своей глупой улыбкой на лице. Он размахивал мертвым

кроликом, которого держал за задние лапы. Эллен, не обращая на них внимания, начала рассказывать папе о том, что Сара читает ей про Русалочку. И разве это не забавно, ведь именно папа ее так называл? Тут Джо извлек из кармана книжку с картинками и протянул Саре, а Эллен стала смотреть на нее умоляющими голубыми глазами. Сара открыла книгу на том месте, где заложила ее обрывком газеты. Положив книгу на колени и глубоко вздохнув, она начала читать о том, как старая королева украсила волосы Русалочки венком из белых лилий, и о том, как село солнце, когда она высунула голову из воды, но облака окутало золотое и розовое сияние, а вечерняя звезда засверкала на небе. Тогда Русалочка поплыла к кораблю и увидела, что из всех мужчин на борту самым красивым был принц с большими черными глазами. Эллен и Холи-Джо завороженно слушали. И оба принялись просить Сару почитать им еще, когда она закрыла книжку.

— Я обязательно навещу Русалочку, чтобы взглянуть на ее дворец на дне моря, — решительно заявила Эллен.

— Нет говори глупостей. Она всего лишь героиня сказки, а на дне моря нет ничего, кроме рыб и грязи.

Но Эллен не желала ее слушать.

— Знаешь, если это написано в книжке, значит, все правда!

— Не все, что написано, правда, Элли. Понимаешь, даже то, что пишут в газетах, правда... только в половине случаев.

Сара протянула книжку Джо, у которого сделался такой же возмущенный вид, как у Эллен, он негодовал, что она осмелилась сомневаться в существовании Русалочки. Саре вдруг стало страшно.

— Ты не должна подходить к реке одна, ты меня слышала, Горе Мое? Если захочешь, мы сходим к воде вме-

 ДЕВЯТЫЙ КАМЕНЬ

сте и подождем, когда Русалочка всплынет в поисках принца с большими черными глазами.

— У Виктора ведь тоже черные глаза, верно?

Сара ничего не ответила — ей не приходило в голову, что Эллен могла влюбиться в индуза. Придется за ним присматривать, потому что она не была уверена, что ему можно доверять.

ГЛАВА 9

«Кенсингтон, 14 июня 1864 года

Любовь моя!

Мне всего лишь во второй раз удалось набраться смелости, чтобы ступить туда, где еще живо твое присутствие. Разве не странно, что, хотя я тоскую по тебе так сильно, что это стало болезнью тела и души, я за все прошедшие месяцы не смогла войти в комнату, где, как я знала, смогу тебя найти? Я пишу, потому что здесь я чувствую себя ближе к тебе, чем когда-либо с тех пор, как ты меня покинул, а еще потому, что есть некоторые темы, о которых я не могу говорить ни с кем другим.

Сначала я не хотела верить в то, что ты меня оставил, затем я рассердилась на жестокость тех сил, что так неожиданно отняли тебя у меня. Потом не знаю, что на меня нашло, но я не помню, как проходили дни, и всю зиму я практически не могла встать с постели. Я не входила в нашу спальню после того, как тебя оттуда вынесли, и провела много одиноких ночей в голубой комнате.

Марта Веспер ни разу не потребовала, чтобы я встала или говорила с ней, потому что она видела, что даже необходимость встретить еще один рассвет без тебя отнимает у меня все силы. Она сидела около меня, занималась шитьем, пока я делала вид, что завтракаю. Септимус Хардинг тоже отнесся с пониманием к моему состоянию, и я прочитала в “Лондон меркьюри”, что Мистер Эванс

в настоящий момент не может предоставлять свои очерки газете по состоянию здоровья. Теперь я уже вернулась к своим обязанностям, и Мистер Эванс вышел на поиски выдающихся женщин.

Вокруг меня, около стен, стоят твои картины — некоторые из них так и остались неоконченными, — а на полке банки с красками, порошками и льняным семенем, коробочки со свиной щетиной и соболиные кисти. Мне кажется, что, если я к ним прикоснусь, они обожгут мне пальцы, хотя на самом деле опалено будет мое сердце, потому что разве я могу удержать предметы, через которые твое сердце выплескивало свои тайны? Я сижу за столом у окна, где я обычно работала, когда ты писал свои картины. У меня за спиной стоит шезлонг, но я не могу на него смотреть, потому что он хранит воспоминания, коих я не в силах касаться из страха, что они одержат надо мной верх.

Теперь я уже чувствую, как ко мне возвращаются силы, к моему телу, но не к сердцу, и поэтому я сделала первые шаги, Франц, в мир, в котором больше нет тебя. На самом деле леди, верящая в существование мира духов, поручила мне выполнение определенной работы. Как это ни удивительно, я впервые в жизни испытываю радость от мысли, что так много людей разделяет ее убежденность в существовании такого места. Теперь я понимаю, почему женщины, чьи мужья погибли на войне в Крыму и во время заговора в Индии, посещают эти кружки, ведь они так мало времени провели со своими молодыми мужьями.

Когда я была в прошлый раз в Хэмпстеде, я взяла с собой несколько твоих полотен, поскольку леди Герберт думает, что ее друг махараджа Уттар-Прадеша, возможно, захочет купить какие-то из твоих произведений. Она сказала мне, что он коллекционер и любитель европейской романтической школы. Она пришла в на-

КАЙЛИ ФИЦПАТРИК

стоящий восторг, когда увидела твои картины, а затем сделала мне предложение, от которого я на мгновение потеряла дар речи. Она предлагает, Франц, чтобы я отправилась в Бенарес с твоими картинами и сама показала их принцу! Насколько я понимаю, ее слуга-индус, его зовут Говинда, вызвался меня сопровождать, так как ему нужно в ближайшем времени вернуться на службу к махарадже.

Я еще не приняла окончательного решения и дала себе слово, что сделаю это только после следующего посещения дома леди Герберт. Как я жалею, что тебя нет рядом, чтобы дать мне совет, моя любовь! Может быть, мне следует проверить подозрение, возникшее у меня в тот самый момент, когда я познакомилась с леди Герберт, и не оставляющее меня ни на мгновение: что бриллианты не только порождают сильные желания и отнимают у людей самое сердце, но еще и являются проводниками духовной материи. Славная леди Герберт верит, что с помощью этих камней она может связываться с мертвыми. Неужели тебя вернет мне бриллиант, любовь моя? Как жаль, что это не так.

Вечно твоя,

Лили».

ГЛАВА 10

*Уж мне не дано насладиться
Ни каплями свежей росы,
Ни щебетом птичым, как прежде,
В рассветные наши часы...
Но, может быть, там, в полудреме,
К незримому брегу гребя,
Тебя я, незримого, вспомню...
А нет — так забуду тебя.*

Кристина Россетти
Перевод М. Лукашкиной

Марта Веспер родилась в семье ткачей в Манчестере и практически не имела опыта работы домашней прислугой. Однако легко стала экономкой, поскольку была практична и трудолюбива, к тому же, как и каждая женщина, имела предрасположение к искусству ведения хозяйства. Как и раньше, она поместила объявление в «Таймс», потому что именно там следовало искать уважаемого человека, нуждающегося в ее услугах. Она прекрасно понимала, что на свете много женщин, обладающих более высокой квалификацией, чем она, да еще снабженных рекомендациями респектабельных лондонских семей. Впрочем, это ее не остановило, она считала, что дом сам выбирает своих жильцов, от хозяев до слуг, хотя она предпочитала называть себя помощницей. Она придерживалась мнения, что у дома есть свои нужды, не связанные с нуждами хозяина и хозяйки, и он

нашептывает о них из теней, шкафов и коридоров. Марта была очень чувствительна к подобным вещам.

Дом Коречных на Ватерлоо-стрит, вне всякого сомнения, был самым необычным из тех, где ей довелось побывать в качестве экономки. Марте было с ними легко, потому что она знала, что они не будут мешать ей выполнять ее работу. Во время первого разговора она окинула взглядом богемного вида гостиную и заметила:

— Ваш дом кажется мне дружелюбным, хоть и немного слишком пестрым, и, если вас не рассердят мои слова, мне будет очень хорошо работать в таком месте.

Миссис Коречная совсем не возражала против ее слов и тут же заявила, что она в восторге от прямоты Марты. Она сказала, что устала от едва прикрытого неодобрения ее необычных вкусов более опытными кандидатками. Марта спокойно относилась к людям, чуждым условиям, потому что сама не слишком интересовалась модой, и, судя по тому, что она увидела, ее молодая хозяйка тоже. Утро на Ватерлоо-стрит николько не походило на то, что Марта Веспер видела в других домах, где ей пришлось служить. Когда хозяин, мистер Коречный, был жив, он не завтракал, а выпивал лишь чашку шоколада на кухне, стоя спиной к плите. Он покупал темный хлеб у булочника-немца на рынке Ватерлоо по дороге в свою студию и уходил из дома задолго до того, как его жена спускалась вниз. Теперь, когда она слышала шорох халата Лили, касающегося ступеней лестницы, Марта испытывала облегчение, потому что в течение зимы хозяйка, бывало, неделями не находила в себе сил встать с постели. В такие дни поднос с кофе и свежеиспеченными рогаликами так и оставался нетронутым на прикроватном столике в голубой комнате, а миссис Коречная лежала так неподвижно и казалась такой безжизненной, что ее можно было принять за мертвую. Ее прекрасные волосы совершенно растеряли свой

блеск, и в них даже появились седые пряди, хотя Лили Коречной исполнилось всего двадцать восемь лет. Хозяин расплакался бы, если бы увидел ее: кожа нездрового цвета, глаза потемнели, а еще она так исхудала, что ночная сорочка свободными складками висела на груди. Марта Веспер не отличалась сентиментальностью, но в те недели ей не раз приходилось прикусывать губы, чтобы не разрыдаться.

Она не беспокоилась о самом хозяине, и его смерть не стала для нее неожиданностью. Она видела около него призрак смерти и пыталась его прогнать, но не сумела справиться с силами, забравшими его в подземное царство. В конце она только и могла, что уговаривать его — потому что он старательно делал вид, что совершенно здоров, — выпить настойку медуницы и мать-и-мачехи. Когда она стирала белье и видела пятна крови на его платках, она знала, чем все это закончится.

В первые недели Марта часто замечала его призрак в спальне, когда заходила туда, чтобы снять занавески, забрать белье, почистить решетку камина или убрать его одежду. Он искал Лили и казался озадаченным, стоя около пустой кровати. Потом рано утром, на шестой неделе, когда Марта сидела и шила в голубой комнате около своей спящей хозяйки, она увидела Франца в последний раз.

Лили провела беспокойную ночь, и ее стоны и всхлипывания разбудили экономку, которая по-матерински убрала волосы с ее влажного лба и заставила выпить немного валерианы и маковой настойки (она выбросила в окно прописанный доктором Холлом опий, уверенная в том, что он причиняет больше вреда, чем приносит пользы). Когда Лили наконец уснула, Марта осталась с ней, время от времени поднимая голову от своей вышивки, чтобы проверить, не мучают ли хозяйку кошмары. И она увидела мистера Коречного с распущенны-

ми и спадающими на плечи седыми волосами. Он умер совсем не стариком, как можно было бы подумать, глядя на его волосы, хотя и был на несколько лет старше жены. Нет, Марта полагала, что он поседел из-за нервного склада своего характера, хотя его кожа оставалась гладкой, цвета бледного каштана. Его высокая фигура наклонилась над спящей женой, и он поцеловал ее в губы, а потом что-то прошептал на ухо — и исчез, осталась только едва заметная улыбка на бледных губах Лили. Марта поняла, что теперь она начнет поправляться, потому что дух Франца Коречного наконец нашел жену и попрощался с ней. Так и случилось. Когда Лили проснулась на следующее утро, она съела почти весь завтрак и даже попросила газеты.

Марта покупала «Лондон меркьюри» и «Гардиан» каждый день, заслышав голос разносчика газет, даже тогда, когда знала, что зря тратит деньги. Миссис Коречная снова начала проводить утренние часы в библиотеке, в своих диковинных восточных халатах, с распущенными волосами, перед столом, заваленным блокнотами. Она не прикасалась к почте, пока не заканчивала просмотривать лондонские газеты. Приглядевшись к ней внимательнее, Марта заметила, что Лили читала очень выборочно и исписывала целые страницы в своих блокнотах одному только богу известно какими сочинениями. Дамы, у которых прежде служила Марта, никогда не занимались подобными вещами. Большинство из них, по наблюдениям Марты, читали только «Пиэрс» и «Лейдиз пикториал»*, а также каталоги ювелирных изделий. У Марты Веспер не оставалось времени на журналы и газеты, хотя она умела читать и писать, и сначала она считала, что ее хозяйка поступает неразумно, отдавая каждый день по два пенни за эти листы бумаги.

* Дамские иллюстрированные журналы.

Но теперь она восхищалась Лили, потому что та была настоящей личностью, даже до того, как умер ее муж.

С тех пор как умер мистер Коречный, Марта взяла себе за привычку как можно чаще вытираять пыль и наводить порядок в передних комнатах, а также, если было холодно, разводила камин, чтобы в доме стало теплее и веселее, а сама старалась находиться поблизости. Она делала все это ненавязчиво, чтобы не мешать Лили, которая время от времени поднимала голову и смотрела в окно. Теперь хозяйку все больше и больше занимали уличные торговцы — одному богу известно почему. Когда Марта убирала со стола остатки завтрака, миссис Коречная читала «Лондон меркьюри» и хмурила свои темные брови.

— Мистер Мелвилл поднял такой шум из-за контрабанды. Если верить ему, все тучи мира собираются над Лондоном.— Она вздохнула и взглянула на Марту.— Революция в прессе веять хорошая, но, боюсь, издатели слишком расточительно относятся к правде. Они создают иллюзорный Лондон, и я не уверена, что это разумно, потому что они наполняют праздные умы страхом и фантазиями. Даже Септимус Хардинг, очень честный и благородный человек, готов печатать то, что, по его мнению, заставит читателей покупать его газету.

Марта Веспер задумчиво кивнула и понесла поднос на кухню. Она не возражала, когда ее хозяйка делилась с ней своими заботами: миссис Коречной возможность думать была так же необходима, как возможность дышать. По мнению Марты, мир был именно таким, каким должен быть, а если тучи и правда собирались над Лондоном, это означало, что просто свет на время скрылся. А свет можно увидеть в самых неожиданных местах, если только умеешь правильно смотреть; он пробирается по грязному переулку рано утром или падает на скамейку у окна в гостиной, которой никто не пользуется.

Гостиная находилась на другой стороне коридора от библиотеки, где миссис Коречная проводила не только утро, но и все вечера, и Лили избегала эту комнату так же старательно, как и спальню наверху, где стояла ее остывшая брачная постель.

Марта вернулась в библиотеку, чтобы вытереть пыль с полок, на которых не было даже намека на пыль, а также отполировать цветные стекла абажура над лампой, те, что она полировала только вчера. Когда она вытирала изогнутую поверхность глобуса, трех футов в высоту, стоявшего на стройных ногах из красного дерева, он повернулся вокруг своей оси. Она положила на него руку, чтобы остановить, и почистила медный меридиан, проходивший посередине. Она знала, что Лили за ней наблюдает, когда убрала руку и взглянула, какую страну она прикрывала. Иногда они играли в эту игру.

— И в какой стране ты сегодня оказалась, Марта?

— О, это Индия, мадам. Представляете?

— Индия! — На мгновение у Лили сделался такой вид, будто она решила чем-то поделиться с экономкой, но затем передумала. — Знаешь, Франц всегда хотел там побывать, хотя я никогда не поклонялась свету и ярким краскам так, как он. Мне нравится разглядывать прозрачные фигуры в тумане, потому что тогда я могу представлять себе самые разные... Что такое, Марта?

Марту посетило одно из ее «ощущений», и оно касалось медальона, который Лили носила на груди. Обычно он прятался под платьем, но сегодня утром оказался поверх вышитых красным шелком розовых, красных и оранжевых маков на ее корсете.

— Вы вынули волосы из своего медальона, мадам?

Она вела себя сейчас гораздо менее сдержанно, потому что была рядом с Лили в самые трудные дни, когда та погрузилась в свое горе, хотя и в прежние времена всегда отличалась прямотой.

— Нет, конечно. Я без них не могу.

Диковинное ощущение стало сильнее, хотя Марта никак не могла понять, почему ей так не по себе, но предчувствие имело какое-то отношение к покойному хозяину или только к его волосам. Очень странно. В этот момент послышался стук дверного молоточка, и Марта вышла из комнаты. Снова пришла та девочка; она стояла перед дверью, на ее веснушчатом лице играла озорная улыбка, из-под огромной шерстяной кепки выбилось несколько прядей рыжих волос. Марта с удовольствием постирала бы ее брюки и рубашку.

— Доброе утро, мисс. Сегодня нет посылок?

— Нет, миссис. У меня письмо для миссис Коречной от мистера Хардинга.

— Письмо? Ну тогда заходи и отдай ей в руки.

Лицо девчонки расплылось в широкой улыбке, и Марта не сдержалась и тоже улыбнулась. Она провела ее в гостиную после того, как Сара остановилась в вестибюле, сняла кепку и попыталась пригладить волосы, которые не желали ее слушаться и торчали в разные стороны, точно петушиный гребень. Это была очень необычная девочка с грубою ирландской речью и умными голубыми глазами, пытающимися увидеть все одновременно. «Неглупая и с добрым сердцем», — подумала Марта.

— Доброе утро, Сара, какой приятный сюрприз!

Лили поднялась со своего стула и протянула девочке руку.

Однако Сара, вместо того чтобы пожать, поцеловала ее, так что Марте и Лили пришлось скрыть свое изумление.

— Садись, детка, и отдай хозяйке письмо, а я принесу тебе чашку шоколада.

На кухне Марта принялась искать большой кусок темного шоколада, который не доставала с тех пор, как умер

хозяин. Лили не любила сладкого, неудивительно, что она была стройной, точно майское дерево, хотя сейчас начала немного поправляться, когда Марта стала следить за тем, чтобы она нормально питалась. Право мягко отчитывать хозяйку и перечить ей она тоже заслужила в те печальные дни. Если бы ее предоставили самой себе, миссис Коречная погрузилась бы в свои книги и записи, сидела бы в библиотеке часы напролет, не одевалась бы, если бы только ей не нужно было сходить на рынок, а это все еще происходило очень редко. А теперь редактор газеты посыпает ей письма, чтобы не приходилось ходить в редакцию! Он казался добрым человеком и, вне всякого сомнения, хотел сделать как лучше, но Марта решила написать ему и сообщить свое мнение касательно того, что полезно ее хозяйке.

Шоколад должен был лежать в холодной кладовой, завернутый в тряпицу для сыра, но она никак не могла его найти. Его не было среди формочек для кексов и щипчиков для сахара, она не нашла его ни в горшке для солений, ни в каменных бутылях для приготовления вина из бузины. Марта сердито вздохнула и села на табурет у печки, потому что тут ей думалось лучше всего. Неожиданно она поняла, куда делся шоколад, и улыбнулась, ругая себя за то, что не сообразила этого раньше. Разумеется, он его переложил! Но куда он мог его спрятать? Впрочем, для подобных целей подходило только одно место: большой шкаф в буфетной, где он держал кое-какие из своих вещей: рулоны ирландского полотна, потому что сам готовил холсты, горшочки с цветными порошками и кувшины с льняным маслом янтарного цвета. Именно там сейчас хранились его картины, те, что Лили привезла из Кенсингтона.

Ни Марта, ни хозяйка их еще не разбирали, да и не знали, что с ними делать. Любому было видно, что это великолепные работы, хотя их никогда не примут в Ко-

ролевскую академию, потому что Франц был евреем. Портреты богатых евреек, живущих в Лондоне, Лили вернула заказчикам, даже неоконченные, но категорически отказалась взять за них деньги. Остались картины вроде той, что висит в холле, изображавшие женщины, как будто пришедших из далекого прошлого и из диковинных стран или просто возникших у него в воображении. Шоколад оказался именно там, где Марта и рассчитывала его найти, завернутый в тряпичку для сыра и перевязанный бечевкой, среди баночек и кувшинов.

Лили и Сара были так увлечены разговором, когда она вернулась в гостиную, что не заметили ее.

— История знает множество женщин, которые осмелились потребовать себе свободу, являющуюся правом мужчин,енным им при рождении, и стали великими, даже на военном поприще. Разве ты не слышала про Жанну д'Арк или королеву Боудику?*

Сара покачала головой и нахмурилась.

— И наверное, королева Виктория тоже была из их числа, хотя я никогда не думала о ней как о женщине.

Когда Марта поставила поднос на стол, девочка уставилась на красивую чашку из китайского фарфора с горячим шоколадом и тарелку с кексами и свежим маслом. Глядя на нее, Марта решила, что она не слишком хорошо питается.

— Мы с Сарой обсуждали принципиальные различия между мужчинами и женщинами, Марта. Ты согласна с тем, что они существуют?

— Конечно, согласна, и я точно знаю, что мужчины — существа совершенно иной породы.

* Боудика, или Боадица, — жена Прасутага, вождя зависимого от Рима бриттского племени иценов, проживавшего в районе современного Норфолка в Восточной Британии. После смерти мужа римские войска заняли ее земли, что побудило ее возглавить антиримское восстание.

— Но как бы ты их охарактеризовала, если бы тебя попросили дать определение сущности мужчин, Марта?

— Если вас интересует их сущность, мужчины состоят из трех частей: желаний, действий и разговоров о своих делах.

Услышав ее ответ, Лили весело рассмеялась, и Марта подумала, что девочка оказывает на нее хорошее действие.

— А женщина? Что ты можешь сказать о современных женщинах, миссис Веспер?

— Другие три части: они думают, чувствуют и работают. Но все шесть частей соединяются вместе, разве не так, мадам?

— Именно так.

Сара внимательно слушала их, переводя взгляд с одной на другую и делая маленькие глотки шоколада. На нее стоило посмотреть, когда она сделала первый глоток: ее лицо вспыхнуло от изумления, так поразил ее потрясающий вкус сливочного напитка. Она стерла масло с подбородка большим мужским платком и поставила чашку на стол.

— Пожалуй, я пойду, миссис Коречная. Мистер Хардинг спустит с меня шкуру, если я не вернусь с ответом к обеду.

— Разумеется, Сара, но тебе не стоит волноваться, я напишу мистеру Хардингу, что задержала тебя, потому что обдумывала свой ответ. На самом деле, если ты не против, я бы хотела попросить тебя поехать со мной в Кенсингтон. Может быть, завтра? Не возражаешь?

Марта обнаружила, что снова улыбается. Миссис Коречная радовалась их планам не меньше девочки, впрочем, она понимала, что Лили пригласила ее, потому что Сара ей нравилась, но еще и от одиночества. На самом деле завтра была очередная годовщина ее свадьбы.

 ДЕВЯТЫЙ КАМЕНЬ

— Я сейчас ему напишу, соглашусь на его предложение дать в газету статью, посвященную Джуллии Маргарет Камерон, хотя, судя по всему, он забыл, что это была моя идея.

— А она принадлежит к числу выдающихся женщин?

— Еще как принадлежит. Миссис Камерон первая из женщин, ставшая коммерческим фотографом, и она сделала портрет мистера Теннисона, и мистера Диккенса, и Джордж Элиот.

— Джордж — это леди?

Лили рассмеялась:

— Совершенно верно, Джордж — леди.

Пока хозяйка рассказывала девчонке, какой смелой и умной была леди Джордж, Марта выскользнула из комнаты, чтобы написать свое собственное письмо Септимусу Хардингу. Она отдала его Саре, когда та уходила, чтобы хозяйка не видела.

ГЛАВА 11

Любая женщина, обладающая логикой, способная философствовать и заниматься наукой, отличается от нормальной женщины по своим физическим и умственным характеристикам.

Журнал «Ланцет», 1862 г.

Сару переполняли идеи и вопросы, когда она на следующий день встретилась с Лили Коречной. Она начала чувствовать себя живой в каком-то диковинном смысле с тех пор, как познакомилась с миссис Коречной, и не понимала, что с ней происходит. Но еще никогда она не ощущала себя такой защищенной со временем смерти мамы.

Мистер Хардинг всегда был к ней добр, прямолинейная, грубоватая Руби тоже, но с ними Сара чувствовала себя так, будто должна быть взрослой, поскольку она являлась главой семьи. С Лили она могла быть самой собой, иными словами, взрослой наполовину. Что бы сейчас ни происходило, мир вдруг озарило благословение. «Благословение Создателя», сказала бы мама, хотя у Сары, потерявшей половину семьи, имелось собственное мнение относительно Создателя.

Когда накануне Сара вернулась в газету, после того как побывала на Ватерлоо-стрит, редактор сидел в своем кабинете один среди царящего там обычного беспо-

рядка, что случалось не часто. Инспектор Ларк взял за привычку заходить к нему почти каждый день, но Сара была склонна думать, что причиной тому не столько желание сообщить о новых преступлениях, сколько стремление к обществу мистера Хардинга, с которым он дружит. Септимуса Хардинга окружали кипы бумаг, стопки обложек, папки и блокноты, полная пепельница, стакан с шерри и чашка с чаем. Как-то раз Нелли взяла какие-то книги, чтобы стереть с них пыль, и положила не туда. Мистер Хардинг поднял такой шум, когда не смог найти нужную книгу, что напугал ее до смерти. Она до сих пор его отчаянно боялась.

Когда Сара сказала ему, что принесла письмо от экономки миссис Коречной, а также от самой леди, кустистые брови редактора полезли на лоб.

— Письмо от экономки миссис Коречной? Думаешь, ей тоже нужна работа?

— Не думаю, сэр. Она не такая.

— А какая она, по-твоему, эта миссис Веспер?

— Ну, сэр, она похожа на мистера Парсиммонса, только она не показалась мне такой же несчастной, как он. Я бы сказала, что она умна, но не так, как миссис Коречная, по-другому. У меня сложилось впечатление, что ей нравится ухаживать за миссис Коречной, сэр.

Сначала Септимус Хардинг сломал печать на письме экономки и принялся его читать, одновременно слушая Сару.

— Ты не заметила у нее одного качества, Сара, похоже, наша миссис Веспер отличается смелостью! Она очень вежливо просит меня не облегчать жизнь ее хозяйке, давая ей возможность работать дома. По ее словам, Лили Коречная должна больше общаться со своими коллегами, а не меньшее. Так-так, женщины страшно любят командовать, верно? Полагаю, наступит день, когда ты тоже станешь большим командиром.

Его слова привели Сару в ужас.

— Нет, сэр, не стану! — вскричала она совершенно искренне.

— Посмотрим, посмотрим.— На мгновение на лице редактора появилось торжественное и очень серьезное выражение.— Если ты хочешь чего-то добиться, Сара, держись подальше от мужей, потому что очень немногие из них позволяют женам использовать по назначению свой ум, а у тебя он очень острый.

Она размышляла над его советом до конца дня и продолжала думать назавтра.

Затем мистер Хардинг сломал печать на письме миссис Коречной. Он разрешил Саре сопровождать Лили в Кенсингтон, ведь ему велели защищать интересы леди, и, как он сказал, Саре полезно общество одной из самых выдающихся женщин Лондона, обладающих потрясающим умом.

— Значит, они отличаются друг от друга, сэр, женские умы?

— Конечно, Сара. Я считаю, что некоторые женщины наделены объективностью и чувствительностью, недоступной многим великим мужчинам. Надеюсь, ты понимаешь, болтать об этом на всех углах не стоит, газетное дело в нашем городе зиждется на трудолюбии и уме мужчин, а праздная женщина порой является доказательством успешности мужчины.

Когда Сара шла по мосту Ватерлоо, небо потемнело и с реки потянуло прохладой. Она задрожала и посмотрела в сторону пристани Темпл. В маленьком порту царила суматоха, несмотря на совершенное здесь несколько недель назад убийство. Яркое иностранное судно стояло у самого длинного причала, носом к мосту. У него была громадная корма, и оно походило на прекрасную даму с кожей цвета темного дерева и золотыми юбками.

На палубе Сара разглядела темнокожих матросов, а на пристани сутились портовые рабочие. Из газеты девочка знала, что именно сюда приходят суда с иностранными грузами, и ей стало интересно, из-за каких запрещенных товаров погиб Херберт Пейси. Именно это твердил мистер Мелвилл: что Пейси был плохим человеком и что его прикончили другие плохие люди.

Когда Сара подошла к изумрудно-зеленой двери дома Лили Коречной, она напомнила себе слова Септимуса Хардинга, что у нее острый ум, а он в таких вещах разбирался. Она почувствовала себя увереннее, потому что совсем не хотела показаться миссис Коречной дурочкой. Мистеру Хардингу не стоило предупреждать ее, чтобы она держалась подальше от мужей, подумала она, постучав молоточком в дверь. Это она и без него уже поняла. Ей было интересно, что представлял собой муж миссис Коречной, наверное, он отличался от остальных мужчин. Кстати, и у мистера Хардинга тоже имелась жена. Так что, возможно, в мире все-таки существуют мужчины, которым нравятся умные женщины, не похожие на Джека Тислуайта, делающего вид, будто знает все на свете, даже когда он чего-то не знает.

Миссис Веспер открыла дверь, и тут же появилась миссис Коречная в темном бархатном плаще. На улице было не настолько холодно, несмотря на потемневшее небо, но Сара уже заметила, что миссис Коречная предпочитала прятаться от мира. И очень жаль, потому что, по мнению Сары, у нее были самые потрясающие костюмы, какие ей доводилось видеть.

Пока они ехали в экипаже по улицам города, миссис Коречная что-то писала в блокноте, и Сара вытянула шею, чтобы подсмотреть. Она изо всех сил пыталась представить Оксфорд-стрит как «артерию, соединяющую восток и запад Лондона, где городские торговцы

творят свои таинственные алхимические эксперименты, превращая женскую скуку и страсти в золото». Сара знала, что артерии имеют какое-то отношение к крови, текущей внутри тела, словно река; она прочитала об этом в «Ланцете», хотя всегда считала, что это слишком умный журнал для таких, как она. Мистер Хардинг хранил экземпляры их публикаций в куче на полу своего кабинета, и она пару раз туда заглядывала, дожидаясь, когда уйдет посетитель. Сара понятия не имела, что такое алхимия, поэтому в списке вопросов, подготовленных ею для миссис Коречной, появился еще один.

«Но в тени парада ярких тканей, ливрей и драгоценностей можно увидеть и бесцветные, выношенные тряпки нищих, босых детей с тачками и корзинами», — быстро писала Лили каллиграфическим почерком.

Сара была озадачена тем, что одна из самых выдающихся женщин Лондона, обладающая потрясающим умом, пишет про уличных детей, она ни за что на свете не могла себе представить, что такие вещи заинтересуют благородных господ.

— Вы пишете для «Меркьюри», миссис Коречная?

— Нет, наверное. Скорее всего, нет. Иногда я пишу просто затем, чтобы освободить голову от мыслей, а иногда это позволяет мне не чувствовать себя такой одинокой. Иначе моя жизнь превращается в неразбериху воспоминаний и фантазий.

Тогда Сара рассказала миссис Коречной о том, что чтение старых газет и размышления о прочитанном, да и вообще обо всем подряд, иногда так переполняют ее голову, что она не может уснуть по ночам.

— В таком случае ты должна писать, Сара! — сказала леди, выслушав ее, и Сара рассмеялась: она — и писатель?

Об этом можно только мечтать.

Они очень быстро добрались до старого дома, и пока миссис Коречная искала в своей полотняной сумке большой медный ключ, начался дождь. У стеклянной двери рос шиповник с большими влажными цветами, осипавшими их каплями воды, когда они вошли в дом. Здесь так приятно пахло после грязного воздуха Ватерлоо, а дорожка за дверью была усыпана бледно-розовыми лепестками, точно бархатным ковром. У стен стояло уже меньше картин, чем в прошлый раз, когда Сара побывала в этой комнате, и в сумраке непогоды студия Франца Коречного казалась диковинным, жутковатым местом. Сара заметила, что Лили дрожит, несмотря на теплый плащ.

— Нужно развести огонь, — сказала миссис Коречная и скрылась за дверью у дальней стены.

Сара пошла за ней и увидела, что она выходит в длинный коридор с еще четырьмя такими же дверями. В конце она разглядела широкую лестницу, ведущую вверх и вниз.

Когда они принесли из подвала дрова и Сара развела огонь, в комнате стало теплее и не так жутко. Миссис Коречная открыла крышки ящиков и двери чулана, где хранились книги. Дом не казался обитаемым, и Саре стало интересно.

Когда Лили вышла из книжного чулана с голубой шляпной коробкой в руках, Сара спросила:

— А что, здесь все комнаты пустые?

— Когда-то тут работали и другие художники, но прошлой зимой Франц остался один... до того, как он умер. В темные месяцы здесь бывает очень холодно, но мой муж не обращал на такие вещи внимания. Он бы и сейчас писал свои картины, даже в такую погоду; несмотря на дождь, двери в сад всегда были открыты, потому что Франц не соглашался с тем, что в Лондоне холод-

но — в отличие от Праги зимой. Довольно часто, когда я приезжала его навестить, даже не могла говорить, потому что у меня зуб на зуб не попадал. Тогда он закрывал дверь и вспоминал, что нужно развести огонь.

Она менялась, когда говорила про мистера Коречного, словно возвращалась в те времена, когда он еще был жив. Сара мучило любопытство, и она спрашивала себя, прилично ли задавать вопросы о том, что уже в прошлом.

— Он, наверное, был из тех мужчин, которые любят умных женщин, — сказала она, вспомнив разговор с мистером Хардингом и посчитав свои слова вполне невинными.

— Да. Когда я закрываю глаза, мне кажется, я могу разглядеть... О, Сара, прости меня, ты еще слишком молода, чтобы воспринимать такие фантазии.

— А он был красивым?

— О да. У него были ослепительно белые волосы, доходившие до шейного платка, он всегда выбирал платки из шелка с цветным рисунком.

— Вы познакомились с ним в Лондоне?

— Мы с Францем встретились в салоне... ты знаешь, что это такое?

Сара покачала головой.

— Это своего рода встреча, собрание людей, которые разговаривают о философии, искусстве и веке, в котором мы живем. Впрочем, тот салон был не совсем обычным, он проходил в доме Габриэля Россетти, художника. Мы собирались, чтобы почтить память Лиззи Сиддал, жены и натурщицы Россетти, тоже художницы, которая незадолго перед тем умерла от передозировки опиума.

— Вы о ней писали!

— Писала. Встреча получилась не такой мрачной, какой могла бы быть, поскольку на ней присутствовал

писатель Уилки Коллинз, а он до этого почти весь день провел в таверне и хорошенъко там набрался. Наверное, он был влюблен в Лиззи не меньше, чем половина мужчин, ее окружавших. Они называли себя братством, велили, что создали новую религию — религию красоты. Именно об этом мистер Коллинз рассказывал Францу Коречному, когда я его впервые увидела. «Но красоту нельзя уравнивать с чистотой сердца», — услышала я ответ Франца. А потом он сказал, что художников можно простить за романтические идеалы, когда их пейзажи омрачены грязью и нищетой. Мистер Коллинз заметил, что я слушаю, и сделал мне какой-то комплимент. Я воспользовалась возможностью и спросила его, почему он позволил Уолтеру Хартрайту, герою его романа «Женщина в белом», влюбиться в безвольную и слабую мисс Фэрли, а не в сильную духом мисс Голкомб. На мой вопрос писатель холодно ответил: «Я склонен согласиться с мистером Рёскином* — хорошая жена в доме мужа является его служанкой, она королева лишь в его сердце». Тут Франц что-то пробормотал в защиту нашего пола и заинтересовал меня еще больше. Я наблюдала за ним, когда он подошел к стене, чтобы взглянуть на одну из картин Россетти. На ней была изображена Лиззи, как и на большинстве картин братства. Ее знаменитые волосы сияли, точно новенькая медь, а глаза напоминали бериллы. Глядя на Франца, я спрашивала себя, не был ли и он в нее влюблен. Но тут он повернулся и посмотрел в противоположный конец комнаты, туда, где я сидела, и его глаза, словно излучали свет, не выпуская меня из своего плена. Мне трудно это объяснить тебе, Сара, рассказать о той нашей встрече, но все происходило

* Рёскин Джон (1819–1900) — английский писатель, теоретик искусства, литературный критик и поэт.

так, будто наши души потянулись друг к другу. За ужином он умудрился сесть рядом со мной, и мы всю ночь проговорили о Праге и салонах в Берлине, где не придерживаются душащих все разумное законов сегрегации, принятых у нас, в Лондоне. Там евреи и христиане, мужчины и женщины, представители аристократии и среднего класса собираются на интеллектуальные встречи как равные. Он проявлял ко мне совсем не такой интерес, какой обычно проявляют мужчины...

Миссис Коречная замолчала и стала смотреть в огонь. Языки пламени освещали темно-красные полоски на ее поплиновом платье и милое бледное лицо. «Воспоминания опечалили ее», — подумала Сара. У нее даже сложилось впечатление, что Лили забыла, где находится.

— Он предложил вам выйти за него замуж тем же вечером?

Лили рассмеялась:

— Не совсем. На следующий день я все еще слышала эхо его голоса, странный акцент, с которым он произносил самые обычные слова. Я видела его улыбающиеся губы. Он пришел ко мне ближе к вечеру и сказал, что я поразительная женщина. А я спросила его, находили ли он это непривлекательным. Именно тогда он и предложил мне выйти за него замуж.

Лили встала и провела рукой по темным волосам, немного смущенно и с волнением прикоснулась к медальону, висевшему у нее на шее. Сара уже успела заметить, что она делала это несколько раз за время их встречи.

— Понимаешь, сегодня годовщина нашей свадьбы. Прости меня за сентиментальные воспоминания, мне не следовало тебя ими отягощать.

— А вы ничего такого и не сделали. Вы меня нисколько не отяготили, честное слово. Ни капельки!

 ДЕВЯТЫЙ КАМЕНЬ

Лили благодарно улыбнулась Саре, затем огляделась по сторонам, неожиданно став деловитой, словно и не было печальных воспоминаний.

— Я хочу забрать оставшиеся картины на Ватерлоострит, потому что я познакомилась с очень необычной женщиной, которая уже видела некоторые работы Франца и хочет взглянуть на другие.

ГЛАВА 12

«Ватерлоо, 30 августа 1864 года

Дорогая Барбара!

Я уже несколько раз бывала в доме леди Герберт и приступила к составлению каталога, о котором она меня просила. Мне было интересно, как я сумею справиться со своим невежеством относительно названий некоторых драгоценных камней, но мне не стоило беспокоиться, потому что меня постоянно сопровождает индус Говинда. Его знания в данной области производят сильное впечатление, но говорит он, только когда я задаю вопросы. Я уже начинаю привыкать к его молчаливому присутствию, и, хотя прежде считала его человеком невежественным, сейчас я изменила свое мнение. Он наблюдает и слушает, но выражение его лица остается непроницаемым. Когда я спрашиваю о каком-нибудь камне, он не только называет его, но и объясняет цель его существования. Я узнала, что в его стране у каждого камня имеются собственные мистические свойства. Например, красные камни, такие как коралл, сердолик, рубин и гранат, улучшают кровь и оказывают благотворное действие на весь организм человека. Если только, и это Говинда особенно подчеркнул, человек не лишен душевного равновесия. Тогда «жар» красного камня может быть опасным и вызвать агрессию. С другой стороны, счита-

ется, будто зеленые камни, изумруд и нефрит, успокаивают и восстанавливают душевный покой, совсем как прогулка по лесу, где зеленые листья над головой пронизаны лучами солнца.

Синтия Герберт рассказала мне, что Говинда является особым стражем из ордена индийских воинов, охраняющих махараджу. Махараджи нанимают таких людей, потому что их учат убивать и не испытывать при этом угрызений совести, если какой-нибудь разбойник будет угрожать принцу, его дворцу или драгоценностям. В Индии, сказала она, сокровища королевства хранятся не в банках, а в ларцах, спрятанных в каменных подземельях дворцов.

Когда я заканчиваю работать в аметистовой комнате, мы с леди Синтией пьем чай в гостиной в окружении великолепных картин, принадлежащих ей. Иногда к нам присоединяется сестра ее покойного мужа, мисс Герберт, потому что она тоже живет в этом доме, но она очень робкая и, как мне кажется, является истовой христианкой, так что у двух дам мало общего. Когда мы встречались в прошлый раз, я привезла с собой полотна из студии Франца и, пока леди Герберт открывала их одну за другой, по непонятной мне самой причине ужасно нервничала, пытаясь увидеть работы моего мужа глазами постороннего человека. Мне это не удалось, ведь его картины мне слишком хорошо знакомы, и мне оставалось только наблюдать за ее лицом и надеяться, что полотна моего мужа тронут ее так же, как трогают меня. Она не выдала своих чувств до самого конца и заговорила, только когда на полу гостиной осталась лежать лицом вниз всего одна картина.

“Они и правда чудесны, и я бы хотела купить у вас несколько картин. Остальные вы можете отвезти в Индию, миссис Коречная, и я уверена, что мой друг маха-

раджа Бенареса будет в восторге от того, что настоящий знаток привезет ему маленькую коллекцию работ столь талантливого художника. А теперь мы должны обсудить стоимость ваших услуг по составлению каталога моих драгоценностей”.

“Мне достаточно того, что вас заинтересовали работы моего мужа,— ответила я.— Я не могу принять у вас деньги...”

“Чушь! — презрительно заявила она.— Я предлагаю вам следующее: меня печалит то, что вы неправильно храните волосы вашего мужа.— Она протянула руку и коснулась медальона у меня на шее.— Я бы хотела, чтобы из них сделали надлежащий траурный амулет, и тогда, со временем, его дух вас оставит. Совсем не дело, что вы заперли его, спрятав от дневного света! — Затем леди Герберт мельком посмотрела на Говинду.— На самом деле Говинда прекрасный рисовальщик, и, когда я с ним обсуждала этот вопрос, он предложил придумать что-нибудь подходящее. Он уже занимается бриллиантами махараджи”.

Меня удивило, что девять бриллиантов, которые я видела на выставке в Королевской академии, превратятся в украшение, и я сказала об этом.

“А как же иначе! Это было первым условием, на котором бриллианты покинули Индию, поскольку я знакома с прекрасным ювелиром на Хаттон-Гарден. Прошу вас, позвольте мне передать ему волосы вашего мужа, и он сможет одновременно заняться бриллиантами махараджи и вашим амулетом. Однако вы не должны никому говорить, что бриллианты отправятся к ювелиру. Это будет нашим секретом”.

Мне на удивление не хочется участвовать в этих суеверных играх, но леди Герберт проявила щедрость, предложив признание моему мужу, которого он не получил

 ДЕВЯТЫЙ КАМЕНЬ

при жизни. Поэтому я согласилась, чтобы локон его волос из моего медальона превратился в траурный амулет. Должна сказать, что я невероятно заинтригована и мне страшно интересно, что предложит Говинда. А до тех пор я с нетерпением жду, когда мне вернут “дух” Франца.

Твоя любящая подруга

Лили».

ГЛАВА 13

Они говорили, что в горах алмазного камня есть великие ужасы и никто, никто не может пройти к этому камню; но купцы, которые им торгуют, применяют хитрость, чтобы добраться до него: они берут овцу, режут ее и обдирают, и рубят на куски ее мясо и бросают его с горы в долину,— и мясо падает туда еще влажное, и прилипают к нему эти камни. И купцы оставляют мясо до полудня, и спускаются к нему птицы — орлы и яструба, и хватают его в когти, и поднимаются на вершину горы; и тогда приходят к ним купцы и кричат на них, и птицы улетают от мяса, а купцы приходят и отдирают от мяса камни, прилипшие к нему,— они оставляют мясо птицам и зверям, а камни уносят в свою страну.

Книга Тысячи и одной ночи.
Семь путешествий Синдбада-морехода.
Перевод И. Крачковского
под ред. М. Салье

Улица Хаттон-Гарден располагалась рядом с Флит-стрит и Стрэндом, и потому считалось, чтоходить туда за покупками модно, в особенности если учесть, что продавали там не совсем обычные вещи, а, по мнению Джошуа Финкельштейна, очень важные вещи, потому что он исключительно серьезно относился к своему делу. Вот

почему ювелир все еще работал поздним летним вечером — одолжение, которое он делал только своим самым важным клиентам. Это были клиенты, в свою очередь очень высоко ценившие его и готовые показывать ему свою признательность в весьма необычных формах.

Всю весну в маленькое окошко своей мастерской, находящейся в подвале, Джошуа наблюдал за тем, как меняются подолы платьев дам — шерстяные превращаются в муслиновые, а кожа их ботинок из черной — в цвета слоновой кости. Из своего окошка он видел только эту часть улицы, но иногда его глазам представляли воистину поразительные картинки, потому что в ветреный день юбки имели обыкновение взмывать вверх, и тогда он мог любоваться чулками и кружевом, а порой и панталонами. Джошуа Финкельштейн был уже немолодым человеком, но медлительность, приходящая с возрастом, еще не стала его проклятием. Он гордился тем, что сохранил свою мужскую силу, несмотря на то что в прошлом она не раз доставляла ему неприятности.

Когда звонил колокольчик в лавке, он снимал кожаный передник и взлетал вверх по лестнице, быстрый, точно лиса, поскольку еще не доверял способности юного Дэйви разговаривать с посетителями. В лавке хватало места только для двух дам и двух джентльменов или трех дам, но никак не четырех — по крайней мере, пока не поменялась мода. Дела у него шли хорошо, особенно когда леди Синтия Герберт стала его клиенткой. Его удивило, когда она пришла к нему в первый раз, потому что она являлась постоянной клиенткой Гэррарда, главного поставщика украшений британского королевского дома. Проблема Гэррарда заключалась, по мнению Джошуа, в том, что, когда у тебя столько мастеров, учеников и продавцов, невозможно не привлекать к себе внимание.

Финкельштейн мог полагаться только на самого себя, ну и иногда на своего юного ученика Дейви, который, с точки зрения Финкельштейна, обладал необходимым сочетанием неумелой молодости и неопытности в обмане. Время от времени он с готовностью отправлялся на пристань Темпл, чтобы забрать для своего наставника не облагаемые налогом камешки, разумеется, если получал за свои хлопоты вознаграждение в два шиллинга. За эти деньги он мог купить себе теплую ванну на Уайтчепел или оплатить половину стоимости нового льняного сюртука. Джошуа работал и с камнями, попадавшими к нему по обычным каналам, и с теми, что прибывали контрабандой. Принципиальность и честность стоили слишком дорого.

Сегодня он пораньше отпустил Дейви, поскольку собирался вечером доделать вещицу, заказанную леди Герберт, а его юный ученик и без того слишком интересовался необычной работой. В конце концов, предполагалось, что диковинный индийский амулет должен оставаться тайной, хотя сами бриллианты вызвали настоящий переполох в Королевской академии. Дейви был недоволен, что его отослали прочь, потому что его заворожил красный камень, как, впрочем, и самого Джошуа, и ему страшно не терпелось увидеть готовое изделие.

Джошуа Финкельштейн теперь редко что-то делал сам; по большей части он чинил и покупал украшения, привезенные, как правило, с Востока, потому что они пользовались огромным спросом. А так как он оказался первым ювелиром на Хаттон-Гарден, кто начал продаивать бирманские рубиновые броши, тибетские сережки из черепаховой кости, традиционные колье из Раджастана и даже позолоченные брошьки из тигрового когтя, доставленные с Цейлона, он заработал себе определенную репутацию (Джошуа постоянно твердил, что нет

ничего важнее хорошей репутации). Именно она стала причиной визита знаменитой леди Герберт чудесным летним днем, чуть больше недели назад. Кроме того, леди сообщила, что может довериться только Финкельштейну, так как желает сохранить заказ втайне: бриллианты произвели неизгладимое впечатление на публику, и она сказала, что опасается за их сохранность.

Джошуа согласился выполнить просьбу леди Герберт — хотя ясно дал ей понять, что, строго говоря, больше не делает украшений, — потому что она предложила ему огромное вознаграждение, а еще рисунок, по которому он должен был выполнить работу, показался ему смутно знакомым. Джошуа Финкельштейн уже видел индийский амулет в виде кольца на пальце купца из Джайпур*, продавшего ему большие изумруды в форме слезы. Он выглядел как диск с восемью драгоценными и полудрагоценными камнями, окружающими рубин. Когда Джошуа спросил о необычном украшении, купец сказал ему, что это оберег и что он несет на себе благословение богов. Джошуа не совсем понял, почему леди Синтия заинтересовалась такой безделушкой, в ней было что-то примитивное, решил он: столько камней и все не подходят друг к другу. Он даже талисманы своей веры не любил, амулеты, гарантирующие любовь и процветание, вызывали у него беспокойство, а на ум приходило слово «язычество». Он был евреем, как и многие из его клиентов, и ему не следовало обращать внимание на суеверия, поскольку это вредно для дела. Что же до любви, как и большинство его единоверцев, он женился по любви, но это было давно.

Леди Герберт пришла в сопровождении индуса, видимо, слуги — хотя он вел себя без подобающего его положению смирения. Именно индус держал в руках

* Джайпур — город в Индии, штат Раджастхан.

бархатный мешочек, отделанный стеганым атласом, но, прежде чем показать Джошуа, что лежит внутри, леди Герберт попросила его закрыть ставни и запереть дверь, чтобы им никто не помешал. Он сделал, как она просила, потому что его охватило любопытство. О коллекции украшений и драгоценных камней, принадлежащей леди Синтии Герберт, ходили легенды, и у него возникло предчувствие, что она собирается показать ему нечто потрясающее.

И Джошуа не был разочарован, потому что на стеклянный прилавок из маленького мешочка посыпались сокровища, каких ему еще видеть не доводилось — ни за восемь лет, проведенных в «Компании золотых и серебряных дел мастеров» на Риджент-стрит, ни за те двадцать лет, что он имел собственное дело. Всего камней оказалось девять, и хотя Джошуа слышал, что в природе существуют бриллианты таких цветов, он все равно не мог поверить своим глазам. Однако не вызывало сомнений, что перед ним бриллианты: характерные кристаллические нарости не встречаются ни в каких других камнях, заставляя их гореть ослепительным, насыщенным светом. Джошуа попадались бледно-розовые и светло-голубые и даже желтые бриллианты, но никогда изумрудно-зеленые, темно-сапфировые, ярко-медного цвета, а главное, огненно-красные. Красный бриллиант особенно поражал воображение, он испускал необычное сияние, и Джошуа представил себе, что, если к нему прикоснуться, камень может обжечь. Но он должен был взять его в руки, и, когда сделал это, у него возникло ощущение, будто огонь, горящий внутри камня, согрел кровь в его ладони, затем в руке, а потом добрался до груди, поэтому он быстро положил его на место.

Все камни были изысканно огранены, и Джошуа видел, что они побывали в руках настоящего виртуоза. Голландец Вурсангэр обладал шестым чувством, когда

речь заходила об огранке бриллиантов, и его мастерство было непревзойденным. Все камни весили от десяти до двенадцати карат и невооруженному глазу казались безупречными. Позже, рассматривая их в лупу, Джошуа пришел к выводу, что это и в самом деле так. Красный бриллиант вызывал у него недоумение, почти пугал, потому что камень испускал сияние, даже когда он затушил фонарь и свечи. Возникало ощущение, будто внутри у него полыхает свет, и почему-то Джошуа подумал, что он похож на горячее сердце Иисуса, виденное им на картине в одном из католических домов.

Впрочем, красный бриллиант вызывал у Джошуа беспокойство и еще по одной причине: как только камень попал к нему в руки, он расшевелил опасные желания, доставившие ему столько неприятностей в молодости, желания, кои он так старательно пытался победить: жар в чреслах, шлюхи и картинки, обнаруженные его женой и заставившие ее уехать к сестре на север, откуда она так и не вернулась. Теперь Джошуа был уже старым человеком, ему вполне хватало мимолетных взглядов под юбки, появлявшиеся в его окне, или на декольте той или иной дамы, когда она наклонялась, чтобы взглянуть на изысканные украшения, которые он совершенно сознательно держал под прилавком. Но красный камень разбудил уснувшие было желания.

Леди Герберт задержалась ровно настолько, чтобы еще раз повторить, что ее заказ должен оставаться в строжайшей тайне. Он испытал нечто близкое к облегчению, когда посетительница ушла, потому что она страшно нервничала и потребовала показать ей его мастерскую в подвале. Когда-то она была красивой — даже пышной, насколько он помнил, — но как-то вся усохла после своего возвращения с Востока, а глаза, в которых прежде сиял огонь, стали бесцветными и безжизненными.

Индус с ней не ушел. Он показал Джошуа подробные рисунки, сделанные на чертежной бумаге и поразившие ювелира своим необычным мастерством. Вне всякого сомнения, они были созданы не в Англии, потому что картинки окружали надписи на санскрите. Джошуа спросил, что они означают, но индус отмахнулся от его вопроса.

— Это не важно. Вы видите на рисунке, что красный камень находится в центре, а остальные должны окружать его точно так, как здесь показано.

Затем он привлек внимание ювелира ко второй части заказа, которая по сравнению с первой была относительно проста: лилия из волос на большом овальном куске черного гагата. Пока Джошуа внимательно изучал рисунки, индус молча стоял рядом. Он был в тюрбане, светлых мешковатых штанах и длинной тунике из какой-то мягкой и одновременно шероховатой ткани, скорее всего шелка. На фоне его темной кожи она выглядела поразительно. А еще у него на пальце Джошуа заметил кольцо — необычное украшение для слуги. Джошуа хватило одного мимолетного взгляда, чтобы оценить камень, рубин, надетый на средний палец левой руки. Оправа и огранка были явно индийскими, а рубин достаточно большим, чтобы оставаться ценным даже после повторной огранки. Индус заметил, что Джошуа смотрит на его кольцо.

— Красные камни содержат в себе энергию солнца, дающего жизнь.

По какой-то непонятной причине от его объяснения, о котором он не просил, Джошуа стало не по себе. Однако он все равно не удержался от вопроса:

— Красный бриллиант в амулете...

Он не успел договорить, потому что индус поднял руку.

— Будьте осторожны, он опасен...

Его глаза неожиданно уловили движение наверху лестницы, и Финкельштейн проследил за его взглядом. Это был Дейви, которого снова одолело любопытство. Однако он нахально выступил вперед, вместо того чтобы остаться в тени, и даже придумал отговорку: якобы ему понадобилась тонкая пилочка для серебра. Они хранились в ящике под прилавком, и он постоянно их ломал. Когда он получил пилочку и хорошенько рассмотрел — краем глаза — рисунки и индуза, то вернулся в подвал. После этого индус ушел, забрав с собой свои рисунки и даже не делая попытки объяснить диковинную просьбу своей госпожи. Очевидно, ювелиру предстояло работать по памяти для сохранения заказа втайне. Полная ерунда.

Джошуа Финкельштейн не стал делать украшение из волос сам, а отправил маленькую посыпочку с ними до-черям торговца мануфактурными товарами в Холборн*. Как и вышивки, плетение, вышедшее из их рук, поражало своей изысканностью, и он видел несколько поразительных миниатюр, сделанных их ловкими изящными пальчиками: незабудки, сплетенные из пушистых волос умершего ребенка и закрепленные на камее из слоновой кости; кладбищенская сцена с крошечной плакучей ивой, склонившейся над могилой. Когда утром он пришел в Холборн, чтобы забрать выполненный заказ, две дочери торговца, как обычно, сидели на своих табуретах, склонив головы над пяльцами, а их грациозные белые шеи порозовели от жара, идущего от очага. Джошуа был зачарован их красотой, что послужило для него очередным напоминанием о прошлых грехах. Девушки превратили локон белых волос в крошечные цветы. Джошуа ушел, не глядя в сторону красавиц, сидевших у огня и не ведавших о вызванном в его душе волнении.

* Холборн — район в Центральном Лондоне.

Все время, что красный бриллиант лежал в его мастерской в подвале, Джошуа не мог сдерживать свои желания, которые заманили его назад, в объятия шлюх с Хеймаркета. «Как странно, как невероятно странно все это», — думал он. Джошуа старался держать свои шалости в тайне от Дейви, но и мастерскую в подвале не занимал, чтобы иметь возможность время от времени проводить там «консультации с глазу на глаз» с некоторыми посетительницами; он предпочитал не называть их куртизанками, потому что это слово казалось ему вульгарным. Теперь же, когда работа над амулетом подошла к концу и ему больше не требовалось брать в руки «опасный» бриллиант, Джошуа уже несколько дней не прикасался ни к одной женщине и почувствовал, что снова может войти в синагогу и предстать перед Богом.

Мрачный индус с пронизывающим взглядом заберет заказ завтра, и Финкельштейн с довольным видом смотрел на амулет, лежащий на верстаке и подмигивающий ему своими девятью глазами. А еще он гордился большим овальным куском гагата, украшенным изящным венком из белых лилий. Оставалось только покрыть лилии лаком и закрепить стекло, а потом кое-где немногого подпилить и отполировать, чтобы изделие получилось идеальным. Он не сомневался, что оба амулета вышли точно такими, как на рисунке.

В лавке зазвонил колокольчик, когда Джошуа наклонился над кольцом, которое растягивал для растолстевшей вдовы. Этот самый мелкий ремонт из всех, что ему приходилось делать, неизменно вызывал у него раздражение, поскольку он считал, что не может брать с верного клиента плату за такую ничтожную работу. Если бы потребовалось еще золото, он бы взял за него деньги, но если кольцо всего-навсего нужно растянуть, он выполнит заказ бесплатно.

Джошуа нацепил на лицо приветливую улыбку, когда добрался до верхней ступеньки каменной лестницы, ведущей в лавку. В такое время посетители обычно к нему не приходили, с другой стороны, с улицы видно, что окно в подвале освещено. Он удивился, обнаружив, что явился Дейви. В свете уличных фонарей восковая кожа мальчишки и его темные глаза окутывались неземным сиянием. «Кажется, он нервничает?» — пронеслось в голове у Джошуа. Он снял цепочку и некоторое время возился с большим медным ключом, прежде чем тот с приятным щелчком повернулся в замке.

— Прошу меня простить за то, что пришел так поздно, но я оставил жилет из шотландки в шкафу, а ведь собираюсь в театр.

Дейви проскользнул мимо Джошуа, прежде чем тот успел что-то сказать, и тут же помчался вниз по лестнице. Он вернулся так быстро, что мастер не успел последовать за ним, чтобы убедиться, что он сказал правду, а вовсе не собирался еще раз взглянуть на амулет леди Герберт, лежащий на верстаке и ожидающийся, когда Джошуа внесет последние штрихи в свою работу.

— Спасибо, сэр. Как я понимаю, Тюрбан придет завтра, чтобы забрать эту диковинную штуку. — Дейви мелодраматично передернулся. — У меня прямо мурашки от него по всему телу.

И он исчез в темноте, отправившись на поискиочных удовольствий.

Когда Джошуа Финкельштейн закончил работу, он пожалел, что засиделся до такого часа, когда все таверны уже закрыты. Он знал, что не сможет добраться до дома в ночном тумане, да еще когда у него так отчаянно болят глаза и шея после того, как он столько часов просидел, наклонившись над столом, и наносил лак на крошечные лилии уверенными руками. Он положил инструменты, и сразу на него навалилась невыносимая уста-

лость, сердце отчаянно колотилось в груди, а на лбу выступил пот. Чтобы расслабиться, он прихватил с собой стаканчик бренди и отправился на диван в углу мастерской.

Впрочем, была еще одна причина, по которой он не решился возвращаться домой ночью. Он боялся. Необходимость касаться индийской драгоценности выводила его из состояния равновесия. Он твердил себе, что все это ерунда, и чувствовал себя довольно глупо. Однако проверил, закрыта ли дверь в лавку, и выпил еще бренди, чтобы побыстрее уснуть, уверенный в том, что, как всегда, проснется с первыми лучами солнца. Потом придет слуга леди Герберт, а когда явится Дейви, он отправится в свой обеденный перерыв на Хеймаркет — в последний раз, так Джошуа решил, потому что дочери торговца мануфактурой произвели на него сильное впечатление. Нельзя требовать от мужчины, чтобы он сражался со всеми соблазнами, пришла ему утешительная мысль, когда он уже засыпал. Но как только она возникла у него в голове, он проснулся от громкого стука в дверь наверху.

«Еще даже не рассвело», — сердито подумал полусонный Джошуа, поднимаясь по лестнице в лавку. Он открыл ставни и обнаружил, что на улице царит мрак, но не потому, что еще не наступило утро, а из-за тяжелых туч, затянувших небо. Он ожидал увидеть на пороге высокого индуса, но там никого не оказалось. Может быть, он так долго просыпался, что тот отправился прогуляться по Хаттон-Гарден? Джошуа отпер дверь и вышел, чтобы оглядеть темную улицу. Все из-за густого, точно гороховый суп, зеленого тумана, хотя запах от него исходил гораздо противнее. Наверняка что-то сгнило, да еще дым из труб на реке. Джошуа еще не совсем проснулся, и потому его смущала призрачная фигура, окутанная ту-

маном. Она не шевелилась, но казалась какой-то текучей, как будто одетой в громадный черный плащ.

По совершенно необъяснимой причине Джошуа Финкельштейн окончательно проснулся, и к нему вернулся вчерашний страх, хотя на сей раз он был более пронизывающим и острым. К горлу подкатила тошнота, и он почувствовал, что опасность, которую он ощущал, работая в своем подвале, сейчас находится в нескольких футах от него и он перед ней беззащитен. Джошуа начал медленно пятиться от бесформенного присутствия, прячущегося в тумане, пока не добрался до порога лавки. Он не смог двинуться дальше, потому что между глаз у него возникла ослепительная, обжигающая боль, похожая на сильный удар. Она толкнула его в сторону от порога, и он упал, ударившись головой о камни мостовой.

Он видел, как призрак направляется к нему; или их двое? Воздух наполнили сладостные ароматы, когда его обняли два черных крыла. Он больше не мог дышать, хотя не знал отчего — ледяной ужас сжал его горло или причина в чем-то другом. Неожиданно он осознал, как важно для человека дышать: дыхание дает жизнь и отнимает ее, как бог солнца, как опасный красный камень; но ему не следовало думать о языческих амулетах, и потому он попытался представить свою Звезду Давида, которую когда-то носил под рубашкой, но уже давно перестал, потому что считал себя недостойным ее красоты. Его глаза вдруг окатило жутким жаром, превратившимся в хрустальные осколки, как огонь, как кроваво-красные бриллианты.

ГЛАВА 14

Циничная, наемная, демагогическая пресса со временем породит народ столь же низкий, сколь и она сама.

Джозеф Пулитцер, 1904 г.

Сара рано поднялась на следующее утро после сообщения о втором убийстве. Любопытство увело ее на север от Флит-стрит, в сторону Холборна и Хаттон-Гарден. Она еще никогда не бывала на Хаттон-Гарден, потому что здесь не было кабачков, продававших ирландский виски. Ювелира, которого убили, звали Джошуа Финкельштейн, это Сара знала. Она шла вдоль дороги и смотрела на красивые лавки: ювелиров и часовщиков, сапожников и ткачей. Они еще не открылись, и на улице было пусто. Может быть, люди боятся убийцы? Впрочем, ей не пришлось долго искать лавку Финкельштейна, потому что она увидела инспектора Ларка. Он стоял у витрины и заглядывал внутрь, а рядом с ним замер молодой полисмен. Она поняла, что он очень отважный, потому что он был в черных шерстяных штанах и короткой куртке, какие носят на Боу-стрит*; значит, он принадлежал к числу тех служителей закона, что патрулировали Вестминстер, хотя они никогда не заходили в трущо-

* Боу-стрит — улица в Лондоне, на которой расположено здание главного уголовного полицейского суда.

бы. Руби утверждала, что некоторые из них получают деньги от государства и одновременно им платят уличные девки, чтобы они их не трогали.

Сара находилась еще далеко от лавки Финкельштейна, и Ларк ее не видел, но она понимала, что он вот-вот ее заметит, потому что глаза у него как у орла. Спрятаться ей было особенно негде, поэтому она вернулась немного назад и перешла через дорогу. Она оказалась на той же стороне, что Ларк и полисмен, а между ними росли два больших дерева, за которыми она могла встать. Она так и сделала, потому что оба мужчины зашагали в ее сторону. «Хорошо, что на улице никого нет», — подумала Сара.

Вскоре она услышала голос Ларка и почувствовала запах его манильской сигары.

— Я хочу знать, кто были его клиенты, а также о его связях с черным рынком. Здесь что-то не то, Джерард. Ювелир и Пейси убиты очень похожими способами, и мне кажется, что у еврея имелись связи на пристани Темпл.

— Со всем уважением, сэр, у большинства ювелиров в Лондоне имеются такие связи.

— Я это понимаю, Джерард, но Финкельштейн импортировал индийские украшения. Еще я хочу знать, чем он занимался в последнее время и было ли в его лавке в момент смерти что-нибудь представляющее особую ценность.

— Мы ничего не нашли...

— Я знаю, что вы ничего не нашли, никаких изделий, но я хочу посмотреть бумаги. Пойди туда и собери его книги и вообще все, что может представлять интерес. Ну, ты понимаешь, письма, счета, рисунки — все, что найдешь на рабочем столе. И как можно быстрее.

— Слушаюсь, сэр.

— И еще, Джерард...

— Да, сэр.

— Найди мне мальчишку, его ученика. Я хочу знать, почему он не явился на работу вчера и сегодня. Либо он замешан в преступлении, либо мы обнаружим еще один труп.

Они прошли мимо Сары, которая перебралась на другую сторону дерева и теперь видела их спины. Полисмен по имени Джерард оказался моложе, чем ей сначала показалось, и у него были коротко остриженены волосы. Ей не удалось как следует разглядеть его лицо, но по голосу она решила, что он нормальный парень, не из тех, кто берет деньги у шлюх, впрочем, с другой стороны, никогда не знаешь, кто на что способен, и это правда. Ларк выглядел так, будто давно не спал, а его белая рубашка под сюртуком показалась ей мятой. Однако ботинки, как всегда, блестели. Сара решила, что у него нет жены, потому что он благородный человек, а никакой благородный человек, если он женат, не станет смотреть на Лили Коречную так, как смотрел на нее инспектор Ларк.

В следующий раз Сара увидела инспектора Ларка в кабинете редактора газеты, кроме них там находился Грегори Мелвилл. Еще один день прошел после убийства, и газеты изо всех сил живописали место преступления самыми черными красками. В отсутствие фактов всегда появляются сплетни и предположения. Сара подумала, что еще никогда Ларк не был таким уродливым, а Мелвилл самодовольным. Септимус Хардинг казался жутко раздраженным. У нее даже возникло подозрение, что он перепутал свое ворчание, означавшее, по ее понятиям, «входи», с одним из сердитых звуков, которые он издавал, когда не хотел, чтобы ему мешали. Грегори Мелвилл сидел напротив мистера Хардинга, Ларк расхаживал по кабинету. Она видела, что Мелвилл одержал какую-то победу, потому что на его жирном лице цвела

хитрая улыбка. Как обычно, он нанес слишком много масла на бакенбарды и испачкал шейный платок. Воротник его короткого пальто в черно-белую клетку был поднят, а штаны плотно обтягивали зад.

— Не сейчас, Сара. Приходи после обеда.

Ее прогнали прежде, чем она успела раскрыть рот, но она не собиралась пропустить самое интересное ни за что на свете. В коридоре она приложила ухо к замочной скважине, потому что не осмелилась оставить приоткрытой дверь, уж в слишком мрачном настроении находился мистер Хардинг.

— Нет никаких свидетельств, доказывающих, что убийство на пристани Темпл и на Хаттон-Гарден связанны и что у Финкельштейна были бриллианты из Королевской академии. Я настаиваю на том, что вы должны переписать свою статью с учетом этих моих слов.

— Глупости, инспектор. У жертв обнаружены одинаковые синяки на лбу, а в отчете, сделанном в морге по первому трупу, говорится, что, возможно, жертву задушили. Если я не ошибаюсь, Финкельштейн тоже задушен.

— Трахеи обоих мужчин раздроблены, но на шее никаких следов нет, Мелвилл, значит, формально их не задушили. И я буду вам очень благодарен, если, прежде чем посещать морг, вы посоветуетесь со мной. Я могу представить себе, какие гнусные методы вы использовали, чтобы получить нужные вам сведения, и мне это не нравится, приятель. У нас полицейское расследование...

— Полицейское расследование! Ха! Дело полиции предотвращать преступления, а не прятать их от добро-порядочных жителей Лондона. Как они могут позаботиться о собственной жизни, если мы не будем предупреждать их об опасностях, подстерегающих на улицах города? Как вы думаете, почему убили Джошуа Фин-

кельштейна, ювелира? Из надежных источников мне удалось узнать, что он имел дела с черным рынком. Его часто видели на пристани Темпл. А еще мне известно, что способ совершения убийства указывает на индийских убийц, известных как душители*. Кроме того, пропал ученик ювелира. Разумеется, если вы сообщите мне что-нибудь новое, о чем я смогу написать в своей статье, я буду только счастлив сослаться на ваше профессиональное мнение, а до тех пор, сэр, я намерен делать свою работу.

— Ваши душители — это чистой воды выдумка; они больше не действуют в Индии, не говоря уже о Лондоне. Мальчишка Дейви, возможно, мелкий преступник, но это серьезное дело, сэр. И я знаю, кто является вашим «надежным» источником, Мелвилл, и с радостью отправлю его в тюрьму.

Тут Саре пришлось спасаться бегством, потому что она услышала, как загремел отодвигаемый стул, а в следующее мгновение Мелвилл выскочил из кабинета и помчался по лестнице, перепрыгивая сразу через две ступеньки и не обратив на Сару ни малейшего внимания, словно она была такой же незаметной, как уличная нищенка. Она слышала, как он, громко топая, прошел по коридору, и поняла, что он отправился к Джеку Тислуайту. Она осторожно подобралась к двери редактора, в которой осталась небольшая щелочка. Ларк стоял к ней спиной, а мистер Хардинг смотрел на него, как будто ждал ответа. Через некоторое время Ларк медленно кивнул:

— Я слышал то же самое и оказался настолько глуп, что решил, будто дешевые газетенки и типы вроде Мелвилла не ухватятся за эти факты, точно жадные, мерзкие сороки. Вполне возможно, что ученик Дейви что-

* Имеется в виду религиозная организация убийц в Индии (уничтоженная около 1825 г.).

то сболтнул и девять бриллиантов, ограненные Вурсанггером, действительно украдены. По крайней мере, мы их не нашли. Сегодня утром я побывал в доме леди Герберт, надеясь получить подтверждение своим подозрениям, но она не пожелала меня принять. На самом деле там происходит что-то очень странное, потому что занавески были задвинуты, а дворецкий выглядел так, словно не спал несколько дней. Я собираюсь зайти туда еще раз до захода солнца.

Ларк швырнул свою недокуренную сигару в огонь — знак, что он скоро уйдет из кабинета, и Сара поднялась по черной лестнице на третий этаж, раздумывая над тем, что ей удалось подслушать. Может, Мелвилл для разнообразия прав и бриллианты действительно украдены? Она достаточно разбиралась в газетном деле, чтобы понимать, что это важная новость, и полагала, что Джек Тислуйт будет занят.

В комнате наборщиков оказалось пусто; те же, кто не ушел домой на обед, играли в карты в чайной комнате. Сара налила себе отвратительной бурды под названием чай и подошла к окну. Она достала из кармана рубашки жестянку и уже собиралась скрутить сигаретку, когда увидела, что инспектор Ларк вышел из здания и быстрым шагом направился в сторону Холборна. Она могла бы побиться об заклад, что он идет на Хаттон-Гарден, а затем в дом леди Герберт. По тому, как были напряжены его плечи, она видела, что он разозлен не меньше Мелвилла, и у нее возникло предчувствие, что он заставит газетчика заплатить за оскорбления. Саре стало жаль полисмена, и неожиданно ей на ум пришла история про святого Георгия из маминой книги. Ларк был святым Георгием, а улицы Лондона — драконом.

— Ну что, ты по-прежнему на побегушках у босса, да, Сэм?

— Именно, Джек, и у меня прямо сейчас к нему дело.

Сара нравилось казаться занятой, только это и защищало ее от отвратительного высокомерия наборщиков.

— И какое же у тебя дело? — спросил Джек с таким видом, будто ему все равно, но Сара знала, что он отчаянно хочет выяснить, нет ли у нее какой-нибудь секретной информации.

— Ничего для тебя интересного, обычные дела.

Джек Тислуйт с хитрым видом взглянул на своих товарищей-наборщиков, и те принялись гаденько хихикать. Сара разозлилась, ей захотелось сказать им что-нибудь, что произведет на них впечатление.

— Я была у миссис Коречной.

Игра тут же остановилась, потому что все до одного наборщики тут же представили себе Лили Коречную, без корсета, окутанную запахом розового масла.

— У миссис Коречной? Интересно.

— Она пишет статью про женщину-фотографа.

Мужчины, сидевшие за столом, разразились громким хохотом.

— Леди не занимаются фотографией, Сэм, так что советую тебе проверить, не сочинила ли твоя миссис Коречная эту историю.

— Она ее не сочинила. А статью написать ее попросил редактор. Вот так.

— Правда? Хорошо.

Последовал новый взрыв смеха.

Сара прошла по комнате и засунула окурок в жестянку, стоящую на полу, не глядя на Джека и остальных. Она ненавидела их наглые усмешки и их тупоумие. Она знала, что Мелвилл уже успел с ними поговорить, потому что Джек Тислуйт выглядел донельзя довольным собой. По крайней мере, она в отличие от наборщиков видела бриллианты. Наверное, она могла им это сказать, но что-то ее останавливало. Когда она думала о тех

драгоценных камнях, ей становилось немножко не по себе, а мысль о том, что они болтаются где-то в Лондоне, и вовсе выводила из состояния равновесия.

Сара с удовольствием ушла из редакции в конце рабочего дня, что для нее было необычно. Даже несмотря на то, что ей уже отчаянно надоели объявления про лосьоны, бальзамы и микстуры, делающие мужчин прекрасными мужьями (она уже заметила, что никто ничего не предлагал, чтобы сделать женщин еще более замечательными женами — наверное, они в этом не нуждались), ей нравилось быть частью происходящих здесь процессов. Почему-то напечатанные слова приводили Сару в восторг, даже если слова были глупыми или не стоили той бумаги, на которой их печатали.

Эллен и Холи-Джо не оказалось около реки, и Сара надеялась, что не обнаружит их в ночлежке Холи-Джо. Она просила Эллен неходить туда, потому что там можно столкнуться с самыми разными отвратительными вещами. Впрочем, здесь было не так плохо, как в предыдущем месте — находившемся в Сент-Джайлсе, где на кухне проходили занятия школы для юных карманников, — но там было полно вшей, и в прошлый раз они забрались в одежду и волосы Эллен. Руби пришлось отмыть ее хозяйственным мылом, чтобы она не заразила весь подвал. Руби говорила, что насекомые портят джин.

В узком проходе, ведущем в ночлежку Холи-Джо, находились самые мерзкие трущобы в Девилс-Эйкре, земля была покрыта мусором, который выбрасывали из окон домов, и экскрементами. Сара ненавидела сюда ходить, потому что сильнее, чем где бы то ни было в Лондоне, здесь становилось видно, как ужасно живут некоторые люди. Как правило, она не позволяла себе думать о своих знакомых, вынужденных уйти в работные дома, или тех, чью жизнь болезни, нищета и голод преврати-

ли в кошмар. В этом узком переулке она несколько раз видела мертвцев, лежащих на земле, точно гора вонючих тряпок, оставленных на растерзание крысам.

Она подошла к двери в ночлежку — когда-то это был нормальный дом с шестью комнатами, но сейчас здесь ночевало по тридцать человек в каждой комнате, а иногда по четыре или пять человек на одной кровати, — но не стала входить внутрь. Вместо этого она посвистела — условный сигнал для Эллен и Холи-Джо. Через минуту из окна появилась голова Джо, который глупо улыбался, показывая ей остатки зубов.

— Эллен с тобой, Джо?

Холи-Джо покачал головой и пожал плечами, у него сделался озадаченный вид.

— Эллен нет.

У Сары замерло сердце.

— Джо, ты хочешь сказать, что не видел сегодня Эллен?

Холи-Джо кивнул и снова пожал плечами:

— Эллен нет. Джо одинокий.

— Ее нет в «Белом олене»?

Джо грустно покачал головой.

— Спускайся сюда, Джо. Понятия не имею, почему я решила, что ты сможешь за ней присматривать только потому, что ты взрослый. Иди сюда немедленно, мы пойдем искать эту маленькую негодяйку, от которой постоянно одни проблемы.

Саре отчаянно хотелось расплакаться, но она понимала, что это не поможет. Холи-Джо с виноватым видом стоял около нее. Он был в морской куртке, которую никогда не снимал, даже летом, потому что носил все свое имущество в ее карманах.

— Может, она с чернявым. Ты видел Виктора, Джо?

Холи-Джо покачал головой, и его огромные плечи начали сотрясаться от рыданий.

— Иисус, Мария и Иосиф, да прекрати ты плакать, а то я тоже разрыдаюсь и от нас обоих не будет никакой пользы. Успокойся, Джо, дай мне подумать, где она может быть.

Сначала они отправились на селедочную пристань, потому что Эллен постоянно ходила туда с папой. Затем на лестницу Уайтхолла, мимо моста Ватерлоо до Паддл-Док. Уже начало темнеть, когда они шли по набережной в сторону Вестминстерского собора. У Эллен там были друзья, торговавшие плетеными корзинками и прочими подобными вещами, но они ее не видели. Внутри у Сары все сжималось, но она держала свои страхи при себе.

— Давай вернемся в «Белый олень», Джо, вдруг она уже дома. А если нет, может, у Руби появятся новые идеи.

Руби стояла за стойкой и смеялась своим громким, грудным смехом, поскольку охотник на кроликов был там же, а она уже приняла несколько стаканчиков.

— Смотрите, Сара и Холи-Джо. А где малышка?

Саре стало совсем нехорошо.

— Мы рассчитывали, что она здесь, Руби. Джо не видел ее весь день. А ты?

— Не могу сказать, но эта крошка умеет проскользнуть мимо тебя, точно призрак.

— Ладно, тогда я ухожу. Может, нальешь кувшинчик Холи-Джо, Руби? А я пойду надену куртку.

Сара подумала, что стоит спрятать деньги в банку, потому что ей сегодня заплатили, а стать добычей грабителей ночью в темных переулках ничего не стоило.

В их комнате в подвале на столе догорала свеча, а на матрасе в углу крепко спала Эллен. Неожиданно Сара почувствовала, что ее не держат ноги, ей хотелось смеяться и плакать одновременно. Затем она разозлилась на себя, на Эллен, на Джо без всякой причины, просто

на мгновение ей показалось, что она потеряла свою маленькую сестричку, хотя должна о ней заботиться. Она обещала маме. Без Эллен она останется одна на всем белом свете.

Сара решила достать жестянку, сдвинула сломанный кирпич за дверью и вынула банку из укромного места. Она становилась все тяжелее, а сейчас больше, чем когда-либо, Сара хотела поскорее отправить Эллен в школу. Она испытала настояще потрясение, когда открыла крышку, потому что среди медяков и шиллингов лежал блестящий золотой соверен. Видимо, Эллен разбудил звон монет, потому что неожиданно она оказалась рядом с Сарой, и та подпрыгнула от неожиданности.

— Черт возьми, Горе Мое, не подкрадывайся ко мне, никогда! Где ты была весь день, Элли? Почему не встретилась с Холи-Джо, как мы договаривались? Знаешь, как я испугалась? На улицах полно плохих людей. Никогда больше так не делай, ты меня слышишь? Никогда.

Нижняя губа Эллен дрожала, маленькое лицико в форме сердечка побледнело, а под глазами залегли тени, похожие на синяки.

— Что случилось, Элли? Ты заболела?

Эллен покачала головой, и несколько грязных светлых локонов упало ей на глаза.

— Я играла. Я не хотела тебя испугать, Сара. Пожалуйста, не сердись.

— Ты играла с Виктором?

Эллен помолчала, а потом кивнула.

— Я больше не сержусь, Горе Мое, просто я ужасно из-за тебя волновалась.

Сара убрала волосы с лица сестры, затем притянула к себе и крепко обняла. Она спросила себя, была ли Эллен такой же бледной вчера и позавчера, а она этого просто не замечала? Девочка иногда совсем не спала по ночам, и время от времени, когда Сара просыпалась, она виде-

ла на ногах сестры ботинки, как будто та гуляла всю ночь. Она дала себе слово следить за ней более внимательно и не допустить, чтобы сестренка заболела.

— Знаешь, может, мне сходить за Джо и спросить у него, не почитать ли нам его книжку про маленькую Русланочку?

Лицо Эллен вдруг оживилось, но Сара подумала, что все равно с ней что-то не так.

— А откуда соверен, Горе Мое?

— Нашла.

— Где нашла?

Эллен пожала плечами и уставилась на свои ноги. Она теребила что-то у себя на шее, какие-то бусы.

— Что это у тебя, Горе Мое?

— Бусы. От Виктора.

— Какие бусы?

— Сандалии.

— Сандалии?

Эллен кивнула:

— Сандалиевое дерево.

— Элли, Виктор не связан с плохими людьми, ты ведь не ходила с ними воровать?

Эллен торжественно покачала головой:

— Нет, он хороший. Он плохо знает Лондон, и я ему помогала, вот и все, Сара. Истинная правда.

Когда Сара вернулась с Холи-Джо и мясным пирогом от Руби, у нее возникло ощущение, будто эта парочка расставалась на много лет, а не на несколько часов. Джо поднял Эллен над головой и принялся осыпать поцелуями. После того как оба вывернули свои карманы, показывая друг другу дневную добычу, состоящую из шнурков, кусочков красивого фарфора и коробочки для нюхательного табака, они съели пирог со свининой, присланный Руби. Сара заметила, что Эллен почти ничего не ела, и свой кусок отдала Джо, который мог бы в одиночку сло-

КАЙЛИ ФИЦПАТРИК

пать целый пирог. Затем Холи-Джо достал книгу и торжественно вручил ее Саре.

— Ты помнишь, на чем мы остановились, Горе Мое? Я забыла.

На самом деле Сара совсем не забыла, просто хотела, чтобы Эллен думала о книгах и полюбила их, и тогда она с удовольствием пойдет в школу.

— Маленькая Русалочка собиралась пойти к морской колдунье, чтобы та дала ей заклинание и она смогла получить бессмертную душу. И чтобы ее полюбил принц. А что такое бессмертная душа, Сара?

— Ты получаешь ее, когда умираешь.

— И папа получил?

— Наверное, хотя мне жаль ангелов, если им приходится рыскать за ним по всем небесам.

ГЛАВА 15

*Не приноси мне мак, что губит,
усыпляя,
И плющ, который душит, обвивая,
И примулу, что распускается
лишь при луне.*

Кристина Россетти.
Перевод Б. Жужунавы

Каждое утро Марта Веспер ждала появления мальчишек-газетчиков, чтобы купить газеты для миссис Корчной. Мальчишки кричали особенно громко, когда там сообщались какие-нибудь кровавые новости, и в последнее время они вопили изо всех сил: «Сенсация! Сногсшибательное, потрясающее убийство!» или «Украдены королевские бриллианты из Индии!» Марта предпочитала держаться как можно дальше от сплетен и не участвовала в пустой болтовне прачек или уличных торговцев, но про эти убийства не могла не узнать. Впрочем, у нее было столько работы, что времени на размышления о подобных вещах у нее не оставалось. Вот прямо сейчас у нее в печи пеклись два дрожжевых пирога, а утюг уже достаточно разогрелся, чтобы начать гладить белье. Серебро она почистила только наполовину, а еще нужно было сварить на ужин баранью ногу с шалфеем, потому что эта трава помогает освободиться от неупокоянных душ. Марта считала, что призраки умерших лю-

дей цепляются за тела тех, кто о них горюет, и нужно вырваться из их хватки, чтобы жить в мире и покое. Она не делилась своими мыслями с хозяйкой, хотя уже поняла, что миссис Коречная придерживается свободных взглядов на многие вещи.

Когда Лили узнала, что ее новая экономка чувствует присутствие «других», она скорее пришла в восхищение и нисколько не испугалась. Сохранить эту способность втайне от хозяйки Марта не могла, потому что для нее духи были так же реальны, как и живые люди. Вот почему она иногда разговаривала с воздухом или отчитывала пустое место за то, что вещи в гостиной оказались не там, где обычно стояли. Единственное, против чего миссис Коречная возражала в том, что касалось «спиритуализма», как она его называла, так это «ненаучная» природа отделения души от тела. Однако мода на эманации и столоворчение увлекли женщин и стали утешением тем, кто скорбел из-за утраты близких, а поскольку обе эти цели были достойными, миссис Коречная сказала, что не может полностью порицать новые практики.

Против собственной воли Марта Веспер снова задумалась о газетах; что-то именно в этих двух преступлениях ее смущало. Второй жертвой был еврей, но первый являлся христианином, и предположение, что с ювелиром разделались из-за нетерпимости к другой вере, можно сбросить со счетов. Из-за того что еврей был ювелиром, историю раздули до невероятно замысловатых предположений о контрабандных драгоценных камнях. Именно из-за такой чуши даже несколько медяков за газету казались пустой тратаой денег, да ей и не следовало забивать себе голову такой ерундой. Однако у Марты возникло одно из ее «предчувствий» из-за этих смертей, значит, тени жертв находились где-то рядом, что совсем

не радовало. «Ужасная, зловещая смерть», — вопили мальчишки, и Марта была склонна с ними согласиться.

Марта забрала серебряные подсвечники из гостиной и, проходя мимо, поправила шторы. Она жалела, что миссис Коречная не пользуется этой комнатой, потому что это помещение больше других в доме говорило о ее вкусе. Стены были отделаны одним из лучших экзотических произведений мистера Уильяма Морриса*, на котором павлины гуляли, показывая всем свои яркие хвосты, под деревьями, увешанными грушами. Шторы из индийского шелка сапфирово-голубого цвета с золотой нитью украшали окна. Софа с резными ножками, напоминающими сильные ноги пумы, прибыла из Праги. На спинку из алоей парчи была наброшена ярко вышитая шаль. В прежние времена на софе лежало множество обтянутых кожей блокнотов и газет, на пианино каждый день играли и Марта Веспер слушала музыку, сидя у плиты на кухне с вышиванием в руках. Иногда наступали времена, когда ее трудолюбие не требовалось, потому что, если хозяин и хозяйка были дома, нижние этажи замирали и пустели. Тогда Марта поднималась наверх, только когда они вставали, чтобы поменять белье и воду.

Теперь же миссис Коречная сидела в библиотеке, а перья с чернилами и блокноты лежали перед ней нетронутыми. С тех пор как она отдала леди Герберт волосы из медальона, воздух то и дело пронизывало холодное дыхание смерти, и Марта пришла к выводу, что хозяин не одобряет поступка миссис Коречной.

Марта услышала стук в дверь, поставила серебряный подсвечник на столик в коридоре и поправила заколки,

* Моррис Уильям (1834–1896) — основатель фабрики, изготавлившей по рисункам выдающихся художников предметы домашней обстановки, и типографии, выпускавшей художественно оформленные книги.

удерживавшие на месте льняной чепец. Она не сомневалась, что это пришла девчонка-сорванец, придумавшая очередной повод для визита. Но это была не Сара, а джентльмен, которого Марта никогда до сих пор не видела.

— Добрый день, — поздоровался он. — Насколько я понимаю, это дом миссис Коречной?

— Совершенно верно, сэр. И как мне представить вас хозяйке?

— Детектив-инспектор Ларк с Мальборо-стрит, будьте любезны.

Внешность инспектора Ларка производила впечатление, хотя, как заметила Марта, его костюм давно следовало бы погладить, а бакенбарды подстричь. Лоб у него блестел от пота, густые черные волосы были влажными на висках, потому что день выдался жаркий. В остальном он выглядел безупречно. В целом инспектор Ларк произвел на Марту благоприятное впечатление, хотя из-за темных, с нависшими веками глаз и странных, неанглийских черт лица выглядел как человек не слишком добродорядочный.

— Будьте любезны, сэр, войдите в дом, я доложу леди о вашем приходе.

Марта оставила его, а он принялся тереть подбородок, словно только сейчас сообразил, что ему следовало заглянуть к цирюльнику, прежде чем идти с визитом к леди.

Миссис Коречная сидела за столом, окно у нее за спиной было открыто, но в комнате все равно стояла духота. Она сняла приталенную блузку и осталась в отделанной кружевом нижней рубашке без рукавов, а шелковая шаль висела на спинке стула. Она так рассеянно посмотрела на Марту, что той пришлось дважды повторить, прежде чем хозяйка поняла, о чем речь.

— Пришел инспектор Ларк, мадам, с Мальборо-стрит. Он хочет с вами поговорить.

Лили приподняла брови, и по ее лицу пробежала тень.

— Что ему может быть от меня нужно, Марта? Надеюсь, не случилось ничего плохого?

— Я не могу сказать.

— Возможно, что-нибудь, связанное с газетой. Детектив Ларк приятель Септимуса Хардинга... думаю, мне нужно его принять.

— Ваша шаль, мадам.

Лили забыла про шаль.

— Да, конечно. Спасибо, Марта.

Когда она вернулась в холл, инспектор Ларк разглядывал «Венеру», и Марте показалось, что у него смягчилось выражение лица.

— Миссис Коречная в библиотеке, сэр. Идите за мной.

Хозяйка накинула шаль, прикрыв плечи и корсет, и стояла у окна.

— Добрый день, детектив Ларк.

— Добрый день, миссис Коречная.

— Хотите холодного чая, сейчас слишком жарко для горячих напитков?

— Да, это было бы замечательно.

Марта кивнула и вышла из комнаты, чтобы собрать в саду лимонной мяты. Она не относилась к числу тех, кто сует нос не в свое дело, но ее страшно заинтересовало, зачем полисмен мог прийти к Лили Коречной.

Когда экономка вернулась с кувшином мятного чая и хрустальными бокалами на лакированном подносе, Лили уже снова сидела, а шаль соскользнула с ее плеч. Казалось, она забыла, что не совсем одета, и на лице у нее застыло выражение недоверия. Ларк задавал вопросы относительно драгоценностей леди Герберт и смотрел на свою собеседницу, словно ему стоило огромных усилий отвести глаза от изгибов ее точеных белых плеч и шнурочки на груди. По мнению Марты, такая сдержанность еще раз подтверждала ее первое впечатление: ин-

спектор настоящий джентльмен. Ее хозяйка отвечала сдержанно, старательно подбирая слова, как показалось Марте, даже осторожно.

— Да, — сказала миссис Коречная, — меня попросили составить каталог драгоценностей леди Герберт, но работа еще не закончена, поэтому я не смогу сказать на-верняка, пропало ли что-нибудь, если увижу коллекцию еще раз.

Но украсть их невозможно, сэр, потому что драгоценности леди Герберт хранятся в маленькой комнате, а не в шкатулке. Я не специалист в подобных вещах, и, поскольку все драгоценности леди Герберт необыкновенны, у меня не возникло впечатления, что какие-то из них замечательнее других.

Инспектор Ларк кивнул и попросил Лили назвать точное число, когда она в последний раз побывала в доме леди Герберт, и припомнить, находились ли там девять бриллиантов, перед этим выставленные на всеобщее обозрение в Королевской академии. Его вопрос вызвал у миссис Коречной удивление, а затем она сказала, что видела бриллианты только на выставке, и больше нигде, и не может ответить на его вопрос. Марта заметила, что она мгновение колебалась, прежде чем ответить, и, похоже, инспектор тоже обратил на это внимание.

— То, что я собираюсь обсудить с вами, миссис Коречная, является очень серьезным и секретным.

Ему не требовалось еще что-то говорить, чтобы Марта поняла: ее просят выйти из комнаты. Она повернулась.

— Нет, подожди, Марта. Я бы хотела, чтобы моя экономка осталась, инспектор Ларк. По правде говоря, вам вряд ли удастся найти более честного и благородного человека.

— Хорошо, — сказал инспектор и достал из кармана блокнот. — Прошу меня простить, но законы моей профессии обязывают записывать мои... разговоры.

Лили взглянула на Марту, и та поняла, что она не так спокойна, как казалось. Какую же неприятную новость сообщил ей инспектор Ларк в ее отсутствие? В свою очередь экономка безмолвно показала Лили, что она забыла про шаль, и миссис Коречная совершенно спокойно поправила ее. Марта сделала шаг к ней, чтобы та знала, что она рядом.

— Недавно мне удалось установить, что на момент смерти ювелира Финкельштейна бриллианты леди Герберт находились у него.

Услышав эти слова, Лили невольно прикрыла рот рукой, а Марта вдруг ощутила, как усиливается предчувствие беды. На лице Ларка появилось мрачное выражение.

— К несчастью, по городу поползли сплетни, за которые ухватились представители бульварной прессы, чья ненасытная любовь к сенсациям всем известна, до того как мы смогли получить подтверждение слухам, но, как я вижу, вы этого не знали.

— Я не читаю репортажи о преступлениях, инспектор, потому что они подрывают мою веру в порядочность людей.

— Вот именно. Вполне возможно, что источником этих сведений стал пропавший ученик ювелира или сам вор. Кстати, нельзя исключать и того, что это одно и то же лицо, и тогда камни уже появились на черном рынке. Должен признаться, что я нахожусь в замешательстве, поскольку не понимаю, как было совершено преступление... Вот почему я должен повторить свой вопрос, миссис Коречная. Когда вы в прошлый раз видели коллекцию леди Герберт, не возникло ли у вас впечатление, что она собиралась передать их золотых дел мастеру?

— Возникло, — сказала, вздохнув, Лили. — Но меня попросили хранить это в секрете... прошу меня простить. Насколько я поняла, камни, которые, как вам наверня-

ка известно, принадлежат махарадже, должны были стать каким-то украшением.

Ларк кивнул и полез в карман.

— Простите, мне следовало сразу же вам это отдать. — Он протянул ей маленький коричневый сверток и продолжал, пока она его разворачивала: — Недавно я разговаривал с мистером Говиндой в доме миссис Герберт, и он мне почти ничего не сообщил, но сказал, что они не успели забрать бриллианты у мистера Финкельштейна. А также что эта вещь принадлежит вам. Мой сержант нашел кулон на рабочем столе ювелира.

Лили держала в руке большую подвеску, напоминающую камею. Овальный кусок гагата украшал изящный венок белых лилий, сплетенный из белых волос. Она сидела, опустив голову, словно внимательно его разглядывала, но Марта видела, что она прячет слезы.

— Это подарок леди Герберт в благодарность за помощь, которую я ей оказала... Для меня эта вещь бесцenna, хотя в данной ситуации может показаться незначительной... Спасибо вам, инспектор.

Марта была озадачена. Почему полиция не спросила саму леди Герберт про бриллианты? Не может же инспектор Ларк подозревать ее в убийствах? Но он снова взял себя в руки и его лицо превратилось в прежнюю непроницаемую маску. Он поклонился Лили и повернулся, собираясь уйти. Марта помчалась за ним, бросив мимолетный взгляд на свою хозяйку, которая смертельно побледнела. Провожая инспектора до двери, Марта подумала, что тяготы профессии старят саму его душу. Она уже обратила внимание на его чуткость, редкое качество в мужчине, не говоря уже о полисмене.

Вернувшись в библиотеку, она обнаружила, что Лили стоит у окна и смотрит на идущего по Ватерлоо-стрит инспектора Ларка. Миссис Коречная повернулась, услышав ее шаги, и ледяной холод сковал все тело Марты.

 ДЕВЯТЫЙ КАМЕНЬ

Неожиданно ей показалось, что в комнате сгустился мрак, словно громадная туча закрыла солнце. Тени, толпившиеся в комнате, шумели, и Марта с трудом сдерживалась, чтобы не закричать на них, требуя тишины, потому что ей хотелось подумать, но они должно передавали ей послание, ясное, точно хрустальный шар.

— Что-то не так, Марта?

— Вам не следует его носить, мадам.

— О Марта. Не стоит становиться жертвой суеверия.

Просто мы получили дурные вести, и все.

Лили прижала руку ко лбу.

— Конечно. Только я не понимаю, почему инспектор не мог задать леди Герберт те же вопросы, что он задавал вам, мадам.

— Леди Герберт мертва, Марта. Она умерла прошлой ночью. Возможно, покончила с собой.

— Боже праведный! Это все бриллианты, мадам, ими управляет зло. Теперь я уверена.

Лили тяжело опустилась на стул и прижала руку к груди.

— Разве такое может быть? В конце концов, это всего лишь углерод, они не живые.

— Очень даже живые, как все бриллианты. И более того, отнимают жизнь у людей.

Марта пожалела, что произнесла эти слова, потому что ее хозяйка побледнела еще сильнее.

— Я молю Бога, чтобы ты ошибалась, Марта, однако мне трудно поверить, что такой жизнелюбивый дух мог быть сломлен только горем...

Марта ничего не ответила, но ее охватила холодная уверенность в том, что смерть леди Герберт является дурным предзнаменованием.

ГЛАВА 16

«Кенсингтон, 23 сентября 1864 года

Мой дорогой Франц!

Середина лета давно миновала, и дни становятся все короче. И так же точно возникает ощущение, что стираются воспоминания и то короткое расстояние, которое мы с тобой прошли вместе. Я чувствую, что за всю свою жизнь я жила только три года. Добрые люди, понимающие, что испытывает человек, охваченный горем, говорят, что эти раны со временем заживают, а потом мир снова кажется населенным людьми и полным возможностей и перспектив, точно карта неисследованных земель. Я должна признаться, что уже начинаю привыкать к твоему отсутствию, хотя мне еще трудно представить свое будущее без тебя.

С тех пор как я писала тебе в прошлый раз, в моем когда-то спокойном мире произошло много событий, пугающих и вызывающих у меня смущение. Сначала убийство ювелира леди Герберт, за которым на прошлой неделе последовала ее собственная смерть. Затем визит старшего офицера из Вестминстерского участка, доброго, но погруженного в себя инспектора Ларка. Во время нашего разговора он сообщил мне, что украдены редкие и очень дорогие бриллианты, принадлежавшие индийскому махарадже и находившиеся у леди Герберт. Лондонцы восприняли эту кражу как оскорблениe, потому

что бриллианты были некоторое время выставлены на всеобщее обозрение, к тому же они обладали поразительной силой обольщения, совсем как сирены Гомера!

А недавно, точнее, вчера меня навестили еще два человека. Сначала Сара О'Рейли, с которой я стала проводить достаточно много времени. Ее жизнерадостность и острый ум бросают вызов ее прошлому и нынешнему положению в жизни, и должна признаться, что я очень к ней привязалась. Сразу после появления Сары, пришедшей под предлогом доставки мне какой-то почты, в мою дверь снова постучали. На сей раз это был сержант инспектора Ларка, симпатичный юноша по имени Джерард. Он сказал, что принес бумаги, подтверждающие тот факт, что инспектор Ларк передал мне кулон. Я нашу его постоянно, любовь моя, и чувствую, что ты ко мне вернулся. На золотом основании закреплен овальный кусок гагата, украшенный изысканными белыми лилиями, сплетенными из твоих волос. Они идут по краю овала, а по центру располагается один большой цветок. Мне кажется, что Говинда, по чьему рисунку сделан кулон, взял идею с лилиями из твоей картины, висящей в нашем холле, «Венеры Ватерлоо». Она по-прежнему на своем месте, но как-то раз я брала ее с собой к леди Герберт, чтобы показать ей твою работу. Я еще не решила, возьму ли ее в числе тех картин, что собираюсь отвезти в Бенарес.

Да, я решила туда отправиться, любовь моя, и сказала это леди Герберт до того, как она умерла. Я знаю, как ты мечтал побывать в Индии, Франц, как был уверен, что я непременно полюблю ее, несмотря на москитов, жару и отсутствие приличных туалетов. Сначала я отклонила предложение леди Герберт, полагая, что это всего лишь пустые разговоры страдающего от душевной боли человека. Но постепенно я стала все чаще задумы-

ваться о путешествии в страну, совершенно мне незнакомую, начиная от палиящего солнца и кончая цветом неба и запахом садов.

Поэтому я решила, что поплыву в Бомбей, а оттуда на поезде поеду в Бенарес. Леди Герберт отправила махарадже рекомендательное письмо, так как была уверена, что я не откажусь от путешествия. Не стану делать вид, что меня не трогает вера индусов в мистические вещи, а также в то, что Бенарес является таким же городом, как, по твоим словам, и Прага, местом, где человек может оказаться у ворот, соединяющих миры живых и мертвых. Помнишь, как мы в шутку поклялись, что, если судьба нас разлучит, мы с тобой встретимся у таких ворот? Как бы я хотела, чтобы это было возможно.

Но вернемся к моим юным посетителям, оставшимся у меня на чашку чая. Мы разговаривали о пропавших диковинным образом бриллиантах леди Герберт. От Сары я узнала, что репортер криминальной хроники из “Лондон меркьюри” мистер Мелвилл скоро опубликует свои очередные “находки” касательно двух убийств и их связи с исчезнувшими бриллиантами. Боюсь, это не слишком хорошая новость, потому что все, к чему он прикасается, пахнет сплетнями. Как и многие представители его профессии, он обожает сенсации. Мистер Джерард сообщил мне только, что полиция не может найти ученика ювелира, который сейчас является главным подозреваемым. Он не имел права открывать мне детали дела, поскольку таков закон, и я не могла спросить у него, удалось ли им узнать что-нибудь у непроницаемого мистера Говинды относительно смерти леди Герберт и ее бриллиантов.

Меня удивило, что Сара и сержант Джерард чувствовали неловкость в обществе друг друга, хотя по возрасту они почти ровесники, мне кажется, разница между ними составляет не больше трех лет, но я видела,

ДЕВЯТЫЙ КАМЕНЬ

что оба признали друг у друга наличие острого ума. Возможно, они родственные души.

Здесь, в твоей студии, меня утешает знание того, что именно в этом месте твои душа и сердце находили свое выражение. Время близится к вечеру, и я приеду сюда еще один только раз, чтобы закрыть дом. Я буду очень по нему скучать, но никто из твоих бывших товарищей-художников больше им не пользуется, потому что они находят его слишком неухоженным и запущенным, к тому же зимой тут невероятно холодно. Если бы дом принадлежал мне, я бы заботилась о саде и повесила под магнолией качели. Я бы привела в порядок стены в тех местах, где внутрь пробираются сквозняк и сырость, и починила полы, но владелец дома очевидным образом не заинтересован в его сохранении.

До моего отъезда в Бенарес остался всего месяц, и мне еще многое нужно сделать. Ты всегда со мной, пока я ношу кулон на шее, даже несмотря на то, что мне придется покинуть это место, где мне удалось найти некоторое утешение после нашего расставания.

Вечно твоя,

Лили».

ГЛАВА 17

*Она изучает свое отражение в
драгоценном камне, хмурится, и
как нежно она касается своих губ.*

Видьяпати, XV век

Девилс-Эйкр был тем местом, где Викрам впервые познакомился с изнанкой Лондона, и теперь, шагая вдоль набережной в сторону Вестминстера, он понял, что знает лабиринт домов, грязных таверн и борделей так же хорошо, как улицы и аллеи Бенареса. Первое потрясение прошло за недели, миновавшие с тех пор, как он покинул борт «Лакшми», хотя он с изумлением обнаружил, что чистые, безупречно одетые британцы, кои встречались ему на службе у махараджи Бенареса, составляют лишь небольшую часть населения острова. На самом деле здешняя нищета и преступность могли поспорить с тем, что творилось в трущобах Калькутты и Бомбэя.

В этом сезоне махараджа не приехал в Лондон, потому что он, как и Викрам, стал пленником редкой красоты деревенской девушки, которую не мог представить в Букингемском дворце. Впрочем, Викрам не понимал, почему британцы столь трепетно относятся к своей королеве, коренастой, непривлекательной женщине, одевавшейся во все черное. Более того, она претендовала на титул императрицы его страны, и Викрам считал ее

претензии абсурдными и даже оскорбительными. Королева Виктория ни разу не была в Индии, и он надеялся, что если когда-нибудь она решится туда отправиться, то наденет что-нибудь более яркое.

Как же ему не хватало цветов его родины, женщин в ярких сари, их сияющих шелков! Особенно он тосковал по желтому цвету, потому что именно такой всегда носила любимая им женщина. Она почти не обращала на него внимания, поскольку из танцовщиц стала младшей женой. По правде говоря, она обращалась с Викрамом с презрением, потому что он, хотя и являлся членом особой стражи махараджи, занимал более низкое положение. Она бы лучше к нему относилась, если бы узнала, что он истинный воин Кали*.

Викрам постоянно напоминал себе, что, когда красный бриллиант покинул дворцовое хранилище, именно его послали, чтобы вернуть камень. Все знали, что махараджа прикажет сделать амулет наваратна, как только соберет все девять бриллиантов; эта навязчивая идея принца уже давно стала всеобщим достоянием, потому что он искал по всему свету цветные бриллианты, хотя кто бы мог подумать, что красный камень будет обнаружен именно таким образом? Традиционные камни наваратна священны: сапфир, рубин, изумруд, жемчуг, берилл, лунный камень, коралл, топаз и, разумеется, бриллиант. И ни при каких обстоятельствах камни нельзя заменять одними бриллиантами. Неудивительно, что ни один ювелир в Индии не согласился изготовить амулет. Разумеется, Говинда узнал на корабле Викрама, но это не имело значения, потому что его считали поставщиком опиума, служащим махарадже, а всем известно, какой в Лондоне опиумный рынок.

* Кали — индуистская богиня, символ разрушения. Кали разрушает невежество, поддерживает мировой порядок, благословляет и освобождает тех, кто стремится познать бога.

Викрам покачал головой. Он уже почти дошел до Девилс-Эйкра и продолжал выискивать Эллен на берегу реки. Он познакомился с ней случайно; она была вместе с дурачком Холи-Джо в тот день, когда Викрам заблудился в Девилс-Эйкре. Именно Эллен предложила проводить его до Хорсфери-роуд, а по дороге задала целую кучу самых разных вопросов. Когда он сказал, что приплыл на корабле, она сообщила ему, что и она тоже, и очень хотела узнать про страну, в которой он родился. Ее голубые глаза сияли, когда он рассказывал ей о дворцах, стоящих на берегу Ганга, и о том, что, когда люди умирают, их тела сжигают на широких каменных ступенях, построенных у реки, вместо того чтобы закапывать в землю. Его удивила ее смелость и то, как легко она его приняла, в то время как многие лондонцы, встреченные им на улицах города, смотрели сквозь него. Викрам почти сразу понял, что Эллен сможет ему помочь; доставка опiumа занимала в три раза больше времени, потому что он не знал города.

И хотя многое в Лондоне его завораживало, он уже начал уставать от лондонцев, которые не питают уважения к святыням. Ему хватило одного взгляда на сложную жизнь самого большого и богатого города Европы, чтобы в этом убедиться. Здесь было больше золота, чем когда-либо в Константинополе или Дели во времена империи Мугхалов*. Разница заключалась в том, что здесь оно превращалось в уродливые, шумные фабрики и машины, плевавшиеся дымом, а не в золотые статуи, позолоченные купола дворцов и выложеные мрамором дороги.

Он ночевал в конюшне лондонской резиденции махараджи, неподалеку от Гайд-парка. Величественный старый дом идеально подходил для богатства и великоле-

Мугхалы – индийское название династии Моголов.

пия, кое пристало махарадже и его женам. Слово «жена» используется британцами в единственном числе, но в Индии жены покупаются гораздо более открыто. Викрам был не слишком высокого мнения о своих здешних клиентах: юном принце Джодпуре и набобе Бахавалпуре, которые проводили лето во дворце махараджи, играя в карты и поло, и водили компанию с герцогинями и баронессами.

Всякий раз, когда Викрам оказывался на грязной набережной Темзы, воняющей гнилой рыбой и отбросами, он отчаянно тосковал по священным водам Ганга и диким садам, растущим на его берегах. Он мечтал о папоротниках и цветущих апельсиновых деревьях, сияющих куполах ступ*, маленьких садовых храмах, где люди молились и оставляли свои подношения. Он мечтал о возвращении в Бенарес с красным бриллиантом, который позволит ему наконец завоевать расположение его любимой, хотя в глубине души он знал, что она никогда не покинет дворец. Махараджасыпал ее драгоценностями, одевал в роскошные ткани с золотыми нитями, коромил марантовой халвой и сластиами в розовом сиропе.

Викрам надеялся найти Эллен у реки и дать ей еще один соверен, как они договаривались. Но ее нигде не было видно. Наверное, убежала с бандой уличных мальчишек, вечно болтавшихся на берегу, гонявшихся за голубями, которых они готовили на ужин, или творивших еще какие-нибудь безобразия. Ему было легко забыть, что она всего лишь ребенок: Эллен вела себя так, будто она гораздо старше своих лет.

К тому времени, когда он добрался до Девилс-Эйкра, уже почти стемнело и улицы погрузились в тени домов, расположившихся к западу от собора. Викрам никогда

* Ступа — в буддистской архитектуре: монументальное сооружение для хранения реликвий.

не заходил в «Белый олень», его владелица принадлежала к числу тех, кто смотрел сквозь него. Сестра Эллен тоже держалась с ним довольно странно — не потому, что боялась его, просто она считала, что от него следует ждать неприятностей. Он всегда старался быть с ней доброжелательным, но она отличалась умом, как и Эллен, и он знал, что она ему не доверяет.

Лучше всего было пойти в ночлежку к Холи-Джо, и вечно улыбающийся великан расскажет ему все, что он захочет узнать, включая то, где находится его юная проводница. Викраму уже удалось получить очень важные сведения у Холи-Джо, и он продал почти все бусы из сандалового дерева купцам, не задававшим лишних вопросов про налоги и пошлины. Возможно, Эллен с ним или прячется, как любит иногда делать, а потом вдруг неожиданно выскочит из тени, чтобы его испугать. Он надеялся, что сейчас этого не произойдет, потому что ему и без того было не по себе. Ему совсем не нравились закоулки вокруг ночлежки, они были самыми пугающими во всем Девилс-Эйкре, а сейчас близилось время суток, когда на охоту выходят самые отчаянные и коварные. Разумеется, Викрам их не боялся, поскольку прошел специальное обучение, да и был проворнее большинства преступников Лондона. Он не прикасался к опиуму, который продавал, и не пил спиртных напитков: и то и другое затуманивало сознание и замедляло реакции.

Когда он почувствовал, что за ним кто-то идет, он думал, что готов к нападению, но рука обхватила его за шею, а потом он был сбит на землю сильным ударом между глаз. Викрам больше удивился, чем испугался, затем пришло смущение — не потому, что удар вызвал такую боль, что она расколола его сознание, точно кокосовый орех, выпустив наружу все его надежды и мечты, которые пролились на грязную землю, где он лежал, а потому, что жертвой должен был стать не он.

 ДЕВЯТЫЙ КАМЕНЬ

Света хватало, чтобы Викрам смог рассмотреть землю, к которой прижималось его лицо, и почувствовать ее отвратительный запах. Через мгновение он сможет поднять голову, но еще не сейчас, от жуткой боли все плыло перед глазами, а в нескольких дюймах от его лица сидела тощая коричневая крыса, и он не хотел выпускать ее из вида. Он всегда с подозрением относился к крысам, поскольку они не отличались разборчивостью в том, что ели, и голод мог заставить их вцепиться в руку достаточно долго лежащего на земле человека. Впрочем, у него не было времени, чтобы подумать о чем-нибудь еще. Как раз в тот момент, когда крыса посмотрела на него и поняла, что он лежит неподвижно и может стать потенциальной едой, нападавший снова на него набросился, выдавив весь воздух из его легких, словно из ме-хов. Теперь Викрам удивился чувству расслабленной теплоты, сказавшему ему, что он умирает, если уже не умер. Это не имело значения, потому что в любом случае скоро он станет истинным воином Кали, одерживающим победы на полях сражений во дворце Индры. Ощущая, как его покидают земные мечты и устремления, он подумал о том, что его любимая никогда не узнает, как он умер, и, что еще того хуже, может подумать, что он взял бриллианты себе.

ГЛАВА 18

Пресса есть изобретение, сделанное для развития первородного греха.

Дэвид Уркварт

С тех пор как смуглокожего молодого человека убили всего в броске камня от «Белого оленя», Сара больше не чувствовала себя в безопасности в темных переулках Девилс-Эйкра. Ей было не так страшно, когда подобные преступления совершались ниже по реке, но это случилось уж слишком близко от дома. Сара узнала про убийство еще до того, как о нем сообщили широкой публике, так как инспектор Ларк провел весь вчерашний день с Септимусом Хардингом и добился обещания держать Мелвилла в неведении касательно третьей смерти до тех пор, пока полиция не будет готова сделать официальное заявление и рассказать свою историю.

А теперь настало утро вторника, прошло два дня с тех пор, как в переулке нашли индуса, лежащего лицом вниз, с раздавленной трахеей. Полиция обнаружила такой же синяк, как и у первых двух жертв, вот только теперь он находился не точно между глаз, а немного в стороне. Все это Сара узнала, подслушивая у двери редакторского кабинета, хотя ей следовало находиться наверху и набирать текст рекламного объявления для какого-то лосьона или настойки; она успела о нем забыть. Им также уда-

лось найти оружие, однако Сара так и не сумела узнать, каким оно было, а ее разбирало любопытство.

На Стрэнде кипела жизнь — горничные, лудильщики, разносчики газет и нищие уже вышли по своим делам на улицу. Сара ценила это время, когда шла на работу по утрам и возвращалась вечером домой, — у нее появлялась возможность подумать. Иногда она размышляла о собственном будущем. В последнее время она жалела, что не может делать то, чем занимались по утрам репортеры, которые выходили на улицы в поисках историй для своей газеты, — не такой дешевой и грязной журналистики, которую навязывал читателям мистер Мелвилл и ему подобные, но нечто куда более героического и достойного.

Однако больше всего она размышляла о том, что на следующей неделе Эллен пойдет в школу, где будет общаться с детьми своего возраста, а не с Холи-Джо. Миссис Коречная сказала, что школу для детей бедняков, которые живут возле Вестминстера, возглавляет Барбара Бодишон, женщина, над которой так любили потешаться журналисты и наборщики. Сара и сама бы с удовольствием походила в такую школу, где девочки узнают не меньше мальчиков о том, почему паровозы ездят так быстро, и о небылицах мистера Дарвина (так говорил о нем папа), но ей приходилось зарабатывать на хлеб. И все же Сара считала, что ей повезло, ведь она имела работу в газете и могла учиться у миссис Коречной. Школа будет стоить пенни в неделю, но в жестяной банке осталось достаточно монеток даже после того, как она купила Эллен блестящие новые башмаки, отточенный карандаш и тетрадку, чтобы записывать буквы и цифры.

Сара уже некоторое время не встречалась с миссис Коречной, поскольку мистер Хардинг последовал совету ее экономки и перестал посыпать письма Мистеру Эван-

су. Однако Лили не стала чаще появляться в здании «Лондон меркьюри», как рассчитывала миссис Веспер. Сара несколько раз стучала в изумрудно-зеленую дверь, когда оказывалась рядом, выполняя поручения в Баттерси или в книжном магазине возле вокзала Ватерлоо. Всякий раз миссис Веспер угождала ее своим кисло-сладким лимонадом, а миссис Коречная неизменно оставалась приветливой и очаровательной. Однако Сара замечала, что взгляд миссис Коречной устремлен куда-то очень далеко. Сара решила, что это связано с годовщиной свадьбы, хотя она миновала уже довольно давно. И все же завтра утром ей предстояло пойти вместе с Лили в большой дом в Кенсингтоне. Ей нравилось это старое место, там было тихо, в саду жили птицы, а в комнатах с высокими потолками пылал огонь в камине. А еще в доме были чердак и подвал, хотя Саре так и не удалось их исследовать. Она представляла, какой замечательный вид открывается сверху на Кенсингтон, с полями и фермами; может, она даже увидит несколько церковных шпилей.

Когда Сара пришла на работу, Ларк вновь сидел в кабинете редактора, но сейчас там был еще и Мелвилл, из чего следовало, что в завтрашних газетах появится сообщение об убийстве. У Сары накопилось много работы, и она не имела возможности послушать у двери кабинета Септимуса Хардинга, ведь именно по этой причине она вчера не успела сделать все, что положено. Ей удалось узнать всю историю только значительно позже, в курительной комнате. Джек Тислуайт, раздуваясь от сознания собственной важности, потчевал коллег историей, которую поведал ему «Грегори», появившийся на третьем этаже: про то, что убийство индуса стало последним в серии «тайных и чудовищных убийств», и если они будут продолжаться, то людям придется запирать двери и окна. Если верить Мелвиллу, индус проплыл из Бомбея на том же корабле, что и леди Герберт,

чые бриллианты украдены, а клерк из таможни и ювелир пытались присвоить самоцветы и поэтому были убиты. И все это дело рук ученика ювелира, сказал Джек, и членов шайки, с которой он связан.

Позднее, когда остальные наборщики устроили дневной перекур, Сара взглянула на статью, лежавшую на пюпитре Джека. И ей совсем не понравилось то, что она прочитала. Убитый индус был невысоким человеком, похожим на мальчика. Внутри у Сары все сжалось — как часто маленькие индусы появляются в Девилс-Эйкр? Согласно «источникам» Мелвилла, убитый являлся контрабандистом и продавцом опиума. Сара подумала, что инспектор Ларк будет возмущен тем, что Мелвилл написал дальше: лондонская полиция полностью сбита с толку. Ей стало нехорошо. А что, если умер новый друг Эллен? И не просто умер, а убит? В короткой жизни ее маленькой сестры — впрочем, как и в жизни самой Сары, — и без того было слишком много смертей.

Когда вечером она оказалась на темной улице, ведущей от реки к Девилс-Эйкру, Саре стало страшно. Обычно она проходила рядом с узким переулком, где убили индуса, но сейчас решила обойти его кружным путем, мимо ночлежного дома, где жил Холи-Джо. Возле двери возникла какая-то суматоха, издалека Саре показалось, что шумят пьяные обитатели ночлежки, которых регулярно выкидывал на улицу хозяин, чтобы они немного пропретевели. Но тут она увидела инспектора Ларка и Холи-Джо, а потом Эллен.

Сара сразу заметила, как сильно побледнела Эллен, — даже грязь на щеках не могла это скрыть, а глаза девочки были раскрыты так широко, словно готовы были вылезти из орбит. Ларка окружали люди с Боу-стрит, и Саре показалось, что Холи-Джо арестовали. Наверное, его поймали на краже, а в таком случае нельзя исключать, что Эллен была вместе с ним. Однако никто не обращал

внимания на ее маленькую сестру; съежившаяся Эллен стояла на крыльце ночлежного дома, казалось, она держится на ногах только благодаря двери. Сара подбежала как раз когда у Эллен подкосились ноги.

Все остальное происходило словно во сне. Люди с Боустрит увезли Холи-Джо, его запястья были надежно связаны кожаным ремнем, а Сара крепко прижимала Эллен к себе, чтобы девочка не упала. Джо походил на испуганного кролика, и страх в его глазах едва не заставил Сару разрыдаться. Ларк остался стоять в стороне, но, увидев Сару и Эллен, подошел к ним и спросил, не знают ли они арестованного.

— Я его знаю,— ответила Сара.— Он не слишком хорошо соображает, но у него доброе сердце. Наверное, он что-нибудь украл?

— Нет, Сара, мы его арестовали по подозрению в убийстве.

Ей пришлось собрать все силы, чтобы устоять на ногах. Сара была так ошеломлена, что с трудом могла говорить. Ларк сказал, что он проводит ее и Эллен до «Белого оленя», а в конце даже взял Эллен на руки, поскольку девочка выглядела совсем плохо.

Когда Эллен уложили в постель, Сара набралась мужества и заговорила:

— Почему вы думаете, что Холи-Джо совершил убийство? Да, я знаю, он несколько раз крал какие-то вещи, но он и муhi не обидит. Он всегда хорошо относился ко мне и Эллен.

Ларк тяжело вздохнул и посмотрел на нее с неожиданной добротой.

— Сара, мы нашли рогатку, на которой вырезано его имя. Она лежала на земле рядом с телом, когда наши люди изучали место преступления.

Им удалось лишь выяснить, что индуса звали Викрам, рассказал Ларк. Тело обнаружил один из местных жи-

телей, который не мог открыть дверь к себе домой. Сара была совершенно сбита с толку, к тому же ей стало нехорошо. Ее опасения, что жертвой был приятель Эллен, оправдались, она вспомнила, что настоящее имя Виктора — Викрам. И еще девочка совершенно точно знала, что Холи-Джо не способен совершить убийство, и не сомневалась, что полиция его сразу отпустит, как только там придут к такому же выводу. Может быть, Джо потерял свою рогатку в переулке еще до того, как умер Викрам, — ведь в противном случае он заметил бы тело. А что, если Джо увидел тело, испугался и уронил рогатку? Он всегда таскал ее с собой, не выпуская из рук. Чем больше Сара об этом думала, тем меньше что-нибудь понимала.

В ту ночь она долго лежала без сна, глядя на спящую Эллен, и размышляла о произошедшем. Когда усталость наконец взяла свое, сны унесли Сару в темные переулки Девилс-Эйкра. Она проснулась от холода и страха. Эллен рядом не оказалось, и это ее совсем не обрадовало. Потом Сара сообразила, что солнце поднялось гораздо выше, чем можно было ожидать, — она опаздывала. Кто присмотрит за Эллен, пока она на работе, а Холи-Джо в тюрьме? Руби некогда следить за ребятишками, к тому же она открывает бар только в полдень.

Сара нашла Эллен на кухне у Руби. Эллен сидела на стуле возле огня, над которым висел освежеванный кролик, подготовленный для отправки в кастрюлю. Руби чистила картошку и болтала с Эллен о погоде и о плохом урожае капусты у соседей. Сара не смогла определить, слушает ее Эллен или нет. Девочка болтала ногами и тихонько напевала, наблюдая за поднимающимся над чайником паром.

— Доброе утро,— сказала Сара, обращаясь к Руби, и подошла к Эллен.— Пойдем, Горе Мое, выпьем чаю с

хлебом, а потом мне нужно идти. Я уже и так опаздываю.

Казалось, Эллен ее не слышала. Она продолжала напевать и смотреть на чайник, словно ее взгляд мог заставить воду закипеть быстрее. Потом вдруг сказала:

— Виктор мертв.

Сара не стала спрашивать, откуда Эллен это знает. Наверное, об убийстве говорили вчера во время ареста Джо.

— Да.

Руби замолчала и внимательно посмотрела на Эллен.

— Что теперь будет с Холли-Джо?

— Наверное, его отпустят сегодня или завтра, Элли, как только поймут, что он не мог совершить такой плохой поступок.

— А это очень плохой поступок, да?

— Очень. Но что сделано, то сделано, и нам нужно жить дальше, как и прежде. Пойдем, Горе Мое, гляди веселей. Я только сейчас вспомнила, что уезжаю сегодня с миссис Коречной в Кенсингтон, так что тебе ничего не остается, как отправиться вместе со мной.

Пока они шли по набережной, Эллен вела себя странно — как в те моменты, когда просыпалась ночью и заглядывала в углы. Она все время останавливалась, чтобы посмотреть на реку, возможно, девочке хотелось увидеть Русалочку, подумала Сара. Ей приходилось тянуть сестру за собой, и только после того, как они миновали мост Ватерлоо и отошли от воды, Эллен ускорила шаг.

Когда миссис Веспер открыла дверь и увидела Эллен, она приподняла брови, но сказала лишь:

— Доброе утро вам обеим. Госпожа скоро спустится, а я сделаю для вас свежий лимонад. Идите за мной.

Кухня миссис Веспер была совсем не похожа на кухню Руби: прежде всего здесь царила чистота, а в окно

проникал яркий свет. Кухонная дверь была открыта, и Сара видела небольшой сад, окруженный каменной стеной. Сад заполняли ряды небольших кустов всех оттенков зеленого. Лекарственные травы, решила Сара. Эллен не понравился лимонад миссис Веспер, поскольку он был не таким сладким, как тот, что ей покупала Сара на Пикадилли. Попробовав лимонад, Эллен скорчила гримасу, миссис Веспер рассмеялась и принялась готовить шоколад. Она налила немного густого молока в стоящую на плите миску, после чего начала натирать на терке большой коричневый кусок шоколада, похожий на ком земли. Миссис Веспер высыпала натертый шоколад в миску, добавила коричневый сахар и размешала. Когда Эллен попробовала приготовленное угождение, на ее лицо стоило посмотреть — так она разулыбалась. Миссис Веспер и Сара не удержались от смеха.

Миссис Коречная спустилась в кухню и обнаружила маленького сорванца со спутанными волосами и измазанным шоколадом ртом. Она не стала задавать никаких вопросов, а протянула руку и сказала:

— А ты, наверное, Эллен!

Они втроем проехали в экипаже через мост Ватерлоо, мимо Гайд-парка и Букингемского дворца. Всю дорогу Эллен неотрывно смотрела в окно и не отвечала, когда к ней обращались. Как только они подошли к старому дому, Эллен сразу же побежала в сад.

Студия мистера Коречного опустела: все картины, мольберты и даже диковинную кровать с одной ручкой куда-то увезли. Остался лишь столик Лили, стоявший возле окна, да еще голубая шляпная коробка, в которой она держала свои бумаги.

— А здесь есть чердак? — спросила Сара.

— Кажется, есть. Давай прихватим Эллен и посмотрим, что там найдется интересного.

Эллен не хотела заходить в дом, яркое солнце озаряло большой сад, и девочка искала цветки клевера с четырьмя лепестками. Миссис Коречная сразу поняла — что-то случилось и Сара не хочет оставлять сестру одну.

— Здесь Эллен в безопасности, Сара, и ей нравится. Пойдем посмотрим чердак.

Им пришлось заглянуть во все комнаты второго этажа, прежде чем в гардеробной они нашли люк и ведущую к нему лестницу.

— Ты пойдешь первой, Сара. Как жаль, что у меня нет таких же брюк, как у тебя. Это очень практичная одежда.

— Я не знаю, как обращаться с юбками, но мне нравится, как они шелестят, а вы всегда замечательно выглядите, миссис Коречная.

— Мне кажется, тебе следует называть меня Лили, ведь мы теперь друзья, не так ли?

Сара почувствовала себя глупо, когда у нее защипало в глазах и перехватило горло. Сегодня ее переполняли эмоции. Хорошо, что Лили продолжала говорить, пока Сара поднималась по лестнице и отчаянно моргала, чтобы остановить слезы. Наконец она оказалась на чердаке, но там ничего не было. Она представляла себе, что на чердаке должно быть полно сломанной мебели, старых ковров, пустых кувшинов и бутылок; в таком месте обязательно отыщется что-нибудь интересное. Но Сара попала в большую комнату с двумя окнами у ската крыши и голым деревянным полом. Здесь было пыльно, углы скрывала паутина, но вид из окон вознаградил ее за отсутствие других сюрпризов. Она, как и рассчитывала, увидела церковные шпили, далекий лес и реку, похожую на серебряную ленту, брошенную кем-то на землю. Когда Лили присоединилась к ней и они вместе стали смотреть на зеленые и желтые поля, Сара почувствовала, что миссис Коречной нужно сказать не-

что важное. Она покусала губы, а потом сделала глубокий вдох.

— Я уезжаю за границу, Сара. У меня дело в Индии. Саре вновь лишь с большим трудом удалось сдержать слезы, которые грозили пролиться до самого утра.

— Вы уезжаете навсегда? — прошептала она.

— Господи, нет, но это долгое путешествие, и я предполагаю, что буду отсутствовать несколько месяцев.

— Это как-то связано с газетой?

— Нет, совсем другие дела.

— А мистер Хардинг знает?

— Пока еще нет. Сара, сегодня ты выглядишь встревоженной.

Сара не знала, как сказать миссис Коречной, что эта новость в сочетании с убийством Викрама и арестом Джо стала почти непосильной ношей для ее хрупких плеч. Она не могла объяснить, что чудесная дружба и общество Лили помогают ей не так тревожиться за Эллен и наполняют решимостью чего-то добиться в жизни. Сара очень надеялась, что наступит день, когда она будет хотя бы немного походить на Лили Коречную, несмотря на то что сначала ей придется отвыкнуть ругаться и перестать носить брюки. Сара глубоко вздохнула, но решила, что печальная новость не должна испортить день, который они проведут вместе. Во всяком случае, она может рассказать Лили о том, что ее беспокоит.

— Холи-Джо забрали в тюрьму за убийство смуглого кожего мужчины. Но я знаю, что он его не совершал, — Джо не может оказаться плохим человеком. Понимаете, раньше он был проповедником, а потом получил удар по голове; и ворует он только из-за бедности, а не из-за дурных наклонностей.

Когда миссис Коречная спросила, кто такой Холи-Джо, Сара ответила, что он друг Эллен, как и тот парень, которого убили, и Лили задумчиво кивнула.

— В таком случае мы должны еще раз поговорить с инспектором Ларком, чтобы он узнал, как хорошо Холли-Джо обращался с Эллен. Иногда, если удается доказать, что заключенный обладает добрым нравом, закон может проявить милосердие.— Миссис Коречная грустно посмотрела на Сару.— И еще мы должны сообщить школьной учительнице, что Эллен потеряла двоих друзей и что к ней нужно относиться с особой добротой.

В первый раз за весь день настроение у Сары немного улучшилось. Лили скажет полицмену, что он допустил ошибку, и Джо выпустят, и все будет как прежде, только Эллен начнет ходить в школу. Они спустились вниз, и Лили остановилась посреди студии, глядя на голые стены. Потом она подошла к своему стоящему у окна маленькому столику и взяла шляпную коробку. Она заговорила, но Сара показалось, что Лили скорее обращается к себе самой, открывая крышку, чтобы посмотреть на бумаги.

— Наверное, мне нужно взять их с собой, тут собраны записи, с которыми я не могу расстаться...

Сара могла только кивнуть. В дом вошла раскрасневшаяся Эллен с букетом цветов горошка и немного крикливым венком из маргариток на голове. Она вручила букет Лили и снова убежала в сад. Лили посмотрела на Сару и улыбнулась ей своей чудесной улыбкой.

— Не грусти, Сара, и, что бы ни случилось, помни, что мы с тобой друзья.

ГЛАВА 19

«Ватерлоо, 3 октября 1864 года

Моя дорогая Барбара!

Я получила комплимент от джентльмена, но совершенно не представляю, как себя вести, поскольку не привыкла к подобным проявлениям внимания. Должно быть, мысль о том, что я покину эти берега перед приближением зимы, вернула “цветение” на мои щеки и “сияние” моим глазам — именно с такими словами обратился ко мне инспектор Ларк. Мы оба поджидали Сентимуса Хардинга возле его кабинета, и инспектор заметил, что он рад видеть заметные улучшения в моем здоровье. Потом мы заговорили о том, что интересовало нас обоих; речь пошла о пребывании в тюрьме дурачка Холи-Джо. Джон Ларк сказал, что обратил внимание на кроткий характер заключенного и на этом основании пытался добиться его освобождения. Кроме того, улик против Джо недостаточно. Однако весь Лондон — от прессы до суда — так хочет засадить за решетку убийцу, что инспектор оказался бессилен.

Кроме того, я поговорила с инспектором о девочках О’Рейли. У меня появилось материнское отношение к этим сиротам, а кроме того, я с огромным удовольствием провожу время в обществе Сары, у которой, как мне кажется, есть все задатки, чтобы стать писательницей. Я не жалею, что у меня нет детей, дорогая Барбара, ни

я, ни Франц не хотели создавать семью. В отличие от многих супружеских пар мы оба прекрасно себя чувствовали, находясь рядом друг с другом. Инспектор Ларк также обратил внимание на положение, в котором оказались девочки, и признался, что восхищается Сарой. Он сказал, что трудности часто вызывают противоположный эффект и что только благодаря твердости характера Сары девочки не нарушают закон и до сих пор не попали в работный дом.

Спасибо тебе за то, что ты держишь меня в курсе успехов Эллен в Вестминстерской школе, а также за то, что дала инструкции старшему учителю обращаться с девочкой особенно внимательно. Сара уже говорила мне, что маленькая Эллен будет иногда пропускать школу, а во время занятий может не проявлять необходимого внимания. В ее тетради не найдешь записей уроков, все страницы заполнены рисунками церквей и русалок. Я склонна согласиться с твоим коллегой — у девочки есть проблемы, если она больше склонна беседовать сама с собой, чем с другими детьми. Конечно, по большей части дети не самые чуткие существа и порой слишком подражают взрослым в восприятии происходящего. Мне кажется, что в короткой жизни Эллен было столько горя, что ее впечатительная натура не сумела его переварить, и я боюсь, что это негативно оказывается на ее здоровье. Проблема с образованием состоит в том, что каждый ребенок обладает особой природой, и меня тревожит, что необычное поведение Эллен может вызвать ненужный интерес инспекторов. В Лондоне есть ужасные заведения для детей, которые не соответствуют установленной модели поведения, и нам необходимо избавить Эллен от них.

Во время поездки в Индию меня будет сопровождать индус по имени Говинда, который прежде постоянно находился с леди Герберт. Поначалу я решила, что он исполняет обязанности слуги, но потом обнаружила, что он состоит на службе у махараджи. Мне очень хочется

ДЕВЯТЫЙ КАМЕНЬ

расспросить его о бриллиантах, украденных во время убийства на Хаттон-Гарден. Я полагаю, что они остаются собственностью махараджи, который, конечно же, рассчитывает на их возвращение — ведь он отправил их вместе с леди Герберт в Лондон, чтобы местные ювелиры сделали для него амулет. Я все время размышляю о том, какой будет реакция махараджи, когда он узнает о краже бриллиантов. Он наверняка придет в ярость и может во всем обвинить Говинду. Не вызывает сомнений, что Говинда был хранителем камней и, по словам леди Герберт, именно он придумал, каким должно быть ювелирное изделие. Кстати, Говинда сделал для меня рисунок траурного амулета. Теперь я постоянно ношу кулон с волосами Франца и чувствую, что могу черпать от него силы. Кулон очень красив, а работа просто превосходна, несмотря на то что миссис Веспер он не нравится.

Пока у меня не было возможности спокойно поговорить с мистером Говиндой, он лишь однажды навестил меня, чтобы получить подтверждение моих намерений отправиться в Индию, однако отказался зайти в дом. Инспектор Ларк беседовал с ним, поскольку на Говинду падает подозрение, а потому мне не очень удобно говорить с ним на эту тему. Тем не менее я не испытываю никаких опасений, так как успела проникнуться уважением к этому молчаливому человеку и почувствовать, что в нем нет зла.

Однако я должна спешить, моя дорогая, наступило время завтрака (Марта не позволит мне его пропустить), а я вдруг обнаружила, что у меня еще столько запланированных на сегодня дел. Я обязательно подробно напишу тебе обо всем, что произойдет со мной во время путешествия.

Как и всегда, остаюсь твоим верным другом,

Лили».

ГЛАВА 20

Она сидела у камина в красивом атласном платье, на столике рядом с ней стояла зеленая лампа с абажуром. Там же лежали немецкие книги, брошюры и ножницы для бумаги из слоновой кости.

Вирджиния Вулф.
Из эссе «Джордж Элиот», 1919 г.

Миссис Веспер разожгла огонь и задвинула шторы, чтобы с Ватерлоо-стрит внутрь не проникал свет газовых фонарей. В свете камина на обоях мерцали яркие хвосты павлинов. Она купила белые лилии на рынке Ватерлоо и поставила их в зеленовато-голубую веджвудскую вазу на фортепиано. Со дня смерти хозяина в доме не было лилий, но он любил эти цветы, и их аромат часто витал в гостиной в течение летних месяцев. Как только хозяйка вошла в комнату, она сразу же заметили лилии.

— А я думала, эта ваза разбилась, Марта. Я уже довольно давно ее не видела.

— Нет, мадам. Она просто была неуместна.

Нет нужды объяснять, что голубая ваза исчезла вскоре после смерти мистера Коречного и что Марта нашла ее спрятанной в шкафу, в буфетной. Хозяин никогда не любил английской керамики, считая, что она уступает посуде из Богемии. Хотя Марта больше не видела его призрака с тех пор, как он на прощание поцеловал хо-

зайку, она сможет вздохнуть с облегчением, только если дух хозяина окончательно покинет дом; после этого можно будет наконец находить вещи там, куда их положили.

Лили продолжала держать в руках свою накидку и поглаживать черный мех, словно это была кошка. Марта сразу поняла, что Лили чувствует себя в гостиной неуверенно. Она вошла в комнату и вздрогнула, хотя в доме было довольно тепло и еще не пришло время разжигать в камине огонь. Однако Марта все же его развела и принесла цветы, поскольку ее госпожа проводила последнюю ночь на Ватерлоо-стрит перед отплытием в Индию и во всех комнатах вскоре станет пусто и холодно. У Марты возникло предчувствие, но она не понимала, что оно может означать; и все же знала: что-то изменится в доме после того, как миссис Коречная его покинет. Она поправила булавки на своем чепце, как делала всегда, когда у нее бывало такое настроение, а ее госпожа уже знала экономку достаточно хорошо, чтобы легко разгадывать любое ее движение.

— Я буду по тебе скучать, Марта. Я написала письмо в свой банк и моему адвокату, чтобы поставить их в известность, что на время моего отъезда ты становишься моим доверенным лицом. Мысль о том, что отец начнет вмешиваться в мои дела, для меня невыносима, а я уверена, что ты прекрасно справишься с домом и другими проблемами, которые могут возникнуть в мое отсутствие.

— Можете не волноваться, и я буду с нетерпением ждать вашего возвращения, мадам.— Марта еще раз поправила чепец и взяла в руки кочергу, чтобы навести порядок в камине.

— Я хочу попросить тебя еще об одном одолжении. Я сказала Саре О'Рейли, что она может обратиться к тебе, если у нее или у ее сестры возникнут какие-то проблемы. Чем дольше Холи-Джо сидит в тюрьме, тем больше

уходит в себя Эллен. Остается утешаться тем, что его до сих пор не повесили. Я верю, инспектор Ларк делает все от него зависящее, чтобы люди с Бой-стрит держались подальше от Джо, однако он считает, что если они допросят его сейчас, то Джо сознается в чем угодно, он рыдает, как ребенок, всякий раз, когда кто-то из них к нему приближается.

— Отвратительная история, тут нет ни малейших сомнений, мадам.

— У них всего одна улика — его рогатка. У всех трех жертв имелась одинаковая метка на лбу, и полиция утверждает, что она от камня, выпущенного из рогатки. Они полагают, что сначала преступник оглушает жертву, чтобы потом раздавить ей трахею. Страшно подумать, что настоящий убийца продолжает разгуливать на свободе.

— Значит, вы не верите, что этот простак и ученик ювелира совершили убийства вместе, чтобы украсть камни, мадам?

— Нет, не верю. Такого же мнения придерживается инспектор Ларк. История об украденных бриллиантах стала настоящей сенсацией, и мне хорошо известно, что все эти преступления связаны между собой. Кто может утверждать с уверенностью, что леди Герберт не успела забрать бриллианты или уже готовое ювелирное изделие, которое она заказала? И хотя бриллианты так и не удалось обнаружить, леди Герберт перед смертью не сообщила в полицию о том, что они украдены, из чего может следовать, что она уже отослала их в Индию или отдала кому-то на хранение. Я верю, что инспектор способен распознать убийцу и хитрого вора, когда их увидит, а из того, что рассказала мне Сара, следует, что их «опасный» подозреваемый не более чем кроткий идиот.

Когда хозяйка спокойно сообщила ей, что собирается отплыть в Индию на борту первоклассного судна «Кень-

он» и что ее будет сопровождать человек леди Герберт, Мартой овладели смешанные чувства. Ей казалось, что мистер Говинда должен был следить за бриллиантами махараджи — так почему же он не доложил об их краже? И если он действительно состоит на службе у махараджи, чьи камни исчезли, то почему не встревожен из-за их пропажи? Марта не сомневалась, что инспектор Ларк тщательно допросил мистера Говинду и пришел к выводу, что индус невиновен. Или слишком умен, чтобы полиция могла найти улики, указывающие на его участие в краже. Когда мистер Говинда навестил ее госпожу, Марта попыталась оценить его характер, но этот человек оказался совершенно непроницаемым. Ей редко приходилось сталкиваться с подобным.

Когда экономка спросила, собирается ли миссис Коречная держать дом открытым, пока она будет отсутствовать, Лили возмутилась.

— О Марта! Если ты спрашиваешь, нуждаюсь ли я в твоих услугах, то мой ответ — да. Я буду отствовать лишь зимние и весенние месяцы, и я бы хотела, чтобы ты все это время присматривала за домом.

«Она права, — подумала Марта, — дом должны согревать жизнь и смех, в противном случае он будет гостеприимным только для призраков». Если ее хозяйка хотела, чтобы она оставалась на Ватерлоо-стрит, то Марта с радостью будет здесь жить. И если девочки О’Рейли пожелают ее навестить, тем лучше, поскольку кому-то необходимо за ними присматривать, в особенности за младшей. Она отличается поразительной чувствительностью — про таких говорят, что у них на один слой кожи меньше, — и Марта думала, что Эллен обладает способностью видеть призраков, хотя и не могла знать наверняка.

— Я с радостью присмотрю за девочками, мадам, — сказала Марта, отвечая на заданный прежде вопрос. —

Обе полюбили шоколад, и я убеждена, что они будут появляться здесь время от времени. Можете не сомневаться, все у нас будет хорошо.

— Я и не сомневаюсь, Марта. А теперь мне пора в постель, ведь завтра рано утром я должна быть на борту «Кенъона», он стоит у пристани Святой Катерины.

В следующее мгновение экономка увидела тень своей госпожи, и в душу ее закралось сомнение в благополучном исходе плавания.

— Будьте осторожны, мадам, ведь вы отправляетесь в страну со странной верой, и я слышала, что одиноким женщинам там грозит опасность.

— В мире мужчин одинокая женщина повсюду подвергается опасности! Но не бойся — меня будет охранять Говинда, он сумеет меня защитить. Спокойной ночи, Марта, тебе также придется завтра рано встать.

— Я проснусь еще до рассвета, мадам, ведь я не могу допустить, чтобы вы уехали без завтрака!

Когда Лили повернулась, чтобы выйти из гостиной, кто-то постучал во входную дверь. Она нахмурилась и посмотрела на Марту:

— Кто может прийти в такой поздний час?

У Марты Веспер возник такой же вопрос, пока она отпирала дверь. Оказалось, что это инспектор с улицы Мальборо. Он побрился, надел новый плащ, но теперь кроме его обычной отрешенности Марта уловила в нем печаль.

— Я прошу прощения за визит в столь позднее время, миссис Веспер, но мне необходимо поговорить с вашей хозяйкой перед ее отъездом.

Час и в самом деле был поздним и совсем неподходящим для светских визитов, и Марта могла бы отказать любому другому джентльмену, навестившему вдову после девяти часов. Однако складывалось впечатление, что дело инспектора связано с его профессиональными обя-

ДЕВЯТЫЙ КАМЕНЬ

занностями, поэтому Марта кивнула и предложила инспектору Ларку пройти в гостиную. Здесь Ларк еще раз принес свои извинения и пожелал Лили доброго вечера. Марта Веспер постаралась не отходить далеко от двери в гостиную. Этого требовали приличия, решила она. В свете горящего в камине пламени инспектор казался даже красивым, все недостатки его внешности скрадывали тени. Он хорошо подходил к глубоким тонам освещенной свечами гостиной, казалось, ее элегантность оказывает на визитера успокаивающее воздействие.

— Я постараюсь не задерживать вас надолго, миссис Коречная. Я пришел в столь поздний час, чтобы сообщить о дальнейшем развитии дела обвиняемого в убийстве Холи-Джо. У меня нет для вас хороших новостей, но будет лучше, если вы обо всем узнаете от меня. Я пришел сюда из камеры в Ньюгейте, где он признался в совершении трех убийств. При таких обстоятельствах я больше не в силах настаивать на его невиновности, и, если не произойдет чуда и мы не найдем истинного злодея, беднягу повесят в следующий понедельник.

ГЛАВА 21

Приличное общество наслаждается кларами и мягкими коврами, приглашения на обед расписаны здесь на шесть недель вперед, не говоря уже об опере и танцевальных залах... зачем ему вера и яркость чувств?

Джордж Элиот

Сара знала, что никогда не забудет этот день, хотя он начался так же, как и любой другой. Она отвела Эллен в школу и подождала у только что выкрашенных ворот, пока строгая леди-учительница возьмет за руку ее маленькую сестру и уведет в аккуратное здание, состоящее из одной комнаты. Сара помахала рукой на прощание, сделав вид, что не замечает скорбного выражения в круглых голубых глазах Эллен, а потом быстро зашагала по Стрэнду к Патерностер-роу, тревожась о том, проведет ли маленькая Эллен в школе весь день. Иногда она оставалась, а иногда сбегала. Теперь, после всех этих убийств, Сара редко ходила вдоль реки. Кроме того, вода напоминала ей о недавно пережитом страхе, когда она подумала, что Эллен вошла в воду, стараясь разыскать маленькую Русалочку.

На ходу Сара размышляла о миссис Коречной. Сейчас она уже была в море, ведь корабль отплыл ранним утром. Какие чувства испытывает человек, оказавший-

ся на борту корабля, плывущего в далекую страну? Сара еще не привыкла к мысли, что Лили Коречной больше нет на улице Ватерлоо, поскольку она уже давно стала навещать ее всякий раз, когда поручения приводили ее на противоположный берег реки. Затем мысли Сары обратились к замечательной вещи, которая появилась у нее совсем недавно. В последний день в Кенсингтоне Лили вручила ей маленький сверток, и Сара провела весь вечер в «Белом олене», поглаживая ладонью гладкие страницы своего первого настоящего подарка. Пергамент пах совсем не так, как легкая бумага из эспарто, на которой печаталась «Лондон меркьюри»; он обладал собственным чистым ароматом. Бутылочка чернил и две красивые ручки из ebenового дерева с серебряными перьями казались Саре такими роскошными, что она боялась к ним прикоснуться.

Сара еще не совсем овладела искусством письма при помощи перьев, ведь до сих пор она писала только карандашом или мелом на грифельной доске Эллен, которую выдали в школе. Девочка долго практиковалась на старой газете, прежде чем осмелилась вывести чернилами на чистой пергаментной бумаге свои первые буквы.

Сара вошла в редакцию газеты одновременно с инспектором Ларком, который так торопился, что заметил ее только после того, как она сказала:

— Доброе утро, сэр.
— Доброе утро, Сара.
— У вас все в порядке, сэр? — Она старалась не задавать ему один и тот же вопрос при встрече, так как он сам обещал рассказать все новости о Холи-Джо.

— Я хотел с тобой поговорить, — начал он.

Сара поняла, что у него плохие новости, иначе он рассказал бы все сразу. Сара ничего не ответила.

— Пойдем со мной, я хочу навестить мистера Хардинга.

Мистер Хардинг повязал на шею салфетку и ел пирог со свининой. Он выглядел так, словно провел за столом всю ночь, поскольку не побрился и не расчесал бакенбарды. Газовые лампы зажигались в здании «Лондон меркьюри» с наступлением сумерек и горели до самого утра, но редактор редко проводил в редакции всю ночь вместе с ночныхами печатниками и репортерами.

— Доброе утро, доброе утро, Сара, Джон.

Он откусил еще кусок пирога и жестом предложил им присесть у догорающего камина.

— Неожиданно наступила осень, не так ли? — обратился он к Саре, которая села поближе к огню.

— Да, сэр. — Сара поняла, что сейчас ей сообщат что-то плохое, так как Септимус Хардинг и инспектор Ларк отводили глаза в сторону. Обычно они не обращали на нее внимания и сразу начинали разговаривать друг с другом. — Холи-Джо повесят, ведь так?

Ларк вздохнул, и его плечи дрогнули, а редактор отодвинул на край стола недоеденный пирог и снял салфетку.

— Да, — ответил Ларк.

— Но он же никого не убивал!

Сара почувствовала, как паника начинает распространяться в ее груди, словно яд.

— Мы ничего не можем сделать, — тихо проговорил редактор.

— Но вы позволили мистеру Мелвиллу писать его лживые статьи, сэр.

Редактор ошеломленно молчал. Саре было все равно, ведь она сказала правду.

— «Лондон меркьюри» не печатает лжи. — Лицо Септимуса Хардинга стало испуганным, но голос звучал ровно. — Мистер Мелвилл является одним из ведущих репортеров нашей газеты, и хотя я готов признать, что его слог бывает чересчур... красочным, вовсе не пресса судит обвиняемых и выносит им приговор.

Ларк шагнул вперед и положил руку на плечо девочки.

— Холи-Джо признался в убийствах, Сара.

Это переполнило чашу ее терпения.

— Нет! Вы лжете! Он никогда...

Она вскочила, выбежала из кабинета в коридор и через несколько мгновений оказалась на улице. Мистер Парсиммонс позвал Сару, когда она пробегала мимо его конторки, но она не останавливалась до тех пор, пока не оказалась на мосту Ватерлоо. Тут только она сообразила, что идет в сторону дома Лили Коречной, которой там уже нет. Сара едва не повернула обратно, но ей было некуда больше идти.

Миссис Веспер обрадовалась, увидев ее, и Сара облегченно вздохнула, поскольку не была уверена, что ее визиты доставляют экономке радость. На этот раз миссис Веспер не повела Сару в библиотеку, они сразу направились на кухню; там на плите стоял большой медный чан, где кипятилось постельное белье. Добрая женщина не стала задавать никаких вопросов, а принялась готовить шоколад. Потом она начала расспрашивать Сару об Эллен.

— Она совсем мало говорит, поэтому мне приходится следить за выражением ее лица, но она часто встает по ночам.

— Значит, малышка мало спит? — спросила миссис Веспер.

— Она всегда была немного странной, но сейчас это усилилось.

— Почаще приводи ее сюда. Теперь, когда госпожа уплыла в Индию, у меня появилось много свободного времени, а вам обеим не помешало бы получше питаться.

Сара улыбнулась и вдруг вспомнила, что ее сюда привело.

— Они собираются повесить Джо.

Экономка молча кивнула, продолжая размешивать шоколад.

— Вы уже знаете?

— Полисмен заходил к нам вчера вечером и все рассказал миссис Коречной.

Сара опустила голову и посмотрела на свои пыльные башмаки. Значит, в следующий понедельник возле Ньюгейта соберется толпа. Она почувствовала, как к горлу подступает тошнота.

— Эллен ничего не знает.

— Нам нужно найти подходящее место и время, чтобы осторожна рассказать ей об этом, и постараться увести подальше от Ньюгейта в день казни. Пожалуй, самое подходящее место моя кухня, после горячего ужина. До того, как об этом начнут кричать мальчишки, разносящие газеты.

Вернувшись на Патерностер-роу, Сара поднялась на верх по главной лестнице, чтобы обойти кабинет редактора. Она понимала, что ни мистер Хардинг, ни Ларк не могли спасти Джо, но по-прежнему сердилась на них и чувствовала, что ее предали, а винить ей больше было некого. Когда она проходила мимо мистера Парсиммонса, он поднял голову и вместо того, чтобы отругать Сару, как обычно делал, широко улыбнулся, показав свои гнилые зубы. Вероятно, мистер Хардинг сказал, чтобы он ее не ругал, что уже само по себе было удивительно. На третьем этаже никто не проявил к ней особого сочувствия, она позаботилась, чтобы наборщики не узнали, что Холи-Джо ее друг. Рано или поздно это перестанет быть тайной — когда работаешь в газете, все секреты выплывают на поверхность.

Как Сара и предполагала, сообщения о признании Холи-Джо и времени его казни появились уже в следующем выпуске «Лондон меркьюри». Лишь с огромным трудом она удержалась, чтобы не стукнуть Джека Тис-

луайта, который заявил, будто с самого начала знал, что Холи-Джо опасный злодей, и не может дождаться, когда его наконец повесят. Больше всего на свете ей хотелось подбежать к Джеку и разорвать листок со статьей Мелвилла на мелкие кусочки. Она почти на это решилась; Сара представила себе, как хорошо себя почувствует, когда увидит выражение лица Мелвилла после того, как он узнает, что его «сенсационный материал» не выйдет в завтрашнем номере газеты. Но потом она представила лицо мистера Хардинга, когда он сообщит ей, что она больше не работает в газете, и вспомнила, что он дал ей шанс уйти с улиц. К тому же она не сомневалась, что очень скоро он устроит ей разнос за ее поведение сегодня утром.

Однако редактор не вызывал ее к себе весь день, и она уже собирала в узелок свои вещи, чтобы отправиться домой, когда его массивная фигура появилась на пороге. Как только наборщики его увидели, наступила мертвая тишина.

- Добрый вечер, джентльмены.
- Добрый вечер, сэр,— хором ответили наборщики.
- А, вот и ты, Сара. Зайди ко мне в кабинет.

Она кивнула, прошла мимо наборщиков и зашагала вслед за редактором вниз по лестнице. Мистер Хардинг молчал до тех пор, пока они не оказались в кабинете и Сара не закрыла за собой дверь.

— Не бойся, я не стану тебя ругать за то, что ты ушла сегодня утром, поскольку обстоятельства были... необычными.

- Я не боюсь, мистер Хардинг.
- Да, я не сомневаюсь, хотя и не уверен, что это так уж хорошо.— Он помолчал, а потом прищурился, словно пытался понять, что происходит в душе Сары.— Я очень доволен твоей работой и по рекомендации мис-

сис Коречной намерен поручить тебе набирать более... серьезные тексты.

Сара обрадовалась.

— Я бы этого хотела, сэр.

Мистер Хардинг откашлялся и потер чернильное пятно на указательном пальце.

— Надеюсь, ты не станешь плохо думать о газетчиках после этой истории, ведь может наступить день, когда ты увидишь, что газета может предложить тебе нечто достойное.

— Не стану.

Септимус Хардинг посмотрел на нее долгим пристальным взглядом.

— Хорошая девочка. Ну а теперь я расскажу, зачем тебя позвал. Днем я получил письмо от экономки миссис Коречной, которая, как мы знаем, не боится выскаживать свое мнение. Она попросила, чтобы я предоставил тебе выходной в понедельник, в день... — Он замолчал.

— В день казни, сэр.

— Да. В день казни. Я ответил, что ты можешь провести этот день так, как посчитаешь нужным. Я также хочу тебе рассказать, что она послала письмо инспектору Ларку с просьбой посетить ее при первой же возможности. Однако я подозреваю, что она увидит его только после казни, так как это проклятое дело отнимает все его время. Насколько я понял, твоей маленькой сестре стало хуже?

— Да, пожалуй, она не совсем в порядке, мистер Хардинг.

— Ну, тебе нужно за ней присматривать. Тебе повезло, что такие женщины, как миссис Коречная и миссис Веспер, проявляют к тебе живой интерес.

— Я очень этому рада, сэр.

В последнее время у Сары не было особых поводов для радости, и ей приходилось напоминать себе, что у нее есть крыша над головой, еда и работа.

И все же всякий раз, когда она думала о Холи-Джо, который одиноко сидел в своей камере и ждал смерти, внутри у нее все сжималось и ей хотелось плакать. Она с ужасом думала о предстоящем вечернем разговоре с Эллен: нужно рассказать девочке о том, что ждет Холи-Джо.

Когда Сара вернулась в «Белый олень», Эллен не было на кухне у Руби, а потому Сара отправилась на причал, где и нашла сестру, сидевшую на плоском камне. Эллен смотрела, как чумазые мальчишки швыряли камни в воду. У одного из них была рогатка, и он пытался подстрелить чайку, клюющую рыбные кости. Саре пришло в голову, что любой из них мог болтаться в переулке с рогаткой Джо в ту ночь, когда убили Викрама, потому что Холи-Джо всегда разрешал детям играть с вещами, которые они могли отыскать в его карманах. И на него было очень похоже взять всю вину на себя, не понимая, какими неприятностями это ему грозит. Между тем Эллен вскочила и побежала к чайке, чтобы спугнуть птицу и спасти ее от выстрела из рогатки.

Потом, когда они шагали по мосту Ватерлоо, Эллен выглядела довольной и даже улыбнулась, когда медник приветственно поднял шляпу. А вот Сара не получала никакого удовольствия от прогулки, хотя закатное небо стало розовым и золотым. Ее мысли путались, и, если бы Эллен ее не предостерегла, Сара наступила бы в большую навозную лепешку. К тому моменту, когда они сидели на кухне у миссис Веспер, Сару подташнивало, и она даже не почувствовала вкуса свиной отбивной, горошка и пудинга на сале*. А еще миссис Веспер приго-

* Запеканка из муки, хлебных сухарей и почечного сала; подается со сладким соусом в качестве третьего блюда.

тоги запеченные в тесте яблоки — она сказала, что это самое подходящее блюдо, чтобы они обе немного прибавили в весе. Когда миссис Веспер вынимала из духовки вишневый пирог, в дверь постучали. Это был инспектор Ларк. Сара подумала, что он не захочет ее видеть после того, как она убежала сегодня утром, но у нее появилась надежда. Вдруг он еще сумеет помочь Джо.

Ларк уселся рядом с Эллен и принял за вишневый пирог, пока Марта Веспер убирала грязные тарелки. Эллен не сводила глаз с полисмена с того самого момента, как он появился на кухне, а как только он закончил есть пирог и произнес несколько любезных слов, отдавая должное кулинарному искусству миссис Веспер, девочка спросила:

— Они не отпустят Джо, да?

Сара уронила вилку на пол, но Ларк продолжал страховать крошки со своего камзола.

— Почему ты так думаешь, Эллен?

— Потому что вы грустный и Сара грустная и никто не говорит о Джо. Вы пришли сюда из-за этого, да?

И Ларк своим низким ровным голосом объяснил им все как есть: как только обвиняемый признает свою вину, то больше уже ничего нельзя сделать — никто не станет доказывать, что заключенный не совершал преступления.

— Он же никого не убивал! — воскликнула Сара, чувствуя, как ее охватывает паника, но изо всех сил стараясь сдержаться, чтобы этого не увидела Эллен.

Эллен сохраняла поразительное спокойствие, и это было намного хуже, чем если бы она расплакалась. Когда девочку что-то огорчало, она становилась молчаливой и еще больше уходила в себя.

Когда Ларк провожал их до дома, Эллен взяла инспектора за руку, и Сара заметила, что поначалу он смущился, а потом на его лице появилось довольноное выражение.

ДЕВЯТЫЙ КАМЕНЬ

ние. На мосту Ватерлоо они остановились, чтобы посмотреть на рыбачьи лодки, которые с зажженными фонарями отправлялись на ночную рыбную ловлю. Сара рассказала инспектору о своих догадках относительно мальчишек и рогатки Джо. Может быть, он спустится к реке и поговорит с ними. Он сказал, что обязательно так и сделает, но Сара понимала, что уже слишком поздно. Эллен думала так же; на ее лице появилось странное выражение, словно она что-то видела.

Казалось, Ларк догадался, о чем они думают.

— Мне очень жаль, — сказал он, и Сара поняла, что он говорит искренне.

— Но почему Холи-Джо признался в том, чего не делал?

— Может быть, он слишком напуган, чтобы сказать правду, Сара. Иногда люди вроде Джо бывают чересчур доверчивыми. Они становятся инструментами в руках опасных преступников. Джо мог не знать, что делает что-то плохое.

— Холи-Джо не слабоумный. Вы его не знаете — он умеет отличать хорошее от плохого.

— Однако он был вором, Сара.

— Но воровство совсем не то же самое, что убийство. К тому же лучше украсть краюшку хлеба, чем смотреть, как твоя семья голодает. Мне повезло, что я не оказалась в таком положении, но везет не всем. Похоже, у Джо черная полоса.

Сара прикусила губу и отвернулась, чтобы Ларк не заметил ее слез.

ГЛАВА 22

«Южная Атлантика,
14 ноября 1864 года

Моя дорогая Барбара!

Мы провели в море более двух недель, однако это первый день, когда моя рука не дрожит и я могу писать. Как хорошо, что у меня отдельная каюта, поскольку я постоянно чувствую себя плохо из-за непрекращающейся качки.

Еще до того, как я приняла предложение леди Герберт, я получила от нее несколько очень ценных советов, и она снабдила меня списком всего, что необходимо леди для такого путешествия. Самыми полезными оказались две коробки печенья из аррорута*. Мой желудок не принимал ничего другого, а корабельные галеты очень жесткие и совершенно несъедобные. Кроме того, по совету леди Герберт я взяла с собой ароматизированный чай, спиртовку, на которой могу его приготовить, и немного бренди, вероятно, я смогу его пить, когда пройдет тошнота.

Моя каюта больше похожа на чулан, здесь едва хватает места для чемодана (я ставлю на него чернильный прибор), койки и ведра чистой воды — моей дневной нор-

* Мука из подземных побегов или корневищ маранты и некоторых других растений.

мы. Мне ее едва хватает на умывание — после того, как я оставляю часть для питья. Мне пришлось научиться экономить. И я должна быть благодарной леди Герберт, предложившей мне взять с собой самое старое нижнее белье и нижние юбки, которые я попросту выбрасываю в иллюминатор — стирать в море невозможно.

Мне сказали, что погода стоит хорошая, хотя мне с моей койки, на которой я провожу большую часть времени, глядя в маленький иллюминатор, кажется, что снаружи бушует шторм: я попеременно вижу то море, то небо... Я поняла, что Южная Атлантика знаменита переменчивым и суровым климатом и капитан получает удовольствие, рассказывая о кораблях, которых иногда заносит даже в Южную Америку. Впрочем, это гораздо лучше, чем оказаться возле скалистых берегов Африки, где, если верить столь ненадежному источнику, уцелевшие пассажиры и моряки могут быть проданы в рабство! Капитан, производивший впечатление достойного джентльмена, когда мы встречались на пирсе Святой Екатерины, изменился до неузнаваемости, как только мы вышли в море. Стоило кораблю отчалить, как в нем появилась жесткость, и он даже не пытается сдерживать свой дурной характер. Я несколько раз сталкивалась с ним и однажды услышала, как он сказал (не стану повторять дословно), что присутствие женщины на борту приносит несчастье. К тому же жалобы пассажиров на грубость и пьянство бристольских матросов еще больше испортили капитану настроение.

Я стараюсь держаться особняком, как и те немногие пассажиры, у которых хватает сил выйти на палубу подышать свежим воздухом. Быть может, когда мы привыкнем к тяготам морского путешествия, у нас возникнет желание пообщаться — ведь мы проделали лишь небольшую часть пути. До сих пор я беседовала только с моим необычным спутником, мистером Говиндой. Он

сумел внушить мне уважение, когда заметил мое недомогание и предложил имбирь. Говинда объяснил, что нужно отрезать небольшой кусочек и кипятить его, а потом пить полученный отвар как средство от тошноты. Очень скоро я обнаружила, что мне это очень помогает. Насколько я понимаю, Говинда спит вместе с матросами, в одном из гамаков, что натягивают возле правого борта после наступления темноты. А днем я постоянно вижу его читающим какую-то толстую книгу, устроившись в укромном местечке на носу. Мне так и не удалось в нее заглянуть, он всякий раз ее закрывает, как только я к нему подхожу, а снаружи название скрыто матерчатой обложкой. Она очень красива — алый шелк, на котором золотом вышиты восточные иероглифы и узоры. Я спрошу, что он читает, когда мы познакомимся поближе, однако тут у меня имеются большие сомнения. Говинда не склонен вести долгие разговоры и заполнять молчание словами».

«21 ноября 1864 года

Прошла еще одна неделя, и мы плывем с хорошей скоростью, которую моряки измеряют в узлах — количестве морских миль, пройденных в час. Ее действительно определяют по узлам, разделяющим на части длинную веревку, которую опускают в воду с грузом на конце. Когда корабль поднимает все паруса, веревка быстрее соскальзывает с палубы. Требуется очень много знать, чтобы держать корабль носом по ветру, и с каждым днем я все больше уважаю команду. Каждый корабль в море — настоящий плавучий остров, заселенный людьми, и я с огромным интересом наблюдаю, как они ухаживают за судном — полируют медные части, смазывают и чинят паруса, — возникает ощущение, что даже самый грубый и очерствевший из матросов получает удовольствие от заботы о своем доме. Палубу моют несколько раз в

день, но я выяснила, что это делается для того, чтобы дерево не портилось от жары,— чистота их волнует гораздо меньше.

Мы пересекли экватор возле Габона, и температура воздуха поднялась до невероятных высот. Мне довелось переносить жару в Италии и Испании летом, но я и представить не могла силу мистраля в Северной Африке или чудовищность жары Южного полушария. Я ношу лишь хлопковые платья и думаю, что мне следует купить еще одно более светлых тонов, когда мы сделаем остановку в Саймонстауне на мысе Доброй Надежды.

Мне значительно лучше, и теперь я уже могу наслаждаться морским воздухом, а недавно я познакомилась с несколькими женщинами, чьи каюты находятся рядом с моей. Мои соседки оказались компанией миссионерок, направляющихся туда же, куда и я, — в Бенарес. Трех из них зовут Мэри, что иногда приводит к путанице в разговорах и вызывает смех. Мне рассказали, что Бенарес является местом паломничества верующих индуистов, именно оттуда эти богообязненные женщины намерены обратить всю страну в христианство. Амбициозный план — нельзя не восхищаться твердостью их веры, однако я не могу не отметить узости их взглядов. Они ведут себя весьма скромно, тем не менее их общество нельзя назвать скучным, хотя меня немного беспокоит их очевидное неуважение к древней религии индусов. Когда я им об этом сказала, одна из Мэри пришла в ужас от одной только мысли, что можно всерьез относиться к другим религиям: существует лишь христианство, и ничего больше.

Я стала больше общаться с Говиндой, мне уже удалось узнать, что он читает самую главную из всех священных книг — “Бхагавадгиту”. Я попросила Говинду объяснить мне, чем его вера отличается от нашей, потому что не знаю санскрита. Прежде всего, сказал он, я должна

понять, что Браhma — это “божественная реальность”, которая присутствует во всех вещах, и что все в мире — всякая волна в море, всякий ветер, живое существо или растение — есть проявление Браhma, а значит, несет в себе элемент божественности. Дальше все стало значительно сложнее, поскольку существует множество богов и богинь. Однако среди них выделяются три главных бога: Браhma, Шива и Вишну. У каждого из них есть супруга, и я должна с радостью тебе сообщить, что все три бога черпают свое могущество у своих спутниц-богинь! Я пошлю тебе список их имен, это позволит мне лучше все запомнить, к тому же у меня полно свободного времени. Браhma, создатель, обручен с богиней Сарасвати. Она правит в царстве мудрости, духовного знания, творческих способностей и искусств. Она одевается только в желтое и восседает на троне — водяной лилии. Сарасвата понравилась мне больше двух других богинь, потому что она предпочитает лилии всем другим цветам. Лакшми — супруга бога Вишну — богиня удачи и процветания, а прекрасная Парвати старается смягчить нрав Шивы, известного также как Разрушитель.

Существует еще одна богиня, Кали, которая особенно меня заинтересовала. Мое любопытство лишь усилилось, когда я поняла, что Говинда избегает называть эту богиню по имени. Кроме того, Кали — единственная богиня, не имеющая супруга. Это внушающее страх божество, которое породило культ убийств. Последователи Кали известны тем, что они приносят человеческие жертвы своей богине.

Окружающие нас огромные водные пространства поначалу внушали мне тревогу, а сейчас совершенно завораживают. Я видела океан холодным и полным мрачных угроз, словно лист стали, или сияющим, точно расшифрованная золотом ткань, когда солнце встает и садится и его расплавленный свет заливает воду. В такие моменты я

ощущаю, что прикасаюсь к божественному в гораздо большей степени, чем в часовне или соборе, и постепенно начинаю понимать притягательность моря.

Лишь однажды мне довелось спуститься в трюм, чтобы получить немного чистой воды в камбузе (вода в ведре, которое принесли в мою каюту, была цвета слабого чая). Больше я не стану так поступать, потому что мне ясно дали понять, что это владения кока и его людей. Здесь я должна взять обратно свое замечание относительно умения мужчин держать все в чистоте и с уважением относиться к своему дому. Вообще трюм корабля — малоприятное место не только из-за грязи, царящей на камбузе. Здесь находятся многие пассажиры, которым не по карману купить билет в отдельную каюту. Им приходится довольствоваться занавеской — только так они могут хотя бы на время оказаться в одиночестве. В трюме отвратительно пахнет, ведь рядом с людьми живут в ужасной тесноте утки и цыплята, коровы и свиньи — несчастные животные едва могут пошевелиться, дожидаясь встречи с ножом кока. Здесь также есть лошади, я слышала ржание и стук копыт. Мне рассказали, что их везут для наших военных в Бомбей».

«Саймонстаун, Африка,
16 декабря 1964 года

Мы пришвартовались в Саймонстауне, и я пишу за столом на берегу моря, в симпатичной сонной рыбацкой деревушке. Не могу описать, какое удовольствие я получаю от ходьбы по твердой земле, которая не раскачивается у меня под ногами, я даже сняла туфли, чтобы почувствовать ногами песок.

Три Мэри и вся остальная компания наняли экипаж, чтобы осмотреть Констанцию. Меня пригласили присоединиться к ним, но я с радостью воспользовалась шан-

сом немного от них отдохнуть. Я хочу рассказать тебе о своем недавнем разговоре с Говиндой. Однажды вечером мы сидели с ним на палубе и наблюдали, как медный диск солнца медленно опускается в море. Когда солнце исчезло, вода замерцала, словно чаша, наполненная жемчугом, а возле кормы появилась стая дельфинов, некоторое время следовавших за нашим кораблем. Они показались мне необыкновенно забавными, симпатичными существами, и я не могла смотреть без смеха на их резвые прыжки.

В ту ночь мои мысли занимали исчезнувшие бриллианты. Я уже несколько раз собиралась спросить о пропаже Говинду, надеясь, что он мне о них расскажет. И в эти мгновения, когда воды океана так изумительно мерцали, я решила, что наступил самый подходящий момент, чтобы заговорить на эту тему. И я спросила у Говинды о значении амулета, который леди Герберт заказала для мараджи. Я не стала упоминать о его возможной краже, посчитав, что это будет слишком нескромно. Безмятежное выражение лица Говинды не изменилось, но я заметила, как дрогнул уголок его губ. Так я поняла, что ему известно больше, чем то, что он рассказал инспектору Ларку.

После короткого молчания Говинда поведал мне, что это «астрологический талисман» и что в своей нынешней форме он представляет опасность для всякого, кто попытается им воспользоваться. Я попросила объяснить мне смысл его слов, поскольку не понимала, как ценный камень или даже девять таких камней могут оказывать влияние на человеческую жизнь. Говинда рассказал мне лишь о том, что леди Герберт верила, будто обладание амулетом поможет ей войти в контакт с миром призраков — и прежде всего с ее умершим мужем. Казалось, Говинда встревожился, но когда я осторожно предположила, что кража бриллиантов может вы-

звать неудовольствие махараджи, он сделал вид, что не слышит моих слов.

В Саймонстауне очень жарко и сухо, а солнце наделено поразительной силой. Францу понравился бы местный ландшафт; он бы восхищался тем, как лучи солнца освещают цветы, ткани и экзотические фрукты на рынке. Почти все дома — это свежевыкрашенные деревянные бунгало; африканские женщины носят яркие свободные одеяния, иногда кажется, будто они одеты в радугу. Голландские поселенцы выделяются белизной кожи и одежды, а также соломенными шляпами с широкими полями, но они не пытаются изменить окружающий мир. Интересно, как много английского я найду в Индии? Боюсь, что англичане гораздо в меньшей степени склонны уважать чужие обычаи.

Добравшись до южной оконечности Африки, мы завершили первую половину путешествия, и теперь мои мысли все чаще и чаще обращаются к тому, что меня ждет. С одной стороны, меня пьянит неизведенное, с другой — я немного тревожусь. Я познакомилась с остальными пассажирами и наслаждаюсь общением с новыми людьми. Среди них чиновник из Восточной Индии с женой, пастор с женой, а также отряд военных, направляющихся на службу в северные горы Индии. Я также общаюсь с несколькими женщинами, которые, как и я, путешествуют без компаньонки: одна должна присоединиться к своей семье в Бомбее после обучения в Королевском колледже в Лондоне, второй предложили должность няни в Дели, третья помолвлена с индийцем. Последняя леди заинтересовала меня больше всех, ведь очень скоро ей придется надеть покрывало, при помощи которого женщины-мусульманки должны закрывать волосы и часть лица. Однако она не кажется встревоженной такими перспективами, она влюблена в своего будущего мужа и полна надежд».

«Бомбей, 18 января 1865 года

Мы приплыли в Бомбей, где проведем трое суток, после чего сядем на идущий в Бенарес поезд. Насколько я понимаю, это путешествие займет неделю, и мне остается надеяться, что группа леди-миссионеров выберет какой-нибудь другой маршрут!

Страницы, написанные мной в течение последних недель, проведенных в море, испорчены неожиданно изменившейся погодой. Во время сильного шторма наполненный водой чайник перевернулся и залил мой чемодан. К счастью, вода не проникла в саквояж, в противном случае весь белый хлопок, купленный мной в Саймонстауне, был бы испорчен. Если не считать этой неприятности, последняя часть путешествия прошла спокойно, и к тому моменту, когда мы увидели землю, я уже мечтала о появлении пиратского судна, которое могло бы нарушить монотонность нашего существования.

Не могу тебе описать, как я радовалась, когда мы приблизились к западному побережью Индии. Когда мы входили в порт Бомбея, пассажиры высыпали на палубу и собирались у поручней, все были охвачены радостным настроением. Моими первыми впечатлениями стали белые берега, поросшие пальмами. Потом меня поразил резкий запах. Если бы я была парфюмером, то попыталась бы определить различные ароматы — острые запахи таинственного табака и приправ, сладкие ароматы благовоний и жасмина, сильные животные запахи. Здесь коровы спокойно разгуливают по улицам, уверенные, что путь, по которому они следуют, священен. Здесь также можно встретить верблюдов, собак, слонов, лошадей, обезьян, а на базаре я даже видела прикованного цепью гепарда!

Из отеля “Тадж”, где я с комфортом провела две ночи, открывается превосходный вид на порт Бомбея. Здания на набережной построены Ост-Индской компанией, а

потому несут печать европейской архитектуры. Белые каменные колонны во всем великолепии романского стиля производят ошеломляющее впечатление в сочетании с жаром палящего солнца на фоне василькового неба, хотя они и окружены деревянными бунгало и домиками из глиняных кирпичей, крытыми древесиной кокосовых пальм. В порту огромные корабли, ярко раскрашенные пассажирские суда и длинные рыбачьи лодки стоят рядом у причалов. На берегу огромное количество людей постоянно грузят и разгружают бочки, ящики и мешки. Темнокожие рыбаки сидят на песке, одетые только в набедренные повязки, и чинят свои сети. Мимо проходят женщины в сари цвета зеленого лайма и розовой вишни, с цветами в волосах, многие из них носят на головах корзины с фруктами или пальмовыми листьями.

Меня поразило огромное количество людей, которые целыми днями сидят на земле на корточках, жуют бетель и выплевывают в пыль струи ярко-красной жидкости. Я часто ловила на себе их любопытные взгляды. Складывается впечатление, что время в Индии имеет совсем другую структуру, здесь нет той торопливости и деловитости, что характерна для Лондона.

Сейчас уже почти стемнело. С моря дует теплый ветер, белые муслиновые занавески парят над моей головой, и я ощущаю на своем балконе запахи улицы. Я завороженно гляжу на огромное количество окружающих меня необычных вещей и ощущаю в себе новую силу, благодаря тому что здесь нет напоминаний о моей прошлой жизни.

Я позабочусь о том, чтобы это письмо попало на борт следующего же корабля, отплывающего из Бомбея в Лондон, и, если все сложится удачно, тебе доставят его, когда в твоем саду появятся весенние почки. Я надеюсь, что у тебя все хорошо. Быть может, это даже к лучшему, что

 КАЙЛИ ФИЦПАТРИК

ты не получишь испорченных чаев страниц, поскольку и без того мое послание получилось слишком длинным. И хотя я понимаю, что мои письма несколько бессвязны, должна признаться, что сам процесс их написания, когда я могла обращаться к отсутствующему другу, позволил мне вновь оказаться рядом с тобой. Посылаю тебе свои самые лучшие пожелания.

Лили».

ГЛАВА 23

*Смейся — и весь мир будет смеяться
вместе с тобой.*

*Плачь — и ты будешь плакать
в одиночестве,
Ведь эта старая печальная земля
должна брать веселье взаймы,
А горестей у нее хватает и своих.*

Элла Уилкокс

В письме к миссис Коречной Марта Веспер написала все, что сказал ей агент по недвижимости. Она не сомневалась, что он был искренним, а так как эта черта не свойственна людям его профессии, она взяла на себя смелость посоветоваться с подругой хозяйки, миссис Бодишон, когда та нанесла ей визит во время Рождества. С благословения Барбары Бодишон Марта пошла еще дальше и пригласила агента, с которым познакомилась в старом доме в Кенсингтоне, чтобы осмотреть собственность на Ватерлоо-стрит. И только после этого она написала миссис Коречной.

Она не стала делать вид, что идея покинуть Ватерлоо-стрит не приходила ей в голову до того, как она обнаружила, что дом, где находилась студия хозяина, выставлен на продажу. Марта считала, что миссис Коречной будет полезно перебраться в более спокойное место, да и перемены ей не помешают. И осуществить такие перемены лучше всего в тот момент, когда она в отъезде,

чтобы по возвращении можно было начать жизнь заново. Марта не сомневалась, что хозяйка одобрит ее выбор, ведь именно Марта занималась решением всех практических вопросов, после того как хозяин умер, и показала себя с самой лучшей стороны.

Вскоре Марта получила ответ Лили (благодаря хитрому изобретению в редакции газеты, позволяющему получать и отправлять письма по проводам), в котором ее хозяйка соглашалась на переезд. Лили написала, что охотнее вернется в дом, где ее муж был полон жизни и где он писал свои картины, чем в тот, где он умер. Марта сразу приступила к активным действиям. Ремонт в доме, находящемся в Кенсингтоне, будет продолжаться до конца марта, а найти людей, которые согласились бы починить крышу в зимние месяцы, оказалось совсем не простой задачей. Но сейчас работа была в разгаре, и, если все пойдет хорошо, новый дом будет готов задолго до возвращения хозяйки в начале лета.

У Марты оказалось так много дел, что ей пришлось призвать девочек О'Рейли, чтобы они помогли ей подготовить все для переезда. Гостиная была заставлена ящиками и свертками, и требовалось соблюдать осторожность, чтобы, входя в комнату, не опрокинуть коробки со шляпками или чемоданы. Марта поручила Саре упаковать книги, поскольку она любила библиотеку больше всего. Работа заняла все выходные и три вечера — всякий раз, когда Марта входила в библиотеку, она видела, что Сара сидит на полу, уткнувшись носом в очередную книгу.

Марта старалась, чтобы Эллен постоянно находилась рядом с ней, так ей было проще приглядывать за девочкой. Марта не слишком разбиралась в том, как следует обращаться с маленькими детьми, ведь у нее не было своего ребенка, но она знала, что с Эллен что-то не так, и считала, что дело тут не только в потере родителей или

обостренной чувствительности. Возможно, Барбара Бодишон была права: убийство индуса и последовавшая вскоре после этого казнь друга Эллен Холли-Джо оказались слишком тяжелым бременем для хрупких плеч девочки.

С тех самых пор, как они сняли занавески в старой спальне, Марта не сомневалась, что Эллен видит призраки. На самом деле девочка чувствовала присутствие тени хозяина еще раньше, чем она сама, и, когда Марта повернулась, чтобы посмотреть, почему Эллен не поднимает край занавески с пола, как она ее об этом попросила, оказалось, что девочка сидит на кровати и смотрит в угол. А там, в кресле, устроился Франц и вертел в руках какое-то ювелирное украшение. Это удивило Марту, она уже несколько месяцев не видела призрака хозяина. Сначала экономка подумала, что он держит в руках ожерелье из атласной шкатулки с туалетного столика, к которому Лили не подходила со времени смерти Франца. В ней лежало много украшений, подарков мужа, но теперь она не могла их носить. Затем, словно хотел получше рассмотреть камни, он приподнял цепочку, и Марта увидела, что призрак держит в руках кулон Лили с его собственными волосами. Это вызвало у Марты недоумение, осталось только предположить, что миссис Коречная потеряла его в Индии.

Благодаря многочисленным горячим трапезам, теплой одежде и материнскому вниманию экономки Эллен стала выглядеть лучше, хотя и продолжала кашлять. Девочки О'Рейли не хотели переезжать на Ватерлоострит, но Марта старалась, чтобы они проводили у нее в гостях как можно больше времени. Марта поняла, что Сара слишком горда, чтобы пользоваться благотворительностью, а потому постоянно обращалась к ней за помощью. Марта все время повторяла, что ей одной не справиться с переездом в Кенсингтон. У нее были и другие

планы на девочек, но с этим придется подождать до возвращения хозяйки.

Однажды, когда Марта решила немного отдохнуть от сборов, она увидела, что Сара стоит возле письменного стола Лили в библиотеке. Миссис Коречная взяла с собой только дорожный набор для письма и оставила дома самый большой чернильный прибор. Вот на этот-то прибор и смотрела с тоской Сара, водя рукой по гладкой поверхности кожаного кресла.

— Если хочешь, можешь присесть, — предложила Марта, и Сара подпрыгнула от неожиданности.

— О нет. Я просто...

Ее щеки слегка покраснели, а Марта доброжелательно улыбнулась:

— Хозяйка была бы рада узнать, что в ее отсутствие кто-то пользуется этой комнатой.

Она ушла, а когда вернулась в библиотеку в следующий раз, увидела, что Сара сидит за столом с бумагой и ручкой и тщательно выписывает буквы. Марта пришла к выводу, что девочка подходит для такой работы, и решила написать еще одно письмо мистеру Хардингу — по меньшей мере одна из О’Рейли может выиграть от современных теорий, утверждающих, что девочки должны получать образование наравне с мальчиками. Эллен не слишком вдохновляла эта идея, и она уже давно взяла за привычку появляться на пороге дома на Ватерлоо-стрит задолго до окончания уроков, преодолев самостоятельно весь путь от Бестминстера. Когда Марта попросила совета у миссис Бодишон, они решили, что пребывание Эллен в обществе экономки пойдет на пользу ее здоровью не меньше, чем учеба в школе вместе со сверстницами. Кроме того, Эллен так сильно отставала от остальных детей, что ей все равно придется вернуться в тот же класс на следующий год.

ДЕВЯТЫЙ КАМЕНЬ

А с Сарой все обстояло иначе — она всегда твердо стояла на земле. Марта считала, что эта девочка очень далеко пойдет с ее живым умом и жаждой знаний. Теперь она стала больше похожа на девушку — с того самого дня в январе, когда пришла к экономке и спокойно сообщила, что у нее начались месячные. Казалось, Сара этим гордилась, а потому Марта смогла показать ей, где нужно стирать одежду и как заварить чай из сушеных листьев малины и мелиссы лимонной, если начинаются спазмы. Сара продолжала настаивать на том, что будет носить брюки и кепку, но у нее отросли волосы, они даже начали немного виться, обрамляя веснушчатое лицо. Она перестала надевать мужские рубашки, когда Марта сшила ей новые блузки из голубого полосатого хлопка и черный жилет из полубархата, который прекрасно подходил к ее новым черным башмакам.

В целом эта зима прошла гораздо лучше, чем предыдущая, и Марта с трудом могла поверить, что миновал целый год с тех пор, как они похоронили хозяина. Первый год самый трудный — всё и всегда напоминает об утрате. Лишь одно омрачало сейчас жизнь Марты — что-то тревожило ее каждый раз, когда она думала о миссис Коречной. Возможно, дело было в том, что ее возвращение из Индии откладывалось, или причина заключалась в огромных расстояниях, но экономка не могла ясно видеть Лили — казалось, действует какая-то сила, затуманивающая ее взор. Марта отбросила прочь эти мысли и стала снимать занавески в гостиной. Теперь ее госпоже больше не придется входить в комнаты, где живут воспоминания и фантомы, пусть они останутся здесь и постепенно рассеются.

ГЛАВА 24

«Бенарес, 30 января 1865 года

Моя дорогая Сара!

Я твердо решила, что напишу тебе длинное письмо, как только вновь сойду на твердую землю. Однако прошло несколько недель, и только сейчас у меня выдалось время спокойно посидеть наедине со своими мыслями.

Удача мне улыбнулась, и меня поселили в уединенном и тенистом летнем домике. Воздух здесь напоен ароматами жасмина и жимолости. В священных книгах индуистской религии написано, что именно в садах Бенареса, носящего также имя Город Света, берет свое начало мир. И действительно, дворец махараджи, где я живу в качестве гостьи, является волшебным местом. Здесь есть пагоды — небольшие храмы с множеством богов и богинь индуистской религии, — повсюду разгуливают павлины и обезьяны, растут экзотические деревья. У махараджи даже есть прирученный тигр, и я не могу описать тебе мой ужас, когда я в первый раз увидела эту громадную кошку, поскольку в тот момент, когда я подошла к нему, он проснулся и взревел самым недружелюбным образом! Я не могла себе представить, что тигр окажется таким гибким, а его шкура будет подобна сияющей бронзе. К счастью, меня сопровождал Говинда, и очень скоро тигр и я успокоились. Когда Говинда подошел к зверю и погладил его, я не могла отвести от него заворо-

женного взгляда, хотя позднее мне рассказали, что у тигра осталось всего несколько зубов (большую часть вырвали из его пасти), да и когти ему подстригли.

Повсюду я вижу обезьян, прыгающих с ветки на ветку и замышляющих всякие шалости. Сегодня утром, когда я отправилась на базар, ветер сорвал с моей головы шляпу (да, я стала носить шляпу, потому что солнце здесь палит от рассвета до заката), и тут же ею за владела обезьяна. Когда я подбежала к ней и отобрала шляпу, маленькая лохматая ручка дернула за драгоценный кулон, висящий у меня на шее!

В резиденции махараджи огромное количество комнат, и хотя я могу свободно перемещаться по дворцу, женщины принца должны получать на это специальное разрешение. Впрочем, данное правило не относится к его любимой наложнице Сарасвати, изумительно красивому существу. Мне рассказали, что раньше она была простой девушкой из деревни. Меня поселили рядом с женским крылом дворца, в царстве жен, наложниц, служанок и детей. Из мужчин здесь появляются только стражи, одетые в широкие свободные шаровары и носящие сабли за ярко вышитыми поясами. У меня сложилось впечатление, что это арабы, хотя личная гвардия махараджи набирается из воинов, которые выглядят иначе. Королевская гвардия научена убивать, чтобы защищать принца и его сокровища, поэтому ты сможешь понять мое удивление, когда я обнаружила, что мой спутник, Говинда, оказался самым главным стражем. Кроме того, он является одним из ближайших советников принца — вот почему этот человек не склонен отвечать на мои вопросы!

Женское крыло дворца называется занан, и я уверена, что тебе никогда не доводилось видеть ничего подобного. Принц содержит здесь женщин, словно редчайших

лошадей в изысканной конюшне. Женщины постоянно о чем-то болтают и сплетничают, детей учат играть на ситаре и табле — это музыкальные инструменты, напоминающие мандолину и барабан. Жены махараджи могут часами мыться и одеваться. Они умываются из чаш с ароматизированной водой, где плавают цветы магнолии и лепестки красного жасмина, потом втирают благоухающие пряности в кожу. Они носят сари из тончайшего шелка и золотые цепочки на запястьях, лодыжках и вокруг пояса. Я видела изумительные самоцветы, свисающие с золотых головных уборов на темные лбы; эти камни своими размерами напоминают карманные часы и сияют, подобно звездам. Когда весь гарем надевает парадные одежды, женщины становятся похожи на волшебных фей, изукрашенных самоцветами, и я даже в своих лучших платьях чувствую себя бледной и заурядной.

Я начала писать очерк об одной замечательной женщине. Надеюсь, что скоро сумею его завершить. Речь пойдет о богине Кали и ужасном культе убийства, который родился из поклонения ей. Так уж случилось, что я сама увлеклась этой богиней смерти, и у меня складывается впечатление, что она имеет какое-то отношение к страшным событиям, произошедшим в Лондоне прошлым летом. Дело в том, что именно богиня Кали может страстно желать красный бриллиант — самый удивительный из девяти бриллиантов, которые мы с тобой видели в Королевской академии. Я никак не могу понять, почему здесь ни разу не упомянули об этих бриллиантах, хотя уверена, что принц пожелал узнать, что с ними произошло. Возможно, в Бенаресе мне удастся прийти к миру с Кали, поскольку здесь постоянно приветствует смерть и она является такой же частью жизни, как прянная пища, самоцветы и дворцы. Ни разу после смерти Франца я не чувствовала себя столь близкой к нему,

ДЕВЯТЫЙ КАМЕНЬ

а кулон с его волосами, который я постоянно ношу на шее, сближает нас еще сильнее.

Сара, я хочу, чтобы ты самым серьезным образом отнеслась к предложению миссис Веспер относительно вашего с Эллен будущего. И еще мне ужасно хочется, чтобы ты когда-нибудь посетила эту удивительную страну. Я часто думаю о вас обеих и спрашиваю себя, пользуясь ли ты той бумагой, которую я тебе подарила. Вскоре надеюсь написать еще, но сейчас нужно торопиться, чтобы успеть отдать это письмо слуге. Он отвезет его на железнодорожную станцию, откуда оно и начнет долгое путешествие в Лондон. Сейчас мне кажется, что Лондон находится где-то очень-очень далеко, в каком-то другом мире, где сегодня может быть пасмурная холодная погода. Я надеюсь, что Эллен окрепла и что у вас хотя бы иногда выглядывает солнце. Не забывай меня, моя дорогая Сара!

С самыми лучшими пожеланиями тебе и Эллен,
Лили Коречная».

ГЛАВА 25

Когда начало светать, к ним присоединились воры, проститутки самого низкого пошиба, бродяги и головорезы всех разборов и принялись безобразничать на разные лады. Драки, свист, выходки в духе Панчча, грубые шутки, бурные взрывы восторга по поводу задравшегося платья у какой-нибудь женщины, упавшей в обморок, которую полицейские выволакивали из толпы, — все это придавало зрелищу дополнительную остроту.

Чарльз Диккенс.
Публичные казни

Сара встала из-за стола и пошла еще раз взглянуть на Эллен. Да уж, не умеет она писать письма: за последний час вскакивала каждые пять секунд и умудрилась испортить уже несколько листов драгоценной бумаги. Огонь в лампе потускнел, а в окно подвального этажа начал просачиваться слабый утренний свет. Ей хотелось вернуться к своему более легкому утреннему занятию — она тщательно переписывала текст из старых выпусков «Лондон меркьюри».

Эллен все еще спала, и ее сон показался Саре таким крепким, что ей захотелось убедиться, что маленькая грудь все еще поднимается и опускается под стеганым

одеялом. Эллен оставалась такой же молчаливой, как и прежде, но иногда у Сары возникало ощущение, что к сестре постепенно возвращается ее былая лукавая дерзость. Эллен по-прежнему не любила школу, но теперь проводила гораздо больше времени с миссис Веспер, а не болтала по улицам в одиночестве. И то, что она так крепко спит, не могло не радовать Сару, хотя иногда Эллен снились плохие сны, которые она не могла вспомнить, когда просыпалась. «А может, это тоже к лучшему», — думала Сара.

Эллен почти совсем не было видно — лишь нескользко прядей светлых волос торчали из-под одеяла, которым она укрылась с головой. Одеяло это подарила девочке миссис Веспер — она сама украсила его симпатичными узорами. Экономка посетила их подвал только однажды — Сара пыталась ей помешать, но миссис Веспер бывала иногда очень упрямой, — после чего подарила им новое одеяло, новые башмаки и зимнюю одежду. Кроме того, она старалась следить, чтобы девочки хотя бы дважды в неделю ели горячую пищу, и постоянно повторяла, что они должны переселиться в дом в Кенсингтоне, когда там закончится ремонт. Сара видела, что миссис Веспер с удовольствием поселила бы их в доме на улице Ватерлоо, но не хотела, чтобы ей делали одолжение. И все же две эти трапезы позволяли им лучше питаться и в остальные дни, и этой зимой брюки Сары уже не казались такими свободными.

Письмо от Лили было самым лучшим подарком миссис Веспер. Она торжественно вручила его Саре, когда они пришли в дом на улице Ватерлоо. Сара взяла в руки толстый коричневый конверт, на котором каллиграфическим почерком было написано: «Мисс Саре О’Рейли». Бумага немного измялась, но от нее исходил знакомый запах. Только через минуту Сара вспомнила, откуда он

ей известен: так пахли бусы, которые Викрам подарил Эллен.

Сара уже трижды прочитала письмо Лили. Март подходил к концу, а письмо было датировано серединой января, значит, оно шло более двух месяцев. Из чего следовало, что Саре нужно немедленно написать ответ, но и в этом случае, если погода будет плохой, миссис Коречная не успеет получить ее письмо до отъезда. И все же стоило попытаться. Конечно, она могла послать сообщение телеграфом из редакции, но это будет совсем не то, что настоящее письмо. Главная проблема состояла в том, что Сара не могла найти нужных слов. Мысль о том, что кто-то, даже миссис Коречная, будет читать то, что она написала, всякий раз ей мешала. Получались лишь глупые, жеманные предложения вроде:

«Дорогая Лили Коречная!

Без вас Лондон стал совсем другим, а зима была ужасно холодной».

«Дорогая Лили Коречная!

Мне понравилось описание дворца махараджи, и я бы хотела увидеть ручного тигра».

«Дорогая Лили Коречная!

Это самое первое письмо, которое я когда-либо писала».

Сара вспомнила, что сказала Лили, когда они ехали в экипаже во время первой поездки в Кенсингтон; она записывает разные вещи, чтобы освободить свой разум. Но сейчас Саре казалось, что письма — это совсем другое. Кроме того что они должны быть написаны аккуратным, разборчивым почерком, в них нужно поведать

о том, что лежит у тебя на сердце. Сара решила, что сегодня вечером она прочитает письмо Лили еще раз. В некотором смысле оно было странным, и Саре требовалось немного подумать, прежде чем сочинить ответ. Она стала размышлять о том, что Лили написала о них с Эллен. Лили просила, чтобы Сара прислушалась к советам миссис Веспер относительно их с Эллен будущего. Сара привыкла, что может рассчитывать только на себя, но если уж быть честной до конца, то будет очень хорошо, если кто-то станет помогать ей.

Сара уже начала думать о своем будущем, о том, какие истории она могла бы написать, если бы стала получать пенни за строку. Она могла бы попросить Эллен поболтать с самыми необычными людьми. И тогда все могли бы делать что-то полезное. Эллен умела понравиться разным людям. Однажды они шли по Чип-стрит, и Эллен зашла в мастерскую к портному и попросила тесьмы, чтобы завязать ботинок. Вскоре она вышла оттуда с шерстяной шалью на плечах и яблоком в руках — добрый портной решил, что ее одежонка не спасает девочку от холода. Если бы какой-то уличный мальчишка с набережной попытался повторить такой фокус, он близко познакомился бы с сапогом портного.

Масло в лампе почти закончилось, Сара взяла новый лист бумаги и окунула перо в красивую китайскую чернильницу. Пока лампа продолжала гореть, она успела скопировать колонку новостей. В Рамсгейте произошел несчастный случай, повлекший гибель человека. Лошадь понесла, и почтовая карета, которой управлял мистер Келли из Сэндвича, налетела на извозчью проглаженную и перевернулась. Миссис Келли получила такие серьезные ранения, что умерла через несколько минут. Сара просмотрела колонку новостей, стараясь отыскать что-нибудь не столь ужасное для переписывания, и ее внимание привлекла следующая заметка: «Школа ис-

кусств, литературы и науки в Хрустальном дворце*, созданная для предоставления высококачественного образования женщинам, начинает свой одиннадцатый учебный год. Дополнительные преимущества вызвали немалый интерес, что привело к увеличению посещаемости...»

Сара отложила перо и закрыла глаза. На мгновение она представила себе, как ходит в такую школу. О чем еще можно мечтать?

Когда Сара открыла глаза, Эллен сидела в уголке кровати и смотрела на сестру.

- Ты выглядишь счастливой, Сара.
- О чём ты, Элли?
- Ну, когда ты об этом думаешь. Это что-то приятное?

Сара пожала плачами:

— Да, я представила себе, какхожу в школу в Хрустальном дворце.

На лице Эллен отразился ужас.

— Школа не может быть во дворце! Школы — это жуткие места, а дворцы — нет.

Сара не стала отвечать на последнее замечание.

— Может, принесешь горячий чайник и мы выпьем чаю?

По личику Эллен пробежала тень, словно она вспомнила о чём-то неприятном.

— А это больно, когда тебя вешают, Сара?

Хотя прошло уже несколько месяцев, Эллен не представляла думать о Холи-Джо. В воскресенье перед казнью миссис Веспер спросила Эллен, куда она намерена пойти на следующий день, и Эллен сказала, что хотела бы посидеть в саду старого дома в Кенсингтоне. Сара облег-

* Хрустальный дворец — огромный выставочный павильон из стекла и чугуна, построенный в 1851 г. в Лондоне для Всемирной выставки.

ченно вздохнула, она боялась, что Эллен выберет Роупмейкерс-Филдс, а это место находилось неподалеку от Олд-Бейли и тюрьмы Ньюгейт. Даже если они отправятся в Кенсингтон, то окажутся не так уж далеко от места казни, поскольку балконы и крыши зданий на расстоянии в милю от тюрьмы будут заполнены зрителями. Эллен лишь посмотрела в окно и ничего не сказала.

Миссис Веспер не бывала прежде в старом доме, и, пока Сара помогала Эллен искать цветок клевера с четырьмя лепестками, экономка обошла дом, заглядывая в пыльные окна и качая головой. Она вернулась в сопровождении джентльмена в превосходном костюме и цилиндре. У него был зонтик с бронзовым набалдашником, а в руке он держал большой кожаный бумажник. Сара не слышала, о чем они говорили, но джентльмен указывал на крышу и стены здания своим зонтиком.

Когда Сара обернулась, чтобы проверить, что делает Эллен, оказалось, что девочка исчезла. Сара отправилась на поиски и обнаружила, что она неподвижно сидит на земле в дальнем уголке сада. Возможно, Эллен увидела барсука или лису, поэтому Сара на всякий случай постаралась не шуметь. Когда она подошла поближе, сестра, не оборачиваясь, произнесла первые слова за весь этот день:

— Теперь он мертв, Джо умер.

Она повторяла эти слова снова и снова, словно боялась, что забудет их.

Сара прикусила губу.

— Элли, иди сюда.

Больше она ничего не смогла сказать.

Когда Эллен подошла к ней и спрятала лицо на груди у Сары, она не сдержала слез, и обе заплакали. Они долго не могли остановиться: девочки плакали о Джо, о маме и папе и обо всех тех неприятностях, которые им пришлось пережить за свои короткие жизни. Сара поду-

мала, что именно с этого момента Эллен начала поправляться, — в тот день сестра перестала держать в себе все накопившиеся горести.

Теперь, когда они сидели за столом в свете раннего утра, Сара показалось, что Эллен забыла о своем вопросе насчет повешенных, поскольку она смотрела на коробку с лентами и напевала. Сара испытала облегчение. Девилс-Эйкр не стал веселее после убийства Викрама и ареста Холи-Джо, и отношение многих людей к ней и Эллен изменилось. Те, кто всегда дружески им улыбался, теперь отворачивались, когда видели девочек О'Рейли, словно не были уверены, что Холи-Джо никогда не был убийцей. Руби старалась изо всех сил, чтобы Эллен и Сара чувствовали, что «Белый олень» по-прежнему остается их домом, да благословит ее Бог, и Сара знала, что Руби всегда найдет улыбку для Эллен. Однако Сара понимала, что живущие в ее доме подружки убийцы не самая лучшая реклама для ее бизнеса.

Они позавтракали, и Сара завязала волосы Эллен красной лентой. У ворот школы она обняла сестру и зашагала в редакцию. Мистер Хардинг сдержал свое обещание и перестал давать ей в набор объявления о бальзаме для астматиков и чудесных сердечных средствах, но Сару, как и прежде, не очень радовало содержание текстов, которые ей доверяли. Несколько недель ей доставались объявления о продаже домов и сдаче внаем меблированных комнат; приглашения на работу мастеров по изготовлению табакерок и экипажей; продажа современных элегантных карет и пони; бесконечные гувернантки с хорошими рекомендациями и дружелюбным отношением к детям искали места. В течение последней недели она набирала сообщения о приездах и отъездах знаменитостей, а также о помолвках в высшем свете, которые сводили ее с ума. Ей было совершенно наплевать на обед, который устраивал герцог Кембридж-

ский в своей резиденции на Пикадилли, или на честь, которую оказали принц Пруссии и барон Оберлитц, посетив графиню Палмерстон.

Когда Сара вошла в здание «Меркьюри», она приподняла кепку, приветствуя мистера Парсиммонса.

— Редактор хочет тебя видеть, Сэм, — сказал он, не поднимая головы от своего большого журнала.

Мистер Парсимmons любил напускать на себя таинственность. Сара считала, что именно таким образом он старается отвлечь людей от своей удивительно противной рожи.

Однако в кабинете Септимуса Хардинга она увидела не редактора, а Ларка, который стоял возле камина.

— Доброе утро, Сара. Ты, наверное, ищешь мистера Хардинга? Он пригласил и меня, но ему пришлось кудато выйти. Заходи, погрейся у огня, он сейчас вернется.

Ларк снова стал смотреть на танцующее в камине пламя, и Саре показалось, что он выглядит усталым. Инспектор был печален всю зиму. И Сара пришла к выводу, что это связано с отъездом миссис Коречной. И еще она чувствовала, что инспектор до сих пор переживает из-за Холи-Джо, он явно не знал, что сказать после их последней прогулки вдоль набережной. Саре хотелось дать ему понять, что она его не винит и что он все еще ей нравится, — инспектор выглядел как человек, которому нужен друг. И тут Сара сообразила, чем может его подбодрить.

— Я получила письмо от миссис Коречной.

Как Сара и рассчитывала, лицо Ларка смягчилось, как только она упомянула Лили.

— У нее все хорошо?

— Кажется, да. Она видела обезьян, тигра, а принц содержит женщин так, словно они лошади в конюшне.

Она ощущала удовлетворение, увидев улыбку на лице инспектора.

Саре ужасно хотелось спросить, удалось ли выяснить что-нибудь новое о пропавшем ученике ювелира и исчезнувших бриллиантах, поскольку мальчишки-газетчики наконец перестали кричать о том, где могут находиться драгоценности. Но пока она набиралась мужества, чтобы задать этот вопрос, вернулся Септимус Хардинг. Только однажды Сара видела у него такое лицо — когда он рассказал ей о признании Холи-Джо.

— О, Сара, Джон. Я получил очень печальное известие.

Он тяжело уселся в свое кресло, стараясь отыскать нужные слова — редкий случай для редактора «Лондон меркьюри». В кабинете наступила тишина, они едва дышали, и Сара вдруг услышала, как пощелкивает в подвале пресс. Мистер Хардинг вздохнул, и у него дрогнули губы. Сара ухватилась за спинку стула, она чувствовала, как напряжен Джон Ларк.

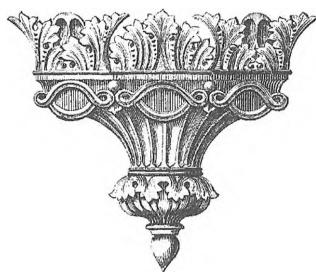
— Я получил из нашего офиса в Индии, через телеграфную службу в Константинополе, трагическое известие о миссис Коречной. Прошло всего пять дней — поразительное устройство, совершенно поразительное...

Мистер Хардинг вновь замолчал, а Ларк тяжело опустился на одно из обитых зеленой кожей кресел.

Саре хотелось прижать руки к ушам и выбежать из кабинета. Однако она стояла совершенно неподвижно, пока мистер Хардинг не произнес слова, которые она так боялась услышать.

— Она неожиданно заболела — так сообщает британская администрация в Бенаресе, — но причина ее болезни остается неизвестной. Это произошло двадцатого марта... всего шесть дней назад... Мои дорогие друзья, Лили Коречной больше нет с нами.

ЧАСТЬ I p

*Я опишу ее такой, какой мне видится.
Десять раз лилия расцветала и опадала,
С тех пор как она белый свет увидала.*

*Ее лицо, как лилия, невинно и чисто,
И в форме лилии оно, и существует
По тем законам лишь, что красота диктует.*

*Спокойствие во всем — вот что ей мило,
И взгляды нежные, и мирно поболтать,
И поливать цветы, и книжку почитать.*

*И голос ее, он негромко журчит,
Как ручеек, что под сенью деревьев бежит,
И все ж в нем есть теплый отблеск солнца.*

*И улыбается она почти святой улыбкой,
Как будто думает о чем-то неземном,
А не о нашем мелком и пустом.*

*И если б увидал ее поэт,
Он ни за что бы перед ней не устоял
И посвятил бы ей любовный мадrigal.*

*И если б повстречался с ней художник,
Изобразил бы он ее бесхитростной, простой
И с nimбом над прелестной головой.*

Элизабет Баррет Браунинг.
Перевод Б. Жужунавы

Бенарес, Уттар-Прадеш, 1862 год

Махараджа Уттар-Прадеша страшился бесконечных священных празднеств своих подданных. Как магометанин и потомок моголов, завоевателей Индии, он находил языческие ритуалы непостижимыми. Кроме того, они ужасно его изматывали. Появления махараджи на публике требовали определенных церемоний, так что страдать приходилось не только ему самому, но и несчастному слону, который был вынужден носить многочисленные украшения и постоянно оставаться на виду у толпы. Не вызывало сомнений, что ему нравились самоцветы — можно даже сказать, что он их любил, — однако костюмы махараджи для подобных церемоний делались так, чтобы внушать благоговение, а вовсе не для удобства того, кто их надевал. Сейчас, во время праздника Дивали, он был весь увенчан драгоценными камнями, начиная от персидских туфель до огромных изумруда и рубина, украшающих тюрбан. Если бы не яркие огни и тот факт, что профессиональные танцовщицы скоро начнут танец Дивали, махараджа предпочёл бы отрабатывать удары для игры в поло. Или пить джин.

Праздник Дивали, также известный под названием Фестиваль огней, до некоторой степени стоил всей этой суety и ритуалов. Во время Дивали священный город Бенарес сиял, точно небесный светильник, и с каждой крыши, балюстрады, над развалинами и храмами, хижинами и каменными стенами горело множество чирауг. Эти маленькие масляные светильники из глины

создавали зрелище, от которого махараджа никогда не уставал, и со своего высокого паланкина на спине слона он мог насладиться им в полной мере. Город превращался в море огней, обитель индуистских богов. Принцу Уттар-Прадеша не были чужды индусские суеверия, и он об этом знал. В особенности его пугало одно верование: тайна наваратны. Она преследовала его, несмотря на тщетность поисков девятого камня. Конечно, он понимал, что это глупость, но его надежды всякий раз оживали во время священного фестиваля, словно одно только присутствие веры и ритуала могло принести ему знание промысла бога.

Махараджа вздохнул и выкинул эти мысли из головы. Он слегка изменил позу, чтобы усыпанный самоцветами широкий пояс-шарф не давил на ребра, и принялся наблюдать за множеством жрецов в темно-оранжевых и алых одеяниях, которые расположились вдоль берегов Ганга. Они монотонно пели, размахивая украшенными перьями жезлами. Очевидно, они пытались отогнать призраков с дурными намерениями, которые могли помешать благополучному входу в город Лакшми, богини судьбы. Именно в ее честь праздновали Дивали и зажигали чирауги — чтобы осветить ей путь. И тогда богиня обеспечит хороший урожай, благословит начало нового дела и всех будет ждать удачный год.

Когда танцовщицы наконец появились перед махараджей, он понял, что его долготерпение будет вознаграждено. Первыми вышли музыканты в ярких туниках и тюрбанах, за ними следовала шеренга танцующих девушек. Восхищенная толпа вздохнула, удивительная красота танцовщиц озарила скуку тяжелой нищей жизни, полной болезней и страданий. Махараджа оглядел шеренгу танцовщиц, оценивая нежные цвета их расшипленных блестками прозрачных одеяний; он увидел каждую изящную конечность и каждый блестящий лоб, каждый

миндалевидный глаз, подведенный сурьмой. Наконец его взгляд остановился на молодой женщине в самом конце шеренги. Женщина встретила его взгляд, чтобы было запрещено, и он мог бы поклясться, что читает открытое приглашение в ясных глазах, обещающих ему нечто необыкновенное. Ему захотелось насладиться каждой ее чертой: бронзовым, медовым сиянием кожи, изящным овалом лица, тенью улыбки на розовых лепестках губ.

Начался танец, но махараджа не мог отвести глаз от этой девушки. Ее одеяние было бледно-желтого цвета и сияло, словно луна. Когда она снова встретила его взгляд, он ощутил нечто большее, чем обычное желание. Махараджа привык к красивым женщинам, более того, они успели ему надоесть, поскольку были довольно скучными и думали, что одно только очарование их прекрасной плоти способно удовлетворить мужчину. Теперь же он уже не сомневался, что это существо обладает не только совершенством форм и изяществом движений, в ней чувствовались сила духа и ум. И еще он ощущал некую тайну, и именно тайна сделала его желание особенно сильным.

Покупка танцовщиц являлась сравнительно простой процедурой, секретарь махараджи проделывал ее множество раз. Принц часто приглашал танцовщиц, чтобы они его развлекали, но никогда прежде не думал о том, чтобы взять одну из них в свой гарем. Все женщины его гарема принадлежали к мусульманской вере и к привилегированной касте. Махараджа понимал, что появление этой девушки в его гареме приведет к возникновению проблем, но ему было все равно, как и махарани: едва ли она вообще обратит внимание на новую наложницу. Если бы только он знал в ту ночь фестиваля Дивали, чем еще одарит его Лакшми, богиня судьбы.

ГЛАВА 26

Муж владеет имуществом жены во время всей их совместной жизни, иными словами, обладает абсолютной властью над ним до тех пор, пока оба живы.

Барбара Бодилтон.
Краткая выдержка
из самых главных законов,
касающихся женщин, 1854 г.

Вечером в день своего совершеннолетия Сара О’Рейли, в брюках, рубашке и башмаках, вошла в библиотеку дома в Кенсингтоне. Усевшись за стол, она зажгла сигару.

— Прости, что опоздала на ланч, Марта. Меня целый день не было дома.

Сара понимала, что Марта этого от нее и ожидала, учитывая, какое решение ей предстояло принять. Даже Эллен, ставшая в эти дни коллегой и спутницей Сары во время ее прогулок по Лондону, на сей раз позволила ей гулять в одиночестве.

Обычно Сара надевала брюки, когда хотела, чтобы на нее не обращали внимания, она вполне могла сойти за молодого человека, если не присматриваться как следует. Шляпа скрывала копну волос, маленькие круглые очки и сохранившаяся худоба придавали ей сходство со студентом. Она постоянно носила с собой ранец, а ее длин-

ное пальто скрывало те части тела, которые могли бы вызвать сомнения в ее принадлежности к мужскому полу. Да и походка Сары была не женской, ведь она не привыкла носить женскую одежду, сковывающую движения.

Этот день получился необычным во многих отношениях, и дело тут было не только в том, что Сара провела его в одиночестве — она ни разу не вспомнила о работе. Письма, которые она разбирала, навеяли на нее воспоминания о семи годах жизни, что миновали с тех пор, как она стояла с Лили Коречной возле окошка на чердаке и Лили рассказала ей о своем предстоящем отъезде в Индию. В те дни Сара надеялась, что в будущем сможет стать похожей на свою эрудированную подругу, и теперь в некотором смысле она этого добилась. Изменения происходили медленно, но сейчас она стала взрослой женщиной и писательницей. Она даже отказалась от своих брюк, во всяком случае, перестала носить их ежедневно, и если иногда и ругалась, то только не в обществе людей, которых это могло оскорбить.

Первое существенное изменение в ее жизни произошло через год после смерти Лили. Неприятный мистер Мелвилл покинул редакцию «Меркьюри». Он стал писать для дешевой прессы, и Сара еще раз убедилась, что его таланты куда больше подходят для жалких низкопробных журналов, чем для ежедневной газеты. Глядя на него, Сара мечтала, чтобы оказались правы те, кто говорит, что ношение обтягивающих брюк ведет к половому бессилию. Уход мистера Мелвилла привел к тому, что газета стала испытывать недостаток в материалах, и Септимус Хардинг ответил согласием, когда Сара вызвалась попробовать писать для газеты. Это были самые примитивные заметки, недаром подобная работа называлась литературной поденщиной. Однако Сара не собиралась предлагать ему лживые репортажи только

для того, чтобы ее напечатали, — так она сразу и сказала мистеру Хардингу.

Как Сара всегда подозревала, Эллен оказалась отличной помощницей в ее профессии и сразу же с охотой принялась добывать новости в темных уголках Лондона. Элли была упорной, как крысолов, когда дело доходило до историй, которые можно было продать в газету. У нее имелись друзья в самых неожиданных местах, она знала владельцев многих заведений — некоторые из них, несомненно, заставили их мать перевернуться в своей могиле. Эллен продолжала неохотно посещать школу — однако в прошлом году заявила, что научилась всему, чему хотела, и будет лучше, если она начнет работать вместе с Сарой. Теперь она с радостью помогала сестре и могла найти интересные материалы там, куда большинство репортеров «Меркьюри» не успевали добраться.

С Сарой произошли и другие изменения, которые мистер Хардинг назвал косметическими. Ее обучение в Школе искусства, науки и литературы в Хрустальном дворце оплатила Барбара Бодишон. Здесь ей труднее всего пришлось с изучением общего этикета — правил поведения в обществе, которые считались обязательными для современных леди, — а легче давались латынь, скоропись, естественные науки и французский. Общий этикет однозначно определял поведение в любых ситуациях, и Сара знала, что ей не следует носить за столом перчатки, если только ее руки лучше никому не показывать, или ковырять в зубах в приличном обществе. Она стала значительно реже ругаться, использовать вульгарные слова и сленг.

Некоторые правила этикета она выполняла полностью, другие игнорировала, поскольку считала их непрактичными. Она не могла отказаться от быстрой ходьбы, а требование всякий раз находить джентльмена для вечерней прогулки было и вовсе смехотворным. Она за-

метно расширила свой словарь — и этим гордилась больше всего. Она поняла, какие преимущества дает правильное использование языка и что в определенных кругах иногда одна удачно построенная фраза может принести больше пользы, чем ее прежние сильные выражения.

Сара смотрела, как в камине медленно зарождается пламя, потом поднесла сигару к губам и сделала несколько глубоких затяжек. Обычно тишина в доме воспринималась ею вполне естественно, все его обитатели были погружены в собственные мысли и не нуждались в поддержании разговора, но сейчас Сара знала, что Марта ждет, когда она заговорит. Марта хотела знать, намерена ли Сара выполнить предсмертное желание Лили. Девушка размышляла над этим вопросом весь день.

Сегодня утром Сара получила два подарка, каждый из которых возвращал ее в прошлое. После завтрака Марта вручила ей банковское извещение. На нем стояла алая печать Банка Англии и сегодняшняя дата — 18 марта 1871 года. К нему прилагался документ, написанный британским адвокатом в Бенаресе. В документах говорилось, что по достижении двадцати одного года Сара О’Рейли получит необходимую сумму для оплаты путешествия в Бенарес. Впрочем, если мисс О’Рейли пожелает использовать деньги по-другому, это ее право. Решение остается за ней.

В течение всех лет, прошедших после смерти Лили, Марта не говорила Саре о завещании. Марта вообще редко упоминала имя миссис Коречной, хотя гостиная в Кенсингтоне была выдержана в стиле, выбранном Лили для дома на Ватерлоо-стрит. Сара знала, что это знак любви к Лили, поскольку самой Марте Веспер не нравились богемский и восточный стили.

Тот факт, что Лили составила завещание, подарив дом в Кенсингтоне и все его содержимое Марте Веспер, Саре

и Эллен, говорил о том, что она знала о приближающейся смерти и о том, что ей не суждено вернуться в Англию. После смерти Лили Сара и Эллен переехали в старый дом вместе с ее экономкой и навсегда избавились от нужды. Ежегодный доход, оставленный Лили еврейской семьей Франца, после ее смерти полностью перешел в распоряжение Марты Веспер и девочек. Еще до отъезда в Индию в 1864 году Лили поручила Марте распоряжаться ее состоянием. Такая передача средств оказалась возможной благодаря кампании Барбары Бодишон в защиту интересов женщин. Как вдова Лили имела гораздо больше прав на собственность, чем как жена.

Сара прекрасно понимала, что Марте совсем не хотелось передавать ей бумаги, которые могли привести к ее отъезду в Индию,— Марта уже потеряла там Лили. А теперь риску будет подвергаться жизнь Сары. Не вызвал энтузиазма у экономки и второй подарок, полученный Сарой от Барбары Бодишон (его доставили сразу после завтрака). Когда Сара развернула толстую коричневую бумагу, экономка наморщила нос, ощущив отчетливый восточный аромат. Девушка заметила, как Марта поправляет булавки на своем старомодном чепце, и поняла, что у экономки появилось одно из ее знаменитых предчувствий. Подарком оказалась изящная шкатулка, инкрустированная слоновой костью, в ней лежали две стопки писем, перевязанные лентой. В первой стопке были письма, которые Лили писала своей подруге миссис Бодишон, когда жила на Ватерлоо-стрит,— Сара потратила весь день на их чтение. Во второй, еще не прочитанной, оказались письма из Индии.

Читая рассказы своей любимой подруги о ее встречах с леди Синтией, Сара вновь задумалась о судьбе девяти бриллиантов, которые так занимали лондонскую прессу. Казалось, с тех пор прошло так много времени, но сейчас, читая эти письма, Сара вдруг поняла, что тай-

на утерянных камней так и не разгадана. Ювелирное изделие из девяти бриллиантов не нашли, а Ларк и Джерард не верили, что Холи-Джо был способен на убийство своего друга Викрама, не говоря уже о двух других убийствах. Сара продолжала регулярно встречать Ларка в кабинете редактора, а иногда видела и Джерарда, когда у нее появлялась причина для посещения полицейского управления Вестминстера. Она знала, что обоим полисменам очень не хотелось закрывать это дело.

Теперь, когда Марта молча принесла поднос с ужином, Сара размышляла о том решении, которое ей предстояло принять, и волновалась все больше. Она дала себе слово немедленно заказать билет, пока не передумала совершил такое серьезное путешествие, потому что мысль о посещении столь далекой страны вызывала у нее тревогу. И как только все будет готово, нужно сообщить Септимусу Хардингу о ее планах, ведь в противном случае он попытается ее отговорить. Но прежде всего она должна сказать Марте...

Было как раз время чая, когда два дня спустя Сара по дороге в редакцию проходила мимо весьма популярного кафе, расположенного между Пэлл-Мэл и Флит-стрит. В кафе, где подавали горячий шоколад, было полно молодых женщин в костюмах из темной парчи, вельвета и вигоневой шерсти — по моде нынешнего сезона, — они маячили во всех окнах, точно манекены в витринах магазинов. Сама Сара была в черном плаще с поднятым воротником и широкими свободными рукавами — костюм лишь немногим хуже брюк, поскольку позволял ей не привлекать к себе внимания.

В кабинете редактора, как всегда, пахло трубочным табаком, на столе стоял поднос с чаем, пылились стопки старых журналов и лежал свежий номер журнала. Септимуса Хардина в кабинете не было. Ее приветствовал Джон Ларк, с задумчивым выражением лица стоявший

у каминной решетки. Ларк собирался уходить в отставку, но по-прежнему навещал старого друга, чтобы обсудить новости. В последние годы инспектор все чаще стал заниматься проблемами бедняков. Сара не раз видела его на набережной Темзы, где он разговаривал с нищими, собирающими окурки и осколки угля.

— Добрый день, мисс О’Рейли. Редактор занят, тут в утреннем номере образовались излишки материала, а кое-кто не в ладах с грамматикой.

— Обычное дело! — улыбнулась Сара.

— Верно. А как дела у вас?

— У меня в голове множество историй.

— Да, вы всегда ищете что-то новое. А я тоже стремлюсь все время находиться в движении, — ответил Ларк.

В этот момент в кабинет вошел Септимус Хардинг и тяжело вздохнул:

— Тогда приходи работать ко мне, Джон, и покоя у тебя не будет! Добрый день, Сара.

— И вам добрый день, сэр. Мы обсуждали необходимость чем-то себя занимать. Я пришла к вам, чтобы кое-что обсудить.

Редактор сел и раскурил трубку, с подозрением глядя на Сару.

— Что-то подсказывает мне, что ты намерена смутить мой покой. У тебя такое хитрое выражение лица!

— Я собираюсь отправиться в Индию. Билет уже заказан.

Теперь она завладела вниманием обоих мужчин. За последние годы они постарели, их движения немного замедлились, но соображали они по-прежнему быстро. Волосы Септимуса Хардинга заметно поседели, хотя и торчали по-прежнему в разные стороны, а руки стали узловатыми, как ветви старого дерева. Ларк оставался худым и стройным, но лицо его прорезали глубо-

кие морщины, а в усах прибавилось седины. Однако ботинки его сияли, как и прежде.

— Так-так. — Джон Ларк задумчиво покачал головой. — И вы намерены посетить дворец махараджи в Бенаресе?

— Да, я собираюсь это сделать, если, конечно, он захочет меня принять.

— По странному совпадению Джерард и я недавно вспоминали о Синтии Герберт и убийствах шестьдесят четвертого года. Он расследовал нападение на Хаттон-Гарден, которое произошло неподалеку от мастерской Финкельштейна. Есть некоторые суеверия, связанные с данным делом, — даже Скотленд-Ярд иногда этим грешит: за последние годы совершено до странности много преступлений с применением насилия неподалеку от тех мест, где произошли три убийства. Сложилось нечто вроде истории призраков, если можно так сказать, и некоторые полисмены отказываются по ночам патрулировать переулок, где убили индуса.

Сара сразу насторожилась.

— Как любопытно! А что вы сами об этом думаете?

— Я думаю, что вам стоит поговорить с инспектором Джерардом, он знает больше, чем я. Кроме того, он постоянно читает колонку столичных новостей. Насколько мне известно, сегодня он в суде, но вы найдете его в полицейском управлении в Вестминстере в любой другой день на этой неделе.

Пока они беседовали, Сара подумала, что упоминание о Бенаресе заставило Ларка вспомнить о Лили, и он сразу стал печальным. Ей хотелось рассказать Ларку о том, с каким огромным уважением относилась к нему Лили, но она боялась его смутить. Сара не знала, что произошло между Лили Коречной и Джоном Ларком, но была уверена, что их отношения не перешли дружеских рамок.

— Лили хотела, чтобы я побывала в Бенаресе. Надеюсь, это поможет мне смириться с ее смертью.

Ларк кивнул и заговорил, не отводя взгляда от огня в камине:

— Тогда вам нужно это сделать. Мне бы и самому хотелось иметь возможность попрощаться с миссис Коречной. Я написал Лили письмо, но она уже была серьезно больна и не смогла мне ответить. — Он вздохнул. — Как жаль... однако теперь она обрела покой, и мы должны быть счастливы за нее. — С этими словами Ларк бросил сигару в огонь. — Прошу меня простить, мисс О'Рейли, но я отрываю вас от дел, да и мне самому уже пора. Я буду с нетерпением ждать рассказа о вашем путешествии.

Они расстались, пожав друг другу руки, что было единственным проявлением привязанности, которое они могли себе позволить.

Обычно Сара встречалась с детективом-инспектором Джерардом только во время расследований, которые вела для «Меркьюри». В здании лондонской полиции, мрачном строении из красного кирпича, всегда царила суматоха, а множество молодых людей в синей форме отчаянно боролись с огромными кипами бумаг. Детектив-инспектор был одет, как подобает обычному джентльмену. Он уже довольно давно не продвигался по службе, но то, что детективам разрешили не носить форму, являлось сравнительно недавним нововведением.

— О, доброе утро, мисс О'Рейли. Надеюсь, вас привели ко мне не дурные известия?

Джерард за прошедшие годы возмужал, хотя и не нарастил мускулов. Саре нравились его светлые волосы, правильные черты лица и внимательный взгляд карих глаз.

— Пожалуй, нет, инспектор, но не могли бы вы уделить мне немного времени?

— Сколько пожелаете. Вероятно, нам будет удобнее беседовать в моем кабинете?

Предложение Джерарда удивило Сару, обычно они разговаривали в общем зале. Однако она последовала за ним по лестнице и длинному коридору. Они вошли в узкую комнату, окна которой выходили на северную часть Вестминстерского аббатства.

— Вам повезло: из вашего кабинета открывается пре- восходный вид!

Сара сразу же подошла к окну, а когда снова повернулась к инспектору, то увидела, что Джерард улыбается.

— Да. Иногда это помогает думать. Я знаю все тени и трещины и даже детали каменной кладки.— Он пристально посмотрел на Сару.— Хочу поздравить вас с совершилолетием.

Сара удивилась, что Джерарду это известно.

— Вы очень добры. Давайте не будем тратить ваше время, ведь я пришла сюда, чтобы удовлетворить свое любопытство. Правда ли, что в Девилс-Эйкре появился призрак? Инспектор Ларк утверждает, что там, где в шестьдесят четвертом году произошли три убийства, теперь совершаются больше преступлений, чем обычно. И еще он говорит, что констебли стали суеверными, а некоторые даже отказываются патрулировать эти переулки после наступления темноты.

— Все так, однако я не верю в сверхъестественное. В районе Хаттон-Гарден живут обеспеченные люди, что и привлекает туда грабителей и мелких воришек. Девилс-Эйкр и пристань Темпл уже давно стали излюбленными территориями преступников.

— Вполне разумное объяснение,— заметила Сара.

— Я детектив, мисс О’Рейли. Мой долг давать объяснения.— Джерард испытующе посмотрел на нее и продолжал: — В особенности таким людям, как вы.

— В данном случае вы можете не учитывать мою профессию, поскольку речь идет о личном интересе. А нет

ли у вас каких-то других наблюдений, связанных с событиями, которые привели к казни невинного человека?

Джерард некоторое время молча смотрел на Сару.

— Мне нечего сказать о сверхъестественных явлениях или о призраках, но должен признать, что в деле Финкельштейна есть некоторые несоответствия, да и исчезновение бриллиантов всегда вызывало у меня сомнения. Ученик Финкельштейна, молодой Дейви, по-просту пропал, хотя это нетрудно сделать в таком городе, как Лондон. Но я должен признать, что это дело продолжает оставаться весьма загадочным.

Детектив-инспектор Джерард подошел к окну и выглянул наружу.

— Насколько мне известно, вы сами намерены отправиться в Индию.

Сара показалось, что на лице инспектора появилось неудовольствие.

— Да. Вы очень хорошо информированы. — Увидев, что Джерард продолжает хмуриться, Сара начала злиться. — Я гораздо более смелый человек, чем может показаться по моему внешнему виду, сэр, и это путешествие очень много для меня значит.

Как только Сара произнесла последние слова, она почувствовала себя глупо. Однако ей надоело, что ее постоянно считают неспособной к серьезным делам из-за ее принадлежности к слабому полу. Сара понимала, что ее направленный на Джерарда гнев ничем не обоснован и что он вызван ее собственными дурными предчувствиями. В результате понимающая улыбка детектива вызвала у нее не только раздражение, но и благодарность.

— Вы совершенно правы, мисс О'Рейли. Говорят, вы испытываете неприязнь к моему полу.

— Вы об этом слышали, сэр?

— Вероятно, вы знаете, что вас считают «синим чулком» и либералкой? Однако я верю, что такие женщи-

ны, как миссис Бодишон, должны быть рады, что вы их поддерживаете, поскольку давно пришло время признать: большинство мужчин прискорбно несправедливы по отношению к женщинам!

Они оба рассмеялись, и между ними завязалась живая беседа. Сара не знала о том, какая у нее сложилась репутация, хотя ей не стоило удивляться. Ее заметки — строго говоря, репортажи для колонки столичных новостей, — всегда были написаны с сочувствием к доведенным до нищеты женщинам, ставшим на путь прости туции и преступлений, и ее не раз узнавали на улицах, когда она разгуливала в брюках и курила сигары. Ее прежние манеры до сих пор были ей ближе, чем перешагивание через лужи с приподниманием юбки и необходимость следить за своими выражениями.

Перед тем как Сара покинула кабинет Джерарда, он вытащил из письменного стола небольшой коричневый бумажный пакет и вручил его Саре — ее третий подарок за последние дни. Она сняла оберточную бумагу и обнаружила в нем красивую записную книжку маленького формата с тисненой обложкой.

— Я собирался отправить ее вам с посыльным, но вы сами ко мне зашли. Я подумал, что эта вещь может вам пригодиться, такой «синий чулок» и либералка, как вы, найдет что сюда записать, вы ведь наверняка не ограничиваетесь репортажами о столичных новостях.

Сара открыла книжечку, не в силах сдержать улыбки. На первой страничке Джерард аккуратным почерком написал стихотворение Шарлотты Бронте:

Когда побыть одному тебе выпадает,
И целый час спокойствия грядет,
И Вечер безмятежное лицо склоняет
Над Днем прекрасным, что вот-вот уснет*...

* Отрывок из стихотворения Шарлотты Бронте «Стансы», 1846.
Перевод Б. Жужунавы.

Сара поняла, что это всего лишь часть стихотворения, и твердо решила найти и прочитать его до конца еще до отъезда из Лондона. Она никак не ожидала, что получит подарок от детектива-инспектора, и это привело ее в смущение, хотя сам джентльмен вел себя так, словно ничего особенного не произошло.

Перед тем как они расстались на ступеньках полицейского участка, он спросил, сильно понизив голос, не собирается ли она задать несколько «не вполне корректных вопросов», когда посетит дворец махараджи в Уттар-Прадеше. Он не стал говорить о своих подозрениях относительно мистера Говинды — Джерард считал, что индус рассказал полиции не все, что он знал о девяти бриллиантах. Сара заверила Джерарда, что обязательно так и поступит, и обещала навестить его после возвращения с Востока. Пока Сара шагала обратно знакомым маршрутом вдоль набережной, ей пришло в голову, что молодой детектив-инспектор все еще полон решимости раскрыть тайну.

В порту Сара заметила знакомую фигурку на расшатанном причале. Эллен покачивала ногами в чулках, явно поджидая сестру. Сара совсем не удивилась, поскольку Эллен каким-то непостижимым образом всегда знала, где она находится. Эллен превратилась в хорошенькую, хотя и несколько неряшливую девушку пятнадцати лет, которая умудрялась выглядеть растрепанной и неаккуратной даже в чистом платье и шали. Она по-прежнему оставалась миниатюрной, и ей вполне можно было дать года на две меньше, хотя она немало выиграла от образования, которое получила с большой неохотой. Эллен не интересовали вещи, которые обычно занимали девочек ее возраста. Она с большим удовольствием играла бы с мальчишками-газетчиками, вместо того чтобы сидеть в гостиной и вышивать или читать книгу.

— Привет, Сара! — Маленькое лицико засветилось от радости, как только она увидела сестру, но Сара по-

 ДЕВЯТЫЙ КАМЕНЬ

няла, что Эллен встревожена.— У тебя ведь уже есть билет? Ты действительно поплыешь в Индию?

— Да. Но ты не беспокойся, Элли, я очень скоро вернусь. Пожалуйста, не волнуйся, ты только меня огорчишь.

По выражению лица Эллен Сара догадалась, что сестра собирается просить ее не упывать в Индию, но девочка поняла, что это бесполезно. Поэтому она сняла с шеи бусы из сандалового дерева, с которыми не расставалась, и торжественно протянула Саре.

— Ты должна обещать, что будешь их носить не снимая. Для защиты.

— Хорошо, я обещаю,— сказала Сара, когда Эллен помогла ей застегнуть бусы.

При подходе к пирсу Темпл Сара заметила, что Эллен часто оглядывается через плечо на ящики, бочки и корзины, стоящие у самой воды.

— В чем дело, Элли? Ты вся дрожишь?

Эллен вздрогнула, но улыбнулась Саре и покачала головой:

— Нет, ничего. Я только подумала... нет, ничего.

Они зашагали дальше, но теперь это почувствовала и Сара: неприятное, хотя и неотчетливое ощущение, что за ними следят. Быть может, все дело в том, что они вспомнили прошлое из-за ее приближающегося отъезда в Индию, путешествия по следам Лили. Возможно, именно по этой причине ее вдруг посетило так хорошо знакомое ей предчувствие опасности, тесно связанное с мрачными днями прошлого.

ГЛАВА 27

*Мое жилище бедно и убого,
Ни безделушки, ни цветы его не украшают.
Но все серебро мира мне принадлежит,
Все ароматы для меня благоухают.*

Адела Флоренс Кори.
Перевод Б. Жужунавы

Палуба «Рани» стала самым подходящим местом, чтобы продолжить чтение писем Лили из Индии. На коленях у Сары лежала красивая шкатулка, которую подарила ей миссис Бодишон, и девушка положила ладони на гладкое дерево, провела пальцами по изящной инкрустации из слоновой кости, но взгляд ее был устремлен в бесконечные просторы океана. Когда море становилось темно-фиолетовым и блестящим, у Сары появлялись странные мысли; в те минуты, когда поверхность воды напоминала тускло сияющую серую сталь, все внутри у Сары холодело от незримой угрозы. Стоило ей подумать, как ничтожен любой, даже самый большой корабль — кусок дрейфующего дерева на огромных водных пространствах, — как ее охватывал страх. Однако сегодня вода дарила умиротворение и покой.

Сара провела в море уже несколько недель и успела прочитать описание морского путешествия Лили. Она осторожно открыла крышку шкатулки и вынула листок пергаментной бумаги. Вся корреспонденция из Бенаре-

са казалась одним большим письмом, разделенным на несколько частей, как и письмо, написанное на корабле. Саре вдруг показалось, что Лили сидит рядом с ней.

«Вечером начнется праздник Гангаур в честь свадьбы бога Шивы и богини Парвати. Скоро мне предстоит обед с махарани, благожелательной, но склонной к затворничеству женщиной, у которой, как я уверена, имеется целая сеть шпионов во дворце и в городе, поскольку она обо всем превосходно информирована.

Сегодня все женщины заняты приготовлениями к празднику. Сначала визит нанесли купцы, им не позволили видеть женщин, можно было только говорить с ними, когда те находились за шелковым занавесом, и предлагать тончайшие золотые браслеты для рук и ног и экзотические благовония. Когда покупки были сделаны, пришло время ритуала купания — прежде я не видела, чтобы он проводился с такой тщательностью. Я наблюдала, как слуги наполняют три серебряных чана: один с маслами для лица, другой — для тела, третий — для волос. В четыре медных сосуда налили настой целебных трав, каждый следующий был более благоухающим, чем предыдущий. Сначала женщины вымыли волосы в едкой зеленой пасте, сделанной из раздавленных свежесобранных листьев тали, а затем пропитали маслом кокосового ореха.

Затем тело обтерли губкой, сделанной из необычной волокнистой коры, сначала с бледным порошком из нута, а затем светящейся красной водой, окрашенной, как мне объяснили, смесью коры сорока деревьев. Лицо промыли маслом, содержащим шафран, предотвращающий рост волос. Наконец волосы высушили над ароматным дымом, идущим от лежащих на углях целебных растений. Я была приглашена участвовать в этой церемонии,

но меня вполне устраивает мое мыло “Перз” и розовая вода.

По большей части я избегаю общества моих соплеменников, хотя и подозреваю, что с каждым днем это будет все труднее. Вчера я встретила одну из Мэри на базаре, и она пригласила меня на чай в миссию — весьма скучное времяпрепровождение, как ты и сама понимаешь. Сироты в потертых английских бриджах учили молитвы и историю из Библии, и по их лицам я поняла, что они испытывают такую же скучку, как и я, в обществе миссионеров. Однако я воспользовалась случаем, чтобы заговорить о храме богини Кали, полагая, что подобные слухи могут заинтересовать женщин. Храму грозило уничтожение, на сей раз не от захватчиков-моголов, а от британских офицеров, которые контролируют муниципальный совет. Имеется план создания насосной станции на месте храма, чтобы улучшить примитивную канализационную систему города. Несомненно, проблема сточных вод существует, но уничтожение древнего храма будет тяжелым оскорблением для верующих индусов.

Британским чиновникам не хватает воображения, они не в состоянии представить, что может произойти, если они завладеют этим священным местом. Уже начались демонстрации приверженцев Кали, которые привели к серьезным беспорядкам. Кроме того, строительство насосной станции оккупится лишь благодаря увеличению налога на воду. А это, с неохотой признала одна из Мэри, позор, ведь храм находится в бедном районе, но они целиком и полностью соглашались с идеей разрушения “языческого храма”. Я спросила, входила ли хотя бы одна из них в храм, и совсем не удивилась, когда узнала, что они этого не делали, так как их приводят в ужас “непристойные изображения” на стенах индуистских храмов. Этот храм построен более четырехсот лет назад и весьма знаменит, а его покровительница считается са-

мым страшным божеством, предвестницей несчастий. Я начала писать очерк о Кали, необычной женщине, для «Лондон меркьюри». В желании патриархальной британской администрации разрушить храм самой могущественной богини я вижу некий скрытый темный смысл».

Сара оторвалась от письма, чтобы осмыслить прочитанное. Интересно, закончила Лили очерк для «Меркьюри» или нет? И если да, то какова его судьба? Остальные стоящие на палубе стулья остались свободными, хотя Сара ожидала увидеть здесь Джонатана Эллиота, ведь именно на палубе они встречались чаще всего. Возможно, он, как и Сара, не расположен участвовать в шумном веселье корабельного салона. Сегодня ожидался костюмированный бал, если ее не подвела память.

Прошло три недели с тех пор, как «Рани» сделал остановку в порту Валетты, столицы Мальты, чтобы пополнить запасы угля. Те пассажирки, что сохранили бодрость после пересечения Средиземного моря, решили развеяться, прогуливаясь по Страда Реале. Здесь находились самые известные лавки порта, где продавали японскую керамику, серебряную филигрань и кораллы, всяческие диковинки и роскошные ткани, которых не найдешь в Лондоне. Особой популярностью пользовались мальтийские кружева, ведь именно им оказывала предпочтение королева Виктория для мантий и воротников своих платьев.

Именно в лавке антикварной книги на Страда Реале Сара первый раз повстречала мистера Джонатана Эллиота, в котором узнала одного из пассажиров «Рани». Мистер Эллиот выделялся в толпе, поскольку был необычно высок и строен, ему даже приходилось слегка сутуляться, как человеку, привыкшему опускать голову, чтобы пройти в дверной проем. Тогда они лишь сдержан-

но кивнули друг другу — и он продолжил изучать полки с книгами по восточной философии. Сара надеялась найти работы Афры Бен*. Драматург семнадцатого века, она была одной из необычных женщин, первая англичанка, которая зарабатывала на жизнь своим пером. Она начала писать, когда стала вдовой и попала в долговую тюрьму.

После последней встречи с детективом-инспектором Джерардом Сара много думала над его словами — «...такой “синий чулок” и либералка, как вы, найдет что сюда записать — вы ведь наверняка не ограничиваетесь репортажами о столичных новостях». Прежде она и мечтать не могла, что станет писательницей, которую будут печатать в газете, не говоря уже о том, что изложенные ею на бумаге мысли кого-то заинтересуют. Но даже если у нее что-то и получится, о чем она может писать? По вечерам, когда многие охотно играли на палубе в кольца**, Сара зачастую проводила время в маленькой корабельной библиотеке, уютной, тускло освещенной каюте, обитой темно-красным полубархатом. Здесь она могла просиживать часами, погружаясь в романы, в которых юные героини стойко выдерживали жестокость родственников, изменения мужей и коварство служанок. Сенсационный роман, как его назвали позднее, стал наиболее надежным средством, чтобы возбудить интерес издателя и новых читательниц. Оказалось, что женщины с неизменным удовольствием читают о героях, которые преодолевают любые препятствия, чтобы добиться респектабельности, любви достойного джентльмена или вернуть принадлежащее им по праву рождения состояние. Получается, что Саре нужно написать именно такую книгу?

* Бен Афра (1640–1689) — английская романистка и драматург, один из крупнейших авторов эпохи Реставрации.

** Игра, особенно популярная на палубах пассажирских судов: набрасывание металлических колец на вертикальный стержень.

Однажды вечером она обнаружила тонкий томик, напечатанный Теософским обществом, затерявшийся между двумя романами миссис Гаскелл. В нем рассказывалось о том, как два мертвых тибетских махатмы открыли мадам Елене Блаватской* древнюю мудрость. Когда в библиотеку вошел Джонатан Эллиот, Сара настолько погрузилась в чтение этой книги, что заметила его только после того, как Эллиот откашлялся.

— Надеюсь, я вам не мешаю?

Сара испуганно вздрогнула:

— Ой, вы меня напугали. Я читала...

— О реинкарнации, вне всякого сомнения, — сухо заметил мистер Эллиот, приподнимая бровь, как только прочитал название книги. — Мне кажется, мы с вами уже встречались. Складывается впечатление, что мы оба предпочитаем общество книг.

— Значит, вы знакомы с теософией?

— Теософия — это знание божественного. Мне мало что известно о Теософском обществе, однако их учения кажутся изложением обычных законов природы.

— Что вы имеете в виду?

— Скажем, законов сострадания и братства. Блаватская полагает, что эти базовые принципы метафизичны, хотя мораль является неотъемлемым свойством человека.

Затем мистер Эллиот сообщил Саре, что мадам Блаватская пыталась принести теософию в Индию. Но она совершенно не пользовалась популярностью среди британского населения Калькутты. Сара внимательно его слушала, поскольку такая женщина, как Елена Блаватская, вполне могла бы стать героиней одного из ее очерков. Во время завязавшегося разговора она старалась

* Блаватская Елена Петровна, урожденная Е. П. Ган (1831–1891), — русский философ, писательница, путешественница, основательница Теософского общества (1875).

оценить молодого человека, который оказался стипендиатом Оксфорда, что ее не слишком удивило. Выяснилось, что он также направляется в Бенарес, где намерен провести уже третий год в университете, изучая санскрит. Он был бледным и хмурым, а в его серых глазах светился живой и быстрый ум. У него была правильная речь — пожалуй, даже слишком, подумала Сара, — да и вообще мистер Эллиот обладал многими чертами, которые оттолкнули бы ее, если бы они познакомились при обычных обстоятельствах. Однако на море разговоры с образованным человеком стали для девушки настоящим благословением. Сара не сомневалась, что и Эллиот не стал бы с ней общаться при других обстоятельствах — например, если бы они познакомились в Лондоне.

Жизнь на «Рани» была лишь немногим лучше тюремного заключения. Ограничение свободы передвижения — как раз этого так старались избежать Сара и Эллен в Лондоне. Вот почему общество собравшихся на корабле пассажиров казалось Саре особенно невыносимым, ведь ей приходилось постоянно встречаться с одними и теми же людьми. Складывалось впечатление, что британское сообщество в Индии было совсем маленьким, большинство остальных пассажиров были знакомы друг с другом и даже разговаривали между собой на смеси языков, что сразу же отгораживало их от непосвященных. Мистер Эллиот стал не только ее постоянным спутником, но и посредником, объясняющим, что такой, как Сара, человек, недавно прибывший в Индию, называется феринги, иностранец. Баба-лог — это британские дети, которые бегают с одной палубы на другую, преследуя корабельную кошку, а леди, вышивающие под красивыми зонтиками и пьющие одну чашку китайского чая за другой, — биби.

Сара знала, что уже вызвала неодобрение у биби, и не столько из-за того, что много времени проводила в об-

ществе джентльмена, а потому, что не пыталась изменить своей мальчишеской внешности. Однако по мере того, как температура поднималась, ее обычный костюм становился все более неудобным. Воздух сделался таким жарким и влажным, что напоминал пар в бане и одежда и волосы Сары постоянно липли к телу, из-за чего начала чесаться кожа. Вот почему, когда «Рани» неделю назад зашел в Порт-Саид, Сара последовала совету своего спутника и купила на базаре кисею. Ей не удалось найти материал подходящих скромных расцветок и пришлось остановиться на белой ткани с красивым вышитым узором.

Местный портной быстро сшил для Сары свободное платье. Вечером она надела его в первый раз и чувствовала себя самозванкой, а слова мистера Эллиота, произнесенные им, как только он увидел Сару на палубе, только подтвердили ее опасения:

— Пожалуй, вы похожи на наполеоновскую Жозефину.

Кроме того, Сара не слишком аккуратно уложила волосы в пучок на затылке, чтобы дать отдых шее и плечам. Посмотрев в зеркало, она пришла в ужас. Она стала женственной.

— Что ж, я впервые в жизни опередила моду или наконец стала хоть сколько-нибудь модной! — с улыбкой ответила Эллиоту Сара.

— Ваше знание жизни меня поражает, мисс О’Рейли. Когда жара станет невыносимой, вы еще скажете мне спасибо за то, что я осмелился дать вам совет по такому личному вопросу, как выбор костюма.

— Но она уже и так невыносима, разве нет? — сказала Сара, обмахиваясь книгой мадам Блаватской.

Мистер Эллиот посмотрел на нее с выражением лица, которого она прежде не замечала.

— Я сказала нечто необычное? Я вижу на вашем лице недоумение.

— Недоумение? О нет. Просто я никак не могу привыкнуть к тому, как выглядите... Прошу меня простить. Кажется, во время предыдущей встречи я рассказывал вам об обычаях мем-сахиб*. Мне продолжать?

— С вашего разрешения, мистер Эллиот, я бы хотела задать вам вопрос, связанный с суевериями индуистов. Если, к примеру, кто-то начинает носить бриллиант в качестве амулета, как на это отреагируют индуистские боги?

Мистера Эллиота удивил ее неожиданный вопрос, но он был слишком хорошо воспитан, чтобы это показать.

— Вы совершенно правы, мисс О’Рейли. Бриллиант — это священный и весьма опасный камень в Индии. Вы ничего не слышали о Кохиноре?

Сара покачала головой.

— Считается, что великий король получил Кохинор в качестве дара от бога солнца Сурья. Он был украден Ост-Индской компанией и подарен королеве Виктории. Кое-кто утверждает, что безвременная кончина принца Альберта вызвана появлением Кохинора в королевской семье.

Сара немного помолчала, удерживаясь от того, чтобы потереть руку, покрывшуюся гусиной кожей.

— Я не ожидала, что вы суеверны, мистер Эллиот. Ведь речь идет всего лишь о камне!

— Таких историй очень много. Есть еще один знаменитый камень, привезенный в Европу из Индии французским исследователем Тавернье. Бриллиант был фиолетово-синим и славился своими размерами и красотой,

* Почтительное обращение к замужней европейской женщине в Индии.

поговаривали, что Таверные украл его из глазницы статуи другого бога, Рам-Ситы. Камень купил и носил Людовик Четырнадцатый, который умер ужасной смертью от осьмы. Следующим владельцем бриллианта стала Мария Антуанетта, закончившая свои дни на гильотине. Всякого, к кому этот камень попадал в руки, ждала страшная судьба. В индийских легендах все самоцветы имеют религиозное значение.

— Как вы считаете, что может произойти, если я попытаюсь выяснить судьбу... утерянного бриллианта... случится ли со мной что-нибудь ужасное?

Сара почувствовала, что голос ее дрожит.

Мистер Эллиот пожал плечами и устремил взгляд на бескрайние чернильные волны.

— Возможно, но только в том случае, если вы попытаетесь им завладеть.

— Боюсь, сэр, что на вас действует жара.

— Нет, на меня действует Восток, мисс О'Рейли.

Впервые за все время у Сары появилась возможность увидеть, что прячется за маской респектабельности и консервативным умом. Она поняла, чем влечет Индия таких людей, как Джонатан Эллиот: они находили в ней спасение от обыденности.

Когда вечером Сара осталась одна в своей каюте, она открыла шкатулку и принялась перебирать письма. Она старалась получить удовольствие от каждой следующей части постепенно, так как не хотела, чтобы голос Лили смолк и исчезла драгоценная близость, которая сохранилась, пока она не дочитала их до конца. Она нашла то место, которое искала, и перечитала соответствующий отрывок:

«После короткого молчания Говинда поведал мне, что это “астрологический талисман” и что в своей нынешней форме он представляет опасность для всякого, кто по-

пытается им воспользоваться. Я попросила его объяснить мне смысл его слов, поскольку не понимала, как драгоценный камень или даже девять таких камней могут оказать влияние на человеческую жизнь. Говинда рассказал мне лишь о том, что леди Герберт верила, будто обладание амулетом поможет ей войти в контакт с миром призраков — и прежде всего с ее умершим мужем».

Некоторое время Сара смотрела на темную поверхность красного дерева, из которого была сделана обшивка каюты. Она вспомнила инспектора Джерарда и его слова о том, как тени и трещины на каменной кладке помогают ему сосредоточиться. Она обязательно должна поговорить с Говиндой, решила Сара, поскольку он возникал всякий раз, когда упоминались бриллианты, и всегда верил в силу амулета из бриллиантов. Не изменилось ли его отношение к этому вопросу после стольких лет?

Когда Сара на следующее утро вышла на палубу из своей каюты, матросы «Рани» уже оповестили, что видят землю. По мере того как приближался полдень, горизонт обретал определенную форму, а вскоре стали видны белая береговая полоса и ветви пальм. Сара не могла отвести глаз от берега. С того самого момента, как Индия перестала быть далеким воображаемым местом, она ощущала, как возрождаются дурные предчувствия, которые ей до сих пор удавалось успешно игнорировать. Ее страх оставался безымянным — неуловимая неуверенность, заставлявшая тосковать по знакомым вещам. Она чувствовала себя глупой, ведь ей доводилось иметь дело с худшими врагами, чем чужая земля.

После того как «Рани» пришвартовался, Сара сошла на причал под руку с мистером Эллиотом и оказалась в шумном здании таможни. Эллиот, в костюме из свет-

лого льняного полотна и панаме, возвышался над крупными индусами и спокойно, но твердо отказывался от помощи вездесущих кули, обходил продавцов, предлагавших груды необычной пищи, и не обращал ни малейшего внимания даже на самых живописных нищих. Они прошли мимо кип хлопка, дожидающегося погрузки, а потом пробрались сквозь толпу людей, одетых в самые разнообразные костюмы. Здесь были бронзовокожие сипаи в оливково-зеленых и алых цветах британской армии и смуглые бородатые мужчины в конических тюрбанах и свободных турецких шароварах; евреи в воюющих по земле одеяниях, мем-сахиб в белом с кружеевыми зонтиками и китайцы в коротких широких штанах, с длинными усами и завязанными в хвост волосами. Сара вспомнила, как она себя чувствовала, когда они с Эллен в первый раз попали в Лондон.

Покидая привычную палубу «Рани», Сара с благодарностью согласилась на предложение мистера Эллиота сопровождать ее до бунгало, где можно было остановиться, а потом до поезда, уходящего в Бенарес.

— Тут весь вопрос в том, чтобы создать видимость цели, даже если ее у тебя нет, — заметил мистер Эллиот, помогая Саре забраться в яркий паланкин, который несли четверо жилистых юношей.

Сара пришла в смятение при виде такого средства передвижения, о чем и сообщила своему смутнику. Джонатан Эллиот кивнул:

— Но вы должны помнить, что для них это способ заработать на жизнь, и хотя носильщики выглядят хрупкими, они сильны, как быки, и способны с легкостью нести вдвое больший вес.

Бунгало находилось поблизости от центрального железнодорожного вокзала, откуда они через две дни должны были отправиться в священный город. Сара закрыла шелковые занавески паланкина, чтобы видеть,

группу толкающихся молодых, обнаженных по пояс людей, кричащих:

— Я слуга господина! Я добуду для господина все, что он пожелает!

Когда Сара посмотрела на спутника, то заметила, что он поглядывает на нее с некоторой тревогой. Это вызвало у нее прилив раздражения.

— Первое время впечатления опшеломляющие,— с сочувствием сказал Эллиот.

В ответ Сара расправила плечи и выглянула из-за занавески наружу, полная решимости не выказывать растерянности. Их понесли по эспланаде, и Сара успела заметить блестящие воды залива и несколько групп британцев в лодках, которые смотрели на окружающий мир так, словно они в воскресный день находились на Серпантине*.

С другой стороны Сара увидела нечто напоминающее лошадиную ярмарку, поскольку на площади находилось множество стреноженных маленьких арабских скакунов и английских каретных лошадей. Они миновали несколько величественных колесниц и многочисленных оборванных нищих, повсюду глазам Сары представляла смесь роскоши и бедности, восточной и классической архитектуры; колонисты в строгой одноцветной одежде смешивались с местными жителями в ярких, необычных одеяниях.

Комната Сары в бунгало оказалась вполне приличной, хотя и немного пустой. Окно закрывала ширма из ароматной травы, которая называлась кус-кус. Ширму поливали водой, чтобы охладить воздух. Сквозь ширму она слышала шум города и ощущала его ароматы. Ряд гранатовых деревьев и тубероз отделял веранду от пыль-

Узкое искусственное озеро в Гайд-парке с лодочной станцией и пляжем.

 ДЕВЯТЫЙ КАМЕНЬ

ной дороги. От тубероз, напоминавших лилии, исходил сильный аромат. В воздухе плыли запах пыли и горелого масла, карри и переспелых фруктов, а кроме того, до Сары все время доносились крики — свой товар расхваливали продавцы чая, торговцы с кувшинами на головах, шумели дети, окружающие британских офицеров, монотонно читали молитвы жрецы-парсы*, одетые в белое. Шум, произведший на Сару самое большое впечатление среди грохота и лязга этого промышленно развитого города, — голоса магометан, с завыванием читающих молитвы.

Вечером Сара устроилась почитать Эмму Робертс**, которая совершила путешествие в Индию сорок лет назад и стала редактором «Ориентал обсервер». А устав от описаний мечетей и куполов, сияющих на солнце, виновато взглянула на пустые страницы новой записной книжки. Однако открыла не ее, а замочек шкатулки, в которой лежало ее самое главное богатство.

* Распространенная в Индии секта, придерживающаяся зороастризма.

** Робертс Эмма (1794–1840) — английская писательница и журналистка. Много писала об Индии, куда попала впервые в юности, присоединившись к своей сестре и ее мужу — капитану 61-го Бенгальского пехотного полка.

ГЛАВА 28

Вкусив сладость одиночества и сладость успокоения, освобождается от страха и от греха тот, кто вкушает сладость блаженства дхаммы.

Будда. Дхаммапада.
Перевод В. Н. Топорова

Последняя часть путешествия в Бенарес позволила Саре еще раз все обдумать. Дни проходили медленно, пока поезд из Бомбея пересекал Северную Индию, и взгляд Сары часто обращался к бегущему за окном пейзажу. Водяные животные с длинными рогами в мангровых болотах; женщины в ярких сари, идущие по светло-желтым пшеничным полям. Иногда она обращалась к книге Эммы Робертс или прочитывала небольшие куски из писем Лили, стараясь растянуть их на возможно более долгое время. По мере того как Сара приближалась к Бенаресу, откуда так и не возвратилась Лили, ощущение одиночества усиливалось. Сара рассчитывала, что она может узнать обстоятельства смерти миссис Коречной, ведь все официальные документы были отосланы родителям Лили, доктору и миссис Холл, которых Сара никогда не встречала. Марта сказала, что мать Лили несколько раз навещала ее после смерти дочери, но так и не признала существования особых отношений между Лили и ее экономкой. Быть может, то, что Лили надели-

ла Марту правом распоряжаться своим имуществом, вызвало недовольство ее матери или нежелание Лили возвращаться в родительский дом после смерти мужа стало последней каплей, переполнившей чашу терпения ее родителей.

Живость и яркость писем миссис Коречной позволили Саре представить себе, что ее ждет во дворце. Она уже ощущала гипнотическое воздействие Индии. Мимо проносились бесконечные, обесцвеченные ярким солнцем ландшафты, короткий караван верблюдов и садящееся за ним ослепительное солнце; кокосовые плантации, дикая свинья с загнутыми клыками и ворон, устроившийся у нее на спине; группа сидящих под деревом сплетничающих женщин, что-то плетущих из тростника. Когда они приближались к Бенаресу, Сара достала еще одну страничку из шкатулки.

«Здесь люди не стыдятся ходить босыми, и подошвы моих ног ощущают изумительную прохладу гладкого камня. Если я пожелаю, то слуга будет обмахивать меня большим опахалом, сделанным из тростника, но я отказалась от его услуг, чтобы не чувствовать себя похожей на английских леди, которых видела на базаре. Эти женщины непрестанно жалуются на жару и шум и отказываются сделать хотя бы шаг, если рядом с ними нет парочки слуг.

Я уже несколько недель пробыла гостьей махараджи Бенареса, но так и не познакомилась с хозяином. Сначала мне это казалось странным, пока я не узнала, что принц вместе со свитой отправился в северные горы, чтобы проинспектировать чайные плантации и поохотиться на тигров. Несколько дней назад он вернулся, но я до сих пор не получила аудиенции, хотя и имела удовольствие наблюдать его возвращение — это зрелище я не забуду никогда.

Сначала придворных оповестили об этом событии звоном бронзовых цимбал, разнесшимся по всем помещениям дворца. Тут же в занане началась невероятная активность: женщины бегали во все стороны, подводили сурьмой глаза, причесывали волосы и смазывали их маслом, одевались сами и одевали детей в лучшие наряды. Мусульманские женщины могут покидать занан только с разрешения махараджи и только с эскортом, но в их распоряжении есть сад с крышей, откуда они могут видеть дорогу, ведущую к воротам дворца. Из сада они наблюдали за процессией, состоящей более чем из дюжины слонов. Слон махараджи был самым большим, его украшали блестящая сбруя и плюмажи. Принц сидел под красным шелковым зонтиком, и я не могла разглядеть черты его лица с такого большого расстояния, но осанка показывала, что он не так стар, как я предполагала.

За долгие часы, проведенные с обитательницами занана, я многое узнала о женщине по имени Сарасвати, необыкновенно красивой деревенской девушке, которая не пользовалась любовью мусульманок, обитательниц гарема. Они называют ее *purdah nashin** или *rani***. Все эти женщины вынуждены вести уединенный образ жизни, но, как и у махарани, у них есть информаторы, которые извещают их обо всех происходящих за стенами дворца событиях. Моя дорогая Барбара, ты не представляешь, какими интригами и скандалами наполнена жизнь этих женщин! Сама махарани служит предметом насмешек, хотя они, вне всякого сомнения, продиктованы завистью.

Я заметила, что первая жена принца и его любимая наложница стали подругами. Сарасвати придерживала

* Дословно: «женщина под паранджой» (англ.-инд.).

** Индусский титул принцессы.

ется индуистской веры и не говорит на урду, придворном языке. Меня удивило ее владение английским языком, а вскоре я узнала, что он довольно быстро распространяется в тех частях Индии, где побывали агенты Ост-Индской компании. Ты не можешь себе представить, насколько прелестна Сарасвати: у нее большие миндалевидные глаза, высокий лоб, и кажется, что ее изящный нос выточен рукой искусного скульптора. Чудесная фигура. Скорее девичья, чем женская, длинные красивые руки и ноги. Создается впечатление, что в отличие от мусульманок она может делать все, что пожелает, несмотря на то что была всего лишь танцовщицей перед тем, как стала наложницей. Она рассказала мне, что до сих пор танцует для принца, когда он этого хочет.

Но теперь мое перо и моя голова нуждаются в отдыхе, Барбара, поскольку в последнее время на меня наваливается необъяснимая усталость, мне кажется, что силы медленно меня покидают. Наверное, все дело в непривычной жаре. Вскоре я напишу тебе еще».

Ранним вечером шестого дня поезд добрался до окраин Бенареса, представлявших удивительный контраст с идеальными сельскими ландшафтами Уттар-Прадеша. Унылую городскую нищету не могла смягчить даже тускнеющая синева вечернего неба. Оборванные детишки играли возле железнодорожных путей и смотрели широко раскрытыми глазами вслед проезжающему мимо поезду, как это делала и Сара, глядя на них из окна вагона-ресторана. Она вдруг почувствовала себя невероятно богатой, ее купе в поезде было в три раза больше, чем каюта на борту «Рани», — в ее распоряжении имелись умывальник и маленький столик.

Несмотря на письма Лили, очень многое в Бенаресе оставалось для Сары тайной, и она с благодарностью думала о мистере Эллиоте, который должен был присо-

единиться к ней в вагоне-ресторане. Они уже привыкли к совместным трапезам. Хотя Эллиот вел себя с подчеркнутой и несколько претенциозной вежливостью, Сара стала с нетерпением ждать этих встреч. Однако она была уверена, что ее привлекают его обширные знания, а во все не внимание джентльмена к ее особе. Ей совсем не хотелось, чтобы за ней ухаживали, она уже дважды встречалась с молодыми людьми, и оба раза принесли ей лишь разочарования. Сара пришла к выводу, что она не из тех, кто может вести нежные беседы в саду, и замужество не для нее.

Джонатан Эллиот появился в вагоне-ресторане, двигаясь с обычным изяществом и уверенностью в себе. Он слегка поклонился Саре, прежде чем сесть напротив. Эллиот обладал удивительной элегантностью для человека таких пропорций и носил одежду из льняного полотна светлых тонов, остававшуюся свежей даже в непростых условиях путешествия. Как и всегда, Сару обуревало жгучее любопытство, и она стала расспрашивать своего спутника о священном городе и о причинах такой бедности.

— Если верить Эмме Робертс, то для Бенареса особенно характерны религиозные суеверия. Это так, мистер Эллиот?

Он глубокомысленно кивнул:

— Город увеличивается с впечатляющей быстротой, поскольку индусы верят, что если они умрут в священном городе Бенаресе, то будут освобождены от участия в бесконечном цикле реинкарнаций. Но если верить американскому писателю Марку Твену, здесь обитают призраки с запутанной историей. Он называет Бенарес «Оксфордом Индии», и я склонен с ним согласиться. Бенарес основан во втором веке арийцами и уже к седьмому веку славился слоновой костью, самоцветами и шелками. Все дело в том, мисс О’Рейли, что Северная дорога и река Ганг

являются двумя основными торговыми путями Индии и они сходятся в Бенаресе — именно по этой причине город так процветает.

Слушая урок истории, Сара наблюдала, как темноглазые мальчишки-оборванцы копаются в куче мусора, как когда-то делали Холи-Джо и Эллен. На мгновение она вернулась в Девилс-Эйкр, и ее сердце вновь сжалось, когда она вспомнила о несправедливой казни Холи-Джо.

Поезд начал притормаживать, и Сара ожидала, что их ждет такой же шум, как и на железнодорожном вокзале в Бомбее. Там кули были настроены более решительно, чем в порту, и с нетерпением поджидали пассажиров, которые нуждались в помощи. Удивительно, но именно в этот момент Сара начала понимать, почему Лили так полюбила Индию. И вовсе не из-за суматохи и шума или ужасной бедности, а из-за каких-то других скрытых особенностей, пока ускользавших от ее внимания.

Когда их поезд оказался под навесом центрального железнодорожного вокзала в Бенаресе, Сара вдруг за-сомневалась, пришло ли вовремя ее телеграфное сообщение, отправленное из Бомбея во дворец махараджи. На почте в Бомбее, откуда она послала Эллен сообщение о своем успешном прибытии, царила полная неразбериха. Мистер Эллиот успел проинформировать Сару, что все дворцы расположены на берегу Ганга.

— Но сколько же там дворцов? — спросила Сара, счи-тавшая, что в Бенаресе только один дворец.

— У каждого индийского махараджи есть дворец, который он посещает во время священных фестивалей. Но самым великолепным является дворец махараджи Каши. Вы увидите.

— А что такое Каши?

— Каши означает «Город Света». Еще одно название Бенареса, так же как Варанаси.

Они благополучно выбрались с вокзала, хотя им и пришлось расстаться с несколькими рупиями, которые они заплатили носильщику. Мистер Эллиот возвращался в свое холостяцкое жилье, находившееся неподалеку от университета, но настоял на том, чтобы проводить Сару до дворца. Несмотря на то что мистер Эллиот не особенно скрывал свое чувство полнейшего превосходства, мысль о том, что они сейчас расстанутся, вызвала у Сары приступ острой тоски. Стайка оборванных, худых ребятишек цеплялась за одежду Эллиота и муслиновое плащье Сары, успевшее сильно пострадать за время долгого путешествия.

— Не обращайте на них внимания, — посоветовал Эллиот, спокойно дожидаясь, пока погрузят чемоданы.

Складывалось впечатление, что обочина дороги превращена в рынок, где продают все — от бананов и манго до только что зарезанных овец, кровь которых стекала на песок. Внимание Сары привлекла потемневшая от времени дверь в храм, ее поразили жгучие ароматы идущего оттуда дыма, который мешался с запахами навоза и гниющих овощей. Сандаловое дерево. Она сразу же узнала этот запах и прикоснулась к ожерелью на шее, которое Эллен просила ее носить для защиты от злых призраков. Однако запах сандалового дерева сопровождал появление мертвых махатма мадам Блаватской. Быть может, он как-то связан с умершими? Словно в ответ на ее вопрос мимо проследовали одетые в белое плакальщики с похоронными носилками, накрытыми красно-золотой тканью. Они направляются к реке, объяснил мистер Эллиот, к одному из каменных помостов, месту ритуального сожжения мертвцев.

По мере того как они приближались к огромной каменной арке ворот дворца, толпа редела, а полированные минареты сияли все ярче даже в сумрачном свете. Сара вновь начала нервничать. Она почти ничего не зна-

ла о людях, у которых собиралась жить, хотя и успела перед самым отъездом из Лондона получить телеграмму от секретаря принца, что во дворце ее ждут. Однако все, что она читала о дворце и его обитателях, сейчас казалось ей волшебной сказкой. Она даже не могла быть уверена, что Говинда все еще служит у принца. Сара тяжело вздохнула, когда стражник-сипай у ворот отступил в сторону, давая им пройти, а потом позвал другого стража, когда паланкин замер перед ступенями мраморной лестницы.

— Я очень надеюсь, что вам будет здесь удобно, мисс О’Рейли,— сказал мистер Эллиот, пожимая ее руку и бросая многозначительный взгляд на дворец.— И желаю вам всех благ. Если вам потребуется моя помощь, то вы всегда сможете меня найти в небольшом ресторанчике «Вайшья» на центральном базаре, там я обычно завтракаю и провожу утренние часы за чтением.

— Я не забуду. И спасибо за вашу доброту, мистер Эллиот, уж не знаю, как бы я сумела проделать это долгое путешествие без вас!

— Я совершенно уверен, что вы бы справились, мисс О’Рейли, ведь вы обладаете отвагой истинного кельта.

Он приподнял свою шляпу и поклонился, а потом вновь забрался в паланкин.

Сара повернулась и посмотрела на громаду дворца. Сияние красного гранита, вычурная отделка, ей даже показалось, что балконы сделаны из искусно обработанной слоновой кости. Ступени лестницы привели ее к огромной двери, на которой были вырезаны невиданные ею прежде существа: один мужчина с головой слона, другой с телом обезьяны; украшенная самоцветами восьмирукая женщина, сидящая верхом на тигре. Носильщики с вещами поднялись наверх как раз в тот момент, когда двери бесшумно отворились.

— Добро пожаловать, мисс Сара,— послышался из тени низкий голос, и через мгновение она увидела человека в белой тунике и тюрбане, который шагнул вперед и поклонился ей. Это был кхансама, главный слуга.— Для меня большая честь встретить подругу мем-саhib Лили. Пожалуйста, следуйте за мной, я покажу вам.

Сара не поняла, что именно он собирался показать, но ей почудилось, что она попала на страницы персидской сказки, когда они проходили по бесконечным коридорам, на стенах которых были изображены мифические сцены, и по залам, где ее взгляд натыкался на разинутые пасти тигров и развешанное на стенах древнее оружие. Даже серебряные засовы на дверях имели изящную гравировку. Наконец они остановились возле одной из множества изысканно инкрустированных дверей. Сара вдруг почувствовала, каким грязным и неряшливым выглядит ее платье, но кхансама, казалось, ничего не замечал.

— Покой мем-саhib Лили,— сказал он с поклоном и отступил в сторону, позволяя Саре войти.— Махараджа решил, что эти комнаты должны хранить память о ней, поэтому обычно здесь не селят гостей.

Комната оказалась огромной, выложенный плитками пол частично был покрыт ярким ковром размером почти с теннисный корт. Посреди дальней стены находилась дверь с выгравированными восточными цветами, слева располагалась низкая кровать, окруженная тончайшей москитной сеткой. Стену над кроватью украшала портьера, сделанная из покрытых вышивкой разноцветных квадратиков с множеством крошечных зеркал. У одной стены стоял письменный стол из черного дерева, а возле другой — нефритовый туалетный столик с изящным орнаментом. Высокие двери позволяли выйти на балкон, с которого открывался вид на темные воды Ганга.

Наступил вечер, и легкий ветерок холодил лицо Сары, пока она оглядывала комнату, где когда-то жила Лили. Неужели и через семь лет воздух мог пахнуть розовой водой и ее любимым мылом? Конечно нет, но след Лили Коречной оставался в этой комнате. Сара вздрогнула, когда поняла, что именно здесь умерла Лили, а еще она вспомнила, что так и не знает, что стало причиной смерти ее самой дорогой подруги. Септимус Хардинг сумел выяснить у своего корреспондента в Бенаресе, что здоровье Лили за время ее пребывания во дворце постепенно ухудшалось и вскоре она отказалась от посещения других районов Индии. Лили попросила, чтобы ее похоронили по традиционному индуистскому обряду, а останки не возвращали в Англию, хотя Сара не понимала, чем было вызвано такое решение. Она пришла к выводу, что веци Лили либо вернули ее родителям, либо они остались в Бенаресе.

Сара вытащила из дорожной сумки драгоценную шкатулку и поставила на край роскошной низкой постели. Она рассчитывала, что ее приезд сюда позволит успокоиться призраку Лили, и ей было необходимо понять, чем привлек ее подругу Бенарес. Быть может, и сама она найдет здесь внутреннее спокойствие и равновесие. Пожалуй, решила Сара, будет правильно закончить этот день, читая написанные Лили строки.

«Вчера утром меня пригласили к махарадже. Я тщательно оделась, выбрав один из самых скромных своих нарядов, накинула тонкую муслиновую шаль на корсаж платья с короткими рукавами. У меня появилось несколько новых платьев, сшитых портным в местечке, которое называется Марникарника, — у них свободный покрой, что более практично в этом жарком климате. И все же мое платье вызвало любопытство слуг, которых удивляют любые предметы иностранной одежды, —

больше всего их поразило, что под платьем английской леди столько всего надето.

Меня проводили в западное крыло дворца, и я оказалась в комнате, которую никогда не видела прежде. Стены длинного и узкого помещения были почти полностью завешаны большими и маленькими картинами. Меня они очень заинтересовали, поскольку я не ожидала увидеть работы знаменитых художников. Энгр и Делакруа, а также залитые призрачным светом пейзажи Каспара Фридриха*, которые так любил Франц. Я принесла с собой три картины моего мужа, решив, что не стану показывать махарадже все сразу, пока не увижу, что он действительно интересуется живописью.

По этой причине я была удивлена, когда ко мне вышел Говинда, а не махараджа. Мы почти не встречались с моим бывшим спутником, хотя изредка я видела его в летнем домике, безмятежном месте, где мы оба находили покой. Говинда извинился от имени принца, который просил передать, что задерживается. Потом Говинда захотел посмотреть на полотна Франца, объяснив, что он часто дает советы махарадже относительно приобретения картин для его частной коллекции. Часть картин он уже видел прежде, когда я приносила их в дом Гербертов. Я наблюдала за лицом Говинды, разворачивая три полотна, одно за другим. Он одобрительно кивал, но сохранял молчание, однако я уже научилась читать выражение его лица и видела, что он считает Франца истинным художником. По его просьбе слуга принес остальные полотна, хранившиеся в моей дорожной сумке.

Когда очередь дошла до женщины с лилиями в волосах, я ощутила боль, ведь это моя любимая картина. Теперь же она вызывала во мне печаль, потому что я виде-

* Фридрих Каспар Давид (1774–1840) — немецкий художник, один из крупнейших представителей романтического направления в живописи Германии.

ла в ее глазах, так похожих на мои, любовь — мою любовь. Возможно, Говинда почувствовал, что у меня изменилось настроение, или заметил мои вялость и слабость, поскольку поинтересовался состоянием моего здоровья. А затем, совершенно неожиданно, бросил на меня странный взгляд и в своей обычной спокойной манере сообщил, что намерен оставить службу у махараджи и вернуться в родную деревню, которая находится в гималайском королевстве Кашмир. Я не стала спрашивать о причинах такого решения, так как уже давно поняла: Говинда говорит только то, что считает нужным сказать. Поэтому я лишь попросила его зайти попрощаться со мной перед отъездом, ведь здесь, в Индии, он был самым близким для меня человеком.

Я прошла дальше, чтобы посмотреть картины на других стенах, а когда вернулась, уже появился махараджа, который о чем-то спокойно беседовал с Говиндой. Принца сопровождали двое крупных арабов и садху* в оранжевых одеяниях. Если бы не откровенный интерес принца к моему телу, я могла бы отнестись к нему с большим уважением. Впрочем, он вел себя приветливо и спросил о моей жизни в Лондоне. Мои догадки о его возрасте оказались верными: он не был старым человеком, пожалуй, я бы дала ему сорок два года, хотя здесь трудно определять возраст людей — их кожа остается гладкой, а руки и ноги сохраняют гибкость даже в преклонном возрасте. Я объясняю это занятиями йогой, которые укрепляют не только тело, но также разум и дух.

Принцу понравились все картины Франца, и он обратил внимание на мое сходство с “Венерой Ватерлоо” — махараджа перевел взгляд с картины на меня, и мне показалось, что ему это понравилось еще больше. Он пре-

* Садху — индийские святые, отвергающие общественное положение, касту, деньги и авторитеты, занимающие особенное, почетное место в индийском обществе.

красно отозвался о Синтии Герберт и, как мне показалось, искренне сожалел о ее смерти. Могу лишь предположить, что ему уже сообщили о судьбе девяти камней. Мысли о них вызывают у меня смущение, Барбара, ведь я почти убеждена, что смерть Синтии Герберт и убийства в Лондоне каким-то образом связаны, хотя с моей стороны, наверное, ужасно глупо верить в то, что пишут газеты.

Я вновь почувствовала, что махараджа с интересом изучает мои формы, словно я сама его к этому пригласила, не прикрыв каждый дюйм своей плоти, как это делают женщины из гарема. Я не дрогнула, но неловкое молчание дало мне возможность подумать о роскоши его внешнего вида, ведь его руки, пояс и тюрбан были щедро украшены самоцветами. Принц удивил меня, заметив мой собственный кулон. Он обратил внимание на его необычную форму и попросил разрешения его рассмотреть. Я неохотно расстегнула замочек — отказать принцу было бы неприлично, но все же мне не хотелось снимать кулон. Я объяснила, что в Англии есть традиция носить при себе волосы умершего человека как память о своей неувядющей любви. Когда я вложила кулон в его ладонь, то ощутила характерный запах изо рта махараджи. Меня это удивило, поскольку индусы не склонны к употреблению алкоголя. Быть может, потеря девяти бриллиантов заставила его приложитьсь к спиртному с самого утра?»

Сара аккуратно сложила листок и вернула его в шкатулку. Она вышла на балкон, откуда виднелись сумрачные воды реки, и уловила аромат жасмина, шорохи и вздохи темной земли внизу, увидела слабое сияние лунного света на гладкой коре деревьев. Вернувшись в свою комнату, она обнаружила, что слуги принесли ее вещи и поднос с ужином. Очевидно, сегодня вечером она уже

 ДЕВЯТЫЙ КАМЕНЬ

больше не увидит своих хозяев, решила Сара, но она была им за это благодарна, сейчас ей хотелось только одного — поскорее оказаться в роскошной постели. Накрывшись одеялом, она еще успела подумать о Говинде — вернулся ли он в Бенарес из гималайского королевства Кашмир?

ГЛАВА 29

Священный город Бенарес стоит на левом берегу Ганга. Каменные здания теснятся друг к другу, высокие и голые, так что иногда возникает ощущение, что ты находишься в тюрьме или в крепости. Однако город разнообразят готические ворота, башни и арки, балконы и террасы, парапеты и узкие окна, балюстрады и башенки, купола и своды, любимые в самые разные века.

Эмма Робертс

Сару разбудили причитания мусульман и прянный аромат восточных цветов — двери балкона всю ночь оставались открытыми. Она оглядела комнату и представила себе Лили, сидящую за письменным столом из черного дерева, и старомодные гусиные перья, которыми она так любила писать. Босоногая девочка-служанка в белом сари бесшумно вошла в комнату с подносом в руках, заставив девушку отвлечься от размышлений. Служанка смущенно улыбнулась и вышла прежде, чем Сара успела с ней заговорить.

Первым делом, решила Сара, следует отправиться к портному, ей просто необходима новая одежда вроде платья из белого муслина в этой усыпляющей жаре и тяжелом, насыщенном самыми разными ароматами воздухе,

дышать в котором было трудно даже утром. А поскольку сейчас муслин не носили, у Сары оставались лишь платья, привезенные из Лондона. Она вспомнила, как несколько месяцев назад к ней обратилась женщина из Движения за рациональное реформирование одежды, попросившая написать статью в «Меркьюри» в их поддержку. Сара согласилась посетить их выставочный зал, хотя и понимала, что мистеру Хардингу уже надоел ее интерес к деятельности «синих чулок».

Сара взяла с собой Эллен, однако вместо практичной и удобной одежды для новых женщин она обнаружила выставку нарядов вроде тех, что вышли из употребления в театре «Друри-Лейн». Эллен без особого успеха пыталась бороться со смехом, когда увидела рубахи из шотландки до колена в сочетании с атласными шароварами, турецкий жакет без рукавов и штаны, напоминающие панталоны Амелии Блумер*.

Изучив в зеркале свое отражение, Сара вздохнула, распахнула дверцу шкафа и с удивлением обнаружила целый набор разноцветных платьев. С болью в сердце она поняла, что они принадлежали Лили. Ее пальцы все еще гладили шелковые ткани, когда у нее за спиной послышался вкрадчивый голос. Сара вздрогнула.

— Некоторые из них мем-сахиб Лили ни разу не надевала.

И вновь Сара не услышала приближающихся шагов, а когда обернулась, то увидела, что у нее новая босоногая гостья. Взглянув на великолепное желто-золотое сари и многочисленные самоцветы — от щиколоток до лба, — Сара сразу поняла, что эта женщина не служанка. Кроме того, она была очень красива.

* Блумер Амелия (1818–1894) — американка, адвокат, борец за права женщин. Безуспешно пыталась ввести в моду костюм, состоящий из короткой юбки и широких штанов.

— Я Сарасвати, — с важным видом заявила она, и Сара сразу вспомнила, что Сарасвати — любимая рани ма-хараджи.

Сара не знала, следует ли ей присесть в реверансе или поцеловать одно из многочисленных венецианских золотых колец, к тому же она была не одета. И это еще больше ее смущило. Она застыла на месте, пытаясь решить, что сказать, пока Сарасвати бесцеремонно перебирала платья в шкафу. Наконец она выбрала на свой вкус три или четыре платья из тонкого щелка с изящным рисунком. Материал напоминал хлопок или белый муслин, но на этом сходство заканчивалось, поскольку шелк мерцал и был украшен лентой из жоржета и крошечными жемчужинами.

— Эти платья никто не носил, они тебе подойдут, — заявила Сарасвати.

— О, я не могу надеть такие красивые вещи, — сказала Сара, невольно сделав шаг назад.

Сарасвати весело и искренне расхохоталась, заставив Сару посмеяться над своим поведением девчонки-сорванца.

— Они не кусаются! Пойдем.

Она подхватила тихо шуршащие наряды, увлекла Сару в спальню и бросила платья на кровать. Затем отошла от постели и пристально посмотрела на девушку, оценивая ее медно-красные рассыпавшиеся в беспорядке локоны, молочно-белую кожу и тонкую фигурку под мятым халатиком из миткаля. Сара не опустила глаз. Она решила, что Сарасвати примерно ее ровесница, хотя фигура у нее была более женственной. На тонких щиколотках и запястьях позывали золотые браслеты, а лоб украшал драгоценный камень каплевидной формы. Ее гладкая, светящаяся юность кожа имела оливковый оттенок и резко контрастировала с белой кожей Сары.

Особенно притягивали внимание темные миндалевидные глаза в обрамлении пушистых черных ресниц.

— Пожалуй, это подойдет лучше всего,— заключила Сарасвати, закончив изучать Сару, и приложила к ней одно из платьев.

Под лифом темно-зеленую ткань украшали вышитые ленты цвета слоновой кости. Пока Сара надевала платье, Сарасвати присела на кровать, наблюдая за ней.

— Ты именно такая, как тебя описывала мем-сахиб Лили.

— Да?

— Она говорила мне, что ты не любишь выглядеть женственно. И что умеешь красиво изъясняться, как и она. А теперь расскажи, что она говорила про меня. Я знаю, она тебе писала.

Сара не ожидала такой откровенности и поначалу не знала, что ответить. Больше всего на свете ей хотелось спросить у Сарасвати, что случилось с Лили, но она понимала, что должна позволить этой экзотической женщине покрасоваться. Нет, сидящая на ее постели женщина была совсем не похожа на стеснительную деревенскую девушку, которую Сара представляла себе по письмам Коречной.

— Она писала, что вы очень красивы... и что вы прекрасно говорите по-английски.

Сарасвати пожала плечами:

— Махарани давно завела учительнице английскому, и я попросила, чтобы она и мне давала уроки, поскольку махараджа любит говорить по-английски. Махарани тоже любит этот язык, так как считает, что он хорошо подходит для историй. А она обожает их рассказывать. Мне кажется, она хотела бы стать писательницей, как и ты. А что еще писала тебе мем-сахиб Лили?

Сара ненадолго задумалась.

— Что вы... замечательно танцуете. Вы и сейчас продолжаете танцевать?

— Я танцую только в тех случаях, когда махараджа начинает скучать. У него много женщины.

— Но они не могут быть столь же прелестны, как вы!

— Верно, — с довольным видом согласилась Сарасвати. И Сара подумала, что, возможно, лесть поможет ей найти дорогу к сердцу этой женщины. — Конечно, другие рани ревнуют. А теперь ты можешь пойти со мной, и я покажу тебе Варанаси. Я отведу тебя в места, где любила бывать мем-сахиб Лили.

Сарасвати привыкла, что все исполняют ее желания, к тому же Саре хотелось посмотреть на готические ворота, парапеты и балюстрады, которые описывала Эмма Робертс, и она согласилась. Сара лишь попросила, чтобы они зашли к портному в Марникарнике — именно там шила свои платья Лили.

— Разреши мне тебе помочь, — сказала Сарасвати, увидев, что Сара с трудом справляется с множеством крошечных пуговок, находившихся сзади.

Когда она добралась до пуговиц, находившихся возле шеи, Сара услышала, как Сарасвати вздохнула, а через мгновение ее пальцы коснулись сандаловых бус, которые перед отъездом в Индию вручила Саре Эллен.

— Откуда они у тебя?

— От моей сестры. Один человек подарил ей эти бусы, когда она была совсем маленькой.

— Они очень необычные, — наконец сказала Сарасвати, — и очень редкие.

— Да, на каждой бусине вырезан цветок, напоминающий розу...

— Нет, это не розы, мисс Сара, это цветы лотоса.

Больше Сарасвати ничего не сказала о бусах, но Сара была уверена, что они почему-то ей не понравились.

После завтрака, состоящего из папайи и манго в ароматном сиропе, Сара была готова сопровождать Сарасвати в сгустившемся утреннем тумане. Над улицами Бенареса поднимался пар из-за высокой влажности — приближался сезон дождей, — и легкий шелк лип к коже. Паланкин, в который уселись Сара и Сарасвати, отличался от того, в котором Сара прибыла во дворец. Он был заметно больше и отделан резной слоновой костью такой виртуозной работы, какой она не видела даже на французских кружевах. Их сопровождало полдюжины арабов в плоских тюрбанах, вооруженных длинными кривыми мечами, свисающими с широких поясов. Внутри паланкин был обит розовым и желтым атласом, бархатные подушки позволяли устроиться со всеми удобствами, а занавеска из кисеи давала возможность наблюдать за происходящим вокруг, оставаясь невидимой.

Сквозь кисею Сара видела, что на обоих берегах Ганга работают люди. Очевидно, река была главной артерией Бенареса, по ней сновали бесчисленные лодки, в ней купались, женщины входили в реку не раздеваясь. Их зеленые и розовые сари всплывали на чернильной поверхности воды. Садху с раскрашенными лицами сидели, скрестив ноги, у входов в маленькие храмы; дхоби, мужчины-прачки в набедренных повязках, стирали белье на камнях у берега; дети пяти-шести лет, разгуливающие вдоль берега с котелками чая, корзинками с ноготками и маленькими свечами, призывали лодочников подплывать поближе, чтобы они могли продать свои товары пассажирам. Они миновали молодого человека с корзинкой деревянных флейт, на одной из них он играл, но чистые звуки его инструмента заглушил шум погребальной процессии, похожей на ту, что Сара видела вчера. Скандировались те же слова: «Rama nama satya hai». Сара спросила у Сарасвати, что это означает.

— Они говорят: «Имя бога есть правда». Для индуза смерть в Бенаресе означает принятие формы бога.

— Но почему именно в Бенаресе?

— Все дело в том, что именно здесь началось творение! — сказала Сарасвати так, словно об этом должны знать все, а иной веры попросту не может существовать.

С другой стороны, откуда деревенской девочке, поселившейся во дворце, знать, что существует столько же вариантов начала творения, сколько самоцветов в сокровищнице?

— Именно здесь, в стенах священного города, обитают все боги и богини. Все, кроме Йамы, — продолжала Сарасвати.

— А кто такой Йама?

И вновь Сарасвати удивил вопрос Сары.

— Йама — бог смерти, ему не позволено входить в город. Вот почему индузы приходят сюда умирать, ведь здесь Йаме до них не добраться, их путешествие на дальний берег будет безопасным.

— А вы видели дальний берег?

На сей раз смех Сарасвати показался Саре не таким веселым и искренним, как прежде.

— Я видела его за маковым полем.

— Значит, вы не боитесь смерти?

— А чего тут бояться? После смерти я стану богиней и буду кататься на великолепном лебеде. Богиня Сарасвати является супругой Брахмы, короля богов. Мне нечего бояться, боги ко мне благосклонны.

Заносчивость будущей богини позабавила Сару, но она решила, что пришло время сменить тему разговора.

— Когда Лили прибыла в Бенарес, ее сопровождал человек по имени Говинда. Он все еще во дворце?

Сара хотела, чтобы ее вопрос прозвучал небрежно, однако Сарасвати сразу насторожилась, а в ее взгляде появилось напряжение.

Пожалуй, впервые Сара убедилась в том, что рани совсем не глупа.

— Он ушел много лет назад. В горы.

— А он когда-нибудь вернется?

Сарасвати пожала плечами. Но потом повернулась и кокетливо улыбнулась:

— А почему ты спрашиваешь о Говинде? Я думала, ты приехала, чтобы увидеть меня! А потом я навещу тебя в Лондоне, если махараджа мне позволит.

Сара прикусила язык. Она не могла вежливо объяснить Сарасвати, что приехала сюда, выполняя желание Лили. А что до посещения Лондона этим испорченным, хотя и очаровательным юным существом, то идея показалась Саре забавной, хотя едва ли осуществимой.

Паланкин остановился, и дым от большого костра пробрался внутрь. Сарасвати отодвинула занавеску в сторону и что-то резко сказала на хинди одному из стражников. Через мгновение двое мужчин помогли обеим женщинам выйти из паланкина. Когда Сара ступила на землю, со стороны места ритуального сожжения мертвцев раздался громкий звук и она вздрогнула. Один из мужчин усмехнулся, прижал два кулака к голове, а потом резко поднял обе руки в воздух. Сара была совершенно сбита с толку.

— Это череп лопнул в огне.

Сарасвати уже стояла рядом и держала ее за руку, с хитрой миной наблюдая за лицом англичанки.

На огромном костре шла кремация, а когда Сара посмотрела на юг, то увидела по меньшей мере еще два больших погребальных костра. Собравшись с духом, она решительно направилась к пылающему огню. Она не смотрела в сторону Сарасвати, которая, как показалось Саре, получала удовольствие от того, что она нервничала, и хотя сама Сара понимала, что ее страх иррационален,

ей вдруг показалось, что ее обволакивает ощущение неизбежности и близости смерти.

Сарасвати подобрала длинный подол своего сари, накинула его на голову и стала пробираться сквозь толпу, а свирепые арабы из ее сопровождения шли рядом с Сарой, держа над ее головой желтый шелковый зонтик. Рани вновь взяла Сару за руку, и ее улыбка смягчилась, когда она заметила, с каким ужасом наблюдает англичанка за волнующейся толпой.

Мастерская портного оказалась всего-навсего джутовым навесом над турецким ковром, на котором сидел портной — маленький сутулый человечек с глиняной трубочкой, зажатой между темно-красными зубами. Цвет зубов стал такой же тайной для Сары, как и запах табака из его трубки. Позднее Сарасвати объяснила, что портной жевал возбуждающий лист — бетель и курил гашиш. Наверное, решила Сара, это объясняло ухмылку, не сходившую с его губ. К тому времени, когда портной записал размеры Сары и получил указание сшить три платья из батиста, солнце успело подняться так высоко, что даже шелковый зонтик не мог защитить от пляшущего зноя. Жар поднимался от бледной земли, проникал сквозь тонкие туфли из телячьей кожи, и Сару начала мучить жажда. Сарасвати заметила, что англичанке стало нехорошо, сразу приказала стражу, чтобы носильщики принесли паланкин, и объявила, что они возвращаются во дворец. Пока они ждали, рани увлекла Сару к прилавку, за которым сидел сапожник. Здесь все блестело и искрилось, и Сарасвати, взглянув на ноги Сары, выбрала пару изумрудно-зеленых туфелек, расшитых крошечными зеркалами и бусинками.

— Мы не носим обуви во дворце, но ты, если хочешь, можешь надевать эти туфли.

На обратном пути Сара размышляла о прошлом Сарасвати. Кажется, Лили писала, что Сарасвати родилась

в маленькой деревушке. Как могла деревенская девушка, исповедующая индуизм, стать любимой наложницей махараджи?

— Ваша семья должна вами гордиться,— отважилась сказать Сара.

Сарасвати пожала плечами:

— Я красива, и я хорошая танцовщица, поэтому мой отец, если бы смог, продал бы меня аристократу. Я не представляла для него никакой другой ценности. Однако я приехала в Бенарес, я верила, что махараджа меня захочет, как только узнает, что я могу ему дать.

— И что же это такое?

Сарасвати во второй раз холодно взглянула на Сару.

— То, о чём он мечтал больше всего; то, что только благодаря мне мог получить.

Сара поняла, что Сарасвати не намерена продолжать разговор на эту тему, но не могла справиться со своим любопытством.

— И вы не поведаете мне о его величайшем желании? — Сара прищурилась.

— Почему ты задаешь так много вопросов, мисс Сара?

Сара рассмеялась:

— Такова моя природа. И должна признать, что вы меня заинтриговали. Дело в том, что я, как и Лили, с удовольствием пишу о необычных женщинах. Быть может, я когда-нибудь напишу и о вас!

Глаза Сарасвати загорелись, и Сара поняла, что нашла способ заставить рани говорить.

— Тогда тебе следует спросить у махарани, только она одна меня понимает, и ей известна моя история,— с таинственным видом сказала Сарасвати.

Она оставила Сару у двери в ее покой, сказав, что ей лучше отдохнуть в самую жаркую часть дня, а позднее, когда станет немного прохладнее, она ее навестит. Пе-

ред уходом Сарасвати добавила, что сегодня вечером Сара может встретиться с махараджей, если он будет во дворце. Сара начала понимать, что настроения и желания принца даже для Сарасвати были загадкой, как и его местонахождение. Оставалось лишь ждать, пока он пришлет за гостьей.

Платья все еще лежали на постели Сары, и она убрала их обратно в шкаф. Когда разглаживала складки, она заметила в углу шкафа удивительно знакомый предмет, почти скрытый гладким шелком. Это была старая шляпная коробка Лили. На мгновение Сара вернулась в студию Франца в Кенсингтоне и в тот день, когда Лили писала, сидя за письменным столом возле двойных дверей, а шляпная коробка стояла у ее ног. Сара взяла коробку и отнесла ее на стол из черного дерева.

Когда она сняла крышку, в солнечных лучах заплясали пылинки. На самом верху лежал запечатанный конверт, адресованный Джону Ларку. Складывалось впечатление, что его положили сюда перед тем, как отправить на почту. Сара вспомнила о своей последней встрече с Ларком в «Меркьюри». Он тогда сказал ей, что написал Лили письмо, но так и не получил ответа. Казалось, его переполняло раскаяние, словно между ними что-то осталось нерешенным. Или он что-то сказал Лили, а потом об этом пожалел?

Под конвертом с именем Ларка лежало несколько связок бумаг: вырезки из газет, какие-то исписанные листы, похожие на письма, только без конвертов. Кроме того, здесь же находилось несколько записных книжек, перевязанных лентой. Связка писем особенно заинтересовала Сару, поскольку она узнала почерк Лили. Но почему же она их не отправила? Не в силах остановиться, Сара развязала черную ленту, чувствуя, как дрожат ее вдруг потерявшие гибкость пальцы.

«14 февраля 1865 года

Моя единственная любовь!

Сегодня я проснулась с ощущением твоего присутствия и решила тебе написать, чтобы рассказать о своих тайнах, как уже однажды делала. Сегодня, как и каждый день, я сидела в летнем домике, в чудесном саду махараджи, где написала два письма, подкрепляясь ароматным чаем, который, как мне рассказали, собирают на плантациях, находящихся в северных горах Ассама. Вокруг летнего домика растут камелии и цветет магнолия, легкий ветерок доносит сладкие ароматы жимолости и красного жасмина. С одной стороны находится бамбуковая роща, из которой в любой момент может появиться любимый тигр махараджи, но теперь я уже не так боюсь этого зверя, мне даже один раз хватило смелости погладить его.

С каждым днем я чувствую себя все хуже, у меня появились разные болезни. Как мне сказал местный врач, приверженец аюрведы*, это вызвано избытком жара в моей крови. Несмотря на слабость, я нахожусь сейчас в большем мире с собой, чем в то время, когда писала тебе предыдущее письмо. Тогда я была лишь тенью той Лили, которую ты знал и любил. Кто бы мог подумать, что горе способно украсть не только разум, но и саму душу? Когда я в последний раз посетила твою студию в Лондоне, там все показалось мне холодным и я поняла, что твой призрак ее покинул. Должна признаться, что я рассчитывала найти тебя здесь, в том месте, которое индузы называют дверью между мирами, но вместо этого обрела внутреннюю силу.

* Аюрведа (*санскр.*) — наука о долголетии; традиционная индийская медицина, истоки которой восходят к ведийской эпохе.

Теперь я должна признаться тебе в том, о чём никогда не скажу ни одной живой душе. Ты помнишь, что я писала тебе про амулет, сделанный из девяти камней махараджи, который заказала леди Синтия Герберт? Амулет исчез при таинственных обстоятельствах и, если верить лондонской прессе и инспектору Ларку, каким-то образом связан с тремя убийствами, произошедшими в Лондоне в прошлом году. У меня возникли сомнения — быть может, они навеяны суевериями, — не связана ли каким-то образом и смерть леди Герберт с этим амулетом. Но только теперь мне удалось узнать, почему амулет имеет такое значение, хотя его судьба до сих пор остается тайной. После моих долгих уговоров Говинда согласился рассказать мне историю девяти бриллиантов, до сих пор он упорно отмалчивался. Возможно, он поделился со мной этой тайной из-за того, что вскоре должен вернуться домой в Гималаи.

Махараджа Бенареса в течение многих лет собирал цветные бриллианты, надеясь, что наступит день, когда у него будет девять камней различных цветов, необходимых для создания священного индуистского талисмана, носящего имя наваратна. Те, кому были известны намерения махараджи, тревожились, так как для создания амулета требуются специальные камни и только один из них должен быть бриллиантом — белым бриллиантом. Никто не верил, что махараджа сумеет найти девятый камень, без которого нельзя сделать амулет; этот самоцвет должен быть красным: центральный камень наваратны, или “солнечный камень”, как его называл Говинда.

Красные бриллианты встречаются очень редко, но потом каким-то таинственным образом махараджа нашел самый могущественный девятый камень и его коллекция стала полной. Однако махараджа все еще не мог

сделать амулет, так как ни один из ювелиров Бенареса не соглашался даже прикоснуться к такому опасному набору бриллиантов. Тогда махараджа отправил людей в Дели, Бомбей и Калькутту, но с тем же результатом.

Когда леди Синтия Герберт и ее муж Чарльз посетили Бенарес, они быстро завоевали известность среди местных торговцев бриллиантами, поскольку супруги часто покупали на базаре драгоценные камни. Как гостям махараджи, Гербертам показали его камни, в том числе и цветные бриллианты, и леди Герберт была очарована идеей создания бриллиантовой наваратны, так как она сама верила в могущество бриллиантов. Она надеялась, что даже недолгое обладание таким амулетом поможет ей войти в контакт с потусторонним миром. И тогда она предложила забрать бриллианты с собой в Англию, чтобы лондонский ювелир сделал из них амулет. Махараджа согласился, но послал вместе с ними Говинду, чтобы тот охранял камни и проследил за приятием амулету нужной формы.

Я спросила Говинду, не связана ли жуткая смерть лорда Герberта с бриллиантами, и он сказал, что так и было. “Они слишком страстно желали владеть камнями”, — сказал он, печально качая головой. Считается, что лорд Герберт был убит, когда на их отряд напали на горной тропе бандиты. Больше Говинда ничего не рассказал мне об обстоятельствах смерти лорда Герберта. И все же меня преследует мысль, что именно красота бриллиантов стала причиной всех преступлений, а во-все не проклятие или какие-то чары, поскольку я видела эти камни и должна признать, что мне не доводилось встречать ничего прекраснее.

Как мне тебя до сих пор не хватает, Франц! При-
сматривай за мной и дай мне сил, как ты это делал при жизни.

Твоя Лили».

 КАЙЛИ ФИЦПАТРИК

Сара бережно положила письмо на место, заметив, что ее руки покрылись гусиной кожей, несмотря на знойный воздух. Если Чарльз Герберт убит тем же человеком, который совершил три убийства в Лондоне, тогда Говинда мог иметь какое-то отношение ко всем четырем преступлениям, ведь так?

ГЛАВА 30

Только тот, кто, отбросив желания, пребывает без вожделений, без стяжаний, без самости... этом муж покой обретает.

Бхагавадгита

На следующее утро Сара сидела за письменным столом Лили и смотрела, как лучи солнца, проникающие в комнату через жалюзи, падают на голубую шляпную коробку, словно приглашая Сару продолжить изучение ее содержимого. Однако она еще не была к этому готова, ее потрясло описание амулета — но она и сама не могла объяснить почему. Очевидно, Говинда заразил Лили своими суевериями.

У Сары появилась новая причина для беспокойства. Если наваратна так опасна, как считал Говинда, то следовало предположить, что она могла творить свою темную магию над новыми владельцами амулета? Конечно, после того как амулет был украден учеником ювелира или вором-убийцей, его могли разобрать на части, чтобы продать бриллианты по отдельности. Но что, если наваратна сохранила свою целостность? Сара содрогнулась, но тут же почувствовала себя довольно глупо. Сбылось предупреждение мистера Эллиота — Восток начал действовать на нее.

Когда Сара отвлеклась от размышлений, ее уже ждал слуга. Ей предстояла встреча с махараджей и махарани.

Значит, придется надеть одно из платьев Лили, и Сара выбрала наряд янтарного цвета с корсажем, украшенным шоколадно-коричневой лентой. Она привыклаходить по дворцу босиком, ей нравилось чувствовать под ногами шелковые ковры и прохладный мраморный пол. Однако ей предстоял визит к особам королевской крови, и она надела усыпанные яркими бусинками туфельки, которые подарила ей Сарасвати. И тут Саре показалось, что она слышит шепот Лили, рассказывающей о своей встрече с принцем. Она должна прикрыть плечи.

Сара ожидала увидеть королевскую чету, но сначала ее отвели в покой махарани, находящиеся в западном крыле дворца. Здесь она обнаружила полную, богато одетую женщину, возлежащую на горе расшитых подушек. Ее окружали служанки, одна из которых смазывала волосы махарани маслом из серебряной чаши. Другая сидела у ее ног и надевала на толстую лодыжку еще один усыпанный самоцветами браслет рядом со множеством других золотых браслетов. В комнате плавал густой дым, и Сара сразу узнала неприятный сладковатый аромат — в Лондоне было немало мест, где курили опиум.

Махарани внимательно оглядела Сару, молча оценивая детали ее фигуры и одежды. Потом она заговорила, растягивая слова:

— Значит, ты та самая сирота, которую так часто вспоминала мем-сахиб Лили? Она всегда говорила о тебе с большой любовью, и мы счастливы видеть тебя у нас во дворце. Я бы хотела встретиться с тобой еще раз, возможно, завтра. Я пошлю за тобой. Мой муж вскоре примет тебя в тронном зале.

Махараджу часто призывают важные дела, не очень понятно сказала Саре махарани, возможно, он вновь скоро покинет дворец. Ему необходимо проинспектировать джутовые и хлопковые фабрики, кроме того, возникли какие-то проблемы с плантацией индиго в Лакхнау... Махарани говорила о деятельности мужа с такой отстра-

ненностью, что Сара решила: жизни супругов почти не пересекаются.

Тронный зал находился в центральной части восточного крыла дворца и был размером с первый этаж дома в Кенсингтоне. Стены были золотыми, а пол покрывал огромный ковер темно-бордового, синего и медного цветов, мерцающий в свете сотен свечей, ведь в зале не было окон. На ковре стоял украшенный самоцветами и фианитом трон. Под ним Сара заметила тигровую шкуру, по обе стороны от трона стояла стража — жилистые темнокожие мужчины, совсем не похожие на арабов в тюрбанах и свободных турецких шароварах, которых Сара видела в других частях дворца. Должно быть, подумала Сара, это личная гвардия принца. У основания трона устроился человек в оранжевых одеяниях, и Сара решила, что это жрец, поскольку его лицо было ярко раскрашено, как у садху, сидящих весь день на берегу реки, где они медитировали и читали монотонные молитвы.

Принц не сидел на троне, а стоял спиной к залу, глядя на документы, разложенные на узком столе у стены. Махараджа оказался стройным мужчиной в узких штанах и длинной вышитой тунике, голову его украшал шелковый тюрбан. Он повернулся, когда Сара вошла. Должно быть, прежде он был красив, подумала Сара, но время, частая хандра и алкоголь давно одержали над ним победу. Глаза потускнели, нос покраснел от выступивших тонких вен.

— Добро пожаловать в Варанаси, мисс Сара. Я счастлив принимать у себя в гостях друга мем-саhib Лили. Здесь все ею восхищались. Насколько я понимаю, ты так же, как она, книжник?

— Да, но я больше пишу о новостях, сэр. Лили Коречная была настоящим писателем. Как я слышала, она даже принимала участие в спасении древнего храма в Бенаресе?

— Меня бы это не удивило. Хотя я должен признать, что мои дела совершенно не оставляют мне времени на... окружающий большой мир. Но теперь, когда ты об этом сказала, я вспомнил, что мэм-сахиб Лили увлеклась индуистской религией. Тебе следует расспросить рани Сарасвати о том храме, ведь она придерживается индуистской веры.

Махараджа вел себя с безупречной вежливостью, он очень высоко, хотя и с некоторой грустью отзывался о Лили. Сара совсем бы не удивила, если бы оказалось, что принц был немного влюблён в Лили Коречную, впрочем, он был бы не первым мужчиной, которого привлекли ее изящество и доброта. Сара вспомнила о письме Джону Ларку, лежавшем в шляпной коробке. Она надеялась, что там инспектор найдет слова прощания, которых ему так не хватало. В юности Сара много раз мечтала о том, чтобы миссис Коречная и Джон Ларк сблизились, но теперь, когда прочитала письма Лили, она многое поняла. И дело не только в том, что Франц оставил ее единственной истинной любовью, — Лили слишком высоко ценила свою свободу.

Сара поддерживала вежливую беседу с махараджей, а когда почувствовала, что аудиенция подходит к концу, спросила, может ли она взглянуть на его коллекцию живописи, поскольку ей хотелось бы увидеть полотна Франца Коречного. И еще Сара рассчитывала, что у нее может возникнуть подходящий повод задать вопрос о судьбе Говинды. Принц согласился и обещал прислать за Сарой.

Когда Сару вели обратно по лабиринту коридоров с мозаичными стенами, она размышляла о печали махараджи — возможно, она вызвана исчезновением его любимых бриллиантов или он всегда был склонен к меланхолии. Быть может, он, как и Синтия Герберт, верил, что бриллиантовая наварата способна каким-то образом вернуть ему цельность. Однако человек, чье существование

вание определяют такие богатства, может в любой момент получить все, чего только пожелает. О чем еще он может мечтать? Она вспомнила слова, сказанные ей вчера Сарасвати: «То, что он желал больше всего на свете; то, что только я могла ему дать».

Когда время приблизилось к полудню, а жара усилилась, Сара вернулась в свою комнату. Она рассчитывала, что путешествие в Бенарес позволит ей по-новому взглянуть на собственные литературные опыты, но после приезда в город почти не бралась за перо. Теперь она открыла записную книжку, но так и не сумела написать ничего содержательного о мадам Блаватской. Интересно, подумала Сара, испытывала ли Афра Бен такие же сомнения, когда писала свои произведения. Может быть, все дело в том, что приближается сезон дождей? На ланч Саре принесли ароматный рис и маленькую чашу с острышей приправой, после чего она улеглась спать.

Проснувшись, Сара сразу направилась к шляпной коробке, она вдруг решила, что письма Лили могут вернуть ей ускользающее вдохновение. Как Сара и рассчитывала, ей удалось найти записи, где было гораздо меньше личного. Черновики очерков, заметки Лили о Бенаресе. Потом в руки Саре попал тот очерк, который ей так хотелось найти, и незаконченное письмо.

«10 марта 1865 года

Моя дорогая Барбара!

По мере того как неизвестная болезнь все глубже проникает в мое тело, душа моя освобождается от всех страхов, а тревоги, еще недавно не дававшие мне покоя, постепенно уходят прочь. Возможно, мне становится близок фатализм этой земли, который на первых порах казался недоступным пониманию. Это нечто очень личное, но я попытаюсь тебе объяснить, Барбара, только ты

должна меня простить, если у меня это получится не слишком хорошо.

Я уже много дней провела в мраморном летнем домике, не обращая внимания на слуг, которые все еще не привыкли к пишущим женщинам. Прошло несколько недель с тех пор, как я завершила свой очерк о судьбе храма Кали, который тебе посылаю. Закончив над ним работать, я испытала большое облегчение. Поначалу я решила, что это связано с самой работой, ведь я никогда прежде не писала о проблемах Британской Индии или о пантеоне богов Бенареса. Я обнаружила, что каждый аспект богини Кали, от вдохновения и созидания до предательства и уничтожения, зеркально отражен в человеческой истории.

Но за те недели, что прошли после окончания работы, получив некоторое представление о тайнах темной богини, я обнаружила, что обладаю недоступной мне прежде безмятежностью. И сохраняю ее даже в неуемном шуме базара, когда меня дергают за руки дети и нищие; и на меня больше не производит прежнего впечатления роскошь моих покояев. По правде говоря, Барбара, мне кажется, что моя связь с земным существованием разорвана...»

Здесь письмо внезапно обрывалось. Сара взяла очерк о богине Кали и прочитала последнее и, возможно, самое смелое творение Лили Коречной о необычных женщинах.

«Мистер Эванс
САМАЯ НЕОБЫЧНАЯ ИЗ ЖЕНЩИН

В наш век индустрии и достижений мужчин, век морали и унылых богообязненных христиан легко забыть о великих мифах и легендах, на которых зиждется наша цивилизация. В истории любой культуры и религии есть

один могущественный образ богини-матери. Образ, вызывающий тревогу и неудовольствие у самых разных духовных лиц. Разве не Дева Мария родила Иисуса?

Существует весьма необычная легенда об одной из самых внушающих страх богинь индуистов, богине-матери Кали. Говорят, что король Рамадитайя получил в свое владение империю мира, но лишь до тех пор, пока на свет не появится святой ребенок, рожденный девственницей, чьим отцом будет плотник. Прожив тысячу лет, король Рамадитайя вспомнил о пророчестве и отправился на поиски ребенка, чтобы предать его смерти и сохранить свою империю. В битве с врагами король был убит, после чего начался век Кали.

Есть и другие странные совпадения в доктринах индуизма, иудаизма и христианства. Существовал индийский законодатель по имени Мену, который по характеру и статусу очень походил на Но亞, и если мы слегка переставим буквы в имени Брахмы, он может оказаться Авраамом, а его супруга Сарасвати — женой Авраама Сарой. Христиане и иудеи будут спорить, что их мифологические персонажи украдены, но кто знает, быть может, разумнее вспомнить о более древней и долгой истории индуизма.

В наше время в самом священном городе индуизма, Бенаресе, более всего потрясает упомянутая выше богиня Кали, порождающая страх и поклонение. Говорят, что храмы Кали следует строить как можно дальше от деревень и городов, поблизости от тех мест, где производится кремация, ведь именно там обитает Кали — в том самом месте, где распадаются все физические элементы. В традициях индуизма кремация означает разрушение всего того, что связывает человека с жизнью, и прежде всего гнева, страха и желания. Все ограничения и любое невежество сжигаются, а им на смену приходит огонь знания, который дарует Кали.

В сердце Бенареса есть храм Кали, построенный задолго до того, как в городе поселилось множество людей и он стал крупным торговым центром. Это место, где приверженцы индуизма — как мужчины, так и женщины — отдают дань уважения великой матери и просят у нее успеха в битвах, как в физических, так и в битвах духа. А теперь в Бенаресе идет битва между британским муниципалитетом, которому удалось получить большой заем для улучшения канализационной системы города, и его обитателями-индуистами. Долги предполагается отдавать, увеличив налоги на воду, а горожане и так слишком бедны, чтобы вовремя выплачивать уже существующие налоги. Но дело тут не только в этом — для строительства новой насосной станции выбрано место, где сейчас находится храм Кали, старейшее святилище в Бенаресе. Многие обвиняют британскую администрацию в том, что она сознательно ведет наступление на индуистов, оскорбляя мать Кали. Тысячи просьб поступили в муниципалитет — люди умоляют спасти храм, но планы по его разрушению никто не намерен отменять.

Может возникнуть предположение, что храм решено уничтожить из-за того, что богиня Кали вселяет страх в британцев, живущих в Индии, ведь она обитает там, где физические элементы прекращают свое существование. Кали — это божество, которое смеется в лицо человеческим слабостям, земным привязанностям, страхам и страстям. А это те самые качества, чтодвигают вперед самые могучие машины индустрии».

ГЛАВА 31

Некоторые китайские господа говорили мне, что они протестуют против введения высшего образования для женщин из-за того, что образованные женщины могут захотеть править государством. Вероятно, так думают и англичане, хотя и не говорят об этом вслух. Они утверждают, что наш мозг легче и что нас невозможно многому научить.

Сара Гранд. Из «Идеала», 1888 г.

Когда на следующее утро Сара проснулась, она отправилась на поиски кхансамы, чтобы узнать, где найти первую наложницу принца. Ей хотелось с кем-нибудь поговорить, пусть даже с язвительной Сарасвати. Она наткнулась на дворецкого случайно, когда вошла в огороженный стенами сад, где росли пальмы. Здесь под его наблюдением целая армия садовников в белых тюрбанах подрезала ветви и уничтожала сорняки, а некоторые каким-то непостижимым образом забирались даже на самые высокие пальмы, чьи гладкие стволы не давали опоры для ног, чтобы срезать мертвые листья. Когда Сара спросила, не расскажет ли он, как попасть в покой Сарасвати, он что-то коротко приказал одному из слуг и тот исчез.

— Вы помните Говинду? — спросила Сара у дворецкого, пока они под палящими лучами солнца поджидали возвращения слуги.

— Да, мисс Сара. Конечно.

— Когда он покинул дворец?

— После того, как мем-сахиб Лили умерла.

— А он возвращался?

— Я не знаю, мисс Сара.

— А как я могу узнать, где он сейчас?

Управляющему ее вопрос понравился еще меньше, чем интерес Сары к покоям Сарасвати, но потом он немного подумал, вздохнул и ответил:

— Может быть, это известно чаукидaru, главе стражи.

— А вы можете у него спросить? Пожалуйста. Мне очень нужно поговорить с мистером Говиндой.

— Я у него спрошу.

Вскоре вернулся садовник вместе с молодой служанкой, которая приносила Саре еду. Она поклонилась и поманила Сару за собой.

Девушка оставила Сару у входа в покой Сарасвати. Открыв дверь, Сара застыла на пороге в нерешительности: комната была погружена в темноту, которую не рассеивали даже стоящие на полу свечи. Тяжелые ароматы сразу же подсказали Саре, что Сарасвати, как и махари, курит опиум, который, как Сара начала понимать, здесь распространен, как табак в Англии. Рани танцевала, словно подчиняясь ритму барабанов, звучавших только для нее. На Сарасвати были лишь бусы и дупатта*, которую обычно носили женщины-магометанки поверх вышитых шелковых или парчовых одеяний. Дупатта была совершенно прозрачной, и обнаженные конечно-

* Легкая шаль или вуаль из шелка или муслина, часто украшенная золотыми и серебряными нитями. В Индии атрибут как женской, так и мужской одежды.

сти Сарасвати двигались с гибкостью ивовых ветвей на ветру.

Глаза Сарасвати неузнаваемо изменились, казалось, в нее вселился какой-то темный дух. Она что-то монотонно повторяла на незнакомом языке — Сара решила, что это хинди, но смогла разобрать лишь два слова: *mera varga*. Как только глаза Сары приспособились к царящему в комнате сумраку, она заметила две странности: бусы Сарасвати оказались такими же, как те, что носила она сама, а на полу перед танцующей рани стояла черная статуя примерно в два фута высотой, фигура столь жуткая, что Сара почувствовала, как ледяные пальцы страха коснулись ее шеи. Мерцающее пламя свечей не позволило девушке полностью разглядеть статую, но вскоре она поняла, что у нее несколько рук и длинный высыпнутый язык, с которого как будто капала алая кровь.

Сара быстро закрыла дверь и поспешила прочь, прохладный мраморный пол приятно холодил ее босые ноги. Ей вдруг захотелось оказаться рядом с консервативным, немного скучным, но очень английским мистером Джонатаном Эллиотом.

Пока ее паланкин проносили сквозь столпотворение на прибрежной дороге, ведущей в Дасасвамед, мысли Сары все время возвращались к сцене, которую она только что наблюдала. Она решила, что это была статуя одного из индуистских божеств, хотя и не могла бы назвать его имя. Сару удивил собственный страх, ведь ей доводилось видеть куда более ужасные вещи в публичных домах Сент-Джайлса. Однажды она и Элли оказались в борделе, расположенному в этом квартале, разыскивая мужчину, который питал слабость к Эллен и был готов рассказать ей все, что угодно. Хозяйка дома ужасно напоминала великана-людоеда — насколько женщина вооб-

ще может на него походить, — как оказалось, она к тому же превосходно метала ножи. В юности она была профессиональной цирковой артисткой, как позднее выяснила Эллен, а такие детали очень любил мистер Хардинг. Сара и Эллен находились всего в нескольких футах от игрока, который пытался сбежать, не заплатив, как раз в тот момент, когда его настиг нож. Он успел сделать несколько шагов с рукоятью ножа, торчащей между лопатками, но к тому моменту, когда упал на пол, он был уже мертв. Первый раз в жизни Сара видела настоящее убийство и в первый раз писала о преступлении, которое произошло у нее на глазах.

Она так глубоко погрузилась в эти воспоминания, что не заметила, как паланкин оказался возле центрального рынка. Здесь, на широкой каменной террасе, обращенной к Гангу, находился ресторан «Вайшья». Под разноцветным навесом стояли плетеные стулья и столики. Довольно скоро Сара заметила мистера Эллиота. Его панама и слегка опущенные плечи сразу бросались в глаза. Он сидел за столиком и был погружен в чтение газеты. Когда Сара подошла, он поднял удивленный взгляд. Девушка ощущала облегчение, когда Эллиот улыбнулся, поскольку опасалась, что он совсем не обрадуется общству «синего чулка».

— Подумать только! Доброе утро, мисс О’Рейли. Пожалуйста, садитесь. Вы позавтракаете со мной? Офицант! Еще чаю! Я могу порекомендовать сладкий чапатти, но не заказывайте яичный кеджери — в нем слишком много перца чили. Вы знаете, я как раз думал о вас, читая «Бенарес обсервер». Это лучшая британская газета, которые здесь выходит, если вас интересуют новости империи. Я вспоминаю наш разговор о бриллиантах. Здесь сообщается, что в Африке найдены большие месторождения! — Мистер Эллиот удивленно потряс головой, но тут его глаза загорелись: он увидел следующее сооб-

щение.— Боже мой! Пишут, что может наступить время, когда индийским властям разрешат судить европейцев! Вот, вы только послушайте: «...в любой момент меднокожий язычник может приговорить нас к тюремному сроку по фальшивому обвинению».— Мистер Эллиот сердито затряс головой.— Возмутительно!

Сара не совсем поняла, что вывело из себя мистера Эллиота — мнение редактора или сама идея об индийских судах, но решила, что лучше не задавать лишних вопросов. Если она намерена насладиться познаниями Джонатана Эллиота в области индуизма, ей следует терпимо отнестись к некоторым неприятным особенностям его характера.

— Вам известен храм богини Кали? Насколько я поняла, это древнейшее святилище города,— сказала она после того, как они обсудили погоду, впечатления Сары от пребывания в Бенаресе и лумбаго Эллиота.

— Вы правы, так оно и есть. Храм знаменит, да и весь город в определенном смысле есть территория Кали. Она правит погребальными кострами и владениями смерти, а смерть — главная индустрия Бенареса.

Он произнес эти слова довольно напыщенно, и Сара с трудом сдержала улыбку.

— Дело в том, мисс О’Рейли, что боги присутствуют во всех аспектах жизни, ведь это языческая религия, в которой на любой случай существует свой бог. Храм Кали действительно очень древний, и его стоит посетить, если, конечно, вы его найдете в средневековом лабиринте старого города.

— Я бы очень хотела побывать в храме. Вы согласитесь быть моим гидом?

— Охотно. Днем у меня занятия, но утром я могу провести по собственному усмотрению.

Закончив с чаем, они покинули «Вайшью», и мистер Эллиот повел Сару через лабиринт узких улочек, из ко-

торых состоял древний центр города. Здесь можно было без труда представить, как выглядел Бенарес, когда был крупнейшим торговым городом на берегах Ганга и Северной дороге. Повсюду виднелись дома, которым насчитывались сотни лет, их осыпающиеся каменные стены теперь едва стояли. Даже в самых узких и темных переулках обнаруживались крошечные лавки, в которых, скрестив ноги, сидели купцы, манившие к себе проходивших мимо Сару и Эллиота, предлагая им ткани, самоцветы и серебряные подсвечники, каждый утверждал, что лучшего товара нигде не найти. Продавцы шелка бежали вслед за Сарой, держа в руках груды таких тонких тканей, что трудно было удержаться от соблазна — ее руки сами тянулись к тончайшим материям. В конце концов она сдалась и купила шелк цвета морской волны, украшенный серебряной вышивкой. Лили бы это понравилось, решила Сара, к тому же ей хотелось что-то привезти в Лондон из Бенареса. Однако купец стал убеждать Сару, что она должна купить еще и желтый шелк с вышитыми на нем светлыми розами.

— Желтый цвет приносит удачу, это цвет Сарасвати! — настаивал купец, продолжая идти вслед за ними.

— Вам что-нибудь известно про богиню Сарасвати? — спросила Сара у мистера Эллиота, когда они остановились, чтобы пропустить похоронную процессию.

Здесь это было обычным делом — плакальщики в белых одеждах, гирлянды цветов, благовония.

— Конечно. Сарасвати — это божество, теснейшим образом связанное с чувственными удовольствиями. Она любит драгоценные камни и украшения, красивую одежду и ароматы — прежде всего сандалового дерева — и этим защищает свою беспечную натуру от демонов и злых духов. Она самая щеславная и, пожалуй, самая привлекательная из всех индуистских богинь.

Сара сумела лишь кивнуть, поскольку мистер Эллиот с тем же успехом мог описывать женщину Сарасвати. Сару поразило, как наложница похожа на свою тезку-богиню. Интересно, случайно ли это сходство?

Они прошли через квартал, где торговали почти исключительно ювелирными украшениями, после чего остановились перед незаметной дверью в обветшалой каменной стене. Внутри находилась украшенная колоннами галерея храма, но яркие краски фресок совсем потускнели от времени. Через еще более низкий дверной проем, высеченный в черном граните, они вошли в святилище Кали. Святилище оказалось темным и языческим, напоминающим скорее пещеру, чем храм, вдоль стен тянулись барельефы с изображением совокупляющихся, танцующих, пирующих и сражающихся богов и богинь. Местами скульптурные изображения были разрушены, но кое-где остались яркие краски, которые покрывали их прежде. На полу возле стен горело множество свечей, служивших единственным источником света в храме. Их мерцающий свет придавал барельефам особое очарование, казалось, еще немного — и боги ожидают.

Сара и мистер Эллиот медленно обошли храм и остановились возле алтаря. На низком каменном пьедестале стояла фигура богини в двенадцать футов ростом, с дикими глазами и высунутым языком, с которого капала алая кровь. На шее Кали висело ожерелье из крошечных человеческих черепов. Это было то самое божество, вокруг которого танцевала Сарасвати. К горлу Сары подкатила тошнота, и ей пришлось схватиться за рукав Эллиота, чтобы сохранить равновесие.

— Это обезьяны черепа, — заверил Сару мистер Эллиот, похлопав ее по руке. — Считается, что Кали носит ожерелье из черепов убитых ею воинов, черепа детей она использует как серьги, а с пояса у нее свисают отрублен-

ные руки. Говорят, что существуют разбойники всех мастей, которые отсекают руки и головы, чтобы поднести их своей госпоже, но прежде с ловкостью душат свои жертвы, не оставляя никаких следов. Насколько я понял, главный прием — раздавливание трахеи.

Сара содрогнулась, и в ее памяти всколыхнулись воспоминания. Кажется, она однажды подслушала разговор между инспектором Ларком и Мелвиллом, в котором последний предположил, что лондонские убийства были делом рук Душителя. Ларк тогда отбросил это предположение, заявив, что эта банда уничтожена в тридцатых годах.

— Но я думала, что эти банды прекратили свое существование.

Мистер Эллиот невесело рассмеялся:

— Тут многое зависит от того, что имеется в виду. Ведь сами махараджи традиционно набирают в качестве личной гвардии таких разбойников. Считается, что они лучше других знают свое дело.

В голове у Сары все перепуталось. Неужели Говинда был таким убийцей? Получается, что именно он убил тех троих в Лондоне, а также расправился с лордом Гербертом? Нет, Сара не могла в это поверить, но из писем Лили следовало, что смерть лорда Герberта была столь ужасной, что Синтия Герберт никогда о ней не говорила.

— Мне представляется, что эта богиня не самый подходящий объект поклонения, — заметил мистер Эллиот, глядя на Кали. — Однако именно ее сила и жизненная энергия, а также способность к превращениям помогли ей победить в сражении Шиву, самого могущественного из индуистских богов.

Сара вспомнила очерк Лили: «...огонь знания, который дарует Кали». Что это означает? Мистер Эллиот продолжал говорить, и Саре пришлось сделать над собой усилие, чтобы не отвлекаться.

— И то, что самоцветы продают совсем близко от храма Кали, не случайно. Кали — владычица бриллиантов, которые считаются бессмертными камнями. Храмы Кали часто встречаются в поселениях, где расположены алмазные копи, ведь богиня охраняет своих. В одной из легенд утверждается, что она ищет редчайшее сокровище — бриллиант цвета крови. Мисс О’Рейли, что с вами? Вы так сильно побледнели. Пойдемте со мной. — Он решительно взял ее за локоть. — Здесь ужасно душно, вам нужно выйти на свежий воздух.

Как только они оказались в переулке, где было не так жарко, Сара прислонилась к холодной каменной стене и принялась обмахиваться панамой, которую ей протянул мистер Эллиот.

— Я в полном порядке, благодарю вас, — сказала Сара после небольшой паузы. — Не знаю, что на меня нашло.

Когда они возвращались обратно по лабиринту улочек, Сара предоставила мистеру Эллиоту делиться своими познаниями в области индуизма, не прерывая его, пока понемногу приходила в себя. Упоминание о красивом бриллианте произвело на нее жуткое впечатление, но Сара твердо решила не дать страху себя победить. В конце концов, бриллиант лишь драгоценный камень; если Сарасвати хочет танцевать перед жаждущей крови богиней, то так тому и быть.

— Язычество по природе своей политеистично. Каждое божество представляет собой одну из сторон человеческой природы, а потому почитание богини Кали, к примеру, означает, что ты готов принять как темные, так и светлые стороны своей натуры.

— Как удобно, — сумела заговорить Сара. — Таким образом можно оправдать любые мерзости.

Возле пансиона они расстались, обменявшись крепким рукопожатием и добрыми пожеланиями и догово-

рившись обязательно встретиться еще раз до отъезда Сары в Лондон. Сара уселась в паланкин махараджи и со вздохом удовлетворения откинулась на бархатные подушки. Ко времени прибытия к воротам дворца она решила, что спросит Сарасвати, почему та стала почтать темную богиню, ведь в ее вере так много других привлекательных и благосклонных божеств.

ГЛАВА 32

Я ничего не прошу у твоей любви,
ничего,
Лишь дай мне уйти, одиноко
продолжить свой путь,
Ведь тех счастливых, безмятежных
дней
Без райской радости и без тоски —
их не вернуть.

Мэри Элизаабет Кольридж.
Перевод Б. Жужунавы

Сару встретил управляющий, обладавший удивительной способностью чувствовать присутствие гостя у ворот.

— Махарани хочет вас принять, мисс Сара. Пожалуйста, следуйте за мной.

— А вы поговорили с чаукидаром о мистере Говинде?
— Да, мисс Сара.

Однако мажордом ушел прежде, чем Сара успела задать следующий вопрос.

Махарани сидела на разложенных на полу подушках, перебирая драгоценности из маленькой шкатулки.

— Золото из Венеции желтее индийского. И оно гораздо привлекательнее, если ты можешь его себе позволить, — сказала она, не поднимая головы.

Махарани была одета в просторные шаровары из золотого шелка, стянутые у щиколоток, и короткий корсаж, называемый чола, из-под которого виднелась об-

висшая плоть. Наряд венчала длинная прозрачная вуаль.

— Садись, — предложила махарани.

Когда Сара повиновалась, ей удалось получше разглядеть покрытое морщинами усталое лицо и заметить, что черная сурьма, которой были подведены водянистые глаза махарани, размазалась. Вероятно, она принимала опиум — хотя в воздухе не чувствовалось его запаха. Сара обратила внимание на замедленность всех реакций женщины, характерную для людей, находившихся под наркотическим воздействием. После продолжительного молчания махарани продолжила:

— Я слышала, что ты и Сарасвати встречались?

— Да. Она... удивительный человек. Это правда, что Сарасвати родилась в маленькой деревушке?

Махарани с подозрением посмотрела на Сару.

— А почему ты задаешь вопросы о моей Сарасвати?

Сару удивило резкое изменение ее тона.

— Только из-за того, что мне хочется побольше о ней знать.

— Никто не знает о ней больше меня.

— В таком случае почему бы вам не поделиться со мной ее историей, ваше высочество? — ответила Сара, вспомнив, что махарани обожает рассказывать истории.

Некоторое время тянулось молчание. Махарани некоторое время разглядывала кольца размером с яйцо на своих пухлых пальцах, пока Сара изучала крошечные зеркальца, которыми были украшены подушки. Быть может, лесть заставит махарани поведать историю Сарасвати — Сара видела, что немолодая женщина хочет ей верить или она просто нуждалась в аудитории.

— Если я расскажу тебе о Сарасвати, мисс Сара, ты не должна показать ей, что тебе стало многое известно, она очень болезненно относится к некоторым вещам... из прошлого.

— Конечно... — заговорила было Сара.

Но махарапи уже начала свой рассказ. В ее глазах загорелся огонь, голос обрел силу.

Сарасвати назвали в честь реки и ее богини. Жители деревни считали: наносные речные бриллианты доказывают, что в реке обитает богиня, ведь всем известно, что ее украшали самоцветы, когда она появилась на свет из уст Брахмы. Девочка же Сарасвати родилась на берегу реки, что явилось для ее матери, присевшей на корточки, чтобы прополоскать белье, полнейшей неожиданностью. Сарасвати выскочила из чрева матери прямо в воду и с удовольствием плавала в реке, пока ее не извлекли подоспевшие женщины.

Когда Сарасвати была еще ребенком, она любила сидеть на высоком берегу и наблюдать за речным народом. С большого расстояния люди больше походили на рой водяных ос; их тонкие одежды и тюрбаны напоминали белые полоски на темной коже, обожженной солнцем. Сотни мужчин ныряли в воду и ползали на четвереньках в грязи у берега до тех пор, пока их костлявые колени и локти не покрывались ранами. Сарасвати не хотела выходить замуж за одного из здешних жителей; ей снилось, как она присоединяется к легендарной и свирепой армии женщин «Зуффар плутун». Однажды она видела, как они проезжали через их деревню, спрятав волосы под белыми тюрбанами, а за поясами у них сверкали клинки сабель.

Однако у ее отца были другие планы. Когда она танцевала на своем первом празднике Дивали и получала похвалы за плавные движения запястий под бой барабанов и гибкость всех конечностей, он решил, что ей следует брать уроки. Танцовщицы часто удачно выходили замуж или их можно было выгодно продать в качестве на-

ложниц богатым поклонникам. Ей уже исполнилось тринадцать — в таком возрасте можно выходить замуж.

Когда Сарасвати входила в реку, она всегда мечтала почувствовать под ногой острые грани бриллианта. Она часто купалась по ночам, но только в те моменты, когда всходила Венера, поскольку именно в это время их лучше всего искать. Она знала, что даже один маленький камень может сделать бедную семью богатой, если она осмелится его сохранить. Она представляла себе, как прячет камень, а потом приносит его в Бенарес и продает купцу, скучающему бриллианты. И тогда Сарасвати и ее семья будут есть рис с золотых тарелок, она сможет натирать свое тело ароматными маслами и выйдет замуж за того, за кого пожелает. Однако это было лишь мечтой, она бы никогда не осмелилась украсть один из бриллиантов махараджи. Такой проступок наказывается смертью, а кроме того, камни находятся под защитой богини Кали, самого страшного и кровожадного божества.

Ступни ног Сарасвати были такими же чувствительными, как кожа на пальцах рук. Обычные речные камушки ее не интересовали, она знала, какова на ощупь твердая поверхность бриллианта. Ей не раз приходилось пропускать сквозь пальцы драгоценные камни, добытые со дна отцом; и его еще не высохшее после ныряния лицо озарялось лучезарной улыбкой, ведь жители деревни верили, что бриллиант сам по себе является божеством, выбирающим себе хранителя.

Прежде Сарасвати никогда не осмеливалась купаться обнаженной, но сегодня вдруг набралась храбрости. Течение бурлило у ее бедер и живота, вода проносилась между ног, пыталась вырвать желтую ткань сари из ее руки, так что Сарасвати пришлось завязать ее вокруг талии, чтобы речная богиня не утащила сари прочь. Несколько Сарасвати ощутила у себя под ногой острую грань и тут же нырнула. Когда она поднялась на поверх-

ность, камень в ее руках показался ей черным на фоне более светлой кожи ладони. Сжав камень в кулаке, Сарасвати плыла к берегу, пока ее колени не коснулись песка. На берегу она сняла с бедер сари и положила на землю сушиться. Затем села, разжала кулак и повернула ладонь так, чтобы на нее падал лунный свет. Она так крепко сжимала камень, что его грани порезали ей руку. Сначала она решила, что ее кровь пролилась на маленький кристалл, торчащий из темной поверхности камня, но даже в тусклом лунном свете стал очевиден истинный цвет бриллианта: ярко-красный.

Жена жреца разбудила спящего старика, когда отец Сарасвати явился к нему с красным камнем. Жрец был самым старым и самым мудрым человеком во всей деревне. Мнения соседей и отца Сарасвати относительно находки разошлись. Один говорил, что это рубин, другой утверждал, что гранат. А отец Сарасвати настаивал на том, что это бриллиант. Жрец взял камень и вышел из своей хижины. Девушка, ее отец и соседи ждали, молча наблюдая, как старик смотрит на звезды. Они заметили, что он замер в полнейшей неподвижности, держа камень на ладони и вытянув руку вперед. Они не ведали его мыслей, а думал он о том, что этот девятый камень позволит дополнить коллекцию махараджи для навратны. Этого ни в коем случае нельзя было допустить.

Наконец жрец почесал в затылке и подозвал к себе одного из мужчин.

— Принеси мне бриллиант из храма.

Именно там хранились камни, пока за ними не приезжали люди махараджи. Когда мужчина вернулся, жрец взял второй камень.

— Только бриллиант способен оставить след на бриллианте. — И с этими словами стариk провел самым острым ребром красного камня по плоской поверхности прозрачного камня, оставив на ней линию. — Видите? —

продолжал жрец, а потом рассмеялся, как ребенок, поскольку красные бриллианты были самыми редкими, самыми желанными и могущественными из всех других камней, и он не верил, что такой камень мог отдать себя в руки женщины.

Когда деревенский жрец отнес красный бриллиант в храм Кали, Сарасвати не могла спать. Ей хотелось еще раз подержать камень в руках, перед тем как его отправят во дворец. Все знали, что махараджа давно ищет камень алого цвета — такой редкий самоцвет, что многие не верили в его существование, — но лишь единицам было известно, зачем он нужен махарадже на самом деле. Когда Сарасвати убедилась в том, что все заснули, она бесшумно выбралась из хижины и зашагала к храму.

Оба храмовых стражи спали. Внутри храма, над дарами, принесенными в этот день, высилась чудовищная, вырезанная из черного гранита статуя Кали. Даров было не слишком много: туши козла, окруженная цветами, рис и небольшая горка необработанных речных бриллиантов. Среди них Сарасвати не нашла красного камня, из чего следовало только одно: жрец его спрятал. Так обычно не поступали, ведь за камнями присматривала Кали, пока за ними не приходили люди махараджи. Быть может, жрец решил оставить красный бриллиант себе, подумала Сарасвати. Неужели он на такое осмелится?

Она оставалась в храме до самого восхода, но так и не сумела найти бриллиант. Когда солнце выбралось из реки, клинок света прошел сквозь распахнутую дверь и упал на Кали, осветив ее ужасное лицо. Между прикрытых глаз, в том месте, которое называлось третьим глазом, всегда находился самоцвет, поскольку считалось, что он придает богине ясность и помогает ей сдерживать свой гнев. Но сейчас на месте белого бриллианта сиял красный камень. Таким образом жрец намеревался ута-

ить камень от махараджи. Этого нельзя допустить. Необходимо сообщить принцу, что она, Сарасвати, знает, где он спрятан. Боги ответили на ее молитвы.

Если опиум ослабляет тело, то дает удивительную силу разуму, поскольку махарани находила огромное удовольствие, ускользая в свое необычное повествование. Сару заинтриговала поэтическая окраска, которую придала махарани истории Сарасвати.

— Должно быть, вы очень хорошо знаете Сарасвати, — заметила Сара.

— Других друзей у нее здесь нет. Мы обе подобны попавшим в сеть бабочкам.

— Но что произошло потом? Сарасвати отправила посланца к принцу?

Махарани лениво взмахнула рукой.

— Я слишком устала. Дай мне отдохнуть.

Словно повинуясь невидимому сигналу, к ней тут же подошел слуга с кальяном и при помощи фитиля зажег серебряную трубку.

Сара наблюдала, как наркотик начинает оказывать свое действие, как разглаживаются морщины на лбу у махарани, как опускаются веки по мере того, как ее охватывает наслаждение. Сара поняла, что ей следует уйти. Но как только она стала подниматься на ноги, глаза махарани широко раскрылись — остекленевшие и черные, точно обсидиан.

— Сядь! — резко приказала она, и Сара повиновалась, надеясь услышать продолжение истории о красном бриллианте — теперь она не сомневалась, что речь идет о том самом камне, который она видела в Королевской академии семь лет назад.

И она не была разочарована.

Так Сарасвати начала свое путешествие в Город Света. Юные девушки никогда не путешествуют в одиночку, но в своей невинности Сарасвати не боялась, что с ней может произойти что-то плохое, и благополучно добралась до места. В этой части Индии принято кормить путешественников и давать кров незнакомым людям, а потому ей повсюду предлагали чапатти, мясо яка и козье молоко. Если ее спрашивали о цели путешествия, Сарасвати уверенно отвечала, что идет в знаменитую школу танцовщиц в Бенарес.

Во время своего долгого путешествия Сарасвати думала только о бриллианте. Она размышляла о том, является ли бог солнца Сурья покровителем не только всех красных камней, но и красного бриллианта. Сам Сурья был красивым, он обладал тремя глазами и четырьмя руками и ездил на колеснице, запряженной четырьмя кошмылицами. Это божество умело исцелять больных, а потому ношение красного камня считалось полезным для здоровья. Возможно, красный бриллиант обладает большей силой, чем другие красные камни, а потому жрец захотел оставить его себе?

Наконец она добралась до Бенареса, но Город Света оказался совсем не таким, каким она его себе представляла. Она думала, что широкие улицы вымощены сияющими белыми камнями, здесь живут высокие и стройные люди, что в городе нет нищих, а мать Ганг становится чистой и прозрачной, как горный ручей. Когда Сарасвати увидела реальный город, она задала себе вопрос: как махараджа, которого она считала добрым и благородным человеком, может допустить, чтобы по улицам его священного города бродили нищие, а кругом царили грязь и запустение? Неужели махараджа, обладающий такими огромными богатствами, не способен помочь своим людям?

 ДЕВЯТЫЙ КАМЕНЬ

В последних словах махарани Сара уловила горечь, и ее совсем не удивило, когда она прервала свой рассказ. Махарани махнула рукой, и Сара поняла, что разрушенное тело рассказчицы больше не может обходиться без отдыха и сна — или опиума.

По длинным, изукрашенным орнаментами коридорам Сара вернулась в свои покои, размышая над странным устройством двора махараджи. Почему многие его приближенные старались притупить свои чувства при помощи алкоголя и опиума? Она по-прежнему не могла поверить, что бриллианты могут иметь такую власть над душами людей. И тут ее вдруг охватил совершенно иррациональный страх, а сердце словно окаменело. Несужели бриллианты оказали свое губительное влияние и на Лили Коречную?

ГЛАВА 33

*Золото я, и ради меня честные люди
молятся и проклинают,
Продают свои души и друг друга,
богохульствуют и убивают.
Алчный цвет, однако чудесным
образом он мир преображает —
Женские волосы; поле пшеничное;
небо, когда закат умирает.*

Адела Флоренс Кори.
Перевод Б. Жужунавы

Следующая неделя прошла как-то незаметно. Каждое утро Сара вынимала из шляпной коробки один или два листка и изучала вырезки из восточных газет, которые Лили по каким-то причинам решила сохранить. Днем девушка подолгу спала, ее необъяснимым образом утомляла увеличивающаяся влажность. Иногда ей удавалось сделать кое-какие записи в своей записной книжке, постепенно у нее стал оформляться очерк или даже два. Складывалось впечатление, что в Индии — без ведома мистера Эллиота — побывало немало британских женщин, не слишком следящих традициям.

Сара собирала собственный материал для биографических очерков о женщинах Индии. Многие заметки описывали христианскую благотворительность или восхваляли мем-сахиб, открывшую школу для индийских девочек. В других всячески поносились те женщины, которые слишком энергично выступали против ранних

браков. Для Сары эти вырезки служили напоминанием о том, что любые нетрадиционные взгляды в индийском обществе сразу становились преступлением — и не только в глазах ее пола, но и всей империи. Одна из редакционных статей из пенджабской газеты произвела на нее особое впечатление. Журналистка по имени Флора Энни Стил* была не обычной мем-сахиб. Она принимала в своем саду представителей индуистской и мусульманской аристократии, угождала им сливовым пудингом и упрекала за торговлю дипломами в Пенджабском университете. Непочтительная миссис Стил охотно говорила о неуместности навязывания британского этикета в Индии и с особым энтузиазмом критиковала поведение мем-сахиб, которые настаивали, что джентльмены должны наносить визиты от двенадцати до двух часов дня, хотя это было самым жарким временем суток.

Сара лишь однажды посетила базар после встречи с мистером Эллиотом, тем не менее дни проходили быстро. Она не видела хозяев дворца и стала подумывать, что они попросту о ней забыли, а Сарасвати почему-то на нее обиделась. Так продолжалось до тех пор, пока однажды утром к ней не пришел слуга, чтобы пригласить ее на ланч в занан с любимой наложницей махараджи.

Сара нашла Сарасвати в ее покоях, на роскошных качелях, подвешенных на цепях к высокому потолку. Наложница курила серебряный кальян. На Сарасвати была юбка, вуаль из тонкого муслина, шаровары из индийского шелка, расшитого золотом и серебром, и чола, желтое, вышитое золотыми цветами — естественно, ведь богиня Сарасвати носила только желтое. Ее блестящие черные волосы были собраны в хвост и убранны жемчужной ниткой, которая пересекала лоб и увенчивалась в

* Стил Флора Энни (1847–1929) — английская писательница. С 1867 г. прожила 22 года в Индии, главным образом в Пенджабе, которому посвящено большинство ее книг.

центре драгоценным камнем. Очевидно, рани потратила немало времени и старания, подбирая себе наряд, решила Сара. Похоже, Сарасвати хотела произвести впечатление на других жен махараджи.

Сарасвати сделала глубокую затяжку, а потом отдала кальян слуге, который раскачивал качели.

— Привет, мисс Сара.— Она тут же решила объясняться: — Я плохо себя чувствовала. Здесь есть такой обычай. Даже маленьким детям дают опиум, чтобы вылечить их от простуды.— Сарасвати вздохнула, наступил один из редких моментов озарения.— Но я слишком привыкла курить трубку, как махарани, поскольку это занятие помогает бороться со скукой. Надеюсь, ты получаешь удовольствие от своего визита?

— Да, мне здесь очень интересно.

— Пойдем.

Сарасвати протянула ей руку, и они вышли через решетчатую дверь в окруженный стенами сад. Очевидно, сад также являлся частью занана. Садовниками были женщины, они ухаживали за посаженными в горшки розами, нежным жасмином, кустами камелии и маленькими пальмами. В центре сада находился мраморный фонтан в форме водяной лилии, с лепестками, вырезанными из розового кварца.

Сарасвати провела Сару через ворота в другой сад, он был заметно больше и окружен стенами с трех сторон, а четвертой «стеной» являлись густые заросли бамбука. На мягкой лужайке, поросшей ромашками, лежал алый ковер, на котором сидело около двух дюжин женщин — точно таких, как описывала Лили, темнокожих, усыпанных самоцветами фей. Фей, не имеющих цели в жизни, подумала Сара, ведь большая часть дня в гареме посвящена купанию, ухаживанию за своим телом и сплетням. В обществе гостьи женщины заметно смущались, но их взгляды выдавали неистощимое любопытство. Они

все время украдкой поглядывали на белое хлопковое платье, которое сшил для Сары портной из Марникарники. Даже тем мусульманкам, которые знали английский, запрещали разговаривать с британскими леди. Сарасвати не обращала ни малейшего внимания на остальных наложниц, как и они на нее, что уже само по себе служило некоторым развлечением.

Принесли трапезу, состоящую из благоухающего риса с бобами и хлебом чапатти. Время от времени маленькие обезьянки осмеливались выйти из бамбуковых зарослей и осторожно приблизиться к краю ковра, однако их тут же начинали ругать и прогоняли прочь. Во время трапезы Сара с некоторым беспокойством вспомнила о тигре махараджи — интересно, жив ли он еще?

Они как раз закончили есть, когда к Сарасвати подошла служанка, что-то прошептала ей и с поклоном отошла в сторону. Сарасвати взяла Сару за руку и помогла подняться на ноги.

— Пойдем, мисс Сара, нас приглашают в покой махараджи.

Когда они подходили к западному крылу, Сарасвати остановилась перед изящной статуей Шивы, покровителя танцев, повернулась и широко раскрытыми глазами вопросительно посмотрела на Сару. Девушка сразу поняла, что сейчас последует просьба.

— Мы ведь с тобой друзья, не так ли? — начала Сарасвати, и Саре ничего не оставалось, как кивнуть. — Видишь ли, махараджа больше не бывает в Лондоне так часто, как прежде. Он слишком стар, его не покидает усталость, махараджа стал употреблять слишком много алкоголя. Но я, мисс Сара, всегда мечтала посетить Лондон, и ты можешь замолвить за меня словечко.

— Я должна поговорить с махараджей?

Сарасвати нетерпеливо закивала головой:

— Да, именно ты.

— Но мы виделись с ним лишь однажды.

— Сейчас ты встретишься с ним снова и сможешь сказать ему, что мне обязательно нужно посетить Лондон и что ты составишь мне компанию.

Сара не нашла что ответить, а потому просто кивнула. Просьба Сарасвати показалась ей забавной. Сначала Сара думала, что может сблизиться с Сарасвати, поскольку та ей нравилась, несмотря на некоторые странности. Но после того, как Сара увидела танец Сарасвати перед Кали и узнала, что именно благодаря Сарасвати махараджа стал обладателем красного бриллианта, ее отношение к первой наложнице изменилось. Впрочем, сейчас Сара отчетливее понимала, каким образом деревенской девчонке Сарасвати удалось стать рани. Теперь Сара знала, что для этой молодой женщины амбиции важнее дружбы. Кто знает, как далеко готова зайти Сарасвати, чтобы получить желаемое. Почему-то Саре не хотелось спрашивать у первой наложницы о странном выборе божества. Атмосфера во дворце заставляла Сару вести себядержанно и не задавать прямых вопросов.

Принц принял их в узком и длинном помещении для курения с элегантным круглым столом и несколькими креслами из тисненой кожи. Им подали черный чай с плантаций махараджи в Горакпуре и засахаренные фрукты.

Принц спросил о работе Сары в «Меркьюри», вежливо выслушал ответ, хотя она почувствовала его неодобрение, когда стала рассказывать о темах своих статей. Сарасвати молча стояла рядом, опустив глаза. Позднее она объяснила Саре, что женщины не должны сидеть или говорить в присутствии мужчин, если только они не остаются наедине со своими мужьями.

— Но если им есть что сказать! — воскликнула Сара, которую возмутило такое унизительное правило.

Сарасвати пожала плечами:

— Тогда они говорят с другими женщинами.

— А с кем говорите вы? — поинтересовалась Сара, хотя уже знала ответ.

Ей очень хотелось спросить Сарасвати о красном бриллианте, но она дала махарани слово, что будет молчать. Сарасвати ничего не ответила, и Сара пришла к выводу, что молчание и меланхолия начинаются с махараджи и распространяются на всех, кто его окружает.

После чая Саре показали коллекцию картин принца, которая ее поразила. Она шла по галерее, витиевато изукрашенной в стиле барокко, а потом неожиданно замерла на месте. Среди работ голландских мастеров, портретов моголов-аристократов и немецких пейзажей висел портрет Лили работы Франца Коречного, «Венера Ватерлоо». Как только Сара увидела портрет, она сразу же захотела им обладать, ведь на нем была изображена настоящая Лили: эксцентричная, умная и грациозная, с искоркой смеха в глазах.

Сарасвати внимательно наблюдала за Сарой, и Сара почувствовала укор — ведь она ничего не сказала махарадже о визите Сарасвати в Лондон. Однако после того, как они вышли в сад, Сарасвати негромко произнесла:

— Я вижу, что ты хотела бы иметь портрет мем-сахиб Лили. Я могу поговорить с махараджей, и он его тебе подарит.

Сара сразу поняла, что предложение сделано не просто так. Если она пригласит Сарасвати в Лондон, то Сарасвати добудет для нее картину.

Сарасвати сразу взялась за дело. На следующее утро принц пригласил к себе Сару. Когда она вошла в курительную комнату, то сразу увидела прислоненную к столу картину. «Венера Ватерлоо».

— Сарасвати сказала мне, что ты хотела бы иметь портрет мем-сахиб Лили. Я не могу отказать гостью в просьбе, к тому же ты была ее другом.

— Это не совсем так, ваше высочество, просто я... восхищаюсь этой картиной. Она великолепна.

— Понимаю. Значит, рани ошиблась?

Сара вздохнула, она не стала скрывать правду.

— Боюсь, что все гораздо сложнее. Я должна вас по-просить об одолжении для Сарасвати. Она хотела бы побывать в Лондоне, и я согласилась быть ее компаньонкой. Через две недели я должна покинуть Бенарес.

— Уверяю, мисс Сара, для охраны Сарасвати недостаточно такой маленькой женщины, как вы. Но у меня нет стражей, которым я мог бы доверить Сарасвати.

В первый раз Сара заметила искорку, вспыхнувшую в глазах махараджи, когда он говорил о своей любимой наложнице.

И это был не просто инстинкт мужчины, охраняющего свой гарем, или отцовская любовь к женщине, почти в два раза его моложе.

— Но ведь такой страж был у вас несколько лет назад, не так ли? Человек по имени Говинда?

Сара была уверена, что по лицу махараджи скользнула тень неудовольствия.

— Он устал от дворца и земных дел. И я не знаю, где он теперь.

Может ли она заговорить с махараджей о наваратне? У Сары оставалось мало времени, она опасалась, что принц отправится в одну из своих поездок, а потому набрала в легкие побольше воздуха и спросила:

— Вы ведь помните леди Синтию Герберт, ваше высочество?

Саре показалось, что бледное лицо махараджи слегка порозовело.

— Да. Ее мужа убили разбойники возле Айдохьи. Это была трагедия.

— Но почему его убили? Хотели ограбить?

— Да. То были воры, худшие из воров. Их называют грабителями-убийцами; они наемники, которые убивают именем Кали. Они думали, что он везет величайшее сокровище, принадлежащее мне.

Сердце Сары отчаянно застучало.

— Позволю себе задать вопрос: откуда они могли об этом знать?

Принц не хотел отвечать, и Сара почувствовала, что здесь кроется причина меланхолии махараджи — предателем являлся человек из его окружения.

— Это было давно. Я не помню подробностей. — Он тяжело вздохнул, и его плечи поникли. — Теперь это уже не имеет значения. Сокровище утеряно для меня.

Махараджа вышел из комнаты, и Сара прониклась к нему сочувствием, но теперь она знала, что наварата так и не вернулась во дворец. Что ж, она сможет сообщить об этом инспектору Джерарду. Ей удалось узнать хоть что-то новое.

Позднее, когда Сара укладывалась спать, она посмотрела на портрет, словно рассчитывала, что Лили заговорит. Что бы она сказала, если бы могла? Возможно, поведала бы о том, что произошло с ней, или о том, вернулся ли в Бенарес Говинда. Сара улеглась на огромную постель с множеством подушек и закрыла глаза. «Скоро, — сонно подумала она, — я увижу летний домик, где так любила писать Лили...»

Сара проснулась перед самым рассветом, когда было еще темно, — ее разбудили голоса. Сначала она решила, что они ей приснились или она уловила шум ветра в бамбуковой роще — двери на балкон всегда оставались открытыми на ночь. Теперь она уже окончательно пробудилась в своем уютном гнездышке из шелковых простыней. Рядом с кроватью стоял маленький столик, на который она поставила письменные принадлежности и положи-

ла записную книжку, подаренную Джерардом. Кроме того, рядом, на серебряном блюде, лежали сандаловые бусы Эллен. Сара перестала их носить с того момента, как увидела танец Сарасвати перед статуэткой Кали. Тогда на Сарасвати были такие же бусы. «Пусть уж лучше меня одолеют злые духи», — подумала Сара. А потом, когда она убедила себя, что никаких голосов и не было, она снова их услышала: говорили мужчина и женщина, сначала тихо, потом громче. Сара узнала женский голос — он принадлежал Сарасвати.

Сара быстро выбралась из постели и встала в тени возле окна, но оттуда она не могла увидеть Сарасвати и ее собеседника. Они беседовали на хинди, но Сара узнала два слова, которые все время повторяла Сарасвати: *mera varga*.

Утром Сара попросила старшего слугу проводить ее к летнему домику и накрыть там завтрак. Пока Сара шагала по длинным тенистым тропинкам, она старалась понять, где могли находиться Сарасвати и неизвестный мужчина, но у нее ничего не получалось. Тут Саре пришло в голову, что она начинает привыкать к роскоши окружающей обстановки. Интересно, будет ли она скучать по такой жизни? Скоро ей предстоит вернуться в Лондон, но сейчас Сара была полна решимости использовать все оставшееся у нее время.

Летний домик находился в дальнем уголке сада, среди зарослей жимолости. Внутри стояли полированный каменный столик и скамейка, под ногами шуршала падая листва. Вскоре принесли завтрак. Как всегда, за Сарой ухаживала стеснительная девушка в белом хлопковом сари. Она говорила на хорошем английском, однако никогда не заговаривала первой. Случалось, она что-то забывала — сегодня, к примеру, не принесла варенье из

манго, которое Сара обычно ела на завтрак с поджаренным хлебом.

Сара сосредоточилась на чтении, но через некоторое время ощутила, как на нее упала тень, и подняла голову, ожидая, что служанка вернулась с вареньем. Сара успела привыкнуть, что босые обитатели дворца двигаются почти бесшумно. Однако перед ней предстала во все не девушка. Это был мужчина, появления которого Сара, погруженная в свои мысли, не заметила. Прежде она его не видела — ни во дворце, ни в саду. Его внешность не вызвала у девушки тревоги: гладкая кожа, стройная фигура, тем не менее этот человек явно уже разменял пятьдесят. На нем были аккуратный тюрбан, туника и штаны из тонкого небеленого хлопка. Он поклонился:

— Доброе утро, мисс Сара. Я рассчитывал, что найду вас здесь. Меня зовут Говинда.

Сара на некоторое время лишилась дара речи, для нее этот человек уже давно превратился в персонаж со страниц писем Лили.

— Очень рада с вами познакомиться, мистер Говинда, — наконец произнесла она. — Я не знала, удастся ли нам встретиться до моего отъезда из Бенареса.

Он изящно склонил голову.

— Я был рад услышать, что подруга мем-сахиб Лили приехала сюда. Она была удивительно просвещенной женщиной, знакомство с ней стало для меня большой честью. Я слышал, вы спрашивали обо мне, — сказал Говинда.

Любопытное совпадение: в последние несколько недель Сара много думала о Говинде, однако, несмотря на загадочные события, которые сопровождали его появление, он производил впечатление человека, нашедшего мир с самим собой. В его присутствии у Сары появилось странное ощущение — казалось, время замедляется, но самым поразительным было то, что у нее возникла уве-

ренность — так и должно быть. Глаза Говинды показались Саре удивительно чистыми, однако едва ли ей удалось бы понять, о чем он думает. Инстинкт подсказал Саре, что ей не следует спрашивать у него о бриллиантах: что-то в его поведении мешало ей затрагивать эту тему. В конце концов, прошло очень много времени, и даже если сейчас удалось бы найти амулет, это уже ничего не могло изменить. Она не собиралась оскорблять Говинду только ради того, чтобы удовлетворить любопытство инспектора Джерарда. И все же, пока у нее в голове пронесились эти мысли, какая-то часть ее сознания наблюдала за происходящим со стороны — быть может, Говинда обладал какой-то удивительной силой, воздействовавшей на нее столь необычным образом? Сара услышала собственный голос так, словно он доносился откуда-то издалека.

— Я слышала, что вы покинули Бенарес много лет назад. Вы путешествовали с тех пор, как оставили службу во дворце, мистер Говинда?

— Мне нравится путешествовать. — Лицо Говинды оставалось непроницаемым.

Наконец Сара набралась мужества, чтобы задать самый болезненный вопрос:

— Вы были рядом с Лили, когда она умирала?

В наступившей тишине не было ожидания. И Сара не чувствовала необходимости ее нарушать. Очевидно, Говинда испытывал похожие чувства, поскольку заговорил только после долгой паузы:

— Я был рядом с мем-сахиб Лили, и она спокойно умерла в своей постели. Ее кремировали в Марникарнике, как она и просила. В самом конце она не страдала. Бенарес — это врата в иной мир, и она с нетерпением ожидала воссоединения со своим любимым. Я рад, что вы приехали сюда, мем-сахиб очень этого хотел.

ДЕВЯТЫЙ КАМЕНЬ

Увидев слезы, текущие по щекам Сары, Говинда тут же сменил тему разговора:

— Махараджа беседовал со мной относительно возможной поездки рани Сарасвати в Лондон. Насколько я понял, вы этого хотели, но я должен вас разочаровать.

Сара вытерла слезы платочком и глубоко вздохнула:

— Это было ее желание, а не мое.

Она была скорее обрадована, чем разочарована тем, что Сарасвати не поедет в Лондон, и ее удивило, что принц подумывал изменить свое решение.

— В самом деле?

Саре показалось, что она впервые видит выражение неудовольствия на непроницаемом лице Говинды, однако оно почти мгновенно исчезло.

Сара вдруг поняла, что ее беспокоит его голос, показвавшийся ей странно знакомым. В этот момент вернулась служанка с большим лакированным подносом, на котором стоял маленький серебряный сосуд. Говинда поклонился Саре и молча вышел из домика. И тут в наступившей тишине Сара сообразила, почему она узнала его голос: именно Говинда о чем-то спорил с Сарасвати перед рассветом.

Когда служанка собралась уходить, Сара ее позвала:

— У меня есть для тебя вопрос. Ты знаешь, что означают слова *mera varga*?

— Да, мисс Сара. Это означает «мой бриллиант».

ГЛАВА 34

*Ты течешь так тихо, река,
Ты так тихо течешь под луной!
Лилия не уронит лепестка,
Зачарованно слушая голос твой.
Но пришел он — и громче всего
Лишь его голос звучит вокруг.
Скорее к мосту! Около него
Ничто не заглушит реки звук!
Река течет в вечность.*

Элизабет Баррет Браунинг.
Перевод Б. Жужунавы

По мере приближения душного сезона дождей Сара стала просыпаться еще раньше, теперь она наблюдала за восходом солнца со своего высокого балкона, украшенного слоновой костью. Отсюда она видела, как темные воды Ганга становятся янтарными и бронзовыми, когда солнце поднимается над крышами домов. С первыми лучами солнца рыбаки затаскивали на берег свои баркасы, заканчивая ночную ловлю, а индуисты входили в священные воды Ганга, чтобы искупаться и разбросать лепестки цветов своим богам.

Следующий час после восхода Сара проводила за столом из черного дерева. Ее взгляд скользил по шкатулке с письмами Лили, только одно из них осталось непрочитанным. Сара не могла заставить себя взять в руки ее

последние записи, поскольку ей казалось, что она разорвёт связь с Лили, возникшую, когда она смотрела на написанные ее рукой слова. Вместо этого Сара внимательно перечитывала свои заметки, исправляя, зачеркивая и добавляя по несколько строчек. Она начала думать, что искусство сочинительства, в противовес репортерской работе, требует гораздо больше разнообразных усилий. Поначалу все происходило примерно так, как при попытке ответить на письмо Лили из «Белого оленя». Тогда, как и сейчас, слова с укором смотрели на нее со страницы. Чтобы писать нечто необычное, требовалось полностью сосредоточиться на своей работе. Словно она должна наложить на себя чары, и далее все зависело от того, насколько эти заклинания окажутся могущественными, и тогда она ощущала либо новый прилив сил, либо такую усталость, что боялась потерять дар речи.

И все же теперь, когда ей удалось начать, Сарой овладело ощущение, что в те мгновения, когда она писала, подчиняясь полету своего воображения, у нее возникала возможность сбежать от мира, который тревожил ее и приводил в недоумение. И хотя ее все еще увлекала непредсказуемость и сенсационность репортерской работы и она по-прежнему проявляла интерес к проблемам равенства полов, которые обсуждала за чаем с инспектором Джерардом, она всегда была мечтательницей. Именно благодаря этому качеству ей удалось выжить после смерти матери и справиться с одиночеством, потеряв Лили. Она с ранних лет умела отрешиться от болезненной и непонятной реальности.

Этим утром Саре пришлось отказаться от желания взяться за перо, махарани наконец снова призвала ее к себе; на сей раз она предложила девушке разделить с ней завтрак в ее покоях. После встречи в летнем домике Сара ни разу не видела Говинду и не представляла себе,

где его искать. Не раз задавалась она вопросом, знал ли он о том, когда именно она посетит Бенарес, он же дал ей понять, что ему известно о предсмертной просьбе Лили. У Сары возникали и другие вопросы. Почему махараджа советовался с Говиндой относительно возможного визита Сарасвати в Лондон? Простил ли он Говинде потерю наваратны? И почему Сарасвати повторяла те самые два слова «мой бриллиант», когда танцевала перед Кали и во время спора с Говиндой?

Сара ощущала разочарование — всего через неделю ей предстояло завершить свой визит и вернуться в Лондон, но до сих пор не удалось найти ответы на многие вопросы. Она рассчитывала узнать что-нибудь о бриллиантах, но пока ей стало известно лишь о том, что Сарасвати нашла красный камень. С некоторой тревогой Сара вспомнила, что, по легенде, такой же камень искала и сама Кали.

Она приняла ванну и надела белое муслиновое платье, а потом долго сидела на постели, дожидаясь, когда за ней пришлют. Сара осматривала комнату, которую так скоро покинет. Ее взгляд остановился на «Венере Ватерлоо», наверное, в сотый раз после того, как картину повесили в ее спальне. Было бы очень непрактично перевозить картину в таком виде, и Сара уже решила, что вынет полотно из роскошной золотой рамы, выбранной махараджей. Изучив крепление холста к раме, она обнаружила, что сзади прибита тонкая планка, и решила снять ее чуть позже, чтобы не оставлять на последний момент — вдруг у нее не получится?

Когда ее наконец привели в покой махарани, Сара обнаружила, что первая жена махараджи лежит в той же позе на горе подушек, словно и не вставала после ее предыдущего визита. Сегодня на махарани были одеты лазурного цвета, отделанные серебром, она угощалась

турецкими сластями в сиропе из изящной стеклянной чаши. Махарани поманила Сару, похлопав по подушкам рядом с собой, а потом взяла из рук служанки серебряный кальян.

Махарани явно не собиралась заводить светский разговор, возможно, ей не терпелось продолжить рассказ о Сарасвати. За то время, которое прошло после их последней встречи с этой таинственной женщиной, Сара много размышляла о самой махарани. Она не знала, можно ли задавать личные вопросы супруге мараджи, поэтому приготовилась к выговору.

— Вы замечательная рассказчица, ваше высочество. Сарасвати говорила мне, что вы хотели бы стать писательницей.

— Я писательница, дитя! — Махарани с подозрением прищурилась — или то была зависть к сопернице? — А что еще она тебе говорила обо мне? — Женщина нахмурилась. — Какое неуважение, ведь я так заботилась о ней и любила ее, когда она чувствовала себя одинокой и отвергнутой другими наложницами.

Она попыталась принять более удобную позу, двигаясь медленно и неуверенно. Потом выражение ее глаз смягчилось и стало отстраненным. Казалось, она забыла о завтраке, если таковым не являлись сладости в чаше, зажатой в ее пухлой руке. Махарани сделала глубокую затяжку и закинула голову, чтобы выдохнуть дым, который стал завитками подниматься вверх. Потом она возобновила свой рассказ.

Сарасвати решила, что ей легче всего будет подобраться к принцу, используя свой полученный от богов талант. Она легко нашла школу танцовщиц, которую окружала высокая стена с красивыми вратами. Перед воротами находился двор, и здесь Сарасвати сидела весь день в тени

олеандра и розовых деревьев, дожидаясь, когда на нее обратят внимание. Перед наступлением сумерек за ней послала глава школы Сайна Биби.

Все танцовщицы были хорошенъкими. Некоторых, как Сарасвати, природа наградила изысканной красотой. А еще они были очень разными — у одних кожа цвета черного дерева, у других светло-оливковых тонов. Большинство девушки попадали в школу, будучи проданными собственными родителями. Если какая-то танцовщица привлекала интерес богатого поклонника, который мог позволить себе ее купить, то девушку вновь продавали. Прибыль получали ее семья и школа.

Танцовщицы вставали с рассветом, завтракали рисом и бананами, после чего начинались упражнения. Помещение для упражнений было отделано бамбуком, как спальни, но окна заменяли решетки для выющихихся растений, пропускающие свет и воздух. С толстого шеста, укрепленного на потолке, свисали веревки разной длины. На некоторых были завязаны узлы, другие заканчивались петлями, и танцовщицы раскачивались на них, точно хорошенъкие обезьянки. Прошло совсем немного времени, и Сарасвати научилась использовать веревки не хуже, чем самые ловкие из танцовщиц, и Сайна Биби, которой было нелегко угодить, хвалила девушку за грацию и умение держать равновесие во время танцев. Сарасвати выбрали для выступления на свадьбе богатого купца, торговавшего зерном, а потом на празднике индуистов, на котором присутствовал махараджа.

Наконец, когда прошло немногим больше года после начала учебы Сарасвати, она удостоилась чести танцевать на Дивали, крупнейшем и самом важном празднике индуистов, на котором присутствовал махараджа. Сарасвати считала махараджу самим совершенством. Он всегда был таким, ведь он являлся принцем Уттар-

Прадеша и священного города Бенареса. Она видела его только однажды, в тот день, когда махараджа посетил ее деревню, чтобы проверить, как работают на берегу жители. Махараджа ехал на боевом арабском скакуне, белом, словно речной песок, и высоком, точно маленький слон. Он был не только принцем, но и мужчиной, и Сарасвати поняла, что он умеет сражаться, ведь на поясе его висели золотые ножны, которые когда-то носили его предки-моголы. С этого дня Сарасвати мечтала только о махарадже.

Глаза толпы обратились к танцовщицам, как только они вышли на улицы города, одетые в костюмы, сверкающие тысячами крошечных стеклянных бус. Прозрачные шелковые вуали плыли над их лицами и волосами, такие же ткани окутывали бедра. Вышитые лифы оставляли открытыми гладкие животы, в носах, ушах, на лбах, запястьях, щиколотках и пальцах ног сияли украшения. И когда эти феи двигались, их окружал мерцающий свет, подобный свету Дивали.

Сидевший на разукрашенном слоне махараджа наблюдал за танцовщицами, но Сарасвати казалось, что он смотрит только на нее. Она знала, что была самой красивой из всех танцовщиц, поскольку многие так говорили. И еще Сарасвати знала, что принц иногда покупал танцовщиц. Она не сомневалась, что махараджа ее захочет, и верила, что такова ее судьба, ведь она родилась в водах священной реки. Больше всего на свете Сарасвати мечтала попасть в занан дворца, ведь, став наложницей принца, она сможет носить самоцветы и прекрасные наряды, есть только сладкую халву. И конечно, получит его любовь, как только расскажет махарадже, что именно она, Сарасвати, может дать ему то, чего больше всего на свете жаждет его сердце.

Когда Сара покинула махарани, та уже храпела, внезапно прекратив свое повествование, — она откинулась на подушки, широко зевнула и погрузилась в сон. Сара так и не позавтракала и, решив перекусить, попросила слугу принести ей легкую трапезу в летний домик.

Шагая к домику по тропинке, Сара размышиляла над услышанным. Махарани с полнейшей откровенностью признала, что одна из наложниц ее мужа в него влюблена, и Сара видела, что ее это совершенно не смущает. Более того, Саре показалось, что махарани нравится верить в существование этого романа, ведь ее собственная жизнь стала не более чем опиумным сном. Вполне возможно, что Сарасвати больше не влюблена в своего принца, ведь Сара не заметила ни малейших признаков влюбленности, а в том единственном случае, когда она видела их вместе, Сарасвати оставалась покорной и молчаливой. Ну а жизнь самой махарани превратилась в настоящую трагедию. Сара пришла к выводу, что в рассказе о Сарасвати она уловила отзвуки того уважения, которое когда-то махарани питала к принцу, однако подавленность мужа и ее уединенная жизнь лишили брак прежней привлекательности, махарани больше не получала удовольствия от общения с супругом.

Приближаясь к летнему домику, Сара услышала шум со стороны бамбуковой рощи, а потом неожиданно появилась растрепанная Сарасвати с помертвевшим лицом. Казалось, она успела похудеть за ту неделю, что Сара с ней не встречалась. Сарасвати что-то держала в руках, Саре сначала показалось, что это ребенок. Но, подойдя поближе, Сара увидела маленькую обезьянку. Она была мертва — и не просто мертва, а разрублена на части. Тонкий жоржет желтого сари Сарасвати был залит кровью, и Сара с ужасом поняла, что голова и руки несчастного зверька отрублены.

Увидев Сару, Сарасвати упала на колени и разрыдалась, но Саре показалось, что рани ее не узнала. Животное убито — больше Сара ничего не смогла понять из притчаний Сарасвати, — вероятно, это сделал кто-то слуг, чтобы совершить жертвоприношение.

— Почему богиня требует таких зверств? — сквозь рыдания спросила Сарасвати.

Несколько ужасных мгновений Саре казалось, что убийство совершила стоящая на коленях женщина, но потом она выбросила эту мысль из головы. Через мгновение откуда-то появились два смуглых стражи-араба, один из них отобрал кровавые останки обезьяны у Сарасвати, а другой поднял ее на руки и унес прочь. Стражи действовали мягко, но решительно, словно им уже не в первый раз доводилось видеть подобные сцены. У Сары тут же пропал аппетит, и она вернулась в свою спальню. Очевидно, Сарасвати слишком пристрастилась к опиуму — или произошли еще какие-то неприятности.

Закрыв за собой дверь спальни, Сара прислонилась к ней и медленно сползла на пол, ноги ее больше не держали. Пока она сидела на полу, ошеломленная и ослабевшая от голода, ее мысли обратились к мистеру Эллиоту. И вновь она представила его дружеское лицо, как это случалось и прежде, когда жизнь во дворце с его странными обычаями становилась для Сары невыносимой. Однако он уже ушел из «Вайшни», ведь днем у него начинались занятия, к тому же ей не хотелось покидать свою комнату. Сара решила, что ей нужно чем-то себя занять, чтобы отвлечься. Пожалуй, сейчас она снимет с рамы «Венеру Ватерлоо».

При помощи серебряного ножа для открывания писем Сара сняла планку и обнаружила под ней плотную коричневую бумагу. Под бумагой оказалось множество мелких гвоздиков, которыми холст крепился к раме.

И кое-что еще. В углу деревянной рамы прятался маленький предмет, обернутый в алый шелковый платок. Заинтригованная Сара осторожно вытащила его и развернула. И ахнула от удивления — ее пальцы сжимали кулон. Это показалось ей невозможным и лишенным всяческого смысла, но сомнений не оставалось: на дрожащей руке Сары лежал кулон Лили с волосами Франца.

ГЛАВА 35

Maya maha thagini ham jani
(Иллюзия подобна женщине —
грабительнице и убийце).

Кабир, поэт из Бенареса

Сара никогда прежде не держала в руках кулон Лили, и у нее не было возможности его как следует рассмотреть. Она увидела золотой диск, на который крепился превосходного качества гагат, а вокруг теснились безупречные лилии, сделанные из светлых волос Франца Коречного. Центральную лилию окружал венок из цветов меньшего размера, прикрепленных к гагату и покрытых стеклом. В кулоне было какое-то диковинное очарование, хотя Сара никогда не любила ювелирные украшения, сделанные в память об умерших. Лондонцы, хотевшие сохранить респектабельность, тщательно соблюдали траурные обычаи, ведь королева Виктория носила черное более десяти лет после смерти принца Альберта.

Сара думала, что кулон отослали родителям Лили, хотя лишь малая часть вещей миссис Коречной вернулась в Англию. Но вот, оказывается, куда его спрятали. Сара положила холст на стол, чтобы оценить его размер. Пожалуй, он поместится в ее чемодан. Сара внимательно посмотрела на портрет, сделанный Францем Коречным, каждое прикосновение кисти к холсту говорило о легкости духа Лили, и перед ней встал вопрос: кто же мог спря-

тать здесь кулон и зачем? Наверное, сама Лили захотела, чтобы кулон оставался рядом с портретом, а не пылился вместе с ее бумагами.

Что-то влекло Сару к кулону, возможно, дело было в том, что его так любила Лили. После недолгих колебаний девушка надела кулон на шею. Пожалуй, пришло время прочитать последнее письмо Лили.

«Сегодня, как и всегда, я пишу в летнем домике, павильоне, целиком сделанном из белого мрамора, который не поглощает тепло, как другой камень, когда на него падает свет, я вспоминаю искрящееся под лучами солнца море, виденное мной по пути в Бомбей. Здесь я всегда нахожусь в мире с собой и могу размышлять о природе самых разных вещей.

Я еще не описывала тебе, что мне посчастливилось увидеть ювелирную коллекцию махарани. Она главная жена принца, складывается впечатление, что махарани не общается с другими наложницами, за исключением Сарасвати. Эту пару связывают странные узы, и я могу лишь догадываться, что их обеих — пусть и по-разному — выделяет махараджа, а потому они не общаются с другими женщинами гарема. Махарани ведет уединенный образ жизни, она проводит почти все время в своих покоях, питаясь саго, сдобренным рисовым сиропом, и опиумом.

Сарасвати также имеет доступ в хранилище, во всяком случае, она так утверждает, именно с ней я и посетила это удивительное место вскоре после того, как прибыла во дворец. Она провела меня по бесконечному лабиринту коридоров и лестниц, и я наблюдала, как она беседует с двумя стражами у входа, внушающими страх мужчинам, которые, как я теперь знаю, состоят в личной гвардии махараджи. И хотя я не понимала, что говорила Сарасвати, не вызывало сомнений, что она угова-

ривала стражников пропустить нас внутрь. Сарасвати кокетничала самым откровенным образом, и оба стражника были сражены наповал — эта женщина-ребенок не только потрясающе красива, но и умеет использовать свое очарование.

Ювелирные изделия хранятся в небольшом помещении без окон, попасть сюда можно только через низкую дверь, скрытую в алькове за портьерой. О, какие там собраны сокровища! Меня едва не ослепило сияние самоцветов, лежащих в золотых шкатулках, инкрустированных полудрагоценными камнями. Наверное, так должно выглядеть логово дракона. Мне рассказали, что часть этих сокровищ является личной коллекцией махарани, остальные камни принадлежат государству, их надевают женщины по различным торжественным случаям.

Пока я стояла, лишившись дара речи при виде удивительных сокровищ, взволнованная Сарасвати переходила от одного ларца к другому, вынимала пригоршни драгоценных камней, а потом бросала их обратно, словно обычные камушки на пляже. Я спросила у Сарасвати, все ли у нее в порядке, а она ответила, что надеялась на то, что Говинда уже вернул бриллианты; почему же их нет? Тогда я спросила, идет ли речь о тех девяти бриллиантах, которые совершили путешествие в Лондон, чтобы из них сделали амулет наваратна, но сразу поняла, что совершила ошибку. Хотя Сарасвати определенно знала о том, что Говинда возил девять бриллиантов в Лондон, она впервые услышала про амулет.

“Так вот почему он так хотел получить камень Кали”, — сказала она, после чего заметно помрачнела и больше не пожелала говорить на эту тему.

Когда позднее мы отправились на базар в паланкине, она немного пришла в себя. Мы приближались к старой части города, и я спросила, не можем ли мы посетить древний храм Кали, к которому я теперь испытываю

определенную симпатию, в том числе и из-за того, что он является древнейшим храмом Бенареса. (Мне удалось узнать, что он построен еще до того, как принцы моголов принесли в пятнадцатом веке ислам в Индию.) Я уверена, что Сарасвати вздрогнула, когда я упомянула святилище богини. Она что-то тихонько забормотала, словно молилась, и я спросила, что ее так встревожило. Все дело в красном бриллианте, ответила Сарасвати. Она называла его бриллиантом Кали. Его нельзя использовать для изготовления амулета наваратна, поскольку это вызовет неудовольствие всех богов, но прежде всего богини Кали. Махараджа не исповедует индуизм, а потому не понимает, какую глупость намерен совершить, создав столь опасный амулет.

Этот день показался мне самым жарким, и у меня начала кружиться голова, когда мы добрались до храма. Сарасвати отказалась войти в храм вместе со мной, но оставалась возле двери, я уверена, что она боялась гнева Кали. Перед тем как я вошла в храм, мы встретили жену одного из муниципальных чиновников, которая представились мне, но совершенно проигнорировала мою спутницу. Мем-сахиб сразу принялась расхваливать предстоящее строительство новой насосной станции, не обратив ни малейшего внимания на то, что я его не одобряю. Я с облегчением рассталась с ней и с ужасной жарой — уж лучше компания Кали, чем общество тех, кому не хватает мужества взглянуть в лицо собственным страхам.

Внутри святилища находилась старая женщина с красной меткой, нарисованной между глаз. И хотя я видела такую метку у многих, она произвела на меня тягостное впечатление в сочетании с темными одеждами и согбенной спиной. Мне вдруг стало холодно, я застыла в полнейшей неподвижности, а в голову пришла мысль, которую мне даже страшно сформулировать — я боюсь,

что ты подумаешь, будто у меня была галлюцинация. И все же я должна тебе все рассказать, ведь только в этом случае ты сможешь понять, почему я заболела. В открытой двери появилась мужская фигура, очень похожая на моего мертвого мужа. Свет озарял его со спины, со стороны двери, а потому я не смогла разглядеть лицо, но форма плеч, походка и серебристое сияние волос не оставляли ни малейших сомнений, я знала, что это он. Приблизившись ко мне, он коснулся моей шеи, и его пальцы сомкнулись на кулоне, который я никогда не снимаю. Через мгновение он исчез.

И с этого дня, Барbara, я поняла, что не больна, а умираю. Словно Франц выполнил данное мне обещание, ведь я нахожусь в Городе Света, у одной из немногих дверей между мирами, и он манит меня за собой. Не печалься, друг мой, ведь мне удалось достичь мира с собой.

Всегда твоя,

Лили».

Горячая слеза скатилась по щеке Сары и упала на шелковую подушку, когда она спрятала под нее кулон и закрыла глаза. И почти сразу же ей приснилась девятиручая богиня в черных траурных одеждах и змеиных браслетах, ведущая за собой воров и убийц.

Когда Сара проснулась, в комнате потемнело, свет стал каким-то незнакомым. Она вышла на балкон и увидела далекие тучи, видимо приближался дождь, зелень листвы стала ярче, а крыши домов скрыл туман. Скоро город будет умыт, здесь с нетерпением ждали сезона дождей, ведь он оплодотворяет, питает и поддерживает жизнь. Прохладный воздух бодрил, и Саре захотелось пройтись по саду в сумрачном зеленоватом освещении. Она накинула пеструю шаль, а на шею надела кулон Лили. Нельзя допустить, чтобы он вновь потерялся.

Неожиданно она поняла, что не одинока в своем желании погулять по саду. Когда она вышла из увитой зеленью беседки, расположенной неподалеку от летнего домика, ей показалось, что она видит Сарасвати, точнее, промелькнула прозрачная желтая ткань ее сари. Да и летний домик не пустовал, в нем находился Говинда, стоявший спиной к Саре и глядевший в небо.

Когда она приблизилась, он повернулся и поклонился ей:

— Добрый вечер, мисс Сара.

— Добрый вечер. Создается впечатление, что нам обсим нравится это место.

— Мне оно всегда нравилось. Оно действует умиротворяюще.

— Скоро ли начнутся дожди?

— Да, скоро. Через три или четыре дня.— Говинда вновь посмотрел на небо.— Есть легенда о долгой засухе, которая привела к ужасающему голоду. К Махадеви, богине земли, обладающей множеством глаз, пришли люди и стали умолять ее о помощи. Увидев, как они несчастны, она заплакала. В течение девяти дней и ночей плакала богиня, и все это время шли дожди, реки наполнялись водой, а на землю возвращалась жизнь. И с тех пор, когда начинают идти дожди, люди поклоняются Махадеви и приносят пожертвования в ее храмы.

— Мне кажется, что в вашей вере имеются боги и легенды, объясняющие любые явления природы,— заметила Сара.

— Очень важно во что-то верить, мисс Сара,— ответил Говинда, но ей показалось, что он тяготится своей верой.— Взять, к примеру, кулон, который вы носите,— продолжал Говинда, бросив выразительный взгляд на украшение на шее Сары.— Ведь он также является символом веры.

Рука Сары невольно коснулась стекла.

— Да. Я обнаружила кулон в неожиданном месте, и мне хочется, чтобы он все время оставался со мной.

Лицо Говинды оставалось непроницаемым.

— К таким вещам не стоит относиться легкомысленно. Теперь это украшение обладает собственной памятью, как и все металлы, ведь оно познало любовь и горе.

— Но это не более чем ювелирное изделие... Скажите мне, было ли оно на шее Лили, когда она умирала?

— Я не знаю.

— Верно, она обычно носила его под одеждой, рядом с сердцем, — тихо сказала Сара, словно обращалась к самой себе.

Оба довольно долго молчали, глядя, как бегут по темнеющему небу тучи. Следующие слова Говинды застали Сару врасплох:

— Кажется, мне все-таки придется отправиться в Лондон. Я должен завершить кое-какие дела для мараджи.

Когда их глаза встретились, Сара спросила себя, что заставило Говинду согласиться, ведь Лондон не мог его привлекать. Оставалось надеяться, что это не вызвано решением мараджи отпустить Сарасвати в Лондон. Говинда поклонился и собрался уйти, но Сара поторопилась найти тему для разговора, чтобы немного его задержать. Если бы только она могла собраться с мужеством и спросить об бриллиантах, ведь последнее письмо Лили вызвало у нее новые вопросы.

— Я посетила храм Кали, о котором писала Лили, и мне бы очень хотелось побывать там еще раз перед отъездом из Бенареса.

— Это совсем неподходящее место для таких, как вы, — произнес Говинда довольно резко, и за его внешним хладнокровием Сара уловила суровую решительность.

В душе у Сары вспыхнуло возмущение.

- Что вы имели в виду, говоря «таких, как вы»?
- Я хотел сказать, что в этом храме многие почитают темные стороны Кали, и это может быть... опасным.

Сара рассмеялась:

- Я не боюсь Кали, мистер Говинда.
- А следовало бы, мисс Сара.

Он поклонился и быстро ушел.

Сара задержалась, чтобы понаблюдать за двумя обезьянками, ссорившимися из-за кокосового ореха, но когда одна из них стукнула другую по голове скорлупой, решив таким образом спор, Сара зашагала обратно в свои покои. Когда она проходила мимо того места, где встретила Сарасвати с телом убитой обезьянки, ей показалось, что она увидела темный след крови в траве, и ее сердце затрепетало — на Сару нахлынул страх, существование которого она только что отрицала. «Нет, я не буду бояться и не стану избегать встреч с Сарасвати», — сказала она себе. Несмотря на мрачные мысли, иногда посещавшие ее, Сара испытывала симпатию к одинокой рани и решилась на визит.

Она нашла Сарасвати на качелях. Лицо раскачивающейся рани было грустным, и она напомнила Саре канарейку в клетке.

— Мне запретили поездку в Лондон, — с горечью сообщила Сарасвати. — Махараджа категорически отказал.

— Быть может, он так выказывает свою любовь.

Сара не знала, что еще тут можно сказать.

Сарасвати пожала плечами:

— Я больше ему не интересна и теперь никогда не увижу своего друга.

— Вашего друга?

— Моего друга в Лондоне.

— Мне жаль, — сказала Сара.

— Вовсе нет.

Сара не стала возражать. Чтобы сменить тему разговора, она сняла кулон с шеи и подошла к грустной рани.

— Смотрите, что я нашла под рамой картины, которую мне подарил махараджа.

Сарасвати равнодушно взяла кулон из руки Сары, повертела его, а потом опустила обратно на ее ладонь.

— Вы не знаете, как он туда попал? — спросила Сара.

— Махараджа делал раму для картины, — со скучающим видом сообщила Сарасвати.

Сара недоуменно наморщила лоб. Значит, принц спрятал кулон под рамой? Неужели он его совсем не заинтересовал? Быть может, он, как и Говинда, счел неразумным носить вещь, напоминающую о любви и потере? Или перед смертью Коречная попросила, чтобы кулон оставался рядом с ее портретом? Несколько ужасных мгновений Саре казалось, что она нарушила предсмертное желание Лили и осквернила ее память.

Что до Сарасвати, то мотивы ее поведения по большей части оставались для Сары загадкой — временами складывалось впечатление, что она живет в каком-то другом мире. Интересно, подумала Сара, испугает ли ее упоминание о храме?

— Я бы хотела посетить храм Кали перед возвращением в Лондон, — сказала Сара, чувствуя себя предательницей: ведь она не только дразнила рани, но и скрыла от нее, что однажды побывала в древнем святилище.

Сарасвати бросила на нее быстрый взгляд:

— Ты хочешь туда пойти! Но зачем?

— Потому что Лили... там понравилось.

Сарасвати некоторое время молчала, словно боролась с какими-то сомнениями.

— Я не могу отпустить тебя туда одну.

— Почему?

 КАЙЛИ ФИЦПАТРИК

— Ты можешь заблудиться. Нам потребуется стража. Завтра я за тобой пришлю.

Рани вновь принялась раскачиваться. Саре ничего не оставалось, как надеть кулон Лили на шею и молча уйти. К тому моменту, когда она добралась до своих покоев, ее охватило ужасное оцепенение. Ей еще не приходилось испытывать ничего подобного. Должно быть, дело в окружающем воздухе, решила она.

ГЛАВА 36

Блаженны те, кто ищет ее с чистыми руками и не преследует ее с предательством в сердце.

Заповеди блаженства.
Аноним. I век до нашей эры

Посреди ночи Сара проснулась в странном волнении. Ей почудилось, что кто-то пробрался в ее спальню. Она замерла от страха, и у нее возникло ощущение, будто за занавеской балкона мелькнула чья-то светлая одежда. Она ничего не могла утверждать наверняка, поскольку ветерок колыхал натянутую вокруг постели москитную сетку и сквозь нее тени в комнате казались еще более неопределенными. Сара лежала без сна и тревожилась, изобретая все новые и новые ужасы, ведь под ее балконом росли деревья, по которым ловкий мальчишка мог взобраться на балкон и проникнуть в спальню. Однако она так и не сумела придумать причину, по которой кто-то хотел бы причинить ей вред. Потом девушка погрузилась в беспокойный сон, и остаток ночи ее лихорадило в душном застывшем воздухе.

Когда утром Сара проснулась, на краю ее постели сидела Сарасвати.

— Я подумала, что мы можем прогуляться по саду, мисс Сара, пока солнце еще не успело подняться высоко.

— И все же я бы хотела побывать в храме Кали.

Слова Сары не вызвали у Сарасвати ни малейшего энтузиазма, ей совсем не хотелось выполнять данное вчера обещание.

— Это неразумно. Храм очень старый, он пришел в запустение, в нем сырь. И еще там водятся крысы.

— Я все равно хочу туда пойти. Вам вовсе не обязательно меня сопровождать, если вы сами не желаете туда идти.

Сарасвати нахмурилась.

— Я поговорю с чаукидаром, пусть он выделит для нас стражу, — сдаваясь, сказала она.

Когда они уже сидели в паланкине, Сара спросила, не будет ли Сарасвати возражать, если они остановятся возле «Вайшни». Сарасвати лишь пожала плечами и откинулась на бархатные подушки.

Мистер Эллиот сидел в той же позе, за тем же столиком, в своем обычном костюме из светлого полотна и панаме. Он поднял голову, увидел Сару и явно обрадовался встрече.

— О, доброе утро, мисс О’Рейли! Какой приятный сюрприз. Не хотите ли чаю?

— Я не могу задерживаться, меня ждет одна из рани махараджи. Я пришла попрощаться, на этой неделеозвращаюсь в Лондон.

— Как жаль. Вы не присядете на минутку?

Сара уселась за столик.

— А теперь расскажите мне, — продолжал мистер Эллиот, — куда вы так торопитесь сегодня?

Он изящно поднес к губам чашку, пристально глядя на Сару, словно ждал от нее какой-то каверзы.

— Собираюсь еще раз посетить храм Кали.

— Но зачем? Ведь когда мы побывали там в прошлый раз, вы едва не упали в обморок!

— Именно по этой причине я туда возвращаюсь. Есть нечто...

Сара замолчала и посмотрела на собеседника. Готов ли он услышать правду?

— Я ощутила там какое-то загадочное присутствие, и оно меня заинтриговало, если вы так хотите услышать ответ.

— Но конечно, так оно и есть, моя дорогая мисс О'Рейли.

— Что вы хотите сказать?

— Рискуя выглядеть как дельфийский оракул, все же скажу, что индуизм утверждает: действия, совершаемые без горячего желания, не приводят к результату, но там, где желание есть и оно встречает препятствия, возникает гнев. Так и с Кали. Она стремится получить наши земные дары, она поглощает их все без исключения, но если ее аппетиты остаются неутоленными, гнев богини не знает границ. И в храме Кали вы ощущали ее священный гнев, рожденный неудовлетворенным желанием.

— Но из-за чего?

— Кто знает? Из-за крови, плоти, всемогущества, вечного огня легендарного красного бриллианта... кто знает ответ?

— А что, если она получит красный бриллиант?

— Наверное, некоторое время она будет чувствовать удовлетворение, но разве все мы не стремимся получить недостижимое? Подумайте о Граале, мисс О'Рейли, или о поисках истинной любви. В нашей природе стремиться к таким вещам, но никто из нас не думает, что произойдет после того, как цель будет достигнута.

— Значит, вы не считаете, как многие христианские миссионеры, что в самом желании заключен грех?

— Любопытная мысль. Передо мной не стоит моральной дилеммы, поскольку это приходит в противоречие

с моими собственными стремлениями к знаниям. Мне кажется, важнее всего именно природа и суть желания.

Эти философские рассуждения показались Саре знакомыми.

— Я вспомнила одну вещь, о которой хотела задать вам вопрос. Вам известно, что такое наваратна?

— Астрологический амулет, насколько я знаю. Согласно некоторым источникам, наваратна способна выполнить желания человека, если он чист сердцем. Однако с тем же успехом может привести к прямо противоположным последствиям.

— А что, если камни перепутать или заменить их ложными?

— Какой необычный вопрос. Я не индуистский жрец, но могу предположить, что такое деяние могло бы вызвать гнев богов и привести к катастрофам планетарного масштаба. Вы уверены, что не хотите чая?

— Нет, благодарю вас. Я не могу больше заставлять рани меня ждать. С вами было очень приятно общаться, мистер Эллиот.

— Взаимно, мисс О’Рейли. Будьте осторожны в храме. Сегодня вы выглядите немного бледной, а с великой богиней следует встречаться с мечом в руке и в полных доспехах!

Он пожал ей руку, и их глаза на мгновение встретились. Интересно, можно ли находить удовольствие лишь в уме мужчины, не обращая внимания на другие его качества? Если, конечно, ты принадлежишь к тому типу женщин, для которых подобные вещи имеют значение... Сара уже давно пришла к выводу, что романтическая любовь ей недоступна, она была не способна оставаться притворно скромной или почтительной в обществе джентльмена. Но именно такое поведение, если верить общему этикету, требуется от леди. Честно говоря, позднее Сара

спрашивала себя, не существуют ли и другие виды любви, ведь влюбился же Франц Коречный в Лили из-за ее ума, а не только из-за других достоинств? И как это, влюбиться? Она не могла себе представить, но ей было любопытно.

— Надеюсь, мы еще встретимся с вами до того, как вы покинете Индию, мисс О’Рейли. Вы позволите мне проводить вас до поезда?

— Конечно. Я буду рада.

Когда Сара вернулась к паланкину, она обнаружила, что Сарасвати заснула или только сделала вид, что спит, что позволило Саре ничего не объяснять и не извиняться. Кроме носильщиков с ними отправилось шестеро стражей, окружавших паланкин со всех сторон. Стражи были в тюрбанах и в свободной бесцветной одежде наподобие той, которую носил Говинда. Сара поняла, что они совершенно сознательно старались стереть все личные черты, чтобы ни у кого не возникло желания более внимательно взглядеться в их лица. Однако она знала, если потребуется, они сразу дадут знать о своем присутствии и тот, кто не отреагирует, об этом пожалеет.

Перед низким дверным проемом храма Сара остановилась. Сарасвати так и не проснулась, и девушка теперь не сомневалась, что именно таким способом ранней решила избежать встречи с богиней. Стражи встали спинами к паланкину, так чтобы держать под контролем все выходы из соседних узких переулков. Когда Сара собралась войти в храм, она ощутила на себе взгляд одного из стражей. Это был Говинда. Он тут же отвернулся, но Сару взволновало его неожиданное присутствие.

Ей показалось, что сегодня в святилище горит больше свечей, чем во время ее предыдущего визита, поскольку тогда она не заметила, что похожее на пещеру помещение имеет куполообразный потолок, а его древние

балки напоминают скелет животного. На алтаре также горело множество маленьких огоньков, но Сара не обнаружила того, кто за ними следил. Сама богиня плотоядно улыбалась, высунув красный от крови язык, а гирлянда черепов на ее шее сияла жуткой белизной. Сара коснулась висящего на шее кулона и попыталась вспомнить, как описывала Лили последнюю встречу с Кали. Что означал образ, который привиделся здесь миссис Коречной?

Когда Сара ближе подошла к богине, она сразу же ощутила давящую тяжесть, навалившуюся на нее вчера, перед тем как она легла спать. На нее вдруг нахлынули все самые мрачные воспоминания: долгая борьба с бедностью, бремя опекунши Эллен, одиночество во время попыток овладеть профессией журналиста... Каким-то непостижимым образом ее прежние страхи нашли воплощение в стоящей перед ней фигуре. Пока Сара смотрела в лицо Кали, полуприкрытые, налитые кровью глаза богини заглянули в самые дальние уголки ее сердца, и девушка осознала, что падает в пропасть собственной тени. Падая, она видела тысячи блесток света — весь мир стал преломлением отражений огненно-красного бриллианта.

Ее голова ударила обо что-то твердое, вероятно, она пролежала некоторое время, прежде чем перед ее глазами начало разворачиваться ярко освещенное действие. Вместо раздробленных осколков света заклубился дым, алтарь превратился в погребальный костер, и сквозь его пламя она видела черную фигуру Кали. Перед ней возникла Сарасвати, танцующая, словно нимфа, как в тот день, когда Сара заглянула в ее покой. Она держала по свече в каждой руке, и ее прозрачная желтая вуаль не могла скрыть торжествующего выражения лица. По мере того как жар усиливался, появилась еще одна фи-

гура, хотя Сара и не могла ее разглядеть. Кто-то высокий, одетый в светлые штаны, поднял девушку на руки и унес.

Только два дня спустя Саре стало лучше, и она осмелилась выбраться из постели, хотя все еще чувствовала слабость, сковывающую движения и затуманивающую разум. Сарасвати навещала ее дважды и сидела на краю постели, но Сара не помнила, о чем они разговаривали. Наконец на третий день Сара села и выпила чашку чая, которую ей принесла служанка, постоянно находившаяся рядом с ней все это время. Почти сразу же появилась Сарасвати, из чего Сара сделала вывод, что та попросила сообщить ей, как только больной станет лучше.

— Ты уже совсем неплохо выглядишь, — сказала рани, рассматривая Сару. — Махарани хочет тебя видеть, как только ты сможешь ходить.

— Мне уже намного лучше, только голова еще болит.
— Ты ударились головой в храме.
— Да, я смутно припоминаю... вы ведь там были, верно?

— Нет, мисс Сара, к сожалению, я спала.
— Но я уверена, что видела вас! Вы танцевали...
— Ты ошиблась, — резко возразила Сарасвати.
— А кто вынес меня из святилища? Англичанин?
— Я не знаю. Пойдем, я помогу тебе одеться.

Пока Сарасвати застегивала пуговицы платья у нее на спине, Сара вспоминала, что происходило в храме.

— Но статуя Кали загорелась!
— Да, Кали становится сильнее благодаря огню, ведь огонь дарует знание. — Сарасвати поделилась мудростью так, словно все это не имело особого значения, и тут же ловко сменила тему разговора. — Я вижу, ты перестала носить сандаловые бусы. Я знаю, что тебе их дал он.

— Кто мне их дал — что вы имеете в виду?

— Если ты знаешь, где он, спроси у него... — Сарасвати смолкла, словно в последний момент передумала. — Пойдем, мисс Сара, махарани ждет.

Сарасвати не стала входить в покой первой жены принца. У двери она сказала:

— Может быть, мы больше не увидимся, мисс Сара, ведь я иногда перестаю следить за течением времени, а ты скоро нас покинешь. Махарани сказала мне, что Говинда отправляется в Лондон, я попрошу его передать послание моему другу.

И рани исчезла, не сказав более ни слова.

Как и прежде, махарани возлежала на подушках, поставив рядом с собой чашу со сластями. Она похлопала по лежащим рядом с ней подушкам, словно манила к себе любимое домашнее животное, и Сара послушно села и устроилась поудобнее.

— Ты помнишь, что я тебе рассказала во время твоего последнего визита?

— Да, Сарасвати танцевала перед махараджей...

— Да-да, — сказала махарани, поднимая руку, чтобы заставить Сару замолчать.

Занан оказался не таким, как представляла себе Сарасвати, ведь остальные женщины придерживались мусульманской веры и им совсем не понравилось, что среди них оказалась красивая индуистка. Когда у нее появилось столько вуалей, чола и золотых браслетов, сколько она хотела, Сарасвати стало скучно. Если ее и призывали в покой махараджи, то только для того, чтобы танцевать перед ним. Он не говорил с ней, а она и подумать не могла о том, чтобы самой обратиться к принцу. Все прошло совсем не так, как она рассчитывала.

А махараджа, хотя он носил ножны и ездил на боевом скакуне, все больше грустил, вспоминая славные

времена великих сражений. Его предки покоряли города и правили, как герои, а он мог соревноваться лишь в поло и общаться с представителями британского общества. Тогда Сарасвати еще не знала, что махараджа ищет разноцветные бриллианты, чтобы создать наваратну. Он надеялся, что с помощью могущественного амулета сумеет снискать расположение богов.

Махараджу постоянно сопровождали стражники; среди них неизменно присутствовал воин, который отличался от остальных. У него была более светлая кожа, а красивое мужественное лицо говорило о силе духа. Сарасвати поняла, что он с Гималаев, люди оттуда приветствуют других путешественников словом «намасте», идущим от самого сердца. Он приносил ей счастье и печаль одновременно, поскольку поднимал дух и напоминал о судьбе, которую она искала. Нет, ей не суждено ходить по горным тропам в пыльном плаще и сапогах. Не для нее тяжелые ожерелья из кораллов и бирюзы, которыми украшали себя люди с гор, ей суждено носить шелк, золото и самоцветы.

Слеза сбежала по мягкой пухлой щеке махарави, и Сара поняла, что она плачет о себе, ведь ей уже никогда не ходить по горным тропам, никогда не выбраться из роскошной тюрьмы своего пристрастия к опиуму.

Стражи с Гималаев звали Говинда, и махараджу ему доверял. Существовал еще один отряд стражи, который охранял махараджу, когда он ездил по своим владениям. Это были хорошо обученные убийцы, хотя многие из них не выглядели великими. Они стерегли сокровищницу дворца и всегда сопровождали махараджу, когда он инспектировал опиумные поля; иногда это было опасным. Опиум приносил принцу большие доходы, как и речные бриллианты из родной деревни Сара-

свати, но опиум гораздо проще воровать. Довольно скоро Сарасвати подружилась с одним из этих стражей. Он не сумел оставаться равнодушным к ее красоте, как и многие другие мужчины, и она поняла, что может заставить его сделать все, что пожелает. Она решила, что он должен рассказать махарадже о красном бриллианте, ведь он, как воин Кали, должен служить своей богине. Принц тут же послал за Сарасвати, которая заверила его, что страж рассказал правду; камень спрятан деревенским жрецом на месте третьего глаза Кали.

Вернувшись из родной деревни Сарасвати страж рассказал ей, что произошло. Он видел, как жреца казнили и как рыдали жители деревни. Сарасвати пришла в ужас. Она не подумала о том, какая опасность грозит жрецу и что произойдет с жителями деревни, когда они лишатся такого мудрого наставника. Она еще не понимала, что бриллиант может отнимать жизни.

В тот день, когда страж вернулся из деревни Сарасвати с камнем, она сидела и ждала, скоро ли принц призовет ее к себе. Она надела шаровары из прозрачной светло-желтой ткани и чола, украшенную золотом. Волосы и лицо она закрыла мерцающей вуалью. После того как махараджа заполучил бриллиант, он обратил свое внимание на Сарасвати. В ту ночь она стала его любовницей, да и потом он часто приглашал ее в свои покои. Она сделала ему замечательный подарок, и он испытывал к ней благодарность. Однако она не знала, считал ли принц ее достойной его заботы. Он всегда был к ней щедр, именно таким способом он демонстрировал свое внимание. Однако оставался холодным и отстраненным — да, теперь он владел девятым камнем, но ему так и не удалось найти ювелира, который согласился бы сделать наваратну и исполнить его мечту.

Каждый день Сарасвати отправлялась в сокровищницу, чтобы взглянуть на бриллианты, однако больше

не осмеливалась взять в руки красный бриллиант, ведь к нему прикасалась Кали. Иногда ей казалось, что один только взгляд на него придает ей силы и что Кали улыбается своей служанке; в другие моменты он облегчал ее одиночество и тешил тщеславие. И она старалась забыть, что стала виновницей гибели жреца.

Во дворец часто приглашали гостей, поскольку махараджа любил принимать англичан, в особенности ему нравилось общество английских леди. Когда леди Синтия Герберт прибыла в Бенарес и начала покупать бриллианты, махараджу сразу же поставили об этом в известность. Ее с мужем, лордом Чарльзом Гербертом, пригласили во дворец. Леди Герберт и махараджа разделяли страсть к бриллиантам, и довольно скоро махараджа показал ей свою коллекцию и объяснил, что он хочет создать астрологический талисман, носящий название на варата. К несчастью, сказал принц, индийские ювелиры отказываются принять такой заказ. Они боятся, что даже золото не может их убедить.

Сарасвати не могла предвидеть, что произойдет дальше, она все еще не знала тайны махараджи. Через два дня после того, как лорд и леди Герберт покинули Бенарес, она в очередной раз направилась в сокровищницу. И только увидев, что бриллиантов больше нет, все поняла. Сарасвати заметила алчное выражение, промелькнувшее на лице Синтии Герберт, когда та в первый раз увидела бриллианты, и со стороны наблюдала тихие беседы, которые вели леди Герберт и махараджа. Махараджа позволил этой бледной британке и ее вежливому скучному мужу забрать ее любимые бриллианты!

Сарасвати тут же призвала своего стражи и приказала ему вернуть красный бриллиант, поскольку знала, что Герберты путешествуют медленно, с множеством носильщиков и багажа. Когда страж вернулся без бриллианта, Сарасвати охватила ярость. По ночам безутеш-

ная Сарасвати лежала без сна. Она чувствовала, что без камня она ничто. Ей казалось, что именно камень делал ее желанной и совершенной. Как мог махараджа ее теперь любить? И какое значение имело обладание богатствами принца и то, что она могла все время есть сладкую халву? Сарасвати отправилась в храм Кали с дарами; она обещала богине, что будет служить ей всю жизнь, если вернет обратно красный бриллиант. Наконец она сказала стражу, что он должен отправиться в Лондон, она даст ему золото и он сможет взять с собой опиум и сандаловое дерево, чтобы продать там. И если он привезет бриллиант, сказала ему Сарасвати, она станет его служанкой.

Когда махарани вернулась из мира грез, в который погружалась всякий раз, когда рассказывала свои истории, она с удовлетворением посмотрела на Сару.

— Как видишь, мисс Сара, вовсе не обязательно записывать рассказ на бумагу, чтобы быть хорошим писателем. — Она постучала себя по лбу. — Все это находится здесь. А чтобы быть хорошим рассказчиком, нужно найти предмет, которому ты себя посвящаешь. И в моем предмете я вижу себя, какой была прежде, ведь и я начинала жизнь очень скромно. Я хочу, чтобы Сарасвати имела все, что я потеряла, ведь если она найдет счастье, значит, в мире еще существует любовь. А если в мире существует любовь, значит, все хорошо.

ГЛАВА 37

Как правило, мужчину большие порадует хороший обед на столе, чем знание его женой греческого языка.

Сэмюэль Джонсон

Сара проснулась, совершенно сбитая с толку: вместо позякивания серебряных браслетов и шороха ветвей на ветру она услышала хриплый крик уличного торговца. Лишь через несколько мгновений она вспомнила, что вернулась в Лондон, а Бенарес превратился в воспоминания. На секунду ей показалось, что Лили находится рядом, на чердаке дома в Кенсингтоне, ведь в воздухе появилась удивительная легкость, которая всегда возникала в ее присутствии. Эта мысль немного успокоила Сару, пока она лежала в постели, прислушиваясь к щебету дроздов в ветвях яблони.

После ее возвращения прошло немногим более недели — и самым удивительным было ощущение, что все ее путешествие случилось во сне. Сару поразило, что экзотические ароматы специй и цветов, игра света и ставшие привычными звуки дворца теперь казались всего лишь полузамытыми фантазиями. Им на смену пришли так хорошо знакомые запахи, характерные для дома, где хозяйничала Марта: идущий из кухни аромат свежего хлеба, запахи льняного масла на лестнице и чаши с розовыми лепестками в туалете.

Сара и представить себе не могла, что возвращение домой окажется таким приятным. На причале Сент-Маргарет ее встречала не только Эллен, но и Марта. Если учесть, что Эллен не любила экипажи, а Марта редко выходила «в город», предпочитая делать все покупки на Кенсингтонском рынке, это стало особым событием. Эллен бросилась в объятия Сары, как только та сошла по скрипучим сходням на причал, и не отпускала руку сестры всю дорогу домой.

Отъезд из Бенареса также вызвал у Сары неожиданные эмоции. Она попрощалась с махараджей и махарани, но, когда пришло время садиться в паланкин, чтобы ехать на железнодорожный вокзал, Сарасвати так и не появилась. Сара все еще находилась под впечатлением истории о рани в золотом сари, рассказанной махарани, и того факта, что именно Сарасвати отыскала красивый бриллиант. Теперь странности Сарасвати получили новое объяснение, в том числе и значение слов на хинди *mera varga*. Мой бриллиант. Ко всему прочему, когда мистер Эллиот провожал ее до поезда, он задержал ее ладонь в своей руке немного дольше, чем это было необходимо.

— Я получил огромное удовольствие от нашего общения, мисс О’Рейли. Если вы когда-нибудь вернетесь в Бенарес, я надеюсь, что вы вспомните обо мне.

— А вы намерены вернуться в Лондон, мистер Эллиот?

— Я принял решение никогда больше не возвращаться в это сырое и сумрачное место. Предпочитаю странности Востока.

— Тогда я желаю вам всего наилучшего, сэр. Я всегда буду помнить о вашей доброте.

Сара отвернулась, смущенная эмоциями, неожиданно возникшими в ее душе.

Но ведь это, конечно, не любовь, да?

Наступило утро, Сара еще не полностью проснулась, и у нее возникла удивительная безмятежность, которая казалась неестественной — ведь прошла всего одна неделя с тех пор, как она сошла с постоянно раскачивающейся палубы «Рани». У Сары даже возникли сомнения в здравости собственного рассудка. Она лежала совершенно неподвижно, дожинаясь, когда ее нетерпеливый разум заработает в полную силу. На это ушло несколько больше времени, чем обычно, потому что она не чувствовала прилива прежней энергии. Очевидно, она еще не полностью оправилась после путешествия, ведь на обратном пути их преследовал гнев глубин, сначала в Индийском океане, а потом и в Южной Атлантике. Свирепые ветры и огромные волны швыряли «Рани», словно листок в сточной канаве во время ливня, и Сара именно этим объясняла свою продолжающуюся слабость.

Она отбросила в сторону одеяло и поспешила накинула на плечи шаль. Сара не разрешала Марте разжигать камин в мансарде, поскольку прохлада позднего лета придавала ей сил и напоминала о других временах. Каждый день она ощущала благодарность судьбе за преподнесенные подарки, не позволяя себе забыть, какой холод испытывают те, кто вынужден проводить ночи в подвалах Патерностер-роу.

Сара немного постояла возле скошенного окна, глядя вниз, на лужайку. Там она увидела миссис Веспер, направляющуюся к кухонной двери из задней части сада с корзинкой свежей зелени. В ней чувствовалась энергия молодой женщины, быть может, все дело в том, что экономка все время находится в движении и это сохранило ей силы и молодость. Наверное, возраст просто не может догнать Марту Веспер.

Саре захотелось надеть брюки и башмаки, но сегодня ей предстоял визит в «Меркьюри» — мистер Хардинг

собирался поговорить с ней об ее очерках. Нет, он не станет возражать, если она будет так одета, ведь Сара много лет приходила в газету в мужском наряде. Сегодня Сара решила отказаться от маскарада, она собиралась представать в виде журналистки, пришедшей для деловых переговоров. Вот почему вместо своих любимых брюк Сара выбрала простую коричневую юбку из вигоневой шерсти и белую батистовую блузку. К счастью, сейчас мода допускала менее легкомысленную манеру одеваться, все больше женщин начали работать, а не искали, как прежде, убежища в браке. В результате в моду вошли более практичные вещи и носить соблазнительные наряды стало совсем не обязательным.

Марта накрыла стол в библиотеке, как делала каждое утро, и уже наливала кофе в чашку, словно заранее знала, что наступил самый подходящий момент. Эта удивительная способность Марты очень долго поражала Сару, но теперь она к ней привыкла, как и ко многим другим странностям экономки. Например, она опять повесила веточку шалфея на двери в кабинет Сары, а травы в огороде всегда срезала в те дни, когда луна была полной.

Эллен уже сидела за столом, разложив перед собой свежие газеты, ее золотые пряди, как всегда, торчали в разные стороны, а узкие плечи скрывала зеленовато-голубая шаль. Сестра одарила Сару сияющей улыбкой, словно не видела ее каждое утро в течение предыдущих девяти дней.

— Доброе утро, Сара!

— И тебе доброе утро, Эллен. Ты же знаешь, я никуда не исчезну.

— Я знаю.— Эллен продолжала сиять.— Я знаю.— Она прикусила губу, а потом добавила: — Я должна тебе кое-что сказать.

Сара сразу насторожилась, уловив, что тон сестры изменился, и приготовившись выслушать «неприятности Эллен», как она их называла.

— Дай мне сначала выпить чашку кофе и окончательно проснуться, — попросила Сара, усаживаясь рядом с горкой теплых булочек, лежащих на белой полотняной салфетке, и стеклянным кувшинчиком имбирного джема Марты.

Однако она успела сделать всего несколько глотков превосходного крепкого кофе миссис Веспер и пару раз откусить намазанную маслом булочку — дольше ей не удалось игнорировать нетерпеливый взгляд Эллен.

— Ну ладно, рассказывай.

— Я все время пытаюсь найти какую-нибудь новую тайну для газеты, и так я наткнулась на...

— В чем дело, Элли?

— Иногда я даю фардинг Лу, девушке с рынка в Фарингдоне, чья мать торгует с тележки возле Биллингсгейт и всех знает. Одна из ее клиенток стала ходить с важным видом, и мама Лу решила, что должна выпытать ее секрет. Оказалось, что у этой женщины есть сын по имени Дейви, который укладывает железнодорожные рельсы и почти совсем не выходит на улицу, он долгие годы провел под землей. Слишком всего боится, и мама Лу решила вызнать, в чем тут дело. Они спят под землей — как кроты, — ты только представь себе, Сара! Ты никогда не узнаешь путеукладчика, даже если раньше была с ним знакома, потому что они совсем почернели и не плачут даже пенни за холодную баню, а продолжают ходить покрытые сажей с ног до головы.

— Так ты считаешь, что нам нужно написать о путеукладчиках?

— Нет, Сара. Я думаю, что Дейви — это Дейви Симmons, ученик ювелира, исчезнувший после того, как

украли бриллианты. Я знала об этом еще до того, как ты уплыла в Индию, но не смогла придумать, как тебе рассказать. А сейчас наступил подходящий момент. С тех самых пор, как ты получила письма Лили и после стольких лет начала снова интересоваться бриллиантами, у меня появилась уверенность: что-то должно произойти.

— Что ты хочешь сказать, Эллен? Что должно произойти?

В этот момент в комнату вошла Марта Веспер, и у Сары возникло ощущение, что она все слышала.

— Марта тоже все знает, верно?

Эллен вопросительно посмотрела на Марту, и та не стала делать вид, что ни о чем не подозревает, а лишь с мудрым видом кивнула:

— Да, что-то происходит.

Только после этого экономка рассказала о событиях, которые случились, пока Сара была в Индии. Через несколько дней после прибытия Сары в Бенарес Марта открыла дверь дома в Кенсингтоне и впустила детектива-инспектора Джерарда из Вестминстерской полиции.

— У этого молодого человека хороший портной, да и взгляд у него острый, — сказала она Саре.

Марта сразу встревожилась из-за Эллен, ведь девочки О'Рейли часто попадали в опасные ситуации, и экономка никогда не признавалась, сколько долгих и беспокойных вечеров ей пришлось провести, дожидаясь, когда они вернутся домой.

Марта спокойно рассказала, как посадила Джерарда, а сама стала готовить кофе, полагая, что полисмену всегда полезно выпить чашку чего-нибудь горячего. Сара давно обратила внимание, что экономка трепетно относится к арабскому кофе, который покупает у смуглого продавца на Кенсингтонском рынке. Она называла его

абиссинскими бобами, и в ее устах эти слова всегда звучали экзотично.

Когда Марта вернулась в гостиную, Эллен сидела напротив гостя, и у девочки был такой внимательный взгляд, что экономка сразу насторожилась. Хотя Эллен постоянно пыталась отыскать любопытную историю для своей сестры, Марта уже не сомневалась, что девочка интересуется прошлым. С того самого момента, как Сара уехала, Марта ощущала призрачное присутствие. Сообщив об этом так, словно речь шла об обычной пыли, экономка обменялась взглядами с Эллен, что не укрылось от внимания Сары.

Эллен умоляюще посмотрела на сестру:

— Теперь ты понимаешь, Сара, я должна была рассказать детективу, что Дейви жив и мне известно, где он обитает, однако я не могла ему назвать адрес, чтобы Дейви не постигла участь Джо. Я уверена, что он виновен в убийствах не более, чем Холи-Джо.

— С этого момента все пришло в движение, — добавила Марта, словно ее слова все объясняли, собрала посуду после завтрака и неспешно вышла из комнаты.

Сара с тоской вздохнула, она чувствовала — и далеко не в первый раз, — что не понимает вещей, которые совершенно очевидны для Эллен и Марты Веспер.

— Убийства совершил не он, Сара, — настаивала на своем Эллен. — Я знаю. И считаю, что нам нужно с ним встретиться и выслушать его историю. Понимаешь, детектив пытается его найти, но если мы его опередим, тогда...

Сара поставила чашку на стол и с удивлением посмотрела на Эллен:

— Подожди минутку, Горе Мое. Мы не можем знать, что убийства совершил не он. И даже если он лишь украл бриллианты, но никого не убивал, он может оказаться безумным. Надеюсь, Лу хватило здравого смыс-

ла не говорить своей матери, кто интересуется Дейви. Он может быть очень опасным!

— Но я уверена, что это не так, Сара!

— Элли, ты не можешь знать наверняка. Честно говоря, я не понимаю, откуда в твоей прелестной головке возникают такие мысли.

Сара налила себе вторую чашку кофе, взяла ее и задумчиво направилась по коридору в комнату, которая прежде была студией Франца, размышляя над «мыслями» Эллен. Что заставило ее искать Дейви? И если она права и этот человек действительно окажется исчезнувшим учеником ювелира, тогда Джерард обязательно его найдет. Она не могла поверить, что Эллен лучший сынщик, чем молодой способный инспектор.

Сара закрыла за собой дверь студии и вздохнула. В этой комнате присутствие Лили ощущалось гораздо сильнее, чем в других частях дома, а сегодня оно было особенно заметным. Сару это удивило, ведь она единственная из всех обитателей дома не чувствовала *других*. Однако она совсем не испытывала страха. Как только переступила порог студии, она успокоилась, потому что знала, что стала сильнее после путешествия в Индию, где наконец сумела смириться со смертью миссис Коречной. И еще Сара радовалась тому, что в последние дни своей жизни Лили испытала умиротворение.

Сара подошла к письменному столу, стоявшему, как и прежде, возле высокого двусторончатого окна. Некоторое время она пила кофе и смотрела сквозь безупречно чистое стекло в сад. Капли воды из лейки Марты блестели, словно жемчуг, на лепестках камелии, и Сара вспомнила блестящие цветы, окружавшие летний домик в дальнем конце дворцового сада мараджи. Интересно, как скоро Говинда окажется в Лондоне, подумала она. Вполне возможно, он совсем немного от нее отстает, ведь

теперь пассажирские суда довольно часто ходят между Лондоном и Бомбейем. Она тряхнула головой и собрала бумаги, которые ей следовало взять с собой в «Меркьюри».

У входа в здание «Меркьюри» собралась толпа мальчишек-газетчиков — они часто дожидались здесь свежих газет, болтали и курили. От двенадцати лет и старше, эти торговцы новостями больше всего на свете любили обмениваться самыми сенсационными историями, пытаясь произвести впечатление друг на друга своими познаниями в политике или свежими известиями из зала суда.

Если она хотела узнать новости, Саре было достаточно немного послушать их болтовню. Иногда она выкурила с ними сигарету и получала дьявольское удовлетворение, наблюдая за возмущенными лицами проходящих мимо леди. Эти беседы с мальчишками всегда возвращали ее в те времена, когда она сама болталась по улицам.

Кабинеты «Лондон меркьюри» показались Саре изменившимися, и она далеко не сразу сообразила, что дело тут вовсе не в старомодном шейном платке мистера Парсиммонса или в твердом сухом рукопожатии редактора и его остром уме. Как и не в запахе эспарто, древесной пульпы и угольной смолы, из которых делали бумагу и чернила. Изменилась она, Сара О'Рейли. Она и сама не могла бы объяснить, что произошло, но Джон Ларк сразу это заметил, когда она вошла в кабинет Септимуса Хардинга.

— О, мисс О'Рейли, вы сияете, как фонарь кареты в тумане!

— Надеюсь, ты не станешь сравнивать атмосферу моего кабинета с лондонским туманом, Джон, — язвительно проворчал редактор, отрываясь от свежего номера газеты.

— Я бы не стал так чернить туман, Септимус. Но разве тебе не кажется, что твоя лучшая журналистка расцвела после того, как побывала на Востоке?

— Хм.— Септимус бросил быстрый взгляд на Сару.— Надеюсь, ты не влюбилась, Сара. Влюблённость плохо влияет на работу.

Ни Септимус, ни Джон Ларк ничего не сказали о блузке Сары, которая была гораздо более женственной, чем ее прежние полосатые рубашки, или о коричневой юбке из мягкой шерсти, а не из жесткого хлопка. Не заметили они и того, что ее волосы стали больше отливать золотом, а бледная прежде кожа приобрела оливковый оттенок. Джон Ларк не обратил внимания на изменения в ее внешности, зато отметил таковые в ее внутреннем состоянии. Теперь в Саре появилась новая уверенность, казалось, она лучше понимает себя. Если бы он только знал, подумала Сара, что путешествие не только придало ей уверенности, но и вызвало какую-то неземную усталость. И если у нее ушло столько сил только на то, чтобы написать два очерка, которые она принесла в своей сумочке, то она сомневалась, что оно того стоит.

Септимуса Хардинга не пришлось долго упрашивать — он немедленно погрузился в чтение. Редактор сразу понял, что очерки могут стать началом новой серии о женщинах — искательницах приключений, язычницах и путешественницах, которые можно будет печатать в выпусках «Меркьюри», выходивших по средам. Теперь в газете появится новое приложение для женщин.

И все же, принимая бумаги у Сары, редактор сказал:

— Ты, вероятно, помнишь, что некоторое время назад я посоветовал тебе поработать над стилем!

Сара предоставила Септимусу читать очерки, а сама поднялась по лестнице на следующую площадку, как множество раз поступала раньше. Здесь она закурила и стала ждать. Вскоре инспектор Ларк ушел. Пока Сара

смотрела вслед его удаляющейся стройной фигуре, она вспомнила, как Лили Коречная проходила мимо него по коридору. Сара представила себе, как Лили была одета и как Ларк на нее посмотрел, словно призрак Лили все еще обитал в этом здании. Тут только девушка вспомнила про письмо Лили для Джона Ларка, которое осталось в ее шляпной коробке под кроватью в Кенсингтоне.

Сара докурила свою сигару и спустилась вниз, готовясь выслушать мнение Хардинга. Она так нервничала, что не могла отвести глаз от пепельниц, чашек и чернильниц, стоящих на столе редактора. Она ожидала, что Септимус раскритикует ее попытки писать нечто более серьезное, и подготовилась услышать, что это «полнейшая чушь, Сара» или «вздор и пустая болтовня», слова, которые редактор очень часто повторял. Однако глаза Хардинга ярко блестели.

— Когда ты изъявила желание написать очерк на пробу, я согласился, поскольку считал, что для тебя пришло время взяться за ум. Однако ты не поверила, что я хочу получить от тебя нечто более серьезное для газеты, — наверное, нужно было сразу сказать, что в мои намерения входит увидеть твое имя среди наших авторов еще до того, как я умру, и тебе пора бы поторопиться! — Он слегка тряхнул листами, которые держал в руке. — Превосходно! Замечательный очерк, Сара, именно то, что с удовольствием прочитают скучающие женщины Лондона. Я знал, что в тебе это есть. Отправляю материал на верстку, твой очерк выйдет в среду.

Саре захотелось поцеловать его в морщинистую щеку, но она лишь поблагодарила Хардинга и радостно выскользнула из кабинета.

Девушка свернула с Амен-Корнер к докам и направилась к Стрэнд-лейн, где намеревалась отпраздновать лестный отзыв Хардинга покупкой книг, но обратила внимание на оживленную торговлю возле причалов.

Обычно прибытие китайской джонки или клипера с Тихого океана заставляло ее остановиться и представить себе страну, из которой приплыл корабль, но сегодня ее это не интересовало, она наслаждалась одобрением Септимуса Хардинга. Когда она зашагала от пристани Темпл к Стрэнду, Сара спустилась с небес на землю и у нее возникло необычное ощущение, будто ее преследуют. Она остановилась и оглянулась, но увидела лишь жалкую фигуру, прислонившуюся к полуразрушенной стене, человек этот больше походил на старьевщика, чем на грабителя.

Она продолжала идти дальше, шум причалов стих, и вновь у Сары возникло неприятное ощущение преследования. Она обернулась и увидела, что старьевщик оторвался от стены и теперь их разделяет всего несколько шагов. Он явно шел за ней, и у Сары уже не оставалось сомнений, что намерения у него самые гнусные. Он оказался совсем не таким старым, как Сара решила в первый момент, хотя его возраст было непросто определить из-за слишком длинного грязного черного сюртука. У преследователя было узкое, встревоженное лицо, и теперь Сара увидела, что у него черная, как деготь, кожа. Сердце Сары затрепетало, и она ускорила шаг, продолжая оглядываться через плечо. В этот момент двое дюжих матросов свернули на Стрэнд-лейн. Темная фигура тут же скользнула в проход между двумя полуразрушенными складами и исчезла.

Оставшийся путь до Стрэнда Сара почти бежала, ей хотелось поскорее оказаться на шумной и многолюдной улице. Тут только она вспомнила, что именно на Стрэнд-лейн убили клерка Херберта Пейси.

ГЛАВА 38

Хозяйка дома подобна командующему армией или главе любого заведения. Ее дух будет проявляться во всем; и если она исполняет свои обязанности разумно и тщательно, домашние будут следовать ее примеру.

Миссис Изабелла Битон

С тех пор как Сара вернулась домой, Марта множество раз замечала призрачное присутствие Лили в студии. Марта редко входила сюда в отсутствие Сары, разве что вытереть пыль и раз в неделю открыть дверь в сад, чтобы проветрить помещение. Удивительно, но ей показалось, что она видит тень Лили в угольном подвале, но в последнее время зрение стало подводить Марту, и вскоре она сообразила, что этот призрак одет в платье, которое не могло принадлежать миссис Коречной. Призрак в угольном подвале пришел сюда совсем из другого времени, у него было платье с высокой талией, сшитое из какого-то жесткого материала. И все же в те две недели, которые прошли после возвращения Сары из Индии, аромат роз и шелковое платье Лили Коречной стали появляться значительно чаще. И это, в сочетании с необъяснимой вялостью Сары, свидетельствовало о том, что происходило нечто нехорошее. Однако Марта понимала, что ей не нужно вмешиваться. Она ощущала действие

силы, которую не могла понять и распознать. Много лет назад Марта почувствовала чье-то зловещее присутствие — быть может, она совершила глупость, поверив, что оно могло исчезнуть навсегда.

В последнее время Сара вставала почти тогда же, когда Марта и Эллен, и писала много и с такой энергией, что, если Марта подходила к библиотеке, она часто слышала, как яростно скрипит перо. Марта знала, что Сара наконец стала заниматься полезным делом, которое приносило доход, и это ее радовало. А в остальном Сара и Эллен вернулись к прежнему образу жизни, когда они покидали дом после завтрака и проводили весь день неизвестно где в поисках сплетен и слухов, и очень часто Марта подозревала, что это оказывается чистой воды чепухой. Она всегда считала, что ремесло журналиста отдела новостей недостойно ума Сары О'Рейли, хотя оно во многих отношениях подходило обеим девушкам, поскольку они привыкли иметь дело с бедняками и людьми, не подчиняющимися законам. Особенное удовольствие получала Эллен, помогавшая Саре собирать материал, ведь она еще не забыла времена, когда ее старшей сестре приходилось зарабатывать для них обеих.

Если Сара уже находилась в библиотеке, когда Марта начинала утреннюю уборку, экономка не входила в комнату, а начинала наводить порядок в гостиной. Здесь она мыла пол и полировала бронзовые дверные ручки, оттирала стол и сметала пыль с полок, а раз в неделю еще и мыла лестницу. Когда Сара переставала скрипеть пером, Марта приносила в библиотеку завтрак, после чего вниз спускалась Эллен, которой надоедало возиться со своими безделушками. Марта часто спрашивала себя, заметила ли Эллен, что лоскут красного шелка больше не лежит на прежнем месте в старой жестянке. Впрочем, даже если бы Эллен и заметила, она бы все равно этого не показала. Марта обнаружила лоскут случайно, в те дни,

когда она еще наводила порядок в комнате малышки. Марта успела подержать красный лоскут всего несколько мгновений, прежде чем все вокруг исчезло и комнату заволокло туманом, похожим на густой пар над гороховым супом. Она в испуге выронила старый шелковый платок, и ей пришлось сесть на кровать Эллен. Наконец Марта узнала тайну, которую столько лет скрывал маленький оборвыш. Без единого слова Марта выбросила платок в огонь.

Экономка не представляла себе, что пишет Сара, до тех пор пока Эллен не показала ей утреннее женское приложение «Лондон меркьюри». Как правило, Марта считала, что ей будет только лучше, если кое о чем она никогда не узнает. Однако Сара писала вовсе не репортажи о преступлениях, как гордо заметила Эллен, а настоящие очерки. Этот очерк был напечатан рядом с очередной главой железнодорожного романа, написанного одной леди. Марта поняла, что жалеет о том, что Лили нет рядом, ведь она бы наверняка обрадовалась, узнав, что ее подопечная наконец нашла свое призвание. Конечно, Марта прочитала творение Сары; она чувствовала, что это ее долг, хотя она почти ничего не знала о том, какими должны быть очерки. Тем не менее она сразу поняла, что Сара пишет хорошо.

Дверной колокольчик зазвонил как раз в тот момент, когда Марта собралась приготовить полуденный чай. Она была довольна, что у нее появился повод испечь пирог — в такую погоду обидно не вынести поднос с угощением в сад. Кроме того, Марта обнаружила, что чай оказался хорошим предлогом выманивать на воздух Сару и Эллен в те дни, когда они оставались дома и не углублялись в самые темные закоулки Лондона. Сегодня Сара сказала, что у них будет гость. Марта сняла фартук, поправила волосы и поспешила к двери. Молодой человек на пороге был одет не без изящества, в свежей белой рубашке

и хорошо сидящем темно-сером костюме, который вполне могли бы сшить на Сэвил-роу*. Неужели сегодня детектив-инспектор Джерард оделся особенно тщательно? Во время предыдущего визита он выглядел не столь элегантно.

— Добрый день, мадам,— произнес детектив-инспектор Джерард, демонстрируя сияющую улыбку.

— Добрый день, сэр.

— Рад вновь видеть вас, миссис Веспер.

— Пожалуйста, заходите.— Марта отошла в сторону, позволяя детективу-инспектору войти.— Позвольте, я провожу вас сразу в сад, сэр.

Когда инспектор устроился в саду, Марта поспешила в библиотеку. Сара не обратила особого внимания на Марту, продолжая напряженно работать.

— Детектив-инспектор Джерард ждет вас в саду, мисс.— Марта внимательно посмотрела на Сару, так как ее разбирало любопытство.

Был ли визит инспектора деловым, связанным с работой Сары в газете, или за этим скрывалось что-то еще? Однако лицо Сары оставалось невозмутимым, если не считать легкого румянца, который появился на ее щеках, — она не любила, когда ей приходилось прерывать работу.

Она положила ручку, сняла очки и потерла глаза. Потом поправила красивый вышитый жилет и спустила рукава льняной блузки цвета слоновой кости. Она по-прежнему носила одноцветные темные юбки, но Марта заметила небольшие изменения в одежде Сары после того, как та вернулась из Индии. Ее строгий вкус смягчился, а в особенно теплые августовские дни она надевала хлопковые индийские платья. Когда Марта в первый

* Улица в Лондоне, где расположены ателье дорогих мужских портных.

раз увидела девушку в таком наряде, она не удержалась и заметила, что Саре особенно идет цвет индиго, который делает ее глаза еще более выразительными. Не привыкшая к комплиментам Сара заметно смущилась.

Сара вышла в сад, а Марта принялась заваривать чай и нарезать савойский пирог, который недавно вытащила из духовки. Она оставила заварочный чайник и намазала вчерашние булочки маслом и мармеладом. Когда Марта спустилась в сад, Сара и детектив-инспектор Джерард уже сидели за столом, и по выражению их лиц экономка сразу поняла, что они неравнодушны друг к другу. Приблизившись, Марта услышала, о чем они беседуют.

— Значит, вам не удалось спросить у Говинды о бриллиантах?

— Я решила, что лучше этого не делать. Было бы неуместно и довольно странно спрашивать о вещах, которые не только исчезли семь лет назад, но и могли испортить его отношения с махараджей. Вы думаете иначе?

— Возможно, вы правы. И все же преступление так и не раскрыто, так что, с точки зрения полиции, расследование продолжается. Вы с ним встречались?

— Да. Мы беседовали о Лили и о некоторых проблемах индуизма.

— Говинда исповедует индуистскую веру?

— Думаю, да. А это имеет значение?

— Может быть.

— Инспектор Джерард, вы помните о нашем разговоре, который состоялся перед моим отъездом из Лондона,— о тех местах, где произошли убийства?

— Конечно.

— Я уверена, что за мной следили, когда несколько дней назад я шла по Стрэнд-лейн от пристани Темпл. Меня не так легко напугать в темных переулках, я долго жила в Девилс-Эйкре, и все же...

Джерард тут же насторожился, и Марта уловила в нем инстинкт опасности, который объяснял, почему он получил звание детектива-инспектора в столь юном возрасте. Экономку встревожило признание Сары, ведь она знала, как трудно напугать такую отважную девушку. Марта содрогнулась: ее опасения оправдывались, магия Востока преследует Сару и в Лондоне.

— Вы разглядели этого человека?

— Лишь мельком. Молодой, неряшливый, смуглокожий — возможно, индус — и очень худой. — Сара быстро сменила тему, словно почувствовала себя неловко. — Я совсем немногое могу рассказать об Индии, поскольку почти все события, которые произошли во время моего визита к махарадже, были... весьма запутанными, пожалуй, так можно выразиться.

— Неужели?

— Дело в том, что мне удалось выяснить: украденные камни предназначались для изготовления амулета, способного вызывать к индуистским богам, а его потеря оказала отрицательное влияние на жизнь нескольких человек.

Детектив погрузился в размышления. Марта поставила поднос на стол, и, пока она разливала чай, разговор прервался. Когда Джерард глотнул чая, его лицо просветлело.

— Какой превосходный чай вы завариваете, миссис Веспер. Это искусство, к которому лишь немногие относятся с необходимой серьезностью. Это сушонг*, не так ли?

Марта была довольна. Она действительно любила крепкий чай и предпочитала не смешивать его с кипреем или чиповником. Это просто преступление — добавлять в чистый китайский чай сухие листья английских

* Сорт чая.

растений, и она ощущала чуждый аромат еще до того, как чай смачивал ее губы.

— Так и есть. Я завариваю только такой чай. Вы совершенно правы, инспектор Джерард, во многих домах к приготовлению чая относятся слишком небрежно.

Разлив чай по чашкам, Марта Веспер занялась своими делами в саду, удалившись на такое расстояние, чтобы не мешать продолжению беседы, — впрочем, она все слышала. Марта решила, что у нее есть основания подслушать разговор, чтобы заранее быть готовой к любому развитию событий.

— Мне удалось выяснить, что мистера Говинду отправили в Лондон с приказом охранять бриллианты, инспектор, — сказала Сара.

— Интересно.

— И что вы находите в моих словах интересного, сэр?

— Тот факт, что у камней был страж. А какие ощущения возникли у вас, мисс О’Рейли, после встречи с этим человеком? Почему вы сказали, что ему поручили охранять бриллианты?

— Во-первых, я считаю, что он лучший из личных телохранителей махараджи, а потому является главной кандидатурой. Насколько я понимаю, цветные бриллианты были едва ли не самым ценным достоянием принца, а это нельзя не принимать всерьез, его богатства поражают. Во-вторых, Говинда принадлежит к категории людей, способных на все, чтобы исполнить свой долг, и он не остановится перед тем, что могло бы испугать кого-то другого. Мне кажется, он располагает каким-то тайным знанием... даже не представляю, как вам лучше объяснить...

— Пожалуй, я понимаю, — тихо ответил детектив. — Я встречался с этим человеком много лет назад: присутствовал во время допроса, который проводил инспектор Ларк после смерти леди Герберт. Должен добавить, что

он показался мне способным на убийство, если бы в этом возникла необходимость. Будь у нас хоть какие-то улики, я бы его арестовал по подозрению в убийстве.

— В таком случае у меня есть новость, которая может вас заинтересовать, инспектор Джерард. Мистер Говинда вскоре прибудет в Лондон, махараджа поручил ему какое-то дело.

— Это действительно очень интересно. Пожалуй... я бы очень хотел вновь встретиться с Говиндой. Вы сообщите мне, когда он появится в Лондоне, мисс О'Рейли?

— Конечно. Думаю, он остановится в резиденции махараджи в Гайд-парке. Мы едва избежали появления другого гостя из дворца — любимой наложницы принца. Сара расвата была полна решимости приехать в Лондон. Она удивительная женщина.

— Я позволю себе в этом усомниться, мисс О'Рейли. Не могу поверить, что существуют женщины, более удивительные, чем вы!

На это Сара О'Рейли не нашла что ответить, и Марта удалилась в прачечную с улыбкой на губах. Здесь под двумя медными котлами был разведен огонь и уже второй час кипело белье в соде и щелоке. И здесь же, возле открытого окна, Марта обнаружила Эллен, которая также слушала разговор в саду.

ГЛАВА 39

Один человек рекомендовал мне жену, красивую и молодую. И владеющую французским, испанским и итальянским языками. Я поблагодарил его и сказал, что мне такие не нравятся: даже и одного языка для женщины слишком много. «Как, вам не нравятся ученые?» Да, образованный человек — это хорошо, но только не жена.

История женского образования
в Соединенных Штатах, 1929 г.

Сара отложила ручку и долго сидела у двустворчатого окна в студии Франца. Ей очень хотелось спросить у призрака Лили, что она думает про ее очередной очерк, написанный для колонки «Пара синих чулок» в «Меркьюри». Интересно, испытывала ли Лили к царству слов такое же влечение, как она? Саре это царство казалось бездонным, и даже если бы ей стали ведомы все написанные когда-либо слова, она могла бы провести остатки своих дней, изучая их особенные качества; разницу в написании и произношении и многообразие значений. И еще ей нравилось, что правила грамматики словно специально созданы для того, чтобы их нарушать. Ис-

ключения из правил всегда были специальностью Сары — она и сама являлась таким исключением.

Сара встала, свернула написанные листы в свиток и засунула в сумочку. Собираясь покинуть дом, она вспомнила, что кое-что забыла, и ей пришлось подняться в мансарду. Комната здесь была меньше и холоднее, чем в других частях дома, но Саре нравился вид, который отсюда открывался, — казалось, будто перед ней расстилается весь мир. В углу стояла ее кровать, застеленная белым полотном и старым стеганым одеялом, которое когда-то сшила Марта для нее и Эллен. Экономка хотела заменить его на новое, но Сара категорически отказалась, ведь она спала под этим одеялом вместе с сестрой и прекрасно знала каждый его квадратик и треугольник.

На маленьком плетеном столике лежал кулон Лили, перед сном Сара всегда оставляла его здесь. И хотя она по-прежнему не одобряла обычай носить ювелирные изделия в память об умершем человеке, ей нравилось чувствовать гладкую поверхность кулона на коже, и она сразу же ощущала его отсутствие, если забывала надеть. Она застегнула замочек на шее, спускаясь по крутым ступеням лестницы, размышляя о новых идеях для «Пары синих чулок». А потому испугалась, столкнувшись с Мартой, которая несла на просушку охапку лаванды. Сара заметила, что взгляд Марты сразу же обратился к кулону. Не вызывало сомнений, что Марта его не одобряла. Однако экономка ничего не сказала, лишь поджала губы, быстро кивнула и пошла дальше по своим делам.

Спустя семь лет Сара по-прежнему обходила Девилс-Эйкр, когда оказывалась поблизости от Вестминстера. Она поступала так вовсе не из-за того, что опасалась старых призраков, а потому, что даже каменные кладки домов вызывали у нее неприятные воспоминания. Однако в тот день произошло нечто необъяснимое, и она вдруг

свернула в переулок, где находился nocturnal дом, в котором жил Холи-Джо, — здесь она обычно проходила, когда направлялась в бывшее свое обиталище, «Белый олень». Руби уже давно продала свою лавку и переехала в Чипсайд, где поселилась вместе с повивальной бабкой, поскольку Девилс-Эйкр стал продолжением Хеймаркета. Стоило сделать несколько шагов в сторону, и ты оказывался возле борделя или игорного дома, и даже nocturnal превратилась в странное заведение, об истинном назначении которого Сара могла лишь догадываться. На ступеньках Сара увидела компанию мелких воришек, игравших в какую-то азартную игру на медяки, дальше находился магазинчик, продававший старую мебель, стекло, оловянную посуду и бронзовую изделия. Здесь же стояла коробка с потрепанными романами ужасов, а предлагавшая их бесстыдная девка была явно готова продать и себя.

Сара быстро прошла мимо, стараясь смотреть под ноги, чтобы не попасть в рыхтину. Она подумала, что ей очень повезло — теперь она может не ходить по этим отвратительным местам каждый день. Как приятно, что она направляется в «Меркьюри», чтобы предложить нечто содержательное — у нее имелись все основания гордиться своей работой. Она не сомневалась, что Лили одобрила бы ее очерки, и уже во второй раз за день Сара пожалела, что не может рассказать подруге о своих последних работах, как это делала Лили в письмах. А почему бы ей не написать Лили? Эта мысль заставила Сару улыбнуться.

Обойдя несколько лачуг, стоящих со стороны «Белого оленя», и свернув в узкий проход, ведущий к докам, Сара заметила, что вокруг стало неожиданно тихо. Она видела лишь собаку на трех лапах и костлявого уличного мальчишку, который умчался прочь, как только

попался на глаза Саре. Быть может, для обитателей Девилс-Эйка было еще слишком рано, ведь в большинстве его заведений жизнь начиналась только с наступлением сумерек.

«Наверное, еще не родилось существо глупее меня,— подумала Сара,— если я отваживаюсь бродить по этим переулкам в одиночестве». И не успела эта мысль оформиться у нее в голове, как перед ней возник тот самый смуглый молодой человек, который преследовал ее на Стрэнд-лейн. Она не заметила, откуда он появился, поскольку двигался ее преследователь бесшумно и быстро. Мужчина шагнул к ней, и тут Сара поняла, что он вовсе не индус, просто его кожа потемнела от сажи.

— В моей сумочке всего три шиллинга и несколько медяков, но вы можете их забрать...— запинаясь, проговорила она, охваченная ужасом при виде его диких, яростных глаз.

— Мне не нужны ваши деньги, Сара О’Рейли.

— Так что же тогда? И откуда вам известно мое имя?

— Я всегда стараюсь выяснить, кто мной интересуется; похоже, именно вы направили девчонку по моему следу. Я знаю, что вы пишете для газет. Лондон не такой уж большой город, чтобы человек не мог найти всех своих... преследователей.

На покривевшем мрачном лице появилось удовлетворенное выражение, но потом его взгляд остановился на шее Сары, и глаза незнакомца сверкнули. Ее рука тут же метнулась к горлу, и пальцы сомкнулись на кулоне Лили. Она произнесла беззвучную молитву. Через мгновение напавший на нее мужчина сделал шаг вперед, его рука оказалась на шее Сары. Однако он едва успел ее коснуться, как его схватили два констебля в блестящих черных шлемах.

— Ладно, молодой Дейви, на сегодня ты закончил слоняться по улицам Лондона,— сказал один из полис-

менов, а другой завел ему руки за спину и принялся связывать их кожаным ремнем.

Позади стоял детектив-инспектор Джерард, на обычно спокойном лице которого застыла гримаса гнева.

К этому моменту Сара уже сидела на ближайшем крыльце, и ей ничего не оставалось, как глубоко дышать, чтобы побыстрее прийти в себя. Джерард тут же оказался рядом, осторожно взял ее за локоть и помог подняться на ноги.

— Вы не пострадали, мисс О’Рейли?

— Кажется, нет. Благодарю вас. Но как вам удалось узнать?..

— Я очень хороший детектив, — ответил он с насмешливой улыбкой. — Мой кабинет находится совсем рядом. И мои люди присматривали за вами.

Джерард подошел к задержанному, который стоял между двумя полисменами.

— Дэйви Симмонс, ты арестован по подозрению в убийстве и воровстве.

Он кивнул констеблям, и Дэйви увёл в сторону полицейского участка, он даже не пытался протестовать или сопротивляться. Казалось, он этого ждал.

— Должен признаться, мисс О’Рейли, я даже не знаю, что меня поражает больше — ваша отвага или ваше безрассудство. Ну как можно ходить по таким местам без спутника?

Между тем Сара уже успела прийти в себя и почувствовала, как в ней нарастает возмущение.

— А я должна признаться, инспектор, что не собираюсь бояться прогулок в одиночестве по тем улицам, которые когда-то называла своим домом. На самом деле у меня складывается впечатление, что для женщин в этом мужском городе нет места, где им не грозила бы опасность.

Однако Джерард изрядно удивил Сару, когда не стал защищать свой пол, а лишь согласно наклонил голову.

— К сожалению, это печальная правда. Я лишь пытаюсь делать свою работу.— Он посмотрел в глаза Саре, немного помолчал и добавил: — И если это означает, что мне нужно присматривать за некоторыми отправившимися в крестовый поход журналистками, что ж, так тому и быть.

Когда Сара открыла рот, чтобы дать ему достойный ответ, она заметила, что в глазах Джерарда сверкнула искорка смеха.

— А теперь, мисс О’Рейли, я надеюсь, вы не станете возражать, если я провожу вас к цели вашего путешествия.

— Вы очень добры, но это довольно долгая прогулка, я направляюсь в Амен-Корнер.

— Тогда можно проводить вас до набережной?

— Конечно.

День был превосходным, по реке медленно тянулась красочная процессия пароходов и барж с самыми разнообразными грузами. Трехмачтовый клипер каким-то образом умудрился проплыть под Лондонским мостом, дюжины гуари* медленно следовали от одного берега к другому, с трудом избегая столкновений. Теперь, когда шок почти прошел, Сара испытывала лишь недоумение.

— Но как, сэр, вы умудрились оказаться именно в том месте, где были так нужны?

— С тех самых пор, как вы рассказали мне о том, что случилось на Стрэнд-лейн, мои люди за вами присматривали, мисс О’Рейли. А сегодня мне сообщили, что вы и Дэйви Симмонс движетесь в сторону Девилс-Эйкра, где может произойти ваша встреча. Не требовалось осо-

* Небольшое прогулочное судно.

бого воображения, чтобы представить, чем это могло закончиться.

— Я вам благодарна. Надеюсь, мое поведение не дает повода в этом усомниться.

Джерард в ответ лишь улыбнулся, и дальше они пошли молча, пока Сара не почувствовала, что ей следует что-то сказать, чтобы ослабить повисшее в воздухе напряжение.

— Я часто пользовалась вашей записной книжкой.

— Я уже это понял, поскольку прочитал вашу новую колонку в приложении к последнему номеру «Меркьюри» за среду. Ваш очерк заставил меня по-новому взглянуть на некоторые вещи. Насколько я понял, вы намерены продолжать в таком же духе?

Сара похлопала по своей сумочке:

— Так и есть. И очень надеюсь, что среди моих читателей будут не только женщины.

— Есть мужчины, которые понимают ваши трудности... мы не такие уж бесчувственные и видим, что существует не совсем справедливое распределение... власти, мисс О'Рейли, — вздохнул Джерард.

Они дошли до каменных опор моста Блэкфрайарз, погруженные в собственные мысли, обоих вполне устраивало, что шум с набережной Темзы заполнял долгие паузы в их беседе. Сара остановилась возле Уайт-Лайон-Хилл на восточной стороне моста, где всегда сворачивала к Патерностер-роу, и протянула руку своему спутнику:

— Я вам очень благодарна за компанию.

Джерард поклонился в ответ:

— Пожалуйста, зайдите в Вестминстерский полицейский участок, как только вам будет удобно, мисс О'Рейли, мне необходимо взять у вас официальные показания относительно сегодняшнего происшествия.

— Я приду завтра, инспектор.

Ей показалось, что Джерард собрался сказать что-то еще, но он передумал, снова кивнул, повернулся и зашагал по набережной. Сара смотрела вслед его удаляющейся стройной, широкоплечей фигуре, все еще потрясенная столкновением с Дейви Симмонсом, а может, дело было в том, что она никак не могла понять, почему после обычной прогулки по набережной Темзы все ее чувства пришли в смятение.

ГЛАВА 40

Всем известно, что мужские письма неинтересны и не располагают к общению. Артур утверждает, что мои письма не следуют хранить — они опасны, как шведские спички.

Шарлотта Бронте

Сара медленно выбиралась из хрустящей свежести своей постели, чтобы выяснить, как будет сегодня себя чувствовать: в последнее время по утрам ее охватывала ужасная слабость. Вероятно, дело было в ее снах, в которых она возвращалась в страну, где женщины сушат волосы над благовонным дымом и где темные богини сторожат храмы, полные образов насилия. Она испытывала усиливающуюся тревогу из-за незримой связи между дворцом махараджи и Лондоном и незаконченной картиной прошлого. Складывалось впечатление, что она обладала всей необходимой информацией, чтобы раскрыть тайну исчезнувших бриллиантов, однако никак не могла сообразить, как сложить отдельные кусочки головоломки. Пока Сара одевалась, ей на глаза попалась голубая шляпная коробка, стоявшая под кроватью, и она вспомнила о письме Джону Ларку. Раз уж она намерена посетить Вестминстерский полицейский участок, то нужно отнести письмо.

В полицейском участке все были чем-то заняты. Сара обратила внимание на то, что кроме множества констеблей, которые писали отчеты и принимали посетителей, была еще группа чрезвычайно серьезных джентльменов, державшихся особняком. Среди них Сара заметила инспектора Ларка и инспектора Джерарда.

Увидев Сару, Джерард сразу же извинился и подошел, чтобы поздороваться с ней.

— Добрый день, мисс О’Рейли. У вас удивительный талант появляться как раз в тот момент, когда мне ужасно хочется выпить чашку чая.— Он понизил голос и приподнял бровь.— Сегодня у нас проверка.

Сара не сумела сдержать улыбки:

- Надеюсь, инспектор Ларк не слишком строг.
- О, меня тревожит вовсе не инспектор Ларк.
- Он хороший человек.
- Превосходный.
- Я должна ему кое-что передать. Может быть, вы это сделаете от моего имени?
- Если хотите, можете поговорить с ним сами. Он скоро освободится. Джентльмены обсуждают недостатки полицейских отчетов. Кстати, не хотите ли взглянуть на Вестминстерский собор, мисс О’Рейли? У меня есть новость, которая может вас заинтересовать.

В кабинете детектива-инспектора царил идеальный порядок, и Сара осознала, что сейчас она с куда большим интересом изучает детали обстановки, чем во время своего предыдущего визита. Ей хотелось побольше узнать о человеке, который наливал ей чашку чая. Ее взгляд упал на небольшую стопку книг на нижней полке шкафа. Хорошо бы выяснить, что он читает... Когда Сара подняла голову, она обнаружила, что инспектор Джерард смотрит на нее.

— Один из моих коллег в порту сообщил, что в Лондон прибыл высокий светлокожий индус по имени Го-винда.

— Да, я предполагала, что он должен появиться в самом ближайшем времени.

— У меня возникло предчувствие, что история бриллиантов махараджи скоро станет нам известна.

— А я полагаю, что это маловероятно, инспектор Джерард. Более того, боюсь, потребуется большая деликатность, чтобы получить хоть какую-то информацию от этого джентльмена. Я хочу нанести ему визит, поскольку меня интересуют последние новости из дворца.

— В таком случае я хотел бы вас сопровождать. Что, если вы зайдете в полицейский участок завтра и мы вместе поедем в Гайд-парк?

— Я буду счастлива составить вам компанию. Тогда до завтра.

Джерард, как настоящий джентльмен, предложил сопровождать Сару, и она почувствовала, что он опасается за ее жизнь. Неужели инспектор все еще считает, что ей грозит опасность?

Когда Джерард завершил отчет о столкновении Сары с Дейви Симмонсом, она спросила, допрашивал ли инспектор подозреваемого.

— Да, но он настаивает на своей невиновности по обоим обвинениям и утверждает, что существовал рисунок астрологического амулета с девятью бриллиантами, который остался у леди Герберт.

— Но почему она не отдала его Финкельштейну? Ведь он наверняка должен был к нему обращаться, когда выполнял заказ.

— Это еще один вопрос, который я хотел бы задать Говинде.— Джерард вопросительно посмотрел на Сару.— Мисс О’Рейли, складывается впечатление, что подозреваемый был чем-то ошеломлен во время встречи с вами. Вы не знаете, что могло так его взволновать? Вам доводилось его видеть раньше?

Сара нахмурилась.

— Нет. Он действительно показался мне слишком нервным, но я решила, что он видит во мне представителя газеты и одного из своих «преследователей», так он выразился. Думаю, он тронулся рассудком — ведь ему пришлось так долго прятаться. У меня возникло впечатление, что он хотел схватить меня за горло. — Она подняла руку к шее и коснулась кулона Лили, который сегодня скрывался под блузкой. — Если только его не привлек кулон Лили, ведь это также работа Финкельштейна. Возможно, он его узнал...

— Нет, не думаю, что все так просто объясняется, хотя он наверняка удивился, увидев его у вас. — Джерард немного помолчал, прежде чем задать следующий вопрос. — Пока вас не было, я посетил ваш дом в Кенсингтоне и поговорил с вашей сестрой Эллен. Именно она сообщила мне, что Дейви Симmons жив и находится в Лондоне. Как вы думаете, почему Эллен им интересовалась?

От мысли, что Эллен будет вновь вовлечена в расследование убийства, сердце Сары дрогнуло. Она не смогла заставить себя рассказать инспектору, что Эллен сознательно искала Дейви и не сомневалась в его невиновности.

— На этот вопрос легко ответить, сэр, ведь Эллен уже довольно давно выполняет различные поручения репортеров «Меркьюри», в том числе и мои. Она обладает удивительными способностями, ей часто удается узнать такие вещи, которые недоступны взрослому человеку, даже если для этого придется ехать на поезде в Ричмонд или заглянуть в военное министерство, чтобы выяснить, как идут дела в Париже. Своим успехом в качестве репортера я во многом обязана Эллен. Она всюду сует нос, чтобы удовлетворить свое неумное любопытство. Мы часто гуляем с ней возле Роупмейкерс-Филдс, где похоронены наши родители...

— Я бы с радостью составил вам компанию в какой-нибудь погожий денек, ведь это одно из немногих мест, где всегда тихо и спокойно и куда не долетает городской шум.

Джерард проводил Сару до нижнего этажа, где инспектор Ларк уже закончил свои дела и собирался уходить. Увидев Сару, он поклонился:

— Мисс О'Рейли, какая приятная неожиданность! Вы не откажетесь со мной побеседовать?

— Конечно.

Сара повернулась, чтобы посмотреть на Джерарда, но вокруг него уже толпились констебли. Когда она повернулась к инспектору Ларку, он улыбался, и Сара почувствовала, что краснеет.

— Если у вас есть время на ланч, сэр, на Винсент-стрит имеется очень симпатичный ресторанчик.

Ресторан на Винсент-стрит был уютным заведением со своей клиентурой. Однако сейчас народу оказалось не много, и Ларк с Сарой выбрали удобный столик возле камина. Как только они сели, Сара сразу спросила, известно ли Ларку об аресте Дейви Симмонса и верит ли инспектор, что Дейви способен на убийство.

— Честно говоря, я не могу ответить на ваш вопрос, поскольку образ его жизни в последние годы привел к заметному расстройству рассудка. Должен признать, что дело все еще туманно. Сегодня вечером мы будем вынуждены его отпустить, если у нас не появятся дополнительные улики.— Ларк вздохнул.— Мне представляется, что нужно искать исчезнувший рисунок — единственную ниточку, которая у нас имеется. Возможно, он до сих пор остается среди личных вещей леди Герберт в ее доме. Насколько мне известно, сейчас там живет ее невестка.

Они немного поговорили об Индии, хотя инспектор старался избегать упоминаний о Лили Коречной, и Сара вздохнула с облегчением, когда принесли их заказ — картофель, устрицы и хлеб с маслом. Затем, глотнув не-

много портвейна, Сара набралась мужества, больше она не могла тянуть.

— У меня кое-что для вас есть.

Ларк приподнял бровь. А Сара достала письмо и наблюдала за выражением его лица, когда он увидел свое имя, выведенное аккуратным почерком. Он протянул руку, осторожно взял конверт, встал и отошел к камину. Письмо он читал, повернувшись спиной к Саре, а когда закончил чтение, не стал складывать листок, а положил его на стол перед девушкой.

— Вы были ближайшим другом Лили...

Саре показалось, что она неправильно поняла инспектора Ларка.

— Вы хотите, чтобы я прочитала письмо, которое Лили написала вам?

Джон Ларк всегда казался ей образцом силы и решимости, но сейчас ее тронула его неуверенность.

Ларк кивнул:

— Здесь есть вещи, которые будут вам интересны, она пишет о Говинде, хотя я все еще не убежден в его невиновности.— Он вздохнул, словно собирался с силами.— Это тот ответ, которого я ждал. Лили тщательно его продумала, ведь она была больна...

— Она всегда отличалась тактичностью и заботливостью,— ответила Сара.

— Да, вы совершенно правы. Пожалуй, я выпью немного бренди с водой...

И он отвернулся, давая возможность Саре прочитать письмо.

«Бенарес, 27 февраля 1865 года

Дорогой Джон!

Я была рада получить Ваше письмо, хотя меня огорчило, что Вы все еще страдаете от головных болей. Возможно, причина в Вашей восприимчивости к непри-

ятным запахам некоторых мест, хотя это совсем неподходящее качество для полисмена. Могу я предложить Вам испробовать плотную бумагу, пропитанную яблочным уксусом, или ткань, которую следует намочить в настое из ноготков? Обратитесь к миссис Веспер в Кенсингтоне, у нее осталась книга ее бабушки, где есть множество рецептов от этого недуга, она с радостью Вам поможет. Она всегда очень хорошо о Вас отзывалась.

Вы спрашиваете о моем здоровье, и я буду с Вами откровенна. Теперь я могу лишь с грустью вспоминать о своем прежнем состоянии. И все же, несмотря на заметное и необъяснимое ухудшение здоровья, я чувствую себя здесь намного спокойнее. Честно говоря, я и сама не понимаю, в чем тут дело, но мне кажется, что есть доля истины в верованиях местных жителей, которые считают, что Бенарес — это жилище богов.

Есть одна вещь, которая продолжает меня тревожить, и хотя она не имеет большого значения, мои воспоминания о Ваших попытках оправдать Холи-Джо заставляют меня написать об этом. Мой друг Говинда вскоре уезжает в Кашмир. Он сообщил мне, что направляется в монастырь, расположенный высоко в горах. Возможно, именно поэтому он мне кое-что рассказал. Вероятно, Вы помните, что Говинда был хранителем бриллиантов, немногого громкое слово, когда речь идет о мелких разноцветных камешках. Как ни странно, но Говинда также против создания амулета наварата из бриллиантов, и он уже устал убеждать махараджу, что нужно прекратить их поиски. Джон, мне кажется, что Говинда все еще считает себя обязанным проследить за тем, чтобы не пострадал никто из людей, как-то связанных с бриллиантами. Иногда мне кажется, что он посетил мастерскую Финкельштейна перед тем, как ювелира убили, и забрал амулет. Вы должны помнить, что он верит в могущество амулета, и я предполагаю, что Говинда боялся, что им, как

КАЙЛИ ФИЦПАТРИК

и многими другими, овладеет желание присвоить бриллианты. Я не могу поверить, что он может оказаться виновным каким-то иным образом, впрочем, я уверена, что Вы уже рассмотрели все эти возможности. И я пишу Вам об этом только для того, чтобы защитить человека, которого научилась уважать.

Мне пора заканчивать письмо, и хотя оно получилось не слишком длинным, я уже чувствую усталость. Однако должна сказать Вам: я очень серьезно отнеслась к Вашему предложению, Джон, и часто вспоминаю вечер перед моим отъездом, который мы провели в доме на улице Ватерлоо. Какая-то часть меня хочет, чтобы я смогла его принять. Тем не менее большая часть моей души уже переместилась туда, откуда нет возврата. Я очень надеюсь, что мы еще встретимся, но если этого не произойдет, поверьте, я всегда была

Вашим верным другом,

Лили Коречная».

ГЛАВА 41

«Кенсингтон,
18 сентября 1871 года

Моя дорогая Лили!

Я пишу Вам, и мне это не кажется странным, теперь я жалею, что не делала так много лет назад. Когда я обнаружила письма, которые Вы писали Францу после его смерти, мне это показалось необычным, но потом я поняла, умершие люди не уходят от нас навсегда и к ним можно обратиться, если они все еще живут в нашем сердце. Мне кажется, впервые я это поняла, когда читала письма в Вашей комнате во дворце. Я ощущала Ваше присутствие, в особенности после того, как махараджа вернул мне “Венеру Ватерлоо”. Наверное, в прошлом я уже так поступала, когда посещала Роупмейкерс-Филдс. Там я сидела на могиле своей матери и говорила с ней, хотя уже довольно давно там не бывала.

Сейчас я сижу у окна в мансарде и смотрю на улицу, свет дня постепенно меркнет. Лишь немногие деревья сбросили листву, рядом растет дуб, чьи ветви сияют бронзой, как кошелек, полный новеньких медяков.

Лондон без Вас стал другим, и я знаю, что миссис Веспер не хватает Вас так же сильно, как и мне, хотя она никогда не говорит об этом. Она не посещала свой круг после Вашей смерти, к нам приходила одна леди и просила ее вернуться, поскольку призраки не желают появляться без Марты Веспер.

Я рада рассказать, что недавно Марта дважды постирала занавески в гостиной, сначала в прошлую среду, а потом и в эту, сама этого не заметив. Возможно, так случилось из-за того, что садовник из соседнего особняка, мистер Смайс, приходит к нам по средам, и я слышала, как он приглашал Марту на прогулку. И на лице Марты Веспер появляется особенная улыбка — впрочем, она улыбается так только в тех случаях, когда думает, что я на нее не смотрю!

Я познакомилась с детективом по имени Джерард, который, как Вы, возможно, помните, посетил Вас на Ватерлоо-стрит сразу после исчезновения бриллиантов. Мне кажется, что он такой же хороший и честный человек, как инспектор Ларк, хотя я совсем не хочу выходить замуж — тут Вы можете не сомневаться! — ведь я до сих пор не забыла, что из-за мужа моя мать так горько плакала по ночам, а наша семья голодала. И все же мне приятно находиться в его обществе, я ощущаю какое-то тепло — не знаю, как иначе описать то чувство, которое я испытываю, когда он рядом. У него быстрый ум, какой и должен быть у человека его профессии, и меня это вдохновляет. К тому же он добр, и я бы даже осмелилась предположить, что он позволил бы мне оставаться такой, какая я есть. Честно говоря, это высшая степень уважения, которую мужчина может оказать женщине, впрочем, это верно для людей любого пола.

А теперь я хочу рассказать о причине, заставившей меня взять в руки перо, так как лишь Вы одна сможете меня понять. Дело в том, Лили, что Говинда вернулся в Лондон, как раз в тот момент, когда полиция сумела арестовать ученика Финкельштейна, Дейви, и расследование убийств 1864 года возобновлено. Откуда я могла знать, что опасность будет грозить и мне? Но я забегаю вперед. Мне еще многое нужно Вам поведать.

Сегодня утром мы вместе с инспектором Джерардом посетили резиденцию махараджи в Гайд-парке, поскольку ему хотелось поговорить с Говиндой. Как только мы прибыли, пожилой слуга привел нас в превосходно обставленную гостиную и предложил чай с пряностями. Этот чай готовят, как вам хорошо известно, из теплого молока, корицы, гвоздики и имбиря, и я должна признаться, что внимательно наблюдала за лицом инспектора Джерарда, когда он делал первый глоток. Он уделяет большое внимание заварке чая и, как я и предполагала, ограничился одним глотком. С того места, где мы сидели, был хорошо виден бог Ганеша* с головой слона и ряд произведений искусства, купленных махараджей на лондонских аукционах. Мне не под силу определить вкусы махараджи в живописи, здесь, как и в Бенаресе, собраны картины самых разных художников. Вы не знаете работ французских художников, которые называют себя импрессионистами, но я уверена, что Франц оценил бы иллюзию света и воздуха, которые они создают в своих работах.

Вскоре в гостиную вошел Говинда, одетый в свою обычную тунику, узкие брюки и мягкие кожаные туфли. Кроме того, на нем был широкий кожаный пояс — в Бенаресе я ни разу не видела, чтобы он его носил, — с которого свисали длинные, изукрашенные самоцветами ножны. Из ножен торчала рукоять то ли ножа, то ли меча. Я не знаю, узнал ли он инспектора Джерарда — его лицо сохраняло обычную невозмутимость, — но он поклонился и приветствовал нас обоих. Джерард не стал тратить время на любезности и светские разговоры. Я постараюсь максимально точно воспроизвести их беседу.

“Возможно, вы помните, что мы уже встречались прежде, мистер Говинда, после смерти леди Синтии Герберт”, — начал Джерард.

* Слоноголовый бог удачи и мудрости.

Говинда не стал ничего отвечать, а лишь слегка склонил голову. Я внимательно наблюдала за Джерардом, но он, как и Говинда, сохранял полнейшее спокойствие.

“В то время мы расследовали исчезновение ювелирного изделия из разноцветных бриллиантов, которое, насколько я понял, являлось собственностью махараджи Бенареса”.

Говинда молча слушал.

“Верны ли мои сведения, сэр, о том, что вы отвечали за сохранность бриллиантов махараджи и должны были помочь леди Герберт выполнить желание махараджи и заказать у английского ювелира бриллиантовый амулет?”

Говинда едва заметно кивнул: “Это правда”.

“Тогда могу ли я у вас спросить, имели ли вы какое-то отношение к смертям Херберта Пейси, Джошуа Финкельштейна и вашего соплеменника, известного нам под именем Викрам?”

Лицо Говинды сохраняло полнейшую безмятежность, когда он ответил: “Сожалею, но я ничем не могу помочь в вашем расследовании”.

Если Джерарда и разочаровал ответ Говинды, он не подал вида и задал тот же вопрос в другой форме. В свою очередь Говинда повторил, что не может сообщить ничего нового. Последовавшее за этим молчание можно было бы назвать комичным, если бы речь не шла о трех нераскрытых убийствах. Они молча смотрели друг на друга до тех пор, пока Джерард не понял, что ему лучше уйти, он находился на территории Говинды и больше ничего не мог узнать. Естественно, инспектор решил, что я последую за ним. Однако я предложила ему встретиться в кафе, где подавали горячий шоколад, возле вокзала Паддингтон, поскольку хотела воспользоваться случаем, чтобы задать несколько вопросов о махарадже, его жене и Сарасвати. Я видела, что Джерарду совсем не

хочется оставлять меня наедине с подозреваемым, и не сомневалась, что он будет наблюдать за резиденцией. Джерард заверил, что подождет меня в кафе, после чего вежливо поклонился и ушел, проявив профессионализм — впрочем, другого я от него и не ждала.

Я предложила Говинде прогуляться по Гайд-парку, ведь всякий человек, посетивший Лондон, должен видеть английскую природу и ее обитателей в естественной среде. Кроме того, должна признаться, мне становилось немного не по себе, когда я находилась наедине с Говиндой, ведь все, кроме меня, считали, что он способен на убийство.

Я всегда любила Гайд-парк, там возникает ощущение, будто ты находишься на природе — о чем позаботились Садоводческое и Орнитологическое общества, — к тому же здесь можно повстречать коз, овец и коров. Меня до сих пор поражает, что в самом центре Лондона я могу купить стакан парного молока. Интересно, что думает о Гайд-парке Говинда, размышляла я, пока мимо нас проходили леди из Белгрейвии* в своих безупречных нарядах. Казалось, он оставался совершенно равнодушным, хотя все головы поворачивались в нашу сторону. Я спросила его о махарадже и махарани, и он передал от них наилучшие пожелания, а также добавил, что Сарасвати все еще пребывает в мрачном настроении.

Наконец, когда мы почти полностью обошли вокруг Серпантина, я остановилась возле кромки воды.

“Мистер Говинда...” — начала я, но замолчала, не в силах продолжать.

“Да, мисс Сара”, — откликнулся он.

“Мистер Говинда, известно ли вам, что полиция сумела отыскать ученика ювелира Финкельштейна и сняла с него показания?”

* Фешенебельный район Лондона недалеко от Гайд-парка, по названию расположенной там площади Белгрейв-сквер.

“Нет, я этого не знал”.

Я уверена, что мои слова вывели Говинду из состояния равновесия, его глаза слегка сузились. Теперь, когда я начала, нужно было продолжать.

“Сэр, известно ли вам, где находятся бриллианты ма-хараджи?”

“А вам, мисс Сара?”

И он одарил меня очень странным взглядом.

В тот момент я подумала, что подозрения инспектора Ларка и Джерарда относительно Говинды могут оказаться верными.

Позднее, когда мы с инспектором Джерардом сидели в кафе, я попыталась вспомнить последовательность событий, которые произошли потом. Я спокойно стояла возле воды, а в следующее мгновение уже падала в озеро, а рука Говинды оказалась возле моей груди, однако я не могла с уверенностью утверждать, явился ли он причиной моего падения или, наоборот, пытался меня удержать. Вот что в результате произошло: я поднялась на ноги, сильно замочив платье в грязной воде, а Говинда протянул мне руку. Должна признаться, что я приняла ее лишь после некоторых колебаний. Пока я стояла и дрожала рядом с ним, оказалось, что он держит в руке Ваш кулон, оторвавшийся от цепочки, когда он пытался меня подхватить. Я сумела поблагодарить его — все-таки мне удалось сохранить свое сокровище. Говинда смотрел на кулон с очевидным отвращением, и я вдруг вспомнила, что у индуистов, которые сжигают своих покойников, такой кулон, украшенный волосами мертвца, должен вызывать протест.

“Вы позволите мне починить ваше украшение?” — сказал Говинда после небольшой паузы.

“Я бы предпочла с ним не расставаться. У меня есть другая цепочка, на которую я могу его повесить”.

ДЕВЯТЫЙ КАМЕНЬ

“Но мне кажется, что замочек сломался и вы можете его потерять”.

“Благодарю вас, — ответила я, — но я сама об этом по-забочусь”.

Я протянула руку, и он отдал мне кулон. И мне вдруг показалось, что Говинда может раскрыть мне глаза относительно еще одной загадки.

“Как вы думаете, сэр, действительно ли махараджа спрятал кулон в раме?”

Говинда нахмурился и, как всегда, уклонился от прямого ответа:

“Могу лишь сказать, мисс Сара, что махараджа был... очень им увлечен”.

“Я так и думала!” — воскликнула я, однако у меня вдруг возник вопрос, Лили, а знали ли Вы?..

Но тогда мне хотелось поторопиться, чтобы успеть сменить мокрое платье и успеть на встречу с Джерардом.

Когда я прощалась с таинственным Говиндой, он сказал:

“Мисс Сара, вам грозит опасность, и вы даже не представляете, насколько она серьезна”.

И теперь я пребываю в сомнениях. Быть может, инспектор Джерард прав относительно Говинды, поскольку позднее, в кафе, он вновь выказал беспокойство о моей безопасности. Однако сам он полагает, что угроза исходит от Говинды.

От всего сердца,

Сара».

ГЛАВА 42

*Не чудо ль — наше предстоящее
свиданье,
Когда нет в мире ничего, кроме
желанья?
Как если бы звезды небес вдруг
снизошли...*

Адела Флоренс Кори.
Перевод Б. Жужунавы

На следующее утро после событий у озера Серпантин Сара проснулась и обнаружила, что кулон исчез. Сначала она решила, что Лили не одобряет то, что она стала его носить. Овал из гагата и золота не лежал на плетеном столике, который стоял возле ее кровати, хотя девушка не сомневалась, что вечером положила его именно туда. Сара предположила, что кулон упал на пол, опустилась на четвереньки и даже залезла под кровать, осмотрев все вокруг туалетного столика. Затем она перетряхнула простыни и одеяло, проверила ящики стола и карманы камзола. Убедившись, что кулон исчез, Сара в полной растерянности тяжело опустилась на развороченную постель.

Очевидно, кто-то его взял. И чем больше она размышляла, тем больше ее подозрения падали на Дейви. Она обратила внимание на то, как он смотрел на ее шею во время их встречи в Девилс-Эйкре. Возможно, он хотел получить какую-то память о своей прошлой жизни. К то-

му же кулон вместе с тяжелой золотой цепочкой был довольно ценной вещью.

Сара нашла свои брюки, чистую белую рубашку и жилет из зеленого бархата. Потом вновь присела на кровать, чтобы собраться с мыслями: купание в Серпантине не принесло ей ничего хорошего, и она чувствовала еще большую слабость, чем обычно. Обнаружив, что мысли продолжают разбегаться, она решила, что ей поможет крепкий кофе Марты.

В библиотеке Эллен сидела на своем обычном месте, прогрузившись в чтение очередной газеты. Она не подняла головы, когда Сара подошла к столу, — верный знак каких-то неприятностей. Марты нигде не было, что также удивило Сару, и она решила, что ночью их обворовали.

- Доброе утро, Горе Мое.
- О Сара! Дейви нашли в Темзе.
- В Темзе? Когда?
- Вчера вечером.

Саре пришлось ухватиться за край стола, чтобы не упасть.

- Значит, он мертв?
- Мертвее некуда. Говорят, возможно, это убийство.

Тут Сара поняла, кто забрал кулон, ведь Дейви этого сделать не мог.

- Скажи Марте, что я не буду завтракать.
- Эллен кивнула, глядя широко раскрытыми глазами на Сару.
- Куда ты собралась, Сара?
- Я тебе не скажу, так как ты не можешь пойти со мной.

В кабриолете, который Сара остановила на Кенсингтон-Хай-стрит, пахло разбросанным на полу сеном. Верный знак того, что возница ждал дождя и рассчитывал, что сено защитит пол от грязи. Сара посмотрела через

окошко на небо, действительно обещавшее бурю. Что ж, погода вполне соответствовала ее настроению.

Когда экипаж проезжал мимо роскошных особняков, Сара вдруг вспомнила, что инспектор Ларк именно сегодня собирался посетить дом Гербертов.

Старший слуга в резиденции махараджи, болезненного вида индус, проводил ее в гостиную и вновь привнес чай. Если ему и показалось странным, что Сара одета в брюки, жилет и башмаки, он не подал виду. Поднос и вся посуда были серебряными, и, пока он наливал чай, блики света танцевали на картинах импрессионистов, украшавших стены гостиной. Сару завораживало их мельканье, и она вдруг задала себе вопрос: что могло заставить этого пожилого человека приехать в Лондон? Служил ли он махарадже в Бенаресе? Или оказался здесь давно, когда еще был молодым, или даже здесь родился? «Как странно,— размышляла она,— что прежняя жизнь слуг теряет всякое значение рядом с более важными проблемами их хозяев».

Пока Сара раздумывала на эту тему, в гостиную вошел Говинда. Ему пришлось немного подождать, прежде чем гостья его заметила. Он едва заметно склонил голову, когда она повернулась к нему и их глаза встретились.

— Полагаю, вы понимаете, почему я здесь, мистер Говинда?

— Честно говоря, не имею ни малейшего понятия, мисс Сара.

— Я настаиваю, чтобы вы немедленно вернули кулон.

Сара увидела, что на лице Говинды отразилось деланное удивление. У него действительно дрогнула бровь и в глазах мелькнула тень обмана или ей только почудилось? Так или иначе, но его лицо вновь приобрело невозмутимое выражение.

— Вернуть кулон? Значит, он больше не у вас?

Говинда встретил ее взгляд, но не дрогнул.

«Да, он прекрасно собой владеет», — подумала Сара.

— Я полагаю, что его захотел вернуть махараджа — ведь это он спрятал его в раме «Венеры Ватерлоо», не так ли?

Говинда лишь покачал головой, но было это отрицанием или выражением сомнения, Сара не поняла. Интересно, Джон Ларк уже посетил дом Гербертов? Она вспомнила его предупреждение о грозящей ей опасности, и ее поразило, какой спокойной она себя чувствует. Она подумала, что если Говинда угрожает ее благополучию, то она уже ничего изменить не может. Сара ощущала удивительную легкость.

— Вы знаете, мистер Говинда, кто был «другом» Сарасвати в Лондоне?

— Да, мисс Сара, знаю.

— Тот самый человек, страж и торговец опиумом, которого она послала за красным бриллиантом?

После некоторой паузы Говинда кивнул:

— Да.

— И вы здесь для того, чтобы найти его и забрать бриллианты?

— Он мертв, мисс Сара, а бриллианты несут несчастье всем, кто с ними сталкивается.

Значит, Викрам был тем самым стражем, готовым на все, чтобы добиться расположения капризной рани.

— Но тогда почему махараджа так отчаянно хотел за получить амулет наваратна? — спросила Сара.

Говинда пожал плечами:

— Махараджа несчастен. С тех пор как англичане стали править Индией, принцы постепенно лишаются своей независимости. Они больше не играют важной роли, и недалек тот день, когда их окончательно отодвинут в сторону. Вот почему махараджа готов на все. Ему

требуется какая-то цель в жизни — увеличение и без того огромного состояния не приносит ему удовлетворения.

— Как вы думаете, махараджа любит Сарасвати? — Сара и сама не знала, почему она задала этот вопрос, однако он казался ей важным.

— Да.

— Значит, если вы найдете амулет, то вернете его махарадже, хотя и считаете это опасным?

— Вы задаете много вопросов, мисс Сара.

— Так вы его вернете? — повторила она.

— Бриллианты принадлежат махарадже.

Говинда пересек гостиную и остановился перед статуей Ганеши, слоноголового сына Парвати и Шивы. Сара вспомнила историю Ганеши, которую ей рассказал мистер Эллиот; он считался богом мудрости и умелым писцом. В Индии писатели часто обращались к нему за благословением. Существовало множество историй о том, как божество потеряло человеческую голову. «Интересно, — подумала Сара, — сколько существует различных легенд о Кали?»

— Вы знаете историю о Кали и красном бриллианте, мистер Говинда?

— Это всего лишь легенда.

— Тем не менее мне известно, что вы верите в волшебные свойства бриллиантов.

— В них нет магии. В драгоценных камнях содержится сконцентрированная энергия, которую создает сама жизнь, а потому к ним следует относиться с уважением, как и ко всем другим существам. И если их наполняют темные страсти, а не желание творить добро, они становятся нечистыми.

— Вы считаете, что красный бриллиант стал нечистым?

— Если он впитал в себя непредсказуемые желания Кали. Бриллиант касался ее третьего глаза, места силы

даже у смертных, а уж для бессмертного божества это нечто особенное. Теперь Кали хочет вернуть камень себе.

- В статую, которая находится в деревне Сарасвати?
- В любую статую, ведь божество воплощается во всяком своем изображении.

В этот момент вошел старший слуга, придерживая дверь для детектива-инспектора Джерарда и двух крупных констеблей. Когда Джерард увидел Сару, он заметно удивился. И ее мужская одежда не помогла ему понять, что все это значит.

- Мисс О'Рейли, что вы здесь делаете?
- Я пью чай.
- Да, я вижу, но... не имеет значения.— Джерард повернулся к Говинде.— Сэр, я намерен арестовать вас за убийство Дейви Симмонса. Несколько свидетелей подтверждают, что вы навещали его вчера вечером. Это правда?

— Да.

Говинда продолжал стоять возле Ганепхи, сохраняя полнейшее спокойствие.

В наступившей тишине Сара почувствовала, как у нее все сильнее кружится голова, неожиданно силы ее оставили, а чашка и блюдце выскользнули из рук. Когда звон упавшей посуды нарушил тишину, Сара уже лежала на полированном полу.

Гостиная превратилась в древний храм Кали в Бенаресе, Саре показалось, что она слышит звонкий смех Сарасвати. Воздух вокруг замерцал, и вместо изображения богини возникла статуя Сарасвати. На глазах у Сары статуя ожила и начала раскачиваться — сначала медленно, ритм движения ее гибких конечностей подчинялся бою далекого табла*. Затем ритм неслышного бараба-

* Индийский ударный музыкальный инструмент.

на ускорился, тело Сарасвати стало текучим и грациозным, ее руки изгибались, она стремительно переносила равновесие с одной ноги на другую, ее одежды разевались. И вот она оказалась рядом с Сарой, держа в руках вуаль. Лицо Сарасвати покрывал пот, от нее исходил сладковатый аромат сандалового дерева.

— Ты должна рассказать мне, где находятся бриллианты, мисс Сара, ведь они у тебя, не так ли? Я не говорила тебе, что владею искусством душителей? Я знаю, как они расправляются со своими жертвами, — сказала она, небрежно набросив вуаль на шею Сары. — После убийства они приносят тело в дар Кали, и богиня исполняет их желания. Ты знаешь, кто был стражем, ты знаешь, где бриллианты, мисс Сара. Думай, думай!

Когда вуаль стиснула ее шею, храм наполнился светом, и Саре вдруг показалось, что она видит Лили, которая манит ее к себе.

ГЛАВА 43

*Монеты в руке
Можно украдь,
Но кто способен лишить тело его
своих сокровищ?
Глупцы, пока я одеваюсь
В утреннем свете Господа, белого,
как жасмин,
Я не могу испытывать стыд.
Что вы заставите меня спрятать
под шелком
И сиянием самоцветов?*

Акка Махадеви, XII век

— Я вообще-то редко падаю в обморок, — сказала Сара, которая лежала на обитом парчой диване, окруженная неясными образами.

Когда перед глазами у нее прояснилось, она узнала пятерых стоящих рядом людей: детектив-инспектор Джерард, старший слуга и Говинда, рядом с которым выселились два констебля. Слуга держал в руках фаянсовую чашу, наполненную коричневой жидкостью, а Джерард склонился над ней с куском влажной льняной ткани в руке.

— Восточная нюхательная соль, — сказал Джерард, когда Сара сморщила нос, уловив едкий запах. — Не со мничаю, что она разбудит и мертвых. А теперь, мисс О’Рейли, не могли бы вы попытаться сесть? Я не хочу вас торопить, но Джон Ларк должен вскоре прибыть в

Кенсингтон. Мы договорились встретиться там, чтобы он мог рассказать нам последние новости из дома Гербертов.

Он повернулся к Говинде, который успел снять пояс с оружием.

— Я бы хотел, чтобы вы присутствовали при встрече с Джоном Ларком, мистер Говинда, поскольку нам предстоит кое-что распутать. А оттуда мы отвезем вас в полицейский участок для допроса.

Говинда лишь наклонил голову, и если бы Сара успела полностью оправиться от своих видений, она могла бы поклясться, что губы индуза дрогнули в улыбке.

Джерард жестом показал констеблям, чтобы проводили арестованного, а сам повернулся к Саре.

— Вы готовы? Мой экипаж ждет.— Он повернулся к старшему слуге.— Благодарю вас за вашу доброту, сэр.

Саре показалось, что старик смущен, но, когда они вышли из гостиной, у нее создалось впечатление, что слуга что-то напевает себе под нос.

Гроза прошла, и камни мостовой блестели в тех местах, где солнце еще не успело испарить влагу. Сара сидела напротив инспектора Джерарда в блестящем черном полицейском экипаже, сзади разместился Говинда вместе с констеблями. Саре показалось, что молодой детектив гораздо больше озабочен чем-то в районе ее коленей, чем неожиданными поворотами в деле украденных бриллиантов. Она совсем забыла, что на ней брюки.

— Я всегда считал, что мужской костюм гораздо практичнее и удобнее,— наконец сказал он и принял смотреть в окно.

Марта Веспер и бровью не повела, увидев столь странную компанию на пороге дома.

— Инспектор Ларк в саду,— сказала она таким тоном, словно подобные сборища происходили у них в доме каждый день.

Сара провела инспектора Джерарда, констеблей и Говинду в сад, а Марта поспешила на кухню, чтобы приготовить для нежданных гостей угощение. Джон сидел за столиком, курил и читал газету. Рядом с газетой на столе лежал большой кожаный футляр для документов. Увидев Говинду, Ларк вежливо кивнул, а потом они с Джерардом отошли в сторону, чтобы посоветоваться.

Сара поднялась в ванну, чтобы промыть лицо настоем ромашки. Из зеркала на нее смотрела напуганная женщина. Тонкая кожа под глазами потемнела, а лицо стало таким же белым, как ткань ее рубашки. Однако Сара решила не тратить время на попытки исправить свою внешность, ей не терпелось узнать, удалось ли инспектору Ларку выяснить что-то новое.

Когда она спустилась в сад, снова начался дождь, и им пришлось вернуться в дом через кухонную дверь. Здесь всегда было теплее, чем везде. К удивлению Сары, инспектор Джерард предложил выпить чая за большим сосновым столом Марты.

— Вам нельзя простужаться,— твердо сказал он Саре.

Марта накрыла стол крахмальной белой скатертью, с лица экономки не сходило озадаченное выражение.

— А где Эллен? — тихонько спросила Сара у Марты, помогая ей раскладывать приборы.

— Она ушла, как только появился инспектор Ларк. Мне кажется, малышка поняла, что предстоят неприятные разговоры, и не захотела принимать в них участия.

Сара облегченно вздохнула, она видела, что и миссис Веспер также этим довольна.

Когда все расселись за столом, Сара заметила, что Джерард поставил лишний стул — возможно, он решил, что Марта будет сидеть вместе со всеми. Сара не сомневалась, что экономка присоединится к гостям не раньше, чем начнет летать на метле, однако вежливо побла-

годарила детектива-инспектора. Как раз в тот момент, когда Марта вынимала булочки из духовки, раздался звонок.

Все удивились.

— Разрешите мне, миссис Веспер, — сказал Джерард, когда Марта в легком смятении подняла голову — ее руки были заняты подносом с горячими булочками.

Когда инспектор вернулся в компании с еще одним констеблем, он выглядел совершенно сбитым с толку и держал в руках лист плотной коричневой бумаги, которой пользуются уличные продавцы. Он протянул лист Ларку, и тот быстро его прочитал. В кухне воцарилась такая тишина, что стало слышно, как стучат по крыше капли дождя.

Джерард откашлялся и обратился к Говинде:

— Мне сообщили, что тело Дейви Симмонса изучено в соответствии с новым Анатомическим актом*. Установлено, что Дейви Симмонс был жив, когда упал в Темзу. — Джерард помолчал и посмотрел на Ларка, который не отвел взгляда. — Более того, появились доказательства того факта, что никто не сталкивал Дейви Симмонса в воду, где он утонул. Среди его вещей найдено письмо. Инспектор Ларк, сэр, пожалуйста, прочитайте его нам.

Ларк кивнул.

— «Дорогая мама, не важно, что они думают, но это не я, а сейчас я все равно что мертв, как все, кого коснулось сияние злых камней, буду я говорить о том, где они, или нет. Я не могу больше заниматься этой грязной, отвратительной работой, а потому сам все сделаю. Твой Дейви».

* В 1832 г. парламентом Объединенного Королевства был принят закон, разрешавший использовать трупы для медицинских исследований, поскольку торговля телами вызвала волну возмущения в обществе.

Джерард все это время не сводил взгляда с Говинды, словно не мог поверить, что так ошибся. Когда Ларк закончил, Джерард тяжело вздохнул:

— Я должен перед вами извиниться, мистер Говинда. Вы можете быть свободны, но я надеюсь, что вы останетесь и поможете нам разобраться в этом запутанном деле.— Потом он обратился к констеблям: — Мистер Говинда больше не находится под арестом. Пожалуйста, верните ему оружие.

Когда оружие с большими церемониями былоозвращено, а Говинда застегнул пояс с ножнами, к Джерарду вернулось самообладание.

— Итак, — продолжал он, обращаясь к себе, а не только ко всем собравшимся, — кто же убил Пейси, Финкельштейна и Викрама, если это сделал не Говинда?

И тут Сара вдруг вспомнила свой сон.

— Страж опиума! — воскликнула она, и все повернулись к ней. С некоторым опозданием она сообразила, что ее реплика могла показаться довольно глупой, но ей уже было все равно. Она обратилась к Говинде: — Это был Викрам, не так ли? Сарасвати его послала, чтобы он убил клерка с таможни, а потом ювелира, в надежде вернуть бриллиант?

Говинда наклонил голову:

— Да, мисс Сара.

Ларк также кивнул, теперь все начинало складываться.

— Но у него наверняка имелся сообщник, ведь все жертвы были оглушены и только потом их задушили. Викрам не отличался высоким ростом, и один он бы не мог справиться со своими жертвами. Рядом с его телом нашли рогатку Холи-Джо. Как и у других жертв, у Викрама был синяк на лбу. Быть может, сообщник выступил против Викрама? Вы не можете как-то прояснить ситуацию, мистер Говинда?

— Боюсь, что нет.

Джерард нахмурился и принялся барабанить пальцами по столу.

— Но где же тогда эти проклятые бриллианты?

— Ах да, — сказал Ларк и принялся развязывать черные ленточки, которыми был обвит футляр.

Все затаили дыхание, когда инспектор Ларк извлек слегка помятый свиток из рисовой бумаги, развернул его и разложил на столе.

— Боже мой! — воскликнул инспектор Джерард, который первым сообразил, что изображено на рисунке.

Сара наклонилась поближе, но в первый момент ничего не поняла. Почему изображение кулона Лили находится рядом с рисунком амулета наваратна? И почему создается впечатление, что они каким-то образом связаны между собой? Получалось, что два этих предмета можно каким-то образом соединить друг с другом. И тут Сара догадалась. Так и было — они представляли собой единое целое. Она втянула в себя воздух и вскочила так резко, что упал стул, на котором она сидела. Сара оглядела собравшихся и заметила, что Марта скрылась в буфетной. Ларк выглядел ужасно довольным, как сытый кот, а Джерард все еще продолжал трясти головой. Говинда сидел совершенно неподвижно, но Саре показалось, что на его лице промелькнуло облегчение. Когда Сара выразительно на него посмотрела, он пожал плечами:

— У меня нет кулона, мисс Сара.

— Вы хотите сказать, — пораженно заговорил инспектор Джерард. — Но как такое может быть?..

Он замолчал, не зная, что еще сказать.

— Не нужно делать поспешных выводов, — осторожно заметил Ларк. — Не забывайте, рисунки выполнены семь лет назад и никто не видел таинственный амулет наваратна — если не считать тех, кто уже мертв. Вполн-

не возможно, что бриллианты находятся в другом месте. Насколько я понял, мисс О'Рейли, у вас сейчас нет кулона?

Сара собралась рассказать о том, как она обнаружила пропажу кулона, но в этот момент Марта Веспер вернулась из буфетной. Когда она подошла к столу, на ее лице застыло выжидающее выражение. Она держала в руке глиняный кувшин, в котором хранила сушеные пряности. Несколько мгновений она стояла молча, и все посмотрели на нее, понимая, что экономка хочет сказать нечто важное. Поставив кувшин перед Сарой, она принялась убирать со стола.

— Что это такое, Марта?

Сара вытащила пробку из кувшина и сразу узнала горький аромат шалфея, которым Марта пользовалась, чтобы отгонять злых духов. Однако сейчас в кувшине лежал лишь кусок марли, покрытый остатками шалфея. Как только рука Сары коснулась марли, она поняла, что находится внутри. Она развернула марлю и выложила кулон на стол. Все молчали. А Сара подумала, как полностью меняется суть кулона после того, как стало известно, что может находиться у него внутри. Наконец она посмотрела на Марту Веспер:

— Это ты его взяла, Марта?

Экономка кивнула, но на ее лице Сара не заметила раскаяния.

— Он несет в себе дурные предзнаменования, и мне очень жаль, что кулон вновь появился в нашем доме. Я не хотела, чтобы ты пострадала, а у меня не осталось ни малейших сомнений, что всякий раз, когда ты его надевашь, твое состояние ухудшается.

Прежде Сара обязательно спросила бы, как ювелирное изделие может причинить ей зло, но сейчас промолчала. Она лишь смотрела, как Марта зажигает газовые

светильники на столе. Дождь за окном усилился, день казался свинцово-серым.

Наконец инспектор Джерард осмелился взять кулон в руки. Он повертел его, пытаясь понять, как тот устроен.

— Остроумная конструкция, — заключил он, посмотрев на Говинду. — Насколько я понимаю, это сделано для того, чтобы тайно ввезти в Индию наваратну?

Говинда кивнул:

— Леди Герберт знала, что она не доживет до возвращения в Бенарес, и ей было хорошо известно, что я не стану брать бриллианты. Мы решили, что это будет удачным решением проблемы.

— Но зачем вы так поступили? И почему это должна была сделать Лили?

— Бриллианты не могли совратить мем-сахиб Лили, если бы она случайно узнала об их существовании. Наваратна отражает истинную природу желания. Если у человека возникают злые помыслы или его поражает... как у вас в Англии говорят, нарциссизм — в таких случаях влияние наваратны становится разрушающим. Однако действие наваратны, целиком сделанной из бриллиантов, непредсказуемо. — Говинда печально опустил взгляд. — Боюсь, что именно наваратна привела к ухудшению здоровья и к смерти мем-сахиб Лили.

Мысли Сары путались.

— Значит, вы взяли кулон, когда Лили умерла?

— Увы. Мне не удавалось убедить ее расстаться с кулоном, пока она была жива.

— Но зачем вы спрятали кулон в портрете?

— Мне это показалось самым подходящим местом. Я не мог просто уничтожить бриллианты, ведь они мне не принадлежали, но я не хотел, чтобы амулет оказался в руках махараджи или Сарасвати. Волосы в кулоне

имели особое значение для мем-сахиб Лили, поэтому я спрятал кулон в портрете — так он оставался с мем-сахиб Лили, а бриллианты не покидали дворца.

— Невероятно,— сказал Джерард.— Значит, в ночь своей смерти Финкельштейн работал над наваркой и кулоном — вот почему мы нашли кулон на его столе. По закону кулон принадлежит вам, мисс О’Рейли. Тот факт, что внутри находятся бриллианты, разумеется, осложняет дело. Скажите, вы согласны расчленить амулет? Конечно, мы не знаем, есть ли там бриллианты...

Теперь глаза всех присутствующих были обращены к кулону, который лежал в центре пустого стола, белые волосы отчетливо выделялись на фоне гагата.

Сара не колебалась.

— Да, ведь бриллианты принадлежат махарадже.

— Тогда я предлагаю отправиться к ювелиру и попросить его снять стеклянную оправу и гагат...

Но Джерарду не удалось закончить предложение, потому что Говинда уже стоял позади инспектора с поднятой над головой саблей.

Затем клинок стал опускаться, кто-то закричал, и Сара поняла, что кричит она. Однако блестящий, острый как бритва клинок никому не причинил вреда. Он обрушился на кулон, заставив сработать скрытый внутри шарнир. И теперь на столе лежали две половинки кулона, но все не могли оторвать глаз от изящного золотого диска с девятью разноцветными бриллиантами.

— Милосердный Боже! — прошептала Марта Веспер, прижав ладонь ко рту; она выражала состояние всех сидящих за столом людей, глядящих на великолепие бриллиантов.

Разноцветные бриллианты со зловещим красным камнем, сияющим в центре золотого диска, каждый соответствовал определенному румбу, или планете. Вокруг

каждого были выгравированы крошечные символы санскрита.

Красота наваратны поражала; несмотря на то что небо было затянуто тучами, каждый камень испускал собственный свет. Но внимание привлекал именно красивый бриллиант, солнечный камень, сиявший ярче всех. Наступило почти благоговейное молчание, возможно, присутствующие даже испытывали некоторый страх.

— Позор — уничтожать такую красоту, — прошептала Сара.

— Вовсе нет, — резко возразил Говинда, и напряжение, которое слышалось в его обычно спокойном голосе, соответствовало общей атмосфере.

В следующее мгновение он вновь опустил свое блестящее оружие, вновь его рука двигалась с поразительной точностью, клинок срезал часть золота, и красный бриллиант выкатился на стол. Говинда шагнул вперед, взял красный камень, но тут же выронил его на белую скатерть, словно он жег пальцы. Так камень и остался лежать, точно капля крови, — никто не попытался к нему прикоснуться, чтобы рассмотреть более внимательно. Сара почувствовала слабость и облегчение. Все было кончено.

Дождь прекратился, и сквозь окна кухни было видно небо теплых розовых тонов. Марта тут же встала и принялась заваривать крепкий чай.

Довольно долго все молчали. Однако теперь тишина стала иной: казалось, души присутствующих — как имевшие тело, так и призрачные — обрели покой. Наконец инспектор Джерард отодвинул стул, Ларк последовал его примеру.

— Насколько я понимаю, вы все еще считаете себя стражем камней, мистер Говинда?

Индус согласно склонил голову.

— Я должен позаботиться о том, чтобы они вернулись к махарадже.

— Я бы очень хотел поговорить с вами относительно смерти Викрама, мистер Говинда, но будет ли у нас такая возможность?

— Боюсь, что нет, инспектор. — Говинда посмотрел на Сару, и ей показалось, что он вновь стал собой. — Сожалею, что я испортил ваш кулон, мисс Сара. Я понимаю, он имел особый смысл для вас. Боюсь, я не сумею восстановить оправу.

— Я отнесу кулон в ювелирную мастерскую на Риджент-стрит, — заверил его Джерард. — А теперь позвольте мне отвезти вас в своем экипаже в Гайд-парк.

Пока Марта ходила за чистым шелковым платком, в который собиралась уложить расчлененный амулет, инспектор Ларк взял лист бумаги и написал на нем пару строк.

— Это расписка, сэр, — сказал он, протягивая листок Говинде. — В ней говорится, что амулет наварата, содержащий восемь разноцветных бриллиантов и один красный, являющихся собственностью махараджи Уттар-Прадеша, будет храниться в сейфе полицейского участка в Вестминстере и что его может получить только представитель махараджи мистер Говинда.

Говинда поклонился, сложил листок и спрятал его в карман. У двери он повернулся к Саре:

— Надеюсь, мы еще увидимся перед моим отъездом.

Сара кивнула:

— И я бы этого хотела, вот только встречаться с госпожой Кали я больше не желаю!

Говинда улыбнулся и вышел.

Марта отправилась на улицу, чтобы зажечь фонари на дороге, а Ларк попрощался с Сарой. Он пожал ей руку и довольно улыбнулся, после чего он и три констебля оставили ее наедине с инспектором Джерардом.

 КАЙЛИ ФИЦПАТРИК

— Вам необходим отдых, — сказал Джерард, не пытаясь скрыть тревогу в своих ясных карих глазах. — Вы позволите навестить вас, чтобы убедиться в том, что вы поправились, мисс О’Рейли?

Он не отвел глаз чуть дольше, чем требовали правила приличий.

— Я привыкла рассчитывать только на себя, — ответила Сара. — Однако надеюсь, что вы меня навестите.

ГЛАВА 44

*И любой, кто на улице с ней
повстречается,
Сам не зная чему, нежно, трепетно
улыбается,
Как ты при виде лилии.*

*И там, где она прошла, чудо
случается —
Из земли ковер душистых трав
поднимается.*

Элизабет Баррет Браунинг.
Перевод Б. Жужунавы

Не успела Сара устроиться за письменным столом в библиотеке и открыть записную книжку в кожаном переплете, где записывала свои идеи, как раздался звонок в дверь. Прошла неделя после того, как были найдены бриллианты, и Сара в первый раз решила немного поработать. Это не могла быть утренняя почта, Саре уже доставили записку от детектива-инспектора Джерарда. Он очень сожалеет, писал Джерард, что у него нет времени ее навестить, но он видел в «Меркьюри» Эллен, которая рассказала, что сестре стало гораздо лучше. И если это так, то не хочет ли Сара завтра совершить прогулку в лечебных целях под лучами осеннего солнца? Быть может, предлагал он, они пройдут до Роупмейкерс-Филдс, а когда она устанет, возьмут кабриолет и проедут остаток пути. Сара написала, что согласна.

Сара видела, что Марта только что понесла наверх мешочки с лавандой, которые использовала для ароматизации белья. Сара встала, продолжая размышлять над первой фразой, которую собиралась сегодня написать. В этот момент появилась миссис Веспер. Выражение ее лица было странным.

- Пришел мистер Говинда, мисс.
- Спасибо, Марта. Я приму его в гостиной.

На лице экономки появилось неодобрение, и она так нарочито тихо закрыла за собой дверь, что с тем же успехом могла ее захлопнуть.

Гостиная оставалась комнатой Лили, хотя никто не говорил об этом вслух. Здесь стояла самая красивая мебель с улицы Ватерлоо: богемский шезлонг с резными ножками, низкое кожаное кресло Франца, рояль. На спинках стульев висели кашмирские шали, а на диване лежало бирюзово-серебряное покрывало из парчи и шелка, которое Сара купила в Бенаресе. «Венера Ватерлоо» висела на лучшем месте над камином, в новой раме из красного дерева. Когда Сара вошла, Говинда стоял и смотрел на картину.

— Я пришел проститься, мисс Сара. Сегодня мой корабль уплывает в Бомбей.

— И вы заберете бриллианты с собой, чтобы вернуть их махарадже?

— Да. Я сразу же отправил ему телеграмму и вчера получил ответ. Судя по всему, он доволен.

Говинда улыбнулся каким-то своим мыслям, словно в его словах было некоторое преуменьшение.

— И что будет с бриллиантами, когда они вернутся к принцу?

— Еще перед отъездом из Бенареса я предложил махарадже вернуть Кали красный бриллиант, если мне удастся его найти.

- И он готов отказаться от красного бриллианта?

— К махарадже, если мне будет позволено так выразиться, вернулся здравый смысл. У меня возникло ощущение, что он очень сильно изменился и в первый раз за все время понял, что Сарасвати любит его беззаботно и что ее любовь не изменится, если она лишится самоцветов и других предметов роскоши. Думаю, теперь он начнет осознавать, что в жизни есть и другие радости, кроме славы побед, одержанных в сражениях.

— А что будет с Сарасвати?

— У нее появилась возможность познать закон дхармы, путь к высшей правде, ведь ее поступки привели к смерти не только жреца, но и Чарльза Герberта, и всех тех, кто погиб в Лондоне. Она сама вернет красный бриллиант в третий глаз Кали, статуя которой находится в ее деревне, и тогда Сарасвати сможет быть уверена, что цикл уничтожения, начатый созданием наваратны, наконец завершен.

Сара задумчиво кивнула. Но у нее осталось еще несколько вопросов, на которые она так и не получила ответов.

— Викрам убил лорда Герберта, верно?

— Да.

Сара тут же задала следующий вопрос — если она сейчас начнет колебаться, то так и не найдет в себе сил узнать правду.

— А Викрама убили вы?

Лицо Говинды даже не дрогнуло, и он ответил сразу:

— Это было необходимо. Он продолжал бы искать красный бриллиант, уничтожая всех, кто вставал у него на пути.

— Но он не мог совершить все эти убийства в одиночку.

Говинда долго не сводил пристального взгляда с Сары.

— Второй человек был невинным, им двигали совсем другие желания. В ту ночь, когда я преследовал Викра-

ма в Девилс-Эйкре, ему в лоб попал камень, который предназначался мне. Промах произошел только из-за того, что я в тот момент обратился к Викраму.

— Значит, тот, кто попал в Викрама, хотел его защищить?

— Да, и вы сами должны понимать, кто это был.

Когда Сара осознала ужасную правду, она почувствовала, что все ее тело онемело.

— Тот, чьи намерения чисты, не совершает преступления, мисс Сара. Мы все причиняем другим боль, сами того не желая.

По его лицу промелькнула скорбная улыбка, и Сара наконец поняла, почему Говинда удалился в горы, почему всегда казался ей таким отстраненным. Очевидно, он считал, что из-за его преступного небрежения погибли не только Пейси и Финкельштейн, но и Лили.

— Но вы взяли на себя тяжкое бремя, мистер Говинда. Вы дважды совершали путешествие в далекий Лондон, чтобы защитить невинных людей.

Она посмотрела в его спокойные глаза.

— И вы хранили секрет, чтобы защитить ребенка, рискуя собственной свободой.

— Благодарю вас, мисс Сара. Однако теперь я должен вас покинуть. Для меня было большим удовольствием общение с вами, и я надеюсь, что если вы когда-нибудь посетите Бенарес, то обязательно спросите обо мне.

— А вы вернетесь в Бенарес?

Говинда пожал плечами:

— Кто знает?

Он вежливо поклонился, вышел из гостиной и аккуратно закрыл за собой дверь.

Сара вернулась в библиотеку, погруженная в глубокие размышления. Она вновь открыла кожаную записную книжку, которую ей подарили Джерард. Как и всегда, ее взгляд остановился на незаконченном стихотворении:

 ДЕВЯТЫЙ КАМЕНЬ

рении Шарлотты Бронте. Она ведь до сих пор так и не узнала, что там написано дальше. Сара встала, взяла томик стихотворений, в котором оно наверняка должно было быть, и принялась нетерпеливо перелистывать страницы, ей вдруг безумно захотелось узнать концовку. Наконец она нашла то, что искала, и с бьющимся сердцем прочитала:

Когда побыть одному тебе выпадает,
И целый час спокойствия грядет,
И Вечер безмятежное лицо склоняет
Над Днем прекрасным, что вот-вот уснет,
И небо и земля примолкли в тишине —
Всего одно мгновенье думай обо мне.

ЭПИЛОГ

На следующий день, как они и договаривались, детектив-инспектор ждал Сару возле западной стены Вестминстерского собора. Если его и удивило ее желание пройти пешком весь путь до Лаймхаус-Рич, откликнувшись братом экипаж, чтобы проехать даже часть пути, то виду он не показал. Сара заверила Джерарда, что когда-то они с Эллен могли добраться туда только пешком.

Сара не стала обходить Девилс-Эйкр, а повела Джерарда по хорошо знакомым ей с детства местам, чтобы убедиться, что ее больше не пугают улицы и дома, с которыми ее связывало множество мрачных и светлых воспоминаний. Она показала Джерарду ночлежный дом Холи-Джо, таверну «Белый олень» и, когда они подошли к набережной, причалы, откуда ее отец уходил рыбачить. Они проходили по этим местам в тот день, когда был арестован Дейви, но теперь все выглядело иначе; сегодня Сара хотела, чтобы Джерард понял, где прошло ее детство.

Они вновь зашагали по набережной, для Сары это был прекрасно изученный маршрут — каждый холмик на берегу и каждый изгиб реки. У лестницы Уайтхолла Сара вспомнила день, когда она видела Эллен, Холи-Джо и Викрама, сидящих на ступеньках. Сара остановилась на

том самом месте, откуда Эллен выстрелила из рогатки Холи-Джо в проходящий мимо пароход и умудрилась сбить шляпу с головы джентльмена. Джерард с тревогой сказал:

— Вы устали, мисс О’Рейли, быть может, нам лучше...

Сара прервала его:

— Нет-нет. Я должна вам кое-что рассказать.

И она описала события, которые произошли здесь в тот далекий день. Она не стала говорить о своих мыслях и опасениях, не объяснила, почему Эллен оказалась в мире, где детские фантазии сделались столь необходимыми. Джерард лишь кивал головой, и хотя он ничего не сказал, Сара поняла, что инспектор уже догадался о том, кто был сообщником Викрама.

После вчерашнего визита Говинды Сара и Эллен решили днем выпить чая в саду, потому что погода была теплой и сухой. Когда Марта принесла булочки, она бросила на Сару странный взгляд, такой же, как и когда сообщила о приходе Говинды. И тут Сара сообразила, что Марта все знала. Конечно, экономка догадалась, какое незаконченное дело обсуждали в гостиной. Однако выражение лица Марты не укрылось от внимания Эллен. Потребовалось лишь мгновение, чтобы три женщины пришли к соглашению: невинный ребенок не может нести ответственность за то, что сделал, сам того не понимая, и они никогда не будут об этом вспоминать.

У пристани Темпл Сара и Джерард наблюдали, как швартуется клипер. У Лондонского моста они отдохнули, а затем свернули на Ломбард-стрит, чтобы подкрепиться чашкой абиссинского кофе с пирогом. Когда они добрались до Лаймхауса, Сара была рада, что надела брюки, поскольку в них было гораздо удобнее перелезать через ограду в присутствии джентльмена.

Сара присела возле ряда деревянных крестов; на всех трех было написано «О'Рейли». Она взглянула в сторону инспектора Джерарда, который, заложив руки за спину, с задумчивым видом шагал к дальнему краю поля. Еще дальше виднелись дымящиеся трубы фабрик по производству извести и бумаги, но поле, заросшее травой, казалось удаленным от всего мира. Изредка Джерард останавливался, чтобы прочитать написанное на кресте имя, или наклонялся, чтобы полюбоваться игрой света на гладких зеленых листиках. И еще Саре ужасно нравилось, как осторожно детектив-инспектор ступает по земле, словно с уважением относится к каждой песчинке. Даже в Девилс-Эйкре. В его присутствии она не чувствовала себя одинокой, да и пустота в сердце, образовавшаяся после смерти многих любимых ею людей, уже не ощущалась так остро.

Сара вспомнила, что в ее последнее посещение могилы украшали летние венки. Теперь все кресты были голыми. Инспектор Джерард вернулся и остался почти полностью стоять в некотором отдалении. Сара улыбнулась ему и похлопала по траве рядом с собой. Он без всяких слов понимал, каким важным оставалось это место для нее и Эллен.

Джерард вытащил из кармана нечто завернутое в оберточную бумагу. В ней оказалась черная атласная коробочка с символом ювелирной мастерской.

— Я получил заказ сегодня утром. Они превосходно справились с работой, но ювелир очень интересовался, каким образом кулон был так поврежден.

— И что вы ему сказали?

— Я сказал, что воин-индус рассек его саблей, а он в ответ рассмеялся.

Сара сняла крышку. На алом атласе лежал кулон, ставший после переделки еще прекраснее. Теперь золо-

то обрамляло сияющий овал черного гагата, а венец из лилий под стеклом был тщательно восстановлен. Работа была просто изумительной. Кроме того, как и следовало ожидать, вес кулон заметно уменьшился.

— Потрясающе,— наконец сказала Сара.

— Да, теперь он еще лучше,— согласился Джерард, которого обрадовали слова Сары, после чего с иронией добавил: — В особенности если учесть, что прежде он служил сосудом для украденных бриллиантов.

Сара улыбнулась:

— Вероятно, сейчас камни минуют устье Темзы. Пройдет некоторое время, и внушающая ужас Кали воссоединится со своим любимым бриллиантом.

— Вы правы, я уже получил сообщение из дока Святой Катерины. Храбрый и таинственный джентльмен из Уттар-Прадеша отплыл на Восток.

— И Сарасвати воссоединится со своим принцем.

— Влюбленные воссоединяются.

Джерард вопросительно посмотрел на нее, и Саре показалось, что так он задает ей вопрос и ждет ответа.

Она немного подумала, чтобы не ошибиться в своих чувствах.

— Хотя я и могу привыкнуть к тому, чтобы кто-то заботился обо мне, я все же утверждаю, что постоянно нуждаюсь в такой заботе...

— Быть может, вы захотите, чтобы кто-то это делал иногда?

— Да, пожалуй.

Сара расстегнула замочек на цепочке кулона. Джерард не спускал с нее глаз, и его обычно серьеcное лицо заметно смягчилось. Она протянула ему кулон и предложила застегнуть замок на ее шее. Он отвел ее волосы в сторону и слегка коснулся пальцами кожи.

Когда они собрались возвращаться, солнце уже стояло довольно низко — день близился к концу. Джерард

 КАЙЛИ ФИЦПАТРИК

предложил Саре руку, и они вместе зашагали обратно к городу. Она коснулась гладкого диска на груди и ощутила присутствие Лили. У нее возникло и новое чувство: она обрела удивительное спокойствие, словно события, которые привели ее к этому моменту, пришли к своему логическому завершению.

Пусть остерегутся те, кто пренебрежительно относится к моему могуществу, пусть заглянут в древние истории: существуют страшные легенды о проклятых бриллиантах, из-за которых рушились королевства. Таких камней и таких историй множество; люди верят, что я способен наводить чары и нести проклятие, ведь в ослепляющем свете бриллианта есть и глубочайшие тени. Материя, из которой я сделан, озаряет звезды, и когда я прикасаюсь к людям, высвобождается энергия планет и боги обретают свободу. Мой многовековой возраст приносит мне знание истории и мудрость, и мой облик внушиает страсти, которым лишь немногие способны противостоять. Но без них я бессилен. Сама страсть дает мне жизнь, ее движение определяет мою участь, ведь движение без страсти не имеет смысла.

БЛАГОДАРНОСТИ

«Девятый камень» начал обретать форму во время бесед с двумя членами моей семьи — моей сестрой Карен, ювелиром, серебряных дел мастером и фанатичной похлопницею драгоценных камней, и моим братом Конаном, который был первым, кто рассказал мне о навартие, а позднее сопровождал меня во время поездки в Индию.

Несколько других людей щедро поделились со мной своими знаниями и временем: Кейт Пентон, тогда она занимала должность заведующей отделением в «Бонеме»*. Кейт познакомила меня с траурными традициями в ювелирном деле и в изделиях из волоса. Маллика Сагар из бомбейского отделения «Кристи» помогла с проведением исследований в Индии. Морг Ирвин заметил: то, что является суеверием для одних людей, для других — наука...

Мне бы хотелось поблагодарить моего немецкого издателя Ullstein Buchverlage; моего редактора Монику Бёзе за ее работу над немецким изданием «Девятого камня» и Сив Бублиц за ее поддержку и понимание. Отдельное спасибо Джун Бэдлок за отстаивание и защиту моей работы.

* Британский аукцион, третий по величине после «Сотбис» и «Кристи».

 ДЕВЯТЫЙ КАМЕНЬ

Кирсти Дансет из Weidenfeld & Nicolson вдохновила меня на изменения в «Девятом камне» для публикации в Великобритании. Она работала очень напряженно для того, чтобы это стало возможным, и я благодарю ее за помощь и творческий подход.

Я очень благодарна Риченде Тодд, которая задавала вопросы, вносила предложения и сглаживала все шероховатости.

И огромная благодарность моему чудесному агенту Кейт Хордерн, которая была рядом с самого начала и до конца: ее идеи, поддержка и дружба помогали мне двигаться дальше.

СОДЕРЖАНИЕ

ЧАСТЬ I	11
ЧАСТЬ II	221
Эпилог	420
Благодарности	426

Литературно-художественное издание

КНИГА-ЗАГАДКА, КНИГА-БЕСТSELLER

Кайли Фицпатрик

ДЕВЯТЫЙ КАМЕНЬ

Ответственный редактор Е. Гуляева

Редактор Е. Ампелогова

Художественный редактор А. Сауков

Технический редактор О. Шубик

Компьютерная верстка А. Иванов

Корректоры Е. Терскова, М. Однокрова

В оформлении переплета использована иллюстрация
художника В. Еклериса

ООО «Издательский дом «Домино»,

ООО «Издательство «Эксмо»

Лондон, 1864 год. Из Индии возвращается леди Герберт, муж которой был задушен в Индии при весьма загадочных обстоятельствах. Среди драгоценностей леди Герберт есть девять особенных камней, принадлежащих махарадже Бенареса, в том числе огромный огненно-красный бриллиант, оказывающий роковое воздействие на каждого, кто до него дотронется. Вскоре в Лондоне происходят два ужасных убийства, причем оба убитых так или иначе были связаны с этим бриллиантом. Сама леди Герберт внезапно умирает, а девять камней исчезают. Следы похищенных драгоценностей ведут в Индию, к последователям зловещего культа богини-разрушительницы Кали...

ISBN 978-5-699-37745-9

9 785699 377459 >